

СЕРИЯ

**АНТИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА**

ИССЛЕДОВАНИЯ

М. В. СКРЖИНСКАЯ

**ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЕ
ПРАЗДНИКИ
В ЭЛЛАДЕ И СЕВЕРНОМ
ПРИЧЕРНОМОРЬЕ**

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2010

Скржинская М. В.

С45 Древнегреческие праздники в Элладe и Северном Причерноморье / М. В. Скржинская. — СПб. : Алетей, 2010. — 464 с. : ил. — (Серия «Античная библиотека. Исследования»).

ISBN 978-5-91419-085-6

Книга представляет первый опыт комплексного изучения праздников в Элладe и античных городах Северного Причерноморья в VI—I вв. до н. э. Актуальность темы исследования заключается в том, что древние государственные праздники консолидировали людей перед лицом отеческих богов, составляли структурообразующий фактор общественного бытия и являлись неотъемлемой частью религии и культуры античного общества. Работа построена на изучении литературных и эпиграфических источников в сочетании с памятниками материальной культуры, в первую очередь произведениями изобразительного искусства. Автор описывает основные праздники Ольвии, Херсонеса, Пантикапея и некоторых боспорских городов, выявляет генетическое сходство этих праздников со многими торжествами в Элладe, впервые обобщает разнообразные свидетельства об участии граждан из городов Северного Причерноморья в крупнейших праздниках Аполлона в Милете, Дельфах и на острове Делосе, а также в Панафинеях и Элевсинских мистериях.

Книга снабжена большим количеством иллюстраций и адресована историкам, археологам, музейным работникам, студентам и всем интересующимся античной историей и культурой.

УДК 394.1(38)
ББК 63.5

© М. В. Скржинская, 2010
© Издательство «Алетей» (СПб.), 2010
© «Алетей. Историческая книга», 2010

ВВЕДЕНИЕ

Праздник - одна из важнейших форм общественной жизни и культуры любого народа. В древности регулярные и экстраординарные праздники играли гораздо более важную роль, чем в новое время. Теперь разнообразные светские праздники по большей части превратились в декоративный элемент быта города и деревни, а в античности любые праздники всегда так или иначе были связаны с религией. Они консолидировали людей перед лицом почитаемых отеческих богов и составляли структурообразующий фактор общественной жизни. Современные ученые признают, что изучение того, как проводились праздники и как относились к ним все члены общества, характеризует народ не меньше, чем исследование его политической, экономической или военной истории.¹

Жизнь древних государств состояла из череды будней и праздников. О значении последних не раз писали античные авторы. Вот как об этом размышлял Страбон (X, 3, 9; С. 467): «Общим для греков и варваров является обычай совершать священные обряды, соединяя их с праздничным отдыхом... Ведь отдых отвлекает ум от человеческих занятий и обращает подлинно свободный ум к божественному».

У греков и римлян не существовало регулярных свободных от работы дней, какими стали воскресенья в христианских странах, а функцию отдыха выполняли праздники. Платон в «Законах» (II, 653 d) подчеркнул именно это их значение: «Боги из сострадания человеческому роду, рожденному для трудов, установили в замен передышки от этих трудов божественные празднества».

¹ Маринович Л. П. Гражданин на празднике Великих Дионисий и полисная идеология // Человек и общество в античном мире. М., 1998. С. 295.

Праздники выстраивались в определенный иерархический ряд, и главные отмечались всей общиной; участие в таких торжествах являлось важнейшим средством самоопределения гражданина греческого полиса.

Будни заполнялись работой, исполнением общественных обязанностей, домашними заботами; в такие дни все греки ели умеренно и носили простую одежду, в которой граждане не отличались от многих неполноправных жителей города.² Праздник противостоял повседневности как время радости и перерыва в работе, как возможность отвлечься от жизненных трудностей и семейных неприятностей. Участники праздника получали психологическую разрядку, ощущали полноту жизни, надевали лучшие наряды, зачастую специально сделанные для этого (Dem. XXI, 16, 22), ели более обильную и вкусную пищу, пили лучшее вино, допускали большую свободу нравов.

Социальная роль праздника состояла в консолидации граждан, проявлявшейся в совершении разнообразных ритуалов в честь божеств. На время праздника создавалась иллюзия равенства членов общины благодаря совместному проведению шествий, жертвоприношений, участию в танцах, пении, коллективных застольях и активному общению всех собравшихся на торжество. Праздники напоминали о значимых событиях в жизни государства, например о военных победах, а также играли существенную роль передачи культурных традиций из поколения в поколение.³

В науке об античности тема праздников затрагивалась в основном в связи с исследованиями религии греков и римлян.⁴ Специально греческим праздникам посвящены монографии лишь

² *Geddes A. G.* Rags and Riches. The Costume of Athenian Men in the Fifth Century//Classical Quarterly. 1987. V. 37. № 2. P. 326.

³ *Топоров В. Н.* Праздник//Мифы народов мира. Т. 2. М., 1988. С.329-331; *Шангина И.* Предисловие // Русский праздник. Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2001. С. 5-9.

⁴ Приведем основные работы, касающиеся роли праздников в религии древних греков: *Латышев В. В.* Очерк греческих древностей. Богослужбные и сценические древности. СПб, 1899; эта книга переиздана в петербургском издательстве «Алетейя» в 1997 г.; *Farnell L. R.* Cults of the Greek States. V. 1-5. Oxford, 1896-1907; *Nillson M. P.* Griechische Feste von religiöser Bedeutung. Leipzig, 1906; *Idem.* Geschichte der Griechischen Religion. Bd. 1-2. München, 1955-1966; *Burkert W.* Griechische Religion der archaischen und klassischen Epoche. Stuttgart, 1977.

об Олимпийских играх⁵ и о всевозможных торжествах в Аттике:⁶ в первую очередь о драматических агонах на праздниках Диониса,⁷ а также о праздновании Великих Панафиней⁸ и Элевсинских мистерий.⁹ Такой выбор объясняется наличием разнообразных сведений именно об этих праздниках в античной литературе, в надписях и в отражении памятников изобразительного искусства.

В отечественном антиковедении изучение праздников занимает скромное место. До сих пор лучшим обобщающим трудом в этой области остаются главы, посвященные праздникам, в написанной более столетия назад книге В. В. Латышева «Очерк греческих древностей»,¹⁰ в которой ученый использовал все достижения науки того времени. Кроме того, есть отдельные книги об Олимпийских играх и афинских Великих Дионисиях, но их авторы повествуют в основном не об этих праздниках в целом, а об организации атлетических и драматических агонов, представлявших лишь часть торжеств.¹¹

О праздниках в античных городах Северного Причерноморья кратко говорится в работах, посвященных религии¹² или всестороннему изучению истории того или иного государства, в основном Ольвии.¹³ Более подробно тема праздников затронута в диссер-

⁵ Этим играм посвящено множество научных и популярных работ. См. библиографию в главе «Спортивные и музыкальные агоны».

⁶ *Mommsen A.* Die Feste der Stadt Athen in Altertum. Leipzig. 1898; *Deubner L.* Attische Feste. Berlin, 1932; *Parke H. W.* Festivals of the Athenians. London, 1977; *Simon E.* Festivals of Attica. An archaeological Commentary. Oxford, 1983.

⁷ *Bieber M.* The History of Greek and Roman Theater. Princeton, 1961; *Picard-Cambridge A.* The Dramatic Festivals of Athen. Oxford, 1969.

⁸ См. изданные под редакцией Дж. Нейлс сборники: *Goddess and Polis. The Panathenaic Festival in Ancient Athens.* New-Jersey, 1992; *Worshipping Athena. Panathenaia and Parthenon.* Madison. 1996.

⁹ *Новосадский Н. И.* Элевсинские мистерии. М., 1887; *Лауэнштайн Д.* Элевсинские мистерии. М., 1996; *Mylonas G. E.* Eleusis and the Eleusinian Mysteries. Princeton, 1961; *Kerenyi K.* Die Mysterien von Eleusis. Zürich, 1962.

¹⁰ См. прим. 4.

¹¹ *Варнеке Б. В.* История античного театра. М.; Л., 1940; *Каллистов Д. П.* Античный театр. Л., 1970; *Шанин Ю. В.* Олимпийские игры в поэзии эллинов. Киев, 1980; *Он же.* Олимпия. История античного атлетизма. СПб., 2001.

¹² *Русяева А. С.* Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1998.

¹³ *Русяева А. С.* Религиозные празднества / / Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Киев, 1999. С. 555-570; *Скржинская М. В.* Будни и праздники Ольвии в VI—I вв. до н. э. СПб., 2000. С. 49-62; Мельпомена в Пантикапее. Под редакцией Н. Федосеева. Керчь, 2001. С. 25-50.

тации О. А. Ручинской «Общественная жизнь в античных городах Северного и Западного Причерноморья» (Харьков, 1996). Однако в этом исследовании описываются не конкретные праздники, а совершение обрядов, характерных для многих греческих торжеств, поэтому и глава с упоминанием праздников называется «Культовые обряды в общественной жизни античных государств Северного и Западного Причерноморья», и там нет рассказа о проведении того или иного определенного праздника.

Известный русский литературовед М. М. Бахтин писал, что между читателем и автором литературного сочинения происходит диалог, и чем талантливее писатель, тем на большее количество вопросов читатель может получить ответ. Нужно лишь суметь правильно поставить вопрос, и тогда на него будет дан ответ, потому что в выдающихся произведениях заложены многие пласты смыслов; поэтому каждое поколение исследователей может в трудах классиков открывать новые для нас знания.¹⁴ Подобный подход плодотворен при изучении не только письменных, но и археологических источников. До сих пор им редко и мало ставили вопросов об античных праздниках в Северном Причерноморье, но, мне кажется, они могут дать достаточно много ответов, освещающих эту сторону жизни государств на северном краю греческой ойкумены. Чтобы добыть такие знания, необходимо не только всесторонне рассмотреть археологические находки, но и сопоставить их с литературными, эпиграфическими и изобразительными памятниками Эллады – ведь культура этих государств была провинциальной частью античной цивилизации.

Итак, читателю представляется первый опыт комплексного изучения праздников в античных городах Северного Причерноморья, а также всех известий о посещении местными жителями праздников в Элладе. Хронологические рамки исследования охватывают VI—I вв. до н. э.; они включают время от основания греческих колоний на северном берегу Понта Евксинского вплоть до римского периода, во многом отличавшегося от предыдущей эпохи. На рубеже нашей эры появилось множество новых, особенно восточных, культов, поэтому стали широко справлять отличные от прежних праздники, а в связи с распространением христианства на закате античности в корне изменилась вся система праздников, отношение к ним и характер их проведения.

¹⁴ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 373.

1 ГЛАВА

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ПРАЗДНИКОВ

Праздники составляли важнейшую, если не главную, часть религии и были неперменным компонентом ежедневной жизни эллинов, состоявшей в мирное время из определенного чередования будничных и праздничных дней. Греки не выработали каких-либо абстрактных религиозных догм и не создали канонических священных текстов, как Библия у христиан или Коран у мусульман,¹ их вера выражалась главным образом в действиях, производившихся чаще всего во время праздников.² Таковы были жертвоприношения и возлияния, пение гимнов, культовые танцы под музыку духовых и струнных инструментов, приношения даров, торжественные процессии, мусические, атлетические и конные состязания в честь богов. Подобные церемонии повторялись на множестве праздников, отличаясь одна от другой разными особенностями их проведения во всех государствах Эллады и в ее колониях. Эти общие черты праздников выражены в речи оратора Элия Аристида (XXIX, 4): «Нам предстоит справлять празднества в честь Диониса, Афродиты и всех прочих богов. Мы будем совершать возлияния, приносить жертвы, петь пеаны, и постараемся ничего не упустить из того, что повелевает нам благочестие».

Греки верили, что боги незримо присутствуют на праздниках, и их благосклонное отношение к людям зависит от правильно сделанных жертвоприношений, а также от художественного качества музыки, пения танцев и разнообразия всевозможных агонов, посвященных чествуемому божеству. Поэтому хорошо организованный праздник оказывался залогом доброго отношения богов к тем, кто

¹ Нильссон М. Греческая народная религия. СПб., 1998. С.7.

² Neils J. Panathenaia. An Introduction // Goddess and Polis. The Panathenaic Festival in Ancient Athens. New-Jersey, 1992. P. 13.

устроил торжество. Эта мысль воплощена в замысле знаменитого фриза Парфенона: там олимпийские боги радостно созерцают процессию на главном городском празднике Панафинеи; через весь город афиняне идут к храму с песнями и танцами, они ведут жертвенных животных, несут в дар Афине новый роскошный пеплос, демонстрируют искусство верховой езды и управления колесницами.

Во время праздников греки приостанавливали все общественные и частные дела, не назначали заседаний судов и государственных органов, освобождали детей от учебных занятий, а женщинам, обычно находившимся в пределах своего дома, разрешали покидать его для участия в празднике. В праздничные дни все надевали свои лучшие наряды, украшали голову лентами и цветами, а главные исполнители различных церемоний, жрецы, певцы, танцоры, музыканты и др. в особо торжественных случаях облачались в специально сшитые, не похожие на будничные одежды и венчали голову золотыми венками или диадемами.

Установление культа богов и соответственно праздников с исполнением определенных ритуалов считались у эллинов одной из первостепенных задач при основании новых поселений. Эта черта греческой колонизации отразилась уже в «Одиссее» Гомера, описавшего переселение феаков на новые земли:

...божественный вождь Навсифой поселил их
В Схерии, тучной земле, далеко от людей промышленных.
Там он их город стенами обвел, им построил жилища,
Храмы богам их воздвиг, разделил их поля и участки.

(*Od. VI, 7-10; перевод В. А. Жуковского*)

Таким образом, греки включали устройство религиозных празднеств в число столь же необходимых и первоочередных дел, как постройка жилищ, оборонительных сооружений и раздел земли внутри и вокруг города. Сразу же часть земель отводилась под теменосы, священные участки, на которых справляли праздники. Теменосы постоянно благоустраивали, украшая их храмами, алтарями и статуями. Это хорошо прослеживается на примере археологических остатков Центрального теменоса Ольвии. Там в VI в. до н. э. на священном участке Аполлона Дельфиния находились

примитивные культовые сооружения и специально выращенная священная роща; в V в. до н. э. ольвиополиты поставили небольшой храм и алтарь из известняка, а в IV в. до н. э. вместо старого построили вдвое больший храм и новый алтарь, облицованный мрамором.³

Каждый греческий полис тратил большие средства на организацию государственных праздников. Для этого строились и обновлялись театры и стадионы, храмы и алтари, нанимались учителя хоров и актеров, а также тренеры атлетов, изготовлялись особые нарядные одежды и украшения, заказывались дорогостоящие призы (треножки, золотые венки, расписные вазы и др.), покупались жертвенные животные, вино, оливковое масло и прочее, необходимое для праздничных церемоний. Недаром Демосфен (IV, 35) сказал, что на главные афинские праздники Панафинеи или на Великие Дионисии расходуется больше денег, чем на военный морской поход.

Всякий крупный праздник сопровождался торжественным шествием (πομπή) граждан с пением и танцами; процессию часто сопровождали всадники и колесницы (рис. 2). Наряду со взрослыми дети и подростки участвовали в различных церемониях, так что праздник активно входил в жизнь греков с малых лет. Как правило, праздничные состязания хоров и атлетов начинались с выступлений детей, в основном мальчиков. Так было и в Северном Причерноморье, о чем свидетельствует надпись из Горгиппии (КБН. 1137): там на празднике в честь Гермеса состязались мальчики 12-15 лет.⁴ В античности хор пел лишь в унисон и в октаву, поэтому для его подготовки требовалось немного репетиций. Количество детей в таких хорах колебалось от 6-8 до нескольких десятков человек.⁵ Девочки и девушки иногда также пели хором на праздниках; напомним, к примеру, Парфении, написанные Алкманом для подобных девичьих хоров в Спарте.

³ Карасев А.Н. Монументальные памятники Ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. М.; Л., 1964. С. 32-85.

⁴ Берзин Э. О. Горгиппийский агонистический каталог / / СА. 1961. № 1. С. 115.

⁵ Алмазова И. А. Детские хоры на греческих празднествах. ΜΟΥΣΕΙΟΝ. Сборник статей в честь проф. А. И. Зайцева. СПб., 1997. С. 138, 139.

Почти на всех древнегреческих праздниках мужчины занимали ведущее положение, но многие торжества не обходились без женщин. Девочки с раннего возраста начинали участвовать в праздничных церемониях в честь женских божеств. Об этом упоминается в комедии Аристофана «Лисистрата» (ст. 661—665): в семь лет четыре афинские девочки становились аррефорами, они помогали женщинам, ткавшим пеплос для статуи богини Афины, и шли в торжественной процессии на празднике Скирофория; в десять лет несколько девочек готовили муку для особого хлеба, приносившегося в дар Афине; кроме того, на празднике Артемиды Бравронии девочки в оранжевых платьях изображали медведей. Наконец, взрослые девушки становились канефорами (носительницами корзин). Одеты в нарядные длинные пеплосы и плащи, они составляли часть процессии, двигавшейся к алтарю, и несли, как правило на голове, корзины с предметами, необходимыми для жертвоприношения (ножи, соль, венки и др.). Их выбирали из лучших семей, и это считалось большой честью.⁶

В одной ольвийской надписи упомянута женщина, носившая культовую утварь во время праздничных процессий,⁷ а в нимфейском святилище Деметры обнаружены фрагменты культовой корзины для священных предметов.⁸ В главах о праздниках Аполлона, Афины и Деметры будет рассказано о грандиозных праздничных шествиях в Милете, Афинах и на острове Делосе, которые видели жители античных городов Северного Причерноморья. У себя дома на местных праздниках они тоже устраивали многолюдные процессии; одна из них на херсонесском празднике Парфении упомянута в декрете в честь полководца Диофанта; его деяния глашатай прославлял во время торжественного шествия (IPE I². 352).

Греческие праздники начинались в определенные сроки и имели определенную периодичность; исключение составляли лишь экстраординарные праздники по случаю какого-то отдельного вы-

⁶ Rocco L. J. The Kaneforos and her festival Mantel in Greek Art // AJA. 1995. V. 99. № 4. P. 641-660.

⁷ Виноградов Ю. Г. Ольвийская элита императорской эпохи // Гиперборей. 1996. Т. 2. С. 132.

⁸ Худяк М. М. Из истории Нимфея. Л., 1962. С. 46. Табл. 41, 2.

дающегося события, к примеру, военной победы. Многие праздники проходили ежегодно, другие - раз в два года, например, Истмийские и Немейские игры, а знаменитые Олимпиады и Пифийские игры - раз в четыре года. Реже встречались праздники с более длительными интервалами, так, Херила в Дельфах отмечалась раз в восемь лет (Plut. Quaest. Graec. 12).

Продолжительность праздников была различной. Одни укладывались в один день, другие, в основном главные государственные и общегреческие торжества, длились по несколько дней. Известно, что в Афинах Апатурии занимали три дня, Фесмофории - пять, Панафиней - восемь, праздник Карнейя в Спарте проходил девять дней, а Посейдона на острове Эгина чествовали шестнадцать дней.

Праздники следовало справлять в строго назначенные дни. Это подчеркнул Демосфен (IV, 35), говоря о том, что, кто бы ни занимался проведением Панафиней и Дионисий, они всегда совершаются в назначенные им сроки, хотя для них «требуется столько хлопот и приготовлений, сколько вряд ли идет на что-либо иное». Ведь греки верили, что изменение издавна установленных сроков праздников равносильно оскорблению божества. Например, агон драматургов во время Великих Дионисий в Афинах начинался десятого числа месяца Элафоболонеа, и когда в 270 г. до н. э. почему-то представления пришлось отложить на четыре дня, было принято постановление считать эти дни вставными в месяц, так что праздничная церемония началась в положенное ей число Элафоболонеа.⁹ Такая строгая периодичность послужила поводом к тому, что праздники оказались надежными вехами для определения дат тех или иных действий в общественной и частной жизни. Во многих государствах смену магистратов приурочивали к времени одного из главных праздников, члены Афинского морского союза привозили свои взносы к Великим Дионисиям и т. п.

В разных греческих государствах справляли не одинаковое количество праздников, но всюду они занимали значительное число дней в году. Афины отличались особенно многочисленными

⁹ Биккерман Э. Хронология древнего мира. М., 1975. С. 31.

праздниками. Как писал Ксенофонт (Ath. Pol. III, 9), их было вдвое больше, чем в других государствах; особенно много праздничных дней падало на начало весны в Антестерионе, и в этом месяце некоторые родители не отправляли детей в школу, чтобы сэкономить на плате учителю (Theophr. Char. 30). Афиняне гордились большим количеством своих праздников, и это отразилось в знаменитой речи Перикла, записанной Фукидидом (II, 38): «Более чем какой-нибудь другой народ мы доставляем отдых душе человека, внося в обрядность нашей религии ежегодные состязания и торжества, ...радостность которых изгоняет уныние» (перевод Ф. Ф. Зелинского). Некоторые города стремились превзойти даже Афины: по свидетельству Страбона (VI, 3, 4; С. 280), в дни расцвета Таранта, находившегося в Южной Италии, праздничные дни превышали по количеству будничные.

Сейчас почти ничего не известно относительно сроков и продолжительности античных праздников в Северном Причерноморье. Лишь названия некоторых месяцев указывают на проведение в них соответствующих праздников, о чем пойдет речь в главе о календаре. Еще можно сказать, что по несколько дней длились местные праздники, сопровождавшиеся музыкальными, атлетическими и конными состязаниями.

Одна из особенностей религии и культуры греков состояла в проведении общегреческих празднеств, называвшихся панэгериями (πανήγυρις - всенародное собрание).¹⁰ Эллы отправлялись на панэгерии, чтобы поклониться божеству и посмотреть на праздничные церемонии. Некоторых из них приглашали участвовать в шествиях и жертвоприношениях, а представители разных государств выступали на мусических, атлетических и конных состязаниях. Собравшиеся вместе граждане многих городов именно здесь ощущали свое этническое единство.

Главными панэгериями были Олимпийские, Пифийские, Истмийские и Немейские игры. Перечисляя их, античные авторы всегда называют первыми Олимпийские. Эллы не отменяли их даже в самые тяжелые времена. Геродот (VIII, 26) рассказал, как персы,

¹⁰ Нильссон М. Греческая народная религия. СПб., 1998. С. 133-138.

воюя с греками в V в. до н. э., с удивлением узнали, что их противники «справляют Олимпийский праздник и смотрят атлетические и конные состязания». Особенно удивительным для варваров оказалось то, что за победу полагается не ценный приз, а венок из оливковых ветвей.

Торжества проходили у святилища бога или героя, к нему шли многолюдные процессии и совершались жертвоприношения, затем несколько дней посвящалось агонам, занимавшим на многих праздниках большую часть времени. Организация шествий, жертвоприношений и сопровождавших их ритуалов, а также игр осуществлялись тем государством, на территории которого собиралась панэгерия. Область, где шел праздник, считалась в это время священной, поэтому никто не имел права вторгаться туда с оружием. Конечно, варвары не соблюдали этого правила, да и греки неоднократно им пренебрегали. Например, в 420 г. до н. э. спартамцам запретили участвовать в Олимпиаде, потому что они во время священного перемирия осадили город Лепрею в Элиде, где были назначены игры.

В эллинистический период во многих городах появились праздники, привлекавшие греков из разных частей ойкумены. В Северном Причерноморье такими были Ахиллеи - игры на Ахилловом Дроме, проходившие под патронатом Ольвии. Имеются свидетельства о том, что ольвиополиты, херсонеситы и боспоряне наряду с гражданами многих государств посещали многолюдные праздники Аполлона на Делосе, Панафинеи, Пифийские и Истмийские игры, Сотерии в Дельфах, Элевсинские и Самофракийские мистерии.¹¹

Исократ в «Панегирике» (IV, 43), высоко оценивая значение подобных празднеств, сказал об этом так: «Справедливо хвалят основателей панэгерий за переданный нам обычай заключать перемирие, прекратив обычные раздоры, собираться в одном и том же месте; после совместных обетов и жертвоприношений мы вспоминаем о родстве, существующем между нами, и сохраняем на будущее более дружественные чувства, укрепляя старые и создавая новые связи взаимного гостеприимства. Пребывание здесь

¹¹ См. об этом в главах, посвященных праздникам Аполлона. Афины, мистериям, спортивным и музыкальным агонам.

полезно и простым людям, и атлетам: когда собираются эллины, одни показывают свои дарования, другие наслаждаются этим зрелищем. Равнодушным не остается никто».¹²

Наряду с церемониями, посвященными собственно празднику, во время панэгерий проходили ярмарки, ораторы обращались к народу с речами, поэты читали свои произведения, проводились дипломатические переговоры посланцев из разных городов. Здесь встречали старых друзей, заводили новые знакомства, заключали торговые сделки и стремились узнать новости из разных концов ойкумены. Множество паломников жили во временных бараках и палатках, между ними сновали уличные торговцы с едой и разнообразными товарами, жонглеры и акробаты собирали зрителей на свои представления. Об этом говорил Дион Хрисостом (VIII, 9), описывая, как киник Диоген посетил Истмийские игры в IV в. до н. э.: «В ту пору всякий мог слышать у храма Посейдона, как орут и переругиваются толпы жалких софистов, как сражаются между собой их так называемые ученики, как множество поэтов распевают свои стихи, как множество писак читают вслух свои нелепые сочинения и слушатели восхваляют их, как множество фокусников показывают разные чудеса, множество гадателей истолковывают знамения, как бесчисленные риторы извращают законы, как немалое число мелких торговцев продают всякую всячину».¹³

Центральными ритуалами всех праздничных торжеств были жертвоприношения и возлияния на алтарях тех богов, в честь которых справляли праздник. Поэтому у греков одно из слов, обозначающих праздник, было θυσία, то есть жертвоприношение. Именно этим словом Диодор Сицилийский (Bibl. XII, 25), опираясь на какой-то местный источник, назвал не известный сейчас по названию боспорский праздник, на который спешил из Синдики в свою столицу царь Евмел и погиб в 304/303 г. до н. э., выпрыгнув из повозки, которую понесли испуганные кони.

Для большинства древних народов связь богов с людьми осуществлялась через жертву и приношение даров. Принимая их, боги, по мнению греков и римлян, в ответ могли исполнить просьбы

¹² Перевод К. М. Колобовой: Исократ. Панегирик // ВДИ. 1965. № 4. С. 221.

¹³ Перевод М. Е. Габарь-Пассек в кн. Поздняя греческая проза. М. 1960. С. 87.

людей, сделавших подношение. Хранилищем многих подношений служил античный храм; он считался домом бога, и его олицетворением была стоящая в храме статуя.¹⁴ Дары размещали на жертвенных столах, образцы которых найдены в Пантикапее¹⁵ и в Китее (КБН. 942), а также на стенах целлы и в приделах храма. Среди них находились весьма ценные вещи как по материалу (золото, серебро, драгоценные камни), так и по мастерству исполнения, поэтому греки приходили в храмы специально посмотреть на редкости, о чем известно из сочинений древних авторов, больше всего из «Описания Эллады» Павсания. В результате многие античные храмы превращались в своеобразные музеи, где среди разнообразных приношений эллины видели прекрасные произведения монументального и прикладного искусства. При богатых храмах для хранения приношений строились здания сокровищниц (рис. 18).

По надписям известно, что в ольвийских храмах находились золотые и серебряные статуэтки богини Ники, золотые венки, ожерелья, пояса, серебряные чаши и треножники (IPE I². 80, 82, 83, 85, 86, 89, 91, 93, 96-98, 100, 101, 105, 106, 107; HO. 69, 79, 80, 83). Среди ольвийских археологических находок есть серебряный позолоченный медальон II в. до н. э. с изображением Афины. Подобные медальоны украшали центр чаши, из которой совершались возлияния на праздничных церемониях.¹⁶

На приношениях богам и героям зачастую писали имена дарителей (Нег. I, 51; Dem. XXII, 72). В тексте одного афинского декрета цитируются надписи на золотых венках, которые боспорские цари неоднократно посвящали в храм Афины после Панафинейских праздников (МИС. 3). В городах Северного Причерноморья найдено немало керамических сосудов с прочерченными на них посвящениями божеству и с именем дарителя, но чаще в тексте посвящения указано лишь имя бога.¹⁷

¹⁴ Семина К. А. О феномене раннегреческого храма. // ВДИ. 1996. № 4 С. 124-132.

¹⁵ Толстиков В. П. Святилище на акрополе Пантикапея // ВДИ 1987 № 1 С. 101. Рис. 14.

изображением Афины из Ольвии / / СА 1965. № 4. С. 223-227.

¹⁷ См., например: Толстой И. И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л., 1953. № 24, 30, 86, 125, 251; Леви Е. И. Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985. С. 68, 69. Рис. 49, 50.

Говоря об античном храме, следует напомнить его кардинальное отличие от современных церквей, мечетей и синагог, куда люди собираются на молитву и на религиозные праздники. У эллинов эти обряды проходили вне храма на открытом воздухе у алтарей. Их помещали перед фасадом храма, но зачастую для почитания божества сооружали только алтарь на священном участке теменоса. Там во время праздников звучали гимны, прославлявшие богов и напоминавшие разные эпизоды мифов о них. Поэтому гимны в древности играли роль, сходную с той, какую в христианской литургии выполняет предварительно читаемый отрывок из Евангелия.¹⁸

Археологи открыли множество алтарей, немых свидетелей праздничных церемоний; самый знаменитый из них - огромный мраморный алтарь - найден в Пергаме; он сооружен в начале II в. до н. э. для праздника Никефории и украшен сценами борьбы богов и гигантов. Описание этого и многих других алтарей сохранилось в сочинениях античных писателей, имеется также немало их изображений на вазах и рельефах.

В городах Северного Причерноморья алтари появились в VI в. до н. э.,¹⁹ то есть вскоре после основания колоний. По своему виду они не отличались от подобных сооружений в Элладе.²⁰ На больших главных алтарях жертвоприношения приносили во время государственных праздников.²¹ К настоящему времени лучше всего сохранились два подобных алтаря в Херсонесе и в Ольвии. Херсонесский алтарь был сооружен в IV в. до н. э. и посвящен главной богине города Артемиде с эпиклезой Дева. Его мраморную облицовку украшали розетки, букрании и гирлянды листьев

¹⁸ Лауэнштайн Д. Элевсинские мистерии. М., 1996. С. 276.

¹⁹ Пичикян И. Р. Культовая античная архитектура европейского и азиатского Боспора // Античная культура Северного Причерноморья. Киев, 1984. С. 93; Русяева А. С. Исследования Западного теменоса Ольвии // ВДИ. 1991. С. 131, 132.

²⁰ Масленников А. Н. Традиционные алтари с памятников хоры европейского Боспора // Древности Боспора. М., 2002. Вып. 5. С. 171.

²¹ К. Явис, рассмотревший все типы греческих алтарей, назвал подобные алтари церемониальными. Yavis C. C. Greek Altars. Origins and Typology. Saint Louis. Missouri, 1949. P. 55, 96.

(рис. 3), высота составляла около 2 м, длина - более 2,5 м, ширина — 1,3 м.²²

Алтарь на Центральном теменосе Ольвии появился уже в VI в. до н. э., в следующем столетии там поставили каменный алтарь несколько больших размеров, а цоколь прежнего использовали в качестве площадки, на которой стоял жрец во время жертвоприношения. На краю алтаря высилась статуя, вероятно, Аполлона.²³ Сложенный из прекрасно обработанных известняковых плит, этот алтарь почти полностью сохранился до наших дней (рис. 4), так как в III в. до н. э. его засыпали слоем земли, на котором возвели новый, отделанный мрамором. Вероятно, он был самым красивым сооружением такого рода за всю историю Ольвии, но от него уцелели лишь мелкие мраморные обломки с резным, тонко выполненным орнаментом.²⁴ На другом ольвийском теменосе открыт алтарь меньших размеров; облицованный известняковыми плитами, он стоял на платформе из двух каменных блоков, образовывавших с одной стороны две ступени, на которые поднимался жрец при совершении обрядов во время праздников в III-II вв. до н. э. (рис. 5).²⁵

В греческих городах всегда находилось много сравнительно небольших алтарей прямоугольной, реже круглой формы, сделанных из одного каменного блока.²⁶ Обе разновидности подобных известняковых алтарей открыты на Западном теменосе Ольвии, а в Херсонесе и на Боспоре найдено несколько мраморных образцов.²⁷ На стенках круглого алтаря из Пантикапея выдающийся скульптор V в. до н. э. изобразил праздничное шествие женщин в длинных хитонах и плащах.²⁸

²² Пичикян И. Р. Малая Азия - Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. М., 1984. С. 198.

²³ Карасев А. Н. Указ/ соч. С. 73-112.

²⁴ Леви Е. И. Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985. С. 81.

²⁵ Русяева А. С. Исследования Западного теменоса Ольвии // ВДИ. 1991. № 4. С. 132.

²⁶ Yavis C. G. Op. cit. P. 55, 56.

²⁷ Кобылина М. М. Античная скульптура Северного Причерноморья. М., 1972. С. 46; Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976. С. 166-170; Русяева А. С. Указ. соч. С. 132, 133.

²⁸ Соколов Г. И. Античное Причерноморье. Л., 1973. С. 39. № 18; Пичикян И. Р. Указ. соч. С. 170.

Хорошее представление об алтарях такого типа дают миниатюрные алтарики, называемые в научной литературе арулами;²⁹ по образцам настоящих их делали из глины, известняка и мрамора и ставили в нишах стен частных домов, а также посвящали в святилища богов, о чем свидетельствуют места их находок. Подобные приношения наряду с местными жителями делали и приезжие. Надпись IV в. до н. э. на небольшом каменном алтарике из Гермонассы гласит, что гражданин Гераклеи принес его в дар Афродите.³⁰ Как и настоящие алтари, арулы нередко украшены рельефами (рис. 6);³¹ таковы привозной мраморный алтарик и местный терракотовый из Ольвии, сходные находки известны в Херсонесе и на Боспоре.³² На некоторых арулах сжигали ароматические вещества, производя таким образом воскурения богам. О подобных ритуалах в Северном Причерноморье свидетельствуют следы горения на двух терракотовых алтариках, найденных на азиатской части Боспора.³³

В некоторых греческих святилищах сооружались существовавшие с глубокой древности примитивные алтари из кучи камней или галек. Остатки двух таких алтарей эллинистического времени открыты на Западном теменосе Ольвии.³⁴ На краснофигурной пелике из кургана Бакса близ Пантикапея алтарь подобного типа изображен в сцене жертвоприношения Геракла нимфе острова Хриса (рис. 7).³⁵

²⁹ Yavis C. G. Op. cit. P. 171.

³⁰ Финогенова С. И. Исследования Гермонассы // АО, 2000 г. М., 2001. С. 143.

³¹ Круглое А. В. Реконструкция и интерпретация мраморного алтаря из Ольвии // Жертвоприношение. М., 2000. С. 284.

³² ОАК 1908. С. 75. Рис. 49-53; Леви Е. И. Терракоты Ольвии // ТС. 1970. С. 46. № 39; Белов Г. Д. Терракоты Херсонеса // ТС. 1970. С. 74, 75. Бабинов Ю. А. Эллинистические домашние алтари // Херсонес Таврический. Ремесло и культура. Киев, 1974. С. 19-25; Соколовский Н. И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976. С. 94. Рис. 57, 8-9.

³³ Соколовский Н. И. Указ. соч. С. 94.

³⁴ Русаева А. С. Указ. соч. С. 133.

³⁵ Горбунова К. С., Передольская А. А. Мастера греческих расписных ваз. Л., 1961. С. 108. Рис. 52; Передольская А. А. Кто же расписал пелику из Баксы? // Культура и искусство античного мира. Л., 1971. С. 47. Рис 1.

Эллины совершали приношения богам двух видов. Жертвы, предназначавшиеся для временного наслаждения божества, состояли из разных напитков, мяса, плодов, специально приготовленных блюд и печений. Вклады же, остававшиеся в святилище в качестве его собственности, служили для надобностей культа (например, сосуды для возлияний) и для украшения храма. К последним относились статуи, рельефы, треножники, венки, парадное оружие и др.

Принесение жертв первого вида отвечало представлениям греков о том, что боги питаются ароматом сжигаемого мяса, испарениями жидкостей, которыми совершаются возлияния, и вдыхают запах курений из мирра, ладана и других ароматических веществ. Возлияние могло быть самостоятельным актом, но обычно оно сопровождало жертвоприношение. Возлияния чаще всего делали чистым вином, не смешанным с водой, кроме того, в определенных случаях использовали молоко, воду, мед и различные их смеси. На ольвийской стеле римского времени (IPE I². 101) прочерчена фигура молодого человека около алтаря, в одной руке он держит ветвь (по-видимому, пальмовую), а в другой - сосуд для возлияний (рис. 8).

Для возлияния брали плоскую керамическую или металлическую чашу. Во время праздничных церемоний жрец наливал туда жидкость из кувшина, чаще всего имевшего форму ойнохои. Возлияние совершалось либо на землю, либо на жертвенник, а иногда на фимиатерий, сосуд, из которого исходил благовонный дым-фимиам.³⁶ При этой церемонии звучала музыка «спондеического стиля», исполнявшаяся на аулосе. Наименование музыки такого рода произошло от названия чаши для возлияний - *οἶνονδεῖον*.³⁷

Воскурения всевозможными ароматическими веществами, по мнению греков, доставляли удовольствие и богам, и людям, в то же время благовонный дым заглушал неприятные запахи от горения шерсти и костей жертвенных животных. Для этого ритуала использовали душистые травы, листья и шишки, а при более дорогих

³⁶ Кувшинова Е. Н. К вопросу об изображении возливающих богов в античном искусстве // Жертвоприношение. М., 2000. С. 223, 224.

³⁷ Герцман Е. В. Музыка Древней Греции и Рима. СПб., 1995. С. 59.

обрядов, особенно на главных праздниках, употребляли смолы и камеди, привезенные из Южной Аравии, Северной Африки и даже из Индии. Античные авторы упоминают о курении преимущественно ладаном, а также нардом, корицей, миррой, шафраном и некоторыми другими веществами. Об использовании дорогих благовоний во время праздников в Северном Причерноморье свидетельствует надпись из Фанагории, в которой говорится о воскурении ладана перед жертвоприношением (КБН. 1005).

Воскурение совершалось с помощью нагревания ароматического вещества тлеющими углями или раскаленными камешками, положенными на треножник или на арулу, либо в курильницы-фимиатерии, сделанные из металла или керамики. Последние имели разные формы и обычно состояли из резервуара с крышкой, куда помещали угли и ароматическое вещество, а в стенках или на крышке имелись отверстия для выхода благовонного дыма. Некоторые бронзовые и серебряные курильницы, пожертвованные в храмы, представляли собой выдающиеся произведения прикладного искусства (Нер. IV, 162).³⁸ Воскурения сопутствовали праздникам в античных городах Северного Причерноморья с первых лет их существования. Здесь найдено немало местных и привозных курильниц; их употребляли при частных, домашних и общественных жертвоприношениях, о чем свидетельствуют места их находок.³⁹ Среди наиболее древних образцов назовем два, обнаруженных на Центральном теменосе Ольвии: редкая расписная родоско-ионийская курильница и серолощенная с отверстием в виде фасада храма; обе датируются третьей четвертью VI в. до н. э.⁴⁰

³⁸ Wiegand K. Thyamateria // Bonner Jahrbücher. №122. 1912. S. 1-97. Tabl. 3, 4.

³⁹ Зайцева К. И. Местная керамика Ольвии эллинистического времени (курильницы и амфоры) // ТГЭ. 1962. № 3. С. 184-190; Марченко И. Д. Новые данные об античном святилище близ Фанагории // Сборник статей «50 лет ГМИИ им. А. С. Пушкина». М., 1962. С. 22-28; Соколовский Н. И. Указ. соч. С. 94. Рис. 56, 57; Рубан В. В. Раннеэллинистические фимиатерии из Нижнего Побужья // Новые археологические исследования на Одессчине. Киев, 1984. С. 108-110.

⁴⁰ Леви Е. И. Архаическая керамика из раскопок ольвийской агоры // КСИА. 1972. № 130. С. 47; Она же. Раскопки ольвийской агоры и теменоса // КСИА. 1978. № 156. С. 42, 43.

Ольвийские эллинистические курильницы местного производства расписывали разноцветными орнаментами и гирляндами из ветвей и листьев.⁴¹ Из поздних эллинистических курильниц отметим фимиатерий в виде головы быка, найденный на Тамани.⁴²

Прекрасный образец такого рода импортных изделий эллинистического времени куплен в 1903 г. у торговца древностями; считается, что эта керамическая курильница найдена при грабительских раскопках Ольвии, но, возможно, она находилась и в каком-то другом городе Северного Причерноморья.⁴³ Большая цилиндрическая курильница высотой около 40 см изготовлена во II в. до н. э.; она имеет конусообразную крышку и стенки, покрытые двумя рельефными поясами: нижний состоит из гирлянд, а более широкий верхний украшен изображениями масок и женщин в длинных хитонах, их поднятые руки как бы поддерживают верхнюю часть курильницы. Ее внутренность разделена на две части плоской перегородкой с круглым отверстием в центре. В верхнем ярусе помещался вставной сосуд с ароматическим веществом, а в нижнее отделение клали тлеющие угли; душистый дым выходил через три небольших отверстия в крышке. Остатки нагара и сильная копоть на днище, стенках и вставном сосуде свидетельствуют о долговременном использовании этой курильницы.

Многие граждане и иностранцы делали разнообразные вклады для проведения праздников. Моряки, прибывшие в Нимфей из Египта в III в. до н. э. подарили в святилище Афродиты по несколько хоев вина и масла.⁴⁴ В надписи из Фанагории говорится о сделанном несколькими лицами пожертвовании для праздника - масла для светильников и смеси вина с медом (КБН. 1005). Акт смешения вина с водой или с медом составлял часть церемонии жертвоприношения (Plato. Phileb. 61b) и сопровождался молитвой богам; затем жрецы и другие участники жертвоприношения при определенных ритуалах пили вино или смеси с ним.⁴⁵

⁴¹ Зайцева К. И. Указ. соч. С. 186, 192.

⁴² Соколовский Н. И. Указ. соч. С. 94. Рис. 57, 7.

⁴³ Зайцева К. И. Культовые чаши V-I вв. до н. э. // ТГЭ. 1997. № 28. С. 51.

⁴⁴ Яйленко В. П. Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире. М., 1995. С. 267.

⁴⁵ Там же. С. 268.

Частные жертвоприношения совершались по случаю домашних праздников, например рождения ребенка или свадьбы, а также для того, чтобы очиститься от какого-либо греха, чтобы умиловать либо поблагодарить то или иное божество. После жертвоприношения устраивали праздничный обед для родственников или для друзей (Хер. Мет. II, 3, 11).

Среди бескровных жертв особенно распространенными были приношения первых созревших злаков и плодов, а также всевозможных печений. Бедные люди, будучи не в состоянии приобрести жертвенных животных, дарили богам печения, имевшие форму этих животных. Из животных в жертву чаще всего приносили коров, овец, коз, свиней и петухов. На двух мраморных рельефах из Ольвии изображены жертвоприношения барана (НО, 72) и кабан.⁴⁶ Для приношения небесным богам брали животных со светлой шерстью, а для подземных богов - с темной, обязательно здоровых, без телесных недостатков. Самцов обычно жертвовали мужским, а самок - женским божествам.⁴⁷ Часть мяса и внутренностей животного обертывали жиром и сжигали на жертвеннике, поливая его маслом и воскурив благовония. Оставшиеся части получали жрецы и участники жертвоприношения. Деметре обычно приносили в жертву свинью, Дионису - козла, Посейдону - лошадь, Асклепию - петуха.

Во время главных праздников все граждане участвовали в застольях и ели пищу, приготовленную из туш жертвенных животных. Следы подобных пиров обнаружены при раскопках античных городов Северного Причерноморья. Около крупного святилища в небольшом боспорском городке Китее найдены горшки, кастрюли и кости животных. На последних нет следов горения, поэтому можно заключить, что это остатки праздничной трапезы, а не сожженных на алтаре жертв.⁴⁸ Светильники, находившиеся вме-

⁴⁶ Русяева А. С. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Киев, 1979. С. 143. Рис. 72.

⁴⁷ Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Раздел 3, глава 11. СПб., 1997. С. 84-87.

⁴⁸ Молева Н. В. Очерки сакральной жизни Боспора. Нижний Новгород, 2002. С. 71, 72.

сте с названными предметами, по-видимому, указывают на то, что пиры длились и после наступления сумерек, а обломки амфор напоминают об обильном питье вина.

На территориях обоих ольвийских теменосов найдено много костей жертвенных животных. Они находились в специальных ямах, ботросах, куда закапывали отслужившие приношения божествам и износившуюся храмовую утварь.⁴⁹ Ведь греки считали, что все, пожертвованное богу, нельзя уносить с его священного участка, а грабителей священных предметов наказывали смертью.⁵⁰

Во время крупных государственных праздников совершались общественные жертвоприношения с большим количеством убиваемых животных. В Афинах на ежегодном празднике в память победы при Марафоне приносили в жертву 500 коз, а на Делосе в IV в. до н. э. для панэллинского праздника в честь Аполлона закупили 109 быков.⁵¹ Жертвенные животные приобретались либо за счет государства, либо на деньги местных и приезжих благотворителей. В III в. до н. э. родосец Гелланик, вероятно, торговавший с Ольвией, оплатил ольвийское общественное жертвоприношение (IPE I². 30), а на рубеже II-I вв. до н. э. гераклеец Фрасимед украсил какое-то празднество в Херсонесе «пышнейшими жертвами» (IPE I². 357).

Перед началом жертвоприношения наступало благоговейное молчание, затем раздавалась музыка, заглушавшая стоны животных. Их подводили к алтарю в праздничной процессии и часто украшали венками или гирляндами из цветов и листьев. Иллюстрацией этого могут служить золотые подвески и рисунки на вазах IV в. до н. э. из Пантикапея. Подвески исполнены в виде головы быка, лоб которого увенчан листьями плюща с виноградной гроздью посередине.⁵² Плющ и виноград считались священными растениями Диониса, поэтому надо полагать, что изображенный бык посвящен этому богу. На краснофигурной ойнохое нарисовано жертвоприношение быка с гирляндой цветов на шее, а в роли

⁴⁹ Леви Е. И. Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985. С. 68, 69; 82, 83.

⁵⁰ Латышев В. В. Указ. соч. С. 15.

⁵¹ Там же. С. 87.

⁵² ГЗ. С. 160. № 100.

жрицы выступает богиня Ника.⁵³ На упомянутой выше пелике со сценой жертвоприношения Геракла нимфе острова Хриса изображен увенчанный венком юноша в нарядной одежде, он подводит к алтарю быка с венком, надетым на рога, в то время как другой служитель культа совершает возлияние на центр алтаря со сложенными на нем дровами для сжигания жертвы (рис. 7).

При приближении животного к алтарю его заставляли кивнуть головой как бы в знак согласия стать жертвой. Жрецы следили, чтобы предназначенные для жертвоприношения животные были обязательно здоровыми, красивыми и чистыми. Иногда храмы содержали стада таких элитных животных и продавали их, получая доход для нужд святилища. В одной ольвийской надписи последней четверти III в. до н. э. сохранился перечень цен на разные виды жертвенного скота: за быка платили 1200, а за овцу или козу по 300 медных ольвийских монет (ΙΡΕ Ι². 76). Некоторые исследователи считают такие цены чрезвычайно высокими и полагают, что в них включен скрытый налог в пользу храма или государства.⁵⁴ В. П. Яйленко, сравнив ольвийские цены с подобными на острове Косе, пришел к выводу, что они не слишком завышены и не сильно отличались от подобных расценок в других греческих городах.⁵⁵

Из черепов некоторых жертвенных животных изготавливали букрании, особые украшения для храмов. Черепа специально обрабатывали, иногда оставляя на лбу часть шкуры, затем вешали на них гирлянды из листьев и цветов или виноградные гроздья и в таком виде помещали на стену храма. В ботросе на Центральном теменосе Ольвии найдены семь бычьих черепов с плоско срезанной задней стороной для плотного прилегания к стене и с просверленными отверстиями на лбу и на рогах для укрепления гирлянд.⁵⁶ Изображения букраниев часто украшали рельефы алтарей

⁵³ ДБК. Табл. 61; UKV. № 305.

⁵⁴ Латышев В. В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887. С. 101; Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989. 0 206, 207.

⁵⁵ Яйленко В. П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм. Экономика, политика, культура. М., 1990. С. 278.

⁵⁶ Леви Е. И. Указ соч. С. 83. Рис. 77.

и других посвященных богам сооружений. Фриз из букраниев с гирляндами опоясывал алтари в Афинах и Херсонесе (рис. 3), а в Ольвии они были вырезаны на мраморной капители колонны, поддерживавшей треножник.⁵⁷ При раскопках Ольвии найдено много свинцовых моделей букраниев (рис. 9), использовавшихся для каких-то религиозных ритуалов.⁵⁸

Мы располагаем некоторыми сведениями о том, что греки Северного Причерноморья приносили в дар богам для украшения храмов и для ритуальных церемоний. Остатки этих предметов найдены в ботросах на обоих теменосах Ольвии. Там лежали многочисленные обломки керамических сосудов, на многих начертано граффито с посвящением богу и именем дарителя. Самые ранние из них относятся к архаическому периоду; таков обнаруженный на Западном теменосе фрагмент чернофигурного кратера, расписанного в середине VI в. до н. э. известным афинским мастером Лидосом. На венчике сосуда имеется надпись с посвящением Матери богов от Артемиды, дочери Гипасия; возможно, она служила жрицей этой богини.⁵⁹ На Центральном теменосе некий Тихон посвятил Аполлону Дельфинию чернофигурный килик, украшенный изображениями животных.⁶⁰ В конце VI в. до н. э. ольвиополиты подносили Зевсу и Афине мраморные блюда и краснофигурные килики, расписанные лучшими афинскими мастерами. Эти килики, вероятно, специально приобрели для пожертвования в храм, поскольку в то время посуда с недавно появившейся краснофигурной росписью еще не использовалась в повседневной жизни.⁶¹ Среди приношений встречались и очень скромные, например чернолаковая солонка с надписью «Зевсу».⁶²

⁵⁷ Крыжицкий С. Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993. С. 142; Сорокина Н. П. Мраморная капитель из Ольвии // Культура античного мира. М., 1966. С. 259.

⁵⁸ Зайцева К. И. Ольвийские культовые свинцовые изделия // Культура и искусство античного мира. М., 1971. С. 84-106.

⁵⁹ Русяева А. С., Диатроптов П. Д. Новый кратер Лідоса з Ольвії // Археологія. 1994. № 2. С. 143-144.

⁶⁰ Леви Е. И. Указ. соч. С. 68. Рис. 49.3.

⁶¹ Горбунова К. С. Краснофигурные килики из раскопок Ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. М.; Л., 1964. С. 175-187.

⁶² Толстой И. И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л., 1953. № 21.

На праздничных церемониях употреблялись подаренные боже-
ству сосуда, среди них выделялись очень дорогие из золота —
серебра и бронзы. О таких сосудах на праздниках в Северном
Причерноморье известно из декрета Протогена: ольвиополиты от-
дали их в заклад, когда во второй половине III в. до н. э. государ-
ство испытывало серьезные финансовые трудности; Протоген вы-
купил дорогие священные сосуды за 100 золотых и, вероятно, спас
их от переплавки, потому что ростовщик уже собирался отдать их
ювелиру (IPE I². 32).

По греческому обычаю храмы в Северном Причерноморье укра-
шались венками и гирляндами из живых цветов и ветвей, а также
из драгоценных металлов. В надписи III в. до н. э. говорится о
таком венке ценой 5 золотых в ольвийском храме Афродиты (НО.
68). Было принято посвящать лавровые венки Аполлону, Зевсу —
дубовые, Дионису — плющевые и виноградные, Афине — оливковые,
Деметре — венки из злаков. Не все эти растения имелись в Се-
верном Причерноморье. Здесь греки сумели акклиматизировать
виноград, но их усилия выращивать лавр и мирт, хотя бы в неболь-
шом количестве для религиозных церемоний на праздниках, не
увенчались успехом (Theophr. Hist. Plant. IV, 5, 3). Вероятно, на
главные праздники в период судоходства привозили необходимые
растения из более южных государств; к этой мысли склоняет ри-
сунок на одной боспорской фреске с изображением пальмовых
ветвей в руках двух человек, стоящих у алтаря.⁶³

Во время праздников эллины в торжественной обстановке
вручали награды победителям мусических, атлетических и кон-
ных агонев, а также награждали венками граждан и иностранцев,
оказавших особые услуги государству. Об этой черте греческого
праздника свидетельствуют многие надписи из Тиры, Ольвии и
Херсонеса. Почетные награды, представленные чаще всего венка-
ми и треножниками, нередко жертвовали тому богу, в честь кото-
рого проводился праздник. Косвенное свидетельство о таком обы-
чае в Северном Причерноморье содержится в ольвийской надпи-
си римского времени (НО. 68), а также в находках фрагментов
постаментов для треножников на Западном теменосе.⁶⁴

⁶³ АДЖ. Табл. 55, 2.

⁶⁴ Руслева А. С. Исследования Западного теменоса Ольвии... С. 133.

Богам часто приносили терракотовые статуэтки, которые во
множестве найдены на обоих теменосах в Ольвии. Государство и
состоятельные граждане ставили возле храмов статуи. Постамен-
ты некоторых таких статуй с посвящениями разным богам обна-
ружены при раскопках Ольвии, Херсонеса и Боспора.⁶⁵ В III в. до
н. э. на Центральном теменосе Ольвии стоял также характерный
для эллинов посвященный памятник — мраморная колонна вы-
сотой более 2 м с капителью из листьев пальм и аканфов, между
которыми изображены букрании; на этой капители высился брон-
зовый треножник.⁶⁶

Жрецы принимали деятельное участие в праздничных ритуа-
лах, а в театре и на стадионе во время сопровождавших многие
праздники состязаний они сидели на почетных местах. В отличие
от современных священников в функции античных жрецов не
входило религиозно-нравственное воспитание молодежи или про-
изнесение проповедей. Обязанности жрецов разделялись на ли-
тургические и административные. К первым относилось исполне-
ние разных обрядов на праздниках, а ко вторым — забота о содер-
жании святилища, о хранении храмовой утвари, распоряжение до-
ходами святилища, сдача в аренду принадлежащих ему угодий
и др.⁶⁷ Жрецы пользовались личной неприкосновенностью, так как
считались представителями божества.

У греков и римлян не существовало особой религиозной кас-
ты жрецов. Их функции имели право исполнять полноправные
граждане, не запятанные никакими неблагоприятными проступка-
ми, а помощниками могли быть священные рабы, называвшиеся
гиеродулами. Из надписей Северного Причерноморья известны
имена множества местных жрецов и одно имя гиеродула Сотериха
при храме Девы, главной богини Херсонеса (IPE I². 457); наверное,
и другие крупные храмы на северных берегах Понта владели таки-
ми рабами, и они принимали участие в подготовке и проведении
праздников.

⁶⁵ Трейстер М. Ю. Материалы к корпусу постаментов бронзовых статуй
Северного Причерноморья // Херсонесский сборник. Вып. 10. Севастополь, 1999.
С. 121-158.

⁶⁶ Сорокина Н. П. Указ. соч. С. 261.

⁶⁷ Латышев В. В. Указ. соч. С. 54.

В зависимости от традиций того или иного культа жрецами становились лица либо выбранные на определенный срок, подобно разным магистратам, либо должность передавалась по наследству, а иногда даже покупалась.⁶⁸ В Ольвии ежегодно избирали жреца Аполлона, верховного бога этого полиса; как и в ряде других греческих государств, именем такого жреца называли год, сходную роль играл жрец Артемиды Партенос в Херсонесе. Хорошо известно, что на Элевсинских мистериях жрецами служили только представители родов Эвмолпидов и Кериков; возможно, жрецы на праздниках, справлявшихся в Северном Причерноморье по образцу Элевсинских, тоже принадлежали к определенным родам. По-видимому, наследственной была должность жреца Зевса в Ольвии, ведь ее в течение нескольких веков занимали представители местного аристократического рода Еврисибиадов.⁶⁹ В разное время один и тот же человек мог служить жрецом разных богов. В III в. до н. э. ольвиополит Агрот, сын Дионисия, был жрецом Аполлона Дельфиния, Афродиты, Плутона и Кору (IPE I². 189; НО. 68, 70).

Со своими обязанностями жрец знакомился перед вступлением в должность, получая необходимые знания от предшественников, а также из документов святилища. В надписи римского времени из Фанагории содержится частично сохранившийся устав о порядке жертвоприношений на одном из местных праздников; там говорилось, как именно должен действовать жрец, но, к сожалению, эта часть текста сильно повреждена (КБН. 1005).

Жрецы играли ведущую роль во время жертвоприношения. Тогда они облачались в особые одеяния, преимущественно белого цвета, считавшегося наиболее приятным богам (Plat. Leg. XII, 956 а), а на голову надевали нарядную повязку, либо венки из листьев или ветвей растения, посвященного чествуемому богу. Некоторое представление о таких парадных одеяниях дают изображения богов, например Аполлона в длинном роскошном хитоне (тип Аполлона-кифареда). В такой одежде он представлен на терракотовой

⁶⁸ Там же. С. 52, 53.

⁶⁹ Русяева А. С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 206.

статуэтке V в. до н. э. местной работы, найденной на азиатской стороне Боспора.⁷⁰

Боспорские жрицы в торжественных случаях надевали расшитые золотыми бляшками одеяния и множество украшений. В конце IV в. до н. э. на азиатской части Боспора в кургане Большая Близница похоронили жрицу в полном парадном уборе. Сначала ученые называли ее жрицей Деметры, но теперь полагают, что инвентарь погребения не дает точного ответа, какому именно из нескольких женских божеств она служила.⁷¹ Калаф с изображением битвы амазонок (некоторые исследователи считают их ари-маспами) с грифонами венчал голову женщины, под ним находилась стленгида - начельник с оттиснутыми на нем волнистыми прядями волос, а по бокам калафа свисали височные подвески. На их крупных дисках изображена Фетида на морском коне; она держит в руках доспехи, выкованные Гефестом для ее сына Ахилла. Уши жрицы украшали серьги тончайшей ювелирной работы, шею обвивали два изящных ожерелья, на руках находились по браслету и несколько перстней; на двух из них изображена Афродита.

Одежда и покрывало для головы и плеч были расшиты множеством бляшек разных форм и размеров. На них оттиснуты изображения Деметры, Кору, Геракла, Афины, Гелиоса, Медузы, сфинксов, грифонов и разных животных; на многих бляшках представлены девушки, танцующие священную пляску. Все перечисленные украшения сделаны из золота. Они вместе с одеждой из дорогой ткани составляли немалый вес, так что жрица могла двигаться лишь размеренно и торжественно, привлекая всеобщее внимание не только своим высоким положением и выдающейся ролью на празднике, но и редким блестящим нарядом, сияющим золотом.

По большей части функции жрецов исполняли мужчины, и лишь в некоторых культах первенствующее место принадлежало

⁷⁰ Кобылина М. М. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961. С. 61, 62.

⁷¹ ОАК 1865. С. 15-34; Гайдукевич. В. Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 214, 287-289; ГЗ. С. 187-195; 267-271. № 119-130; 202-208.

жрицам. В лапидарных надписях Ольвии, Херсонеса и Боспора упоминаются жрецы разных богов (IPE I². 32, 42, 104, 139-144, 155, 189, 191, 192, 194, 201, 202, 357-361, 384, 386, 410, 414, 415, 698, 699, 700; КБН. 6, 25, 974, 1044; НО. 26, 29, 68, 70) и значительно реже жрицы, которые служили здесь Деметре, Артемиде и Кибеле (IPE I². 190, 192, 237; КБН. 6 а, 8, 14, 21, 1040). Сведения о местных жрецах содержатся также в граффити, такова, например, надпись III в. до н. э. на канфаре из Ольвии: «Гейрогейтон Гефесту, исполнив обязанности жреца, посвятил».⁷² Среди граффити находится древнейшее свидетельство о жрецах в Северном Причерноморье: в письме, прочерченном на стенке керамического сосуда, жрец Метрофан в третьей четверти VI в. до н. э. написал о разрушении святилищ на периферии Ольвии.⁷⁵

Кроме жрецов забота о проведении праздников лежала на избранных специально для этого лицах, называвшихся агонотетами. Они следили за соблюдением намеченной программы, за порядком присуждения призов и внесением имен победителей в специальные списки. Обычно агонотетами избирали состоятельных граждан, потому что зачастую отпущенных государством средств не хватало, кроме того, многие агонотеты, вкладывая свои деньги в устройство ярких зрелищ, завоевывали таким способом популярность в своем городе.⁷⁴ Демосфен в речи «О венке» (XVIII, 118) с гордостью напомнил афинянам, что, будучи агонотетом, он внес на нужды жертвоприношений 100 мин. Во время праздника агонотет устраивал многолюдные приемы гостей. Плутарх в «Застольных беседах» (VIII, 4, 1) рассказал, как агонотет Соспид на Истмийских играх «проводил праздничные приемы, угощая многих иногородних и едва ли не всех граждан», кроме того, он позвал домой близких друзей на симпозион в узком кругу.

Практика избрания агонотетов существовала и в Северном Причерноморье, о чем свидетельствуют три надписи эллинисти-

ческого времени из Гермонассы (КБН. 1039), Нимфея и Тиры.⁷⁵ Там сохранились имена двух боспорских агонотетов — гражданина Гермонассы Местора, сына Гиппосфена, и гражданина Нимфея Теопропида, сына Мегакла. Исполнив свои обязанности, они сделали посвящения богам, в честь которых устраивали праздник. В третьей частично уцелевшей надписи из Тиры говорилось об обязанности агонотетов следить за объявлениями о наградах во время праздника. Вероятно, имя агонотета включалось в частично уцелевший каталог победителей на каком-то празднестве римского времени в Херсонесе (НЭПХ. 127).

В заключение следует сказать еще об одной особенности греческих праздников. Для праздничных зрелищ эллины первыми создали стационарные сооружения; это были театры с совершенной акустикой, способные вместить всех граждан города, стадионы и ипподромы с определенными дистанциями для всевозможных видов соревнований и местами для зрителей. В эллинистическое время театр входил в число обязательных общественных зданий всякого сколько-нибудь заметного города. Там во время праздников греки собирались следить за состязаниями хоров, поэтов, драматургов и музыкантов. О праздничных концертах певцов и музыкантов, а также о драматических представлениях в Северном Причерноморье речь пойдет в главе, посвященной театру, а о стадионах и ипподромах в главе «Спортивные и музыкальные агоны».

Перечисленные сооружения указывают на развивающуюся особенность античных праздников эллинистического времени, которая приобрела законченную форму в римский период и процветает до наших дней. Сначала у греков, как и у прочих древних народов, в празднике в той или иной роли активно действовали все члены общины; затем они постепенно разделяются на зрителей и тех, кто совершает различные ритуалы, участвует в мусических,

⁷² Яйленко В. П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. № 3. С. 79.

⁷³ Русяева А. С. Религия и культы... С. 204.

⁷⁴ Jones A. H. Greek City from Alexander to Justinian. Oxford, 1940. P. 234, 235.

⁷⁵ Карышковский П. О. Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды // ВДИ. 1959. № 4. С. 112.; Соколова О. Ю. Новая надпись из Нимфея // Древности Боспора. М., 2001. Вып. 4. С. 368-371.

атлетических и конных агонах. В результате появились профессиональные актеры, музыканты, танцоры, мимы, спортсмены и даже постановщики праздников. Таким образом, формируется одно из основных отличий от старых фольклорных празднеств, которое до сих пор характеризует почти все современные общественные праздники: теперь деятельные участники в меньшинстве, а основную массу образуют зрители, наблюдающие предложенные им концерты, спектакли, спортивные состязания, парады, фейерверки и другие зрелища.

2 глава

ПРАЗДНИКИ АПОЛЛОНА

Милетские поселения в Северном Причерноморье в начальный период существования справляли сходные празднества, повторявшие многие ритуалы, принятые в метрополии. Со временем государства на северных берегах Понта пошли по разным путям своего исторического развития, и это, в частности, сказалось на характере широко распространенных здесь праздников Аполлона.

Колонисты перед отъездом на новую родину обращались к оракулу Аполлона.¹ Ведь греки почитали этого бога в качестве основателя городов и предводителя экспедиций, выведивших колонии, поэтому ему давали соответствующие эпиклезы 'αρχηγέτης и κτίστης. Эллыны по большей части отправлялись к Дельфийскому оракулу,² но милетяне в VI в. до н. э. получали напутствие у Аполлона Филесия (Дружелюбного), называвшегося также Дидимским.³ Его святилище располагалось в местности Дидимы недалеко от Милета, и там жрецами служили видные граждане города. В середине VI в. до н. э. в Дидимах был сооружен один из лучших храмов того времени.⁴ Близ него из расщелины в скале вытекал источник, и оттуда, как и в Дельфах, поднимались одурманивающие испарения, приводившие жреца в экстаз, во время которого он произносил веления бога.⁵

¹ *Graham A. J.* Colony and Mother City in Ancient Greece. Manchester, 1964. P. 26-39

² *Parke M. W., Wormell D. E.* The Delphic Oracle. Oxford, 1956. V. 2. P. 30-45.

³ *Русяева А. С.* Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 28, 29.

⁴ *Пичикян И. Р.* Малая Азия - Северное Причерноморье. М., 1984. С. 91, 92.

⁵ *Akurgal E.* Ancient Civilizations and Ruins of Turkey. Istambul, 1969. P. 222-226. В. Буркерт в статье «Аполлон-Дидим и Ольвия» (ВДИ. 1990. № 2. С. 159) писал, что жрец вдыхал не пары, а пил воду из источника.

В архаический период Дидимский оракул славился не только среди греков. Свои пожертвования Аполлону присылали сюда египетский фараон Нехо и лидийский царь Крез, причем последний передал в Дидимы такие же дары, как в Дельфы (Нер. I, 92; II, 159). В 494 г. до н. э. персы разрушили храм (Нер. VI, 19); его заново выстроили только в IV в. до н. э., и тогда оракул возобновил свои прорицания.

Давно признано, что на северные и западные берега Понта культ Аполлона Врача перенесен из Милета, и по характеру он близок Аполлону Дидимскому.⁶ Предполагается, что в VII–VI вв. до н. э. дидимские жрецы учредили особый культ Аполлона для колонистов, переселявшихся на северные и западные берега Понта. Новая ипостась Аполлона с эпиклезой Врача (Ἰατρός или в ионийской форме Ἰητρός), генетически связанная с Аполлоном Дидимским, включила в себя черты бога, имевшего в метрополии эпиклезы Гиперборейский и Стрелок. Изображения Врача получили те же атрибуты (лук и стрела), которые характерны для Аполлона Дидимского, а дидимские жрецы, вероятно, определили основные праздничные ритуалы в его честь.

Колонисты считали Аполлона Врача покровителем основанных ими городов и защитником от всяческих несчастий.⁷ Он часто упоминается в надписях из раскопок античных государств на северных и западных берегах Черного моря, но ни разу не встречается в эпиграфических памятниках за их пределами. В сохранившихся литературных источниках, бесчисленное количество раз писавших об Аполлоне, его эпikleза Врач названа лишь у двух поэтов: в «Птицах» Аристофана (ст. 584) и в поэме «Александра» Ликофрона (ст. 1207, 11377), любившего использовать древние и мало известные варианты мифов. Эпikleза Ἰατρός переводится на русский язык обычно как Врач, потому что таково наиболее распространенное значение этого слова. Однако в эпikleзе заключен более широкий круг представлений о боге. Начиная с Го-

⁶ Толстой И. И. Культ Аполлона на Боспоре и в Ольвии // ЖМНП. 1904. Январь. Отд. Классической филологии. С. 12, 13.

Русяева А. С. Указ. соч. С. 31, 40; Сударев Н. И. Указ соч. С. 213.

мера, античные авторы писали об Аполлоне как о боге-целителе, защитнике от болезней и всяческих зол и отмечали существовавшие в разных городах эпитеты бога, близкие по смыслу эпikleзе Врач: Παῖωνιος, Ἀλεξίκακος, Αποτρόχαιος, Ἀχέσιμος и др. (Нот. II. XVI, 528-531; Евр. Alc. 92; Soph. Oed. R. 154; Paus. I, 3, 4).

Сначала во всех колониях Северного Причерноморья ритуалы праздников Аполлона Врача исполнялись примерно одинаково по заветам метрополии. Но с течением времени каждый праздник приобретал особые черты, присущие тому или иному городу; у Боспорян он долго оставался самым пышным государственным праздником, а в Ольвии уже в V в. до н. э. утерел свое первенствующее место.

Вскоре после появления колоний на берегах Боспора Киммерийского, вероятно, на рубеже VI-V вв. до н. э. несколько независимых полисов создали военно-политический союз для защиты своих экономических интересов и для совместных усилий при угрозе вторжения местных племен. Центром объединения стал Пантикапей, и здесь одновременно возникла религиозная амфикистия этих городов.⁸ Со временем первоначально равноправные полисы оказались подвластными пантикапейским правителям, и в результате на обеих сторонах Керченского пролива образовалось Боспорское царство.⁹

Союзы, называвшиеся амфикистиями (ἀμφικιστίονες - жители окружающих областей, соседи), характерны для архаического и классического периодов греческой истории. Наиболее знамениты амфикистии на Делосе и в Дельфах при храмах Аполлона. Первоначально члены амфикистий собирались на общие празднества и защищали свой главный храм и находившиеся там сокровища.

⁸ Толстиков В. П. К проблемам образования Боспорского государства // ВДИ. 1984. № 3. С. 46, 47.

⁹ Каллистов Д. П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л. 1949. С. 193-197; Виноградов Ю. Г. Исторические судьбы полисов Северного Причерноморья в V в. до н. э. // Античная Греция. М., 1983. Т. 1. С. 404-420; Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора в V-IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. М. 1985. С. 63-70; Васильев А. Н. К вопросу о времени образования Боспорского государства // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 111-128.

Праздничные собрания использовались также для совещаний на животрепещущие политические темы и для урегулирования разных спорных вопросов; со временем эта функция стала приобретать все более важное значение.

Образцом для боспорской амфикинии скорее всего послужили амфикинии на Делосе, куда издавна на праздники собирались ионийцы, и союз, объединявший 12 ионийских городов на родине колонистов, где в святилище Панионион проходили их общие религиозные празднества, упомянутые Геродотом (I, 148). Граждане многих окрестных городов собирались в Пантикапее на главный государственный праздник Аполлона Врача. Древнейшим боспорским памятником с упоминанием этого бога в настоящее время является пантикапейское граффито рубежа VI-V вв. до н. э.¹⁰ Деятельность амфикинии в V в. до н. э. подтверждается чеканкой местных монет с легендой АПОЛ,¹¹ а также возведением в это время на акрополе Пантикапея крупнейшего в Северном Причерноморье храма (рис. 10). По мнению современных исследователей, один Пантикапей не мог оплатить строительство столь большого сооружения, поэтому его возвели на средства всех членов амфикинии.¹²

Архитектурные остатки пантикапейского храма позволяют в общих чертах представить его размеры и внешний облик (рис. 11). Монументальное здание достигало высоты 14 м; его фасад украшали 6 колонн, и скорее всего, они окружали все сооружение, то есть это был периптер. Наверное, к скульптурному декору храма V в. до н. э. принадлежит уцелевший фрагмент мраморного фриза, исполненного одновременно с сохранившимися архитектурными деталями здания. Центр композиции фриза занимает Аполлон, рядом с ним находятся фигуры Гермеса, Артемиды и нимфы. Пространство около храма заполняли посвященные скульптуры, надписи

¹⁰ Толстиков В. П. Пантикапей - столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 69.

¹¹ Зубар В. М. Виникнення воєнного та релігійного союзу грецьких міст Боспору Киммерійського // Український історичний журнал. № 5. 1997. С. 46-49; Фролова Н. А. О проблеме чеканки монет с надписью АПОЛ // Боспорский сборник. № 5. М., 1995. С. 205-212.

¹² Пичикян И. Р. Указ. соч. С. 156-170.

и дары богу.¹³ Вероятно, боспоряне во время торжественных шествий на акрополь и жертвоприношений Аполлону перед его храмом стремились в меру сил воспроизвести ритуалы, принятые в Дидимах: многолюдные процессии, обильные жертвоприношения и состязания, в которых участвовали граждане городов, вошедших в амфикинию.¹⁴

С древнейших времен и до конца эллинистического периода Аполлон Врач занимал ведущее положение в пантеоне богов Пантикапея и всего европейского Боспора, поэтому его праздники были главными государственными торжествами. Династия Спартокидов, долго правившая на Боспоре, считала Аполлона Врача своим покровителем. В надписях IV-V вв. до н. э. упоминаются члены царской семьи и представители боспорской аристократии, занимавшие должности жрецов этого бога (КБН. 6, 10, 25). Они играли важнейшую роль на праздниках Аполлона, следя за правильным проведением ритуалов и совершая жертвоприношения, а по окончании срока жречества ставили посвященные статуи Аполлону, которые украшали теменосы у его храмов в Пантикапее, Фанагории и Гермонассе. От этих статуй сейчас уцелели лишь постаменты с посвященными надписями.

Менее пышные, чем в Пантикапее, праздники Аполлона Врача проходили в других боспорских городах. Граффиты VI-V вв. до н. э. с посвящениями этому богу найдены в Мирмекии, Феодосии, Патрее,¹⁵ они указывают на существование святилищ Аполлона, у которых проводились празднества. Лапидарные надписи IV-II вв. до н. э. из Фанагории и Гермонассы (КБН. 974, 985, 1037, 1044) свидетельствуют о распространении главного пантикапейского культа и на азиатской стороне Боспора.

Кроме Боспора в Северном Причерноморье праздники Аполлона Врача справляли также в Борисфене, Ольвии и Тире. О последней имеется немного эпиграфических и материальных источ-

¹³ Блаватский Г. Д. Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945-1948 гг. // М И А. 1957. № 56. С. 33; Пичикян И. Р. Указ. соч. С. 168-170, 177.

¹⁴ Дидимские ритуалы кратко описаны в древних надписях. Moretti L. Inscrizioni agonistiche Greche. Roma, 1973. P. 126. № 49.

¹⁵ Сударев Н. И. Культ Аполлона Врача на Боспоре и некоторые вопросы греческой колонизации // Древности Боспора. М., 1999. Вып. 2. С. 215, 216.

ников дорийского времени, и среди них есть надпись III в. до н. э. с посвящением Аполлону Врачу.¹⁶ Таково единственное указание на то, что в Тире, как и в других милетских колониях Северного Причерноморья, почитали этого бога и справляли соответствующие праздники.

Посвятительные граффити говорят о том, что уже в первой четверти VI в. до н. э. в Борисфене отмечали праздники Аполлона Врача и приносили дары в его святилище.¹⁷ На плечике толстостенного расписного сосуда VI в. до н. э. прочерчена надпись «Я принадлежу Аполлону Врачу»; по мнению В. П. Яйленко, это храмовая маркировка, и она свидетельствует о наличии архаического святилища бога в Борисфене. В другом граффито рубежа VI-V вв. до н. э. сообщается о выделении святилищу Аполлона двадцатой части от каких-то доходов или добычи.¹⁸ Поэтому можно узнать о некоторых источниках средств, на которые содержалось святилище и проводившиеся там праздники.

Праздники Аполлона Врача появились в Ольвии вскоре после ее основания. Косвенные свидетельства о них имеются среди археологических памятников, найденных на Западном теменосе города; в первую очередь это остатки храмов Аполлона Врача, называвшихся *Ἰατρίον*.¹⁹ Древнейший из них был сооружен из дерева и сырцового кирпича в первой трети VI в. до н. э., а на рубеже VI-V вв. до н. э. ольвиополиты построили новый более обширный храм, простоявший целое столетие. С. Д. Крыжицкий сделал реконструкцию здания, некогда украшенного привезенными из Милета расписными терракотовыми деталями и увенчанного крупным известняковым акротерием (рис. 12). Этот небольшой антовый храм ионийского типа с двумя колоннами по фасаду имел ширину 7 метров и вдвое большую длину.²⁰

¹⁶ Карышковский П. О. Надписи Тиры // ВДИ. 1959. № 4. С. 116.

¹⁷ Русаева А. С. Указ. соч. С. 31.

¹⁸ Яйленко В. П. Греческая колонизация VII—III вв. до н. э. М., 1982. С. 289, 290.

¹⁹ Русаева А. С. Указ. соч. С. 33.

²⁰ Крыжицкий С. Д. Храм Аполлона Врача на Западном теменосе Ольвии (опыт реконструкции) // ВДИ. 1998. № 1. С. 170-190.

Таким образом, мы имеем представление о двух храмах Аполлона Врача в Пантикапее и в Ольвии, перед которыми проходили главные жертвоприношения богу и другие торжества. Кроме того, известен в общих чертах облик особо почитавшейся в Ольвии архаической статуи Аполлона Врача. Скульптура хранилась в городе много столетий, она существовала еще во II в. н. э., потому что ее изображение чеканилось на ольвийских монетах этого времени. Аполлон был представлен во весь рост, одной рукой он держал прислоненный к ноге лук со стрелой, а в другой - какой-то круглый предмет. По форме калафа, венчавшего голову бога, статуя датируется началом или серединой VI в. до н. э.²¹ Традиция долго хранить и поклоняться древним скульптурам богов вообще характерна для античности. Известно, например, как радовались милетяне, когда в 295 г. до н. э. удалось возратить в Дидимское святилище похищенную персами статую Аполлона, исполненную Канакхом в конце VI в. до н. э. (Paus. I, 16, 3; II, 10, 4; Curt. Ruf. 28-35). Множество древних кумиров продолжало существовать в римское время; их подробно описали Плиний в «Естественной истории» и Павсаний в своем сочинении о достопримечательностях Эллады.

В IV в. до н. э. Западный теменос Ольвии украсила бронзовая статуя Аполлона Врача, исполненная афинским скульптором Стратонидом по заказу ольвиополита Леократа; от нее уцелел теперь лишь постамент с надписью (НО. 65). Скульптура появилась на этом теменосе, когда главные государственные праздники отмечали уже на другом священном участке и у иных храмов.

Во второй половине VI в. до н. э. в Ольвию прибыла новая волна милетских колонистов. Возможно, их возглавлял жрец Аполлона Дельфиния, покинувший родину вместе с группой соотечественников из-за политических неурядиц и подчинения Милета власти персов. Культ Аполлона Дельфиния, как писал Страбон (IV, 1, 4), был общим для всех ионян и занимал ведущее положение в

²¹ Карышковский П. О. Монетное дело Ольвии во второй половине VI в. до н. э. // Античная культура Северного Причерноморья. Киев, 1986. С. 31.

пантеоне Милета; его святилище с большим храмом находилось у Львиной бухты.²²

Почитатели Аполлона Дельфиния влились в гражданскую общину Борисфена и Ольвии, о чем свидетельствуют граффити с посвящением богу, и постепенно этот культ оттеснил на второй план Аполлона Врача и его праздники.²³ Гораздо меньшее количество почитателей Аполлона Дельфиния из новой волны колонистов поселилось на Боспоре. О них известно по посвячительным граффити V в. до н. э. из Тиритаки²⁴ и надписи IV в. до н. э. из Гермонассы (КБН. 1038); там в отличие от Ольвии праздники Дельфиния справляли гораздо скромнее, чем местные торжества Аполлона Врача.

Ольвийские праздники Аполлона Дельфиния проходили на Центральном теменосе города (рис. 13, 14). Сюда, начиная с третьей четверти VI в. до н. э., ольвиополиты приносили свои дары богу; от них сохранилось несколько обломков киликов с посвящениями Аполлону Дельфинию.²⁵ В начале V в. до н. э. здесь построили храм. По размерам он вдвое уступал пантикапейскому храму Аполлона Врача и внешне напоминал милетский Дельфинион: он имел те же размеры и сходную ориентацию на восток. Около его фасада находились два жертвенника, стояли вотивные статуи и декреты, высеченные на стенах.²⁶

В ольвийской культовой архитектуре V в. до н. э. заметны элементы архаизации; это перекликается с нашими знаниями об особой любви ольвиополитов к древним сказаниям о героях и дает основание предполагать, что здесь долго сохранялись в неприкосновенности многие аспекты культурной и религиозной жизни, заимствованные из метрополии при выводе колонии.²⁷ Поэтому можно думать, что празднества Аполлона Дельфиния, справлявши-

еся перед его храмом в классический период, имели многие архаические черты. В IV в. до н. э. ольвиополиты на месте старого воздвигли новый более крупный и богато украшенный храм.²⁸ Тогда, вероятно, главный государственный праздник Аполлона приобрел более пышный характер, свойственный подобным торжествам эпохи эллинизма, а дань древним ритуалам отдавали на Западном теменосе, где продолжали чтить Аполлона Врача.

Ольвийский праздник Аполлона Дельфиния сопровождался торжественной процессией, возлияниями и жертвоприношениями перед храмом бога, пением хоров и танцами, сходными с теми, о которых известно по надписям из милетского Дельфиниона.²⁹ Торжества проходили так же, как в Милете и других городах, весной во время открытия сезона мореплавания, потому что греки считали Дельфиния покровителем мореходов.³⁰ Эта эпиклеза Аполлона так разъяснялась в гомеровском гимне (II, 315-317):

Так как впервые из моря туманного в виде дельфина
Близ корабля быстроходного я поднялся перед вами,
То и молитесь мне впредь как Дельфинию.

(Перевод В. В. Вересаева)

Кроме покровительства мореплаванию Дельфиний, по мнению ольвиополитов, был организатором и покровителем их государства. Не случайно дельфин занял первостепенное место в символике Ольвийского полиса. В VI-V вв. до н. э. здесь обращались монеты в виде дельфинов (рис. 15), затем дельфин наряду с орлом, символом Зевса, вошел в эмблему Ольвии, которая чеканилась на монетах с последней трети V в. до первой половины II в. до н. э. (рис. 16, 17).³¹

В Милете организация культовых действий в честь Аполлона находилась в ведении жрецов, возглавлявших союз мольпов. По-

²² Rhem A. Milet. I, 3. Delfinon. 1913. S. 406-409.

²³ Русаева А. С. Указ. соч. С. 42, 43.

²⁴ Емец И. А., Чевелев О. Д. Эпиграфические материалы с Керченского полуострова // Эпиграфический вестник. М., 1995. № 16.

²⁵ Русаева А. С. Указ. соч. С. 42.

²⁶ Пичикян И. Р. Указ. соч. С. 178-184.

²⁷ Карасев А. Н. Монументальные памятники ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. М.; Л., 1964. С. 89.

²⁸ Там же. С. 41.

²⁹ Bilabel F. Die Ionische Kolonisation. Leipzig, 1920. S. 81.

³⁰ Кобылина М. М. Милет. М., 1965. С. 76.

³¹ Карышковский П. О. Об изображении орла и дельфина на монетах Синопы, Истрии и Ольвии // Нумизматика Северного Причерноморья. Киев, 1982. С. 80-98; Русаева А. С. Религия и культы... С. 65-70.

добный союз образовался и в Ольвии; о его деятельности в V в. до н. э. известно по нескольким посвятельным надписям Аполлону Дельфинию (НО. 55, 58, 60, 167). В ольвийский союз вошли представители аристократических родов, ведущих происхождение от издавна живших в Милете предков. Верховный жрец ольвийских мольпов, как и в метрополии, становился жрецом-эпонимом, то есть его именем назывался год и датировались государственные документы. При раскопках милетского Дельфиниона найдены списки подобных эпонимов, начиная с 523 г. до н. э.³² К сожалению, подобных списков не оказалось среди множества уцелевших надписей, которые ольвиополиты так же, как милетяне, ставили около своего храма Аполлона Дельфиния.

Мольбы чествовали Аполлона на совместных пиршествах, упомянутых в милетских надписях. Вероятно, подобные симпозионы устраивались также в Ольвии, и местные мольбы, приезжая в метрополию, посещали там эти торжественные трапезы. Они проходили в специально отведенном для них доме; еду и вино предоставляли все члены союза, кроме отдельных освобожденных от подобной обязанности. Во время симпозиона, как и на праздниках Аполлона Дельфиния, пение играло особо важную роль. Мольбы исполняли гимны в честь своего бога, считавшегося непревзойденным певцом и музыкантом; знаменательно, что наименование самих мольпов образовано от слова *μολπή*, означающее у Гомера только пение или пение в сопровождении пляски.³³

Древнейшие музыкальные и спортивные агоны в Северном Причерноморье, по-видимому, появились на праздниках Аполлона. Ведь в гомеровском гимне (I, 149, 150), созданном в период колонизации северных берегов Понта, говорится, что где бы ни собрались ионийцы, «они услаждают Аполлона пением и пляской». самого бога греки часто изображали с лирой или кифарой, ставшими его наиболее частыми атрибутами. Музыка на праздниках Аполлона в основном исполнялась на этих инструментах. Их изображения чеканились на монетах Ольвии, Херсонеса, Пантикапея и

³² *Rhem A.* Op. cit. № 122.

³³ *Карышковский П. О.* Ольвийские мольбы // Северное Причерноморье. Киев. 1984. С. 42-51.

Тиры. В Ольвии в мастерской коропласта, изготовлявшего посвященные статуэтки, можно было приобрести фигурку Аполлона, играющего на кифаре,³⁴ подобные статуэтки делали также на Боспоре.³⁵

Аполлон, по рассказам греков, чаще других богов принимал участие в различных состязаниях, получая первенство и в мусических, и в атлетических соревнованиях (Paus. Symp. VIII; 4, Mor. 724. В-С). Поэтому с архаического периода праздники Аполлона постоянно включали различные агоны. Греки считали бога непревзойденным исполнителем на лире и кифаре, все знали предание о наказании Марсия, вызвавшего Аполлона на музыкальное состязание и потерпевшего поражение (Her. VII, 26; Xen. Anab. I, 2, 8). Иллюстрации мифа на двух краснофигурных вазах из Херсонеса и Пантикапея³⁶ подтверждают знакомство с этим мифом эллинов, живших в Северном Причерноморье. По преданию, Аполлон побеждал на Пифийских и Олимпийских играх, одолевал в кулачном бою Ареса, в беге - Гермеса, стрелял из лука и метал диск (Paus. V, 7, 10; XIII, 5, 38). Вероятно, не случайно какой-то ольвиополит посвятил Аполлону чернофигурный килик с изображением борцов.³⁷

Кроме уже названных главных праздников в государствах Северного Причерноморья отмечали и другие праздники Аполлона. В Борисфене в VI в. до н. э. справили грандиозное по возможностям колонистов празднество в честь Аполлона Дидимского, принеся ему в жертву 70 быков.³⁸ Вероятно, как было принято у греков, большую часть туш раздали гражданам, и праздник, по обычаю, завершился большим пиром. Сохранившийся единственный эпиграфический документ с упоминанием жертвоприношения Аполлону Дидимскому не позволяет узнать, был ли регулярным в

³⁴ *Леви Е. И.* Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985. С. 83.

³⁵ *Кобылина М. М.* Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961. С. 61, 62.

³⁶ ДБК. Табл. 57; ОАК 1904. С. 68; LIMC. Bd. 6. S. 371, 372. № 31, 34.

³⁷ *Леви Е. И.* Материалы Ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. М.; Л., 1964. С. 145.

³⁸ Эта жертва Аполлону Дидимскому записана на березанском граффито VI в. до н. э. *Русяева А. С.* Милет-Дидимы-Борисфен-Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1986. № 2. С. 26.

Борисфене праздник с такими большими жертвами, или его провели по случаю какого-то выдающегося события.

Наверное, в упомянутом празднестве наряду с борисфенитами участвовали колонисты из нескольких поселений Нижнего Побужья. Именно этим можно объяснить столь большое количество жертвенных животных, которых в таком числе затруднительно было предоставить одному скромному поселению на Березани.³⁹ В связи с этим стоит напомнить, что для крупных жертвоприношений греки зачастую собирали скот из разных городов, привлекая их к участию в празднике. Например, каждый город, входивший в состав Афинского морского союза, доставлял на Панатинеи корову и двух овец (IG I². 57, 63, 66).⁴⁰ Вероятно, так поступали и на праздниках Аполлона Врача в Борисфене и Пантикапее.

Греки чтили Аполлона как покровителя календаря, и одна из основных функций последнего состояла в указании определенных сроков празднеств в честь разных божеств.⁴¹ Названия многих месяцев в календарях разных греческих полисов произошли от справлявшихся в них праздников. Наименование трех аполлоновских праздников отразилось в месяцах Таргелион, Кианепсион и Боздромион. Они входили в милетский календарь, по которому первоначально вели счисление все милетские колонии Северного Причерноморья. Кроме того, Аполлону посвящались каждый первый день нового месяца, его середина и 20-е число.⁴²

В месяце Таргелионе, приходившемся на рубеж апреля и мая, справлялись одноименные празднества Аполлона и его сестры Артемиды. Этот месяц упомянут в надписях Боспора⁴³ и Ольвии

³⁹ О небольшом количестве населения Борисфена в VI в. до н. э. свидетельствует найденное там граффито. См. *Русяева А. С.* Указ. соч. С. 14; *Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989. С. 78.

⁴⁰ *Латышев В. В.* Очерк греческих древностей. Богослужбные и сценические древности. СПб., 1997. С. 128; *Shapiro H.* Democracy and Imperialism. The Panathenaia in Age of Pericles // *Worshipping Athena. Panathenaia and Parthenon.* Madison, 1996. P. 222.

⁴¹ *Нильссон М.* Греческая народная религия. СПб., 1998. С. 33.

⁴² *Nilsson M. P.* Geschichte der griechischen Religion. München, 1976. Bd. 1. S. 644-647.

⁴³ *Грач Н. Л.* Открытие нового исторического источника в Нимфее // ВДИ. 1984. № 1. С. 87.

(IPE I². 44).⁴⁴ Граффито V в. до н. э. определенно свидетельствует о проведении Таргелий в Ольвии и даже указывает их даты: первого и седьмого числа одноименного месяца. Праздник начинался в новолуние, и затем его отмечали через семь суток в день рождения Аполлона, появившегося на свет на день позже Артемиды. 7-го Таргелиона в Милете и, наверное, в его колониях Северного Причерноморья было принято пить неразбавленное вино (Parthen. IX, 5).

В большинстве ионийских городов Таргелии справляли как весенний праздник плодородия, очищения и молитв о будущем урожае. Жертвенная каша ὄρυγελος, сваренная из разных зерен и злаков, дала название всему празднику. В первый день Таргелий проводили очищение, а во второй совершали жертвоприношения. Для очищения по городу проводили нескольких преступников, которые в это время, как предполагалось, вбирали в себя всю нечесть, затем их убивали или изгоняли из государства, и таким способом община избавлялась от скопившейся скверны.⁴⁵ Во время Таргелий хоры мальчиков и взрослых мужчин состязались в исполнении гимнов в честь Аполлона. В Милете церемонии Таргелий проходили у храма Аполлона Дельфиния; ведущую роль в них играли мольбы, а животное для жертвоприношения оплачивалось за государственный счет.⁴⁶ Наверное, сходные ритуалы проводили в милетских колониях Северного Причерноморья.

Другой распространенный у ионийцев праздник Кианепсии отмечался 7-го Кианепсиона и по милетскому календарю соответствовал теперешнему концу сентября. Подобно Таргелиям, название произошло от особо приготовленного в этот день блюда из чечевицы, бобов и разных овощей. Такое приношение совершалось Аполлону в его ипостаси бога, способствовавшего созреванию плодов и злаков. Кианепсии также знаменовали поворот к

⁴⁴ *Виноградов Ю. Г., Русяева А. С.* Культ Аполлона и календарь Ольвии // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980. С. 38.

⁴⁵ *Deubner L.* Attische Feste. Berlin, 1932. S. 179; *Simon E.* Festivals of Attica. An Archaeological Commentary. 1983. P. 86; *Parke H. W.* Athenische Feste. Mainz am Rhein, 1987. S. 226.

⁴⁶ *Parke H. W.* Festivals of the Athenians. London, 1986. P. 148.

зиме и срок, когда Аполлон отправлялся на несколько месяцев в страну сказочно счастливых гипербореев.

В конце лета в месяце Боэдромионе справляли праздник Аполлона, чтимого в роли помощника и защитника в битвах, поэтому участники торжественного шествия шли в полном вооружении.⁴⁷

В Херсонесе, единственной дорической колонии Северного Причерноморья, праздники Аполлона занимали скромное положение, а главная роль здесь отводилась Деве, ипостаси Артемиды. На херсонесских посвяtitельных граффити имя Аполлона обычно стоит рядом с его сестрой Артемидой и их матерью Лето.⁴⁸ Вероятно, не случайно среди уцелевших херсонесских скульптур отсутствуют изображения Аполлона.⁴⁹ Предполагается, что в Херсонесе отмечался праздник Аполлона Делосского, потому что делосцы входили в состав первых колонистов, а в эллинистический период существовали особо тесные религиозные связи между Херсонесом и Делосом.⁵⁰

В эллинистический период распространились празднества, устраивавшиеся на проценты от средств, пожертвованных в святилище того или иного бога.⁵¹ Так поступили херсонеситы, пожертвовав Аполлону Делосскому 4000 драхм; на проценты от этой суммы на Делосе в III в. до н. э. ежегодно в месяце Ленеоне справлялся праздник Херсонесии. Его наименование образовано от названия города так же, как и у других подобных празднеств, проходивших на острове, например, Атений и Ромайи. Херсонесии входили в число весьма многочисленных праздников, которыми в древности славился Делос. Ведь в античности этот небольшой остров в основном имел значение важнейшего религиозно-го центра, куда совершали паломничество эллины со всех концов ойкумены.⁵²

⁴⁷ Латышев В. В. Указ. соч. С. 130.

⁴⁸ Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978. № 86-88, 105, 106.

⁴⁹ См. книгу: Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976.

⁵⁰ Тюменев А. И. Херсонесские этюды // ВДИ. 1938. № 2. С. 265; Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И. Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996-1997. М., 1999. С. 120; Русаева А. С., Русаева М. В. Верховная богиня античной Таврики. Киев, 1999. С. 105.

⁵¹ Тюменев А. И. Указ. соч. С. 271, 272.

⁵² Лопухова О. Б. Делос во II в. до н. э. // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 224, 237-239.

По преданию, Аполлон и Артемида родились на Делосе, поэтому там особо чтили обоих богов. Многие граждане из разных городов Северного Причерноморья присутствовали на знаменитом во всем греческом мире празднике Аполлона в его делосском святилище, о чем известно из ряда надписей. Судя по эпиграфическим памятникам, в эллинистический период херсонеситы посещали Делос чаще других граждан Северного Причерноморья; некоторые из них, оказавшие особые услуги государству и святилищу, были удостоены венчания венками на местных праздниках (МИС. 22). В одном недавно найденном почетном декрете записано, что во II в. до н. э. херсонесит Аполлонид трижды награждался венком.⁵³

Ольвиополиты и боспоряне также посещали делосские праздники и делали приношения в храм Аполлона. В перечнях даров святилища упоминаются чаша, подаренная боспорским царем Перисадом в 269 г. до н. э. и три серебряные чаши весом по 100 драхм, поднесенные херсонеситами (МИС. 25-28). Сохранились также делосские проксении, данные гражданам Ольвии и Пантикапея (МИС. 21, 23, 24); среди прочих привилегий они получали право занимать передние почетные места во время праздничных агонев (МИС. 21).

Традиция ионийцев из разных городов отмечать вместе на Делосе весенний праздник Аполлона существовала еще в эпоху архаики (Ном. Нумн. II, 146-162). В классический период Аполлонии стали грандиозным панэллинским праздником, справлявшимся раз в четыре года; на него эллины собирались много столетий вплоть до первых веков нашей эры.⁵⁴

Аполлонии славились агонами и в первую очередь музыкальными. Особо почетное место отводилось хорам с танцами юношей, девушек и мужчин. Они приезжали из многих городов и в случае победы получали в награду треножник.⁵⁵ Певцы выступали в венках и специально изготовленных к празднику одеждах;

⁵³ Farnoux D. Delos // Bulletin de Correspondance Hellenique. T. 115. 1991. P. 722, Fig. 4.

⁵⁴ Нильссон М. Указ. соч. С. 136.

⁵⁵ Ringwood I. Local Festivals at Delos // A JA. V. 37. N. 3. 1933. P. 452.

хористы стремились затмить соперников не только своим мастерством, но также внешним видом, для чего благотворители тратили немалые средства. Во второй половине V в. до н. э. хор из Афин произвел потрясающее впечатление; выдающийся политический деятель и полководец Никий приобрел для певцов роскошные одеяния и венки, а также построил мост к Делосу от островка Рении, к которому пристал афинский корабль. Зрители, собравшиеся на праздник, с восхищением смотрели, как богато наряженный хор с пением вступал на Делос по мосту, убранному коврами и венками (Plut. Nic. 3).

В эллинистический период мусические агоны на Аполлониях дополнились драматическими состязаниями, включавшими главным образом современные комедии, реже трагедии. Здесь разыгрывали те же пьесы и выступали те же актеры, которые участвовали в афинских Ленеях и дельфийских Сотериях.⁵⁶ Поэтому гости из Северного Причерноморья могли видеть лучших исполнителей и знакомиться с произведениями самых популярных драматургов своего времени. После музыкальных агонов проводились атлетические и конные состязания, их победители получали пальмовые ветви и призовые серебряные чаши (IG. II. 814, 816; Plut. Thes. 21).

Не менее прославленный в греческой ойкумене праздник Аполлона проходил в его святилище близ Дельф (рис. 18); в этом «общем очаге Эллады» устраивались Пифийские игры в память о победе бога над чудовищем Пифоном,⁵⁷ и во время музыкального агона исполнялась песнь-гимн на эту тему (Horn. Hymn. II, 115-196; Callim. Hymn. II, 100-104; Ovid. Met. I, 446, 447). В государства Северного Причерноморья прибывали корабли со священ-

⁵⁶ Ibid. P. 455.

⁵⁷ Так объясняли название игр сами эллины, но вернее праздник получил наименование по местности Пифо, где он проводился с древнейших времен; ведь именно так были названы другие главные общегреческие игры в Олимпии Немее и на Истме. См. Шарнина А. Б. Пифийские игры в Дельфах // ΜΟΥΣΕΙΟΝ. Сборник статей к 70-летию проф. А. И. Зайцева. СПб., 1997. С. 69, 70. О Пифийских играх см. в главе «Спортивные и музыкальные агоны».

ными послами феорами, они приглашали граждан на дельфийские праздники и объявляли точную дату их начала (МИС. 12). К назначенному сроку греческие города отправляли священное посольство во главе с архифеором, иногда членами таких посольств бывали боспорские цари. Это можно предположить потому, что в почетном постановлении дельфийцев в честь царей Перисада и Камассарии говорится, что они сами и их предки постоянно почитали дельфийского Аполлона (МИС. 15). В каталоге дельфийских проксенов II в. до н. э. назван херсонесит Гимн, по-видимому, исполнявший обязанности архифеора (МИС. 14). Вместе с посольством прибывали граждане, собирающиеся принять участие в агонах.

Кроме Пифийских игр греки с северных берегов Понта посещали дельфийские Сотерии (игры спасения) в честь Аполлона и Зевса. Их учредили в 278 г. до н. э. в память о разгроме галатов, грозивших разорить Дельфы, и о помощи богов, помогавшим грекам победить. Учитель хора боспорянин Исил числится в списке участников Сотерий 272 г. до н. э. (МИС. 11). По этому и нескольким другим сохранившимся спискам можно представить программу музыкальных агонов на Сотериях: там состязались рапсоды, мужские и детские хоры, сольные певцы, кифаристы, авлеты и комические актеры.

Гости привозили в Дельфы разнообразные дары. В торжественной обстановке какого-то праздника херсонеситы во главе с послами Формионом и Гераклидом совершили жертвоприношение Аполлону и Афине в 100 голов скота и после этого отдали местным гражданам мясо, оставшееся после жертвы. Об этом с благодарностью говорилось в постановлении о даровании городу Херсонесу промантеи (права вне очереди обращаться к дельфийскому оракулу) и проксений херсонесским архонтам и двум их послам (МИС. 13).

Наряду с крупными государственными и частными дарами небогатые люди в меру своих возможностей делали скромные пожертвования в храм, и их также отмечали в дельфийских надписях. Так, один херсонесит сделал взнос в размере всего двух

оболов (МИС. 10); может быть, он был рядовым членом команды корабля, доставлявшего гостей на праздник.

Как правило, греческие колонии поддерживали тесные религиозные связи с метрополией. С древнейших времен граждане городов Северного Причерноморья регулярно посещали милетские праздники Аполлона. Боспор и Ольвия на протяжении многих столетий имели постоянные контакты с милетским Дельфинионом и Дидимским святилищем, посылая туда своих представителей на главные праздники. Не случайно при раскопках Дельфиниона обнаружен декрет об исополитии Милета и Ольвии (Syll.3 286); в нем говорится, что граждане этих городов на равных основаниях могут участвовать в жертвоприношениях, агонах и других праздничных церемониях. Ольвиополиты, безусловно, пользовались этим, посещая метрополию. На милетских праздниках Аполлона иногда присутствовали боспорские цари и их послы. Сохранились надписи II в. до н. э. о подношениях в Дидимейон от Перисада III и Камасарии. Царь подарил золотую чашу весом в 200 статеров, а дар царицы несколько уступал в весе - 187 статеров (МИС. 38, 39).

Отдельные сообщения древних авторов, тексты некоторых надписей и материалы археологических раскопок позволяют представить, как милетяне весной в месяце Тавреоне отмечали праздник Аполлона, называвшийся Διδόμεια. Корпорация певцов и танцоров устраивала торжественную процессию из Милета в Дидимы. В определенных местах шествие останавливалось для исполнения хоров: первый пеан Аполлону звучал у ворот Милета, затем хор пел у святилища Гекаты, на холме нимф и у статуй Гермеса и Хареса. Праздничная процессия двигалась по проложенной в лесистой местности священной дороге, вымощенной щебнем, а в римское время выложенной камнем. Долгий путь тянулся 180 стадиев вплоть до ворот святилища Аполлона, стоявшего на высоком месте, откуда открывался широкий вид на окрестности. Вдоль дороги близ святилища и на подступах к храму стояли посвященные скульптуры. В архаический период они представляли лежащих львов и торжественно восседающих мужчин и женщин, изображавших людей, совершивших посвящения богу.

Участники праздника, войдя в ворота святилища, попадали на улицу длиной 250 м, подводившую к боковой стороне храма Аполлона, они огибали его и завершали свой поход у главного фасада. Здесь совершались жертвоприношения на круглом алтаре, проходили состязания хоров, бег с факелами и другие соревнования. Зрители сидели на ступенях храма и на специально построенных для этого уступах подпорной террасы.⁵⁸

Итак, с архаического вплоть до начала римского времени праздники Аполлона играли ведущую роль в милетских колониях Северного Причерноморья. Ольвийский храм Аполлона Дельфиния и пантикапейский храм Аполлона Врача занимали господствующее положение в панораме города, открывавшейся перед взором мореходов, прибывавших сюда из многих государств Причерноморья и Средиземноморья. В первые века существования колоний праздничные ритуалы в честь бога копировали принятые в Милете церемонии. Наиболее яркие свидетельства этого найдены при раскопках Ольвии. Там на Центральном теменосе построили храм Аполлона Дельфиния по образцу милетского; на теменосе Аполлона почитали Зевса, что напоминает о культе этого бога в Дидимском святилище на празднике Боэгия (Callim. Fr. 36). Вдоль ольвийской священной дороги для праздничных шествий стояли сделанные милетскими мастерами скульптуры львов, сходные с аналогичными изваяниями на пути в Дидимейон.⁵⁹

В римский период праздники Аполлона Врача на Боспоре и Аполлона Дельфиния в Ольвии утратили свою роль ведущих государственных торжеств. После возобновления жизни Ольвии, прерванной из-за разрушения города гетами, местный пантеон сильно изменился, и взамен Аполлона Дельфиния первенствующее место заняла другая ипостась этого бога - Простат.⁶⁰

⁵⁸ Nilsson M. P. Die griechische Feste von religiösen Bedeutung. Leipzig, 1906. S. 177; Кобылина А. И. Указ. соч. С. 110, 111; 114-117.

⁵⁹ Русева А. С. Скульптура // Культура населения Ольвии и ее окружи в архаическое время. Киев, 1987. С. 159, 160.

⁶⁰ Русева А. С. Религия и культы... С. 50.

Еще более радикальные перемены в системе праздников произошли на Боспоре. Стремясь превратить в единое целое страны, входившие в его владения, Митридат VI Эвпатор ввел на Боспоре македонский календарь и летосчисление, принятое в Понте и Вифинии.⁶¹ Это должно было повлечь за собой настоящую революцию в системе государственных праздников, отмечавшихся в строго определенные числа прежнего календаря.⁶² Торжества в честь Аполлона Врача утратили свое главенствующее положение, что подтверждается весьма малым количеством свидетельств о культе этого бога в римское время.

3 глава

ПРАЗДНИКИ АРТЕМИДЫ

⁶¹ Перл Г. Эры Вифинского, Понтийского и Боспорского царств // ВДИ. 1969. № 3. С. 68.

⁶² Ср. главу «Праздники, календарь и определение времени».

В гимне Каллимаха «К Артемиде» (III, 124-132) описаны несчастья людей, разгневавших сестру Аполлона; ведь только у тех, кому она покровительствует, созревают хорошие урожаи, растут стада и роженцы благополучно разрешаются от бремени. Любимое занятие Артемиды - охота в горах и созерцание танцев и хороводов на праздниках в ее честь (Ном. Нумн. 18-20; Callim. Нумн. III, 180-182; 264, 265; Paus. VI, 2, 6-9). Поэтому во всех греческих государствах справлялись те или иные праздники этой богини.

В Милете, как и во многих ионийских городах, Артемиде поклонялись с древнейших времен (Callim. Нумн. III, 225-227). Поэтому уже в первые десятилетия после переезда греков на новую родину в милетских колониях Северного Причерноморья появились праздники Артемиды, воспроизводившие ритуалы, принятые в метрополии. Судя по архаическим изображениям богини, колонисты представляли ее охотницей с традиционными атрибутами: луком со стрелами и ланью, ее священным животным.¹

Разнообразные эпиклезы богини (в Ольвии, например, их насчитывается шесть)² указывают на многообразие ее празднеств в Северном Причерноморье. Праздники Артемиды Агротеры в Фанагории проходили около ее храма (КБН. 1014), а праздники Артемиды Эфесской справляли в Борисфене, Ольвии, Керкинитиде и в ряде городов Боспора.

¹ Такой мы видим Артемиду на терракоте рубежа VI—V вв. до н. э. из Пантикапея. См.: *Кобылина М. М.* Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961. С. 48.

² *Русяева А. С.* Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 106, 107.

В Пантикапее найдена одна из самых древних греческих надписей в Северном Причерноморье. В середине VI в. до н. э. некий Сон преподнес в дар Артемиде Эфесской бронзовое ситечко для процеживания вина и написал посвящение на его ручке.³ Это косвенно свидетельствует о существовании святилища богини, около которого справляли ее праздники. О том же говорят надписи IV в. до н. э. из Пантикапея, Гермонассы и Горгиппии (КБН. 6 а, 11, 1040, 1114). В двух из них названы жрицы Артемиды Эфесской; они посвящали богине алтари и статуи и, безусловно, совершали ритуалы, принятые на ее праздниках. Вероятно, эти ритуалы напоминали те, которые проводили около самого знаменитого греческого храма Артемиды в Эфесе. Там находилась древняя своеобразная статуя богини со множеством женских грудей. Ее упрощенная копия, воспроизведенная на терракоте из Ольвии, указывает на то, что в этой колонии, как и на Боспоре, поклонялись Артемиде в такой ипостаси.⁴ Праздники Артемиды Эфесской также отмечали в Керкинитиде около ее святилища, там найдены два граффити с посвящениями богине на килике и скифосе V в. до н. э.⁵ О том же свидетельствует близкая по времени надпись на чернолаковой солонке из раскопок на Березани.⁶

³ Фрагмент бронзового предмета с надписью был обнаружен В. Д. Блаватским во время раскопок Пантикапея и предположительно определен им как часть треножника, см.: *Блаватский В. Д.* Пантикапей. М., 1964. С. 52. Позднее М. В. Трейстер (Древнейший предмет этрусского производства в Северном Причерноморье и некоторые проблемы ранней истории Пантикапея // КСИА. 1990. № 197. С. 40) убедительно доказал, что это часть ситечка для процеживания вина. Надпись на нем впервые опубликована в статье Н. П. Розановой «Посвятительная надпись Артемиде Эфесской, найденная в Пантикапее в 1949 г.» (ВДИ. 1960. № 3. С. 130-132). И хотя Блаватский сомневался в том, что там читается слово «Эфесская», Ю. Г. Виноградов при повторном изучении надписи поддержал чтение, предложенное Розановой, и датировал надпись серединой VI в. до н. э. См.: *Виноградов Ю. Г.* Прохус Миниды из Пантикапея // ВДИ. 1974. № 4. С. 60, 61. Эта датировка поддержана в упомянутой статье Трейстера.

⁴ *Русяева А. С.* Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982. С. 78.

⁵ *Кутайсов В. А.* Античный город Керкинитида в VI—II вв. до н. э. Киев, 1990. С. 142; *Он же.* Керкинитида. Симферополь, 1992. С. 48.

⁶ *Яйленко В. П.* Греческая колонизация. М., 1982. С. 90. № 100.

В древности эфесский храм причисляли к семи чудесам света; множество эллинов из разных концов ойкумены прибывало туда на праздники, сопровождавшиеся музыкальными, атлетическими и конными агонами. Паломники приезжали целыми семьями и приносили богине всевозможные дары и жертвы (Dion. Hal. IV, 25). На рубеже III-II вв. до н. э. Антипатр Сидонский, видевший все семь чудес, счел храм Артемиды Эфесской самым замечательным и написал такую эпиграмму:

Видел я стены твои, Вавилон, на которых просторно
И колесницам; видел Зевса в Олимпии я,
Чудо висячих садов Вавилона, колосс Гелиоса
И пирамиды - дела многих и тяжких трудов;
Знаю Мавсола гробницу огромную. Но лишь увидел
Я Артемиды чертог, кровлю вознесший до туч,
Все остальное померкло пред ним; вне пределов Олимпа
Солнце не видит нигде равной ему красоты.

(АР. IX, 58; перевод Л. Блуменау)

Весьма вероятно, что среди паломников бывали и греки из Северного Причерноморья, в первую очередь с Боспора, так как там памятники с именем Артемиды Эфесской встречаются вплоть до эллинистического времени. В других городах на северных берегах Понта они исчезают значительно раньше, при том что свидетельства об Артемиде с иными эпиклезами там достаточно многочисленны.

В ионийских колониях женщины играли заметную роль на праздниках Артемиды. Выше упоминались ее жрицы на Боспоре, а на постаменте утраченной скульптуры эллинистического времени сохранилось имя ольвийской жрицы Тимо (ΙΡΕ Ι². 190), ее муж Эпикрат поставил в святилище Артемиды статую в память о служении богине своей супруги. Вероятно, в том же святилище находилась частично уцелевшая мраморная скульптура III в. до н. э.; Артемиды изображена в традиционном образе охотницы: коротком хитоне с колчаном, висевшем на ремне у нее за спиной.⁷

⁷ *Штителман Ф. М.* Античне мистецтво. Київ, 1977. Рис. 63.

Наверное, в Северном Причерноморье, как и повсюду в Греции, праздники Артемиды сопровождалась женскими хороводами и танцами.⁸ Среди последних известны прилий и пиррихий, исполнявшиеся с оружием в руках под музыку аулосов.⁹ Женщины постоянно делали приношения богине. Жительница Керкинитиды Хедея посвятила Артемиде чернофигурный килик, а ольвийские коропласты для приношений в святилище изготавливали терракотовые фигурки богини-охотницы.¹⁰ Поклонницы Артемиды носили украшения с ее изображениями и обязательно надевали их во время праздников богини. Таковы, например, золотые серьги из Нимфея, представляющие Артемиду сидящей на скачущей лани, одной рукой она держится за рог животного, а другой сжимает факел.¹¹ Бронзовые и золотые перстни с изображением Артемиды из боспорских некрополей могли украшать наряд женщин и мужчин на праздниках богини.¹²

Праздники в Херсонесе Таврическом существенно отличались от справлявшихся в милетских колониях Северного Причерноморья. Ведь Херсонес единственный в этом районе был заселен дорийцами и потому жил по не похожему на милетский дорийскому календарю, заимствованному из его метрополии Гераклеи Понтийской. Этот календарь оставался в античном Херсонесе неизменным, как можно заключить по названиям месяцев в надписях римского времени. Соответственно сроки праздников и их характер здесь были иными, чем у ионийцев. О своем дорийском происхождении херсонеситы твердо помнили и через много

⁸ Laurer L. The Dance in Ancient Greece. Seattle and London, 1967. P. 105.

⁹ Poursat J. K. Les representation de dans armée dans la céramique attique // Bulletin de correspondance hellénique. 1968. P. 614.

¹⁰ В Ольвии найдена глиняная форма местного производства для таких фигурок. См.: Русаева А. С., Сон Н. О. Терракотовая форма с изображением Артемиды // Археология. 1995. № 4. С. 138-140.

¹¹ ГЗ. С. 173. № 110.

¹² Античная художественная бронза. Л., 1973. С. 35. № 110, 114; Неверов О. Я. Античные инталии в собрании Эрмитажа. Л., 1976. С. 90. № 39; ГЗ. С. 193. № 125; Русаева А. С., Русаева М. В. Верховная богиня античной Таврики. Киев, 1999. С. 150, 151.

столетий после основания колонии; во II в. н. э. в гимне в честь Гермеса они просили милости бога «ко всем населяющим славный город дорян» (IPE I². 436).

Главный государственный праздник Херсонеса был посвящен Артемиде с эпиклезой Παρθένος (непорочная дева); херсонеситы постоянно называли свою богиню одной эпиклезой, опуская ее имя. В XIX и в начале XX веков исследователи считали херсонесскую Партенос греческой Артемидой, которую греки называли наряду с Афиной богиней-девственницей.¹³ Затем до середины XX в. стало господствующим утверждение, что Партенос имела определенные черты главной богини тавров, упомянутой Геродотом (IV, 103) с именем Дева; высказывалось даже предположение, что пантеон херсонеситов возглавляла местная таврская богиня.¹⁴ Теперь эта точка зрения потеряла своих сторонников, потому что отсутствуют убедительные свидетельства о сколько-нибудь заметном влиянии верований соседних племен на религию жителей Херсонеса.¹⁵

¹³ Кене Б. В. Описание музея кн. В. В. Кочубея и исследования об истории и нумизматике греческих поселений в России равно как и царств Понтийского и Босфора Киммерийского. СПб., 1857. Т. 1. С. 122; Хирст Дж. Ольвийские культы // ИАК. № 27. С. 112-115; Иванов Е. Э. Херсонес Таврический. Симферополь, 1912. С. 18.

¹⁴ Латышев В. В. Гражданская присяга херсонесцев // Повтхъ. СПб., 1909. С. 158, 159; Он же. К вопросу о культе богини Девы в Херсонесе // Сборник Харьковского историко-филологического общества в честь профессора В. П. Бузескула. Харьков, 1914. С. 206-214; Толстой И. И. Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг. 1918. С. 116, 117; Ростовцев М. И. Новая книга о Белом острове и Таврике // ИАК. № 65. 1918. С. 195-197; Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М.; Л., 1953. С. 238-247; Белов Г. Д. Херсонес Таврический. Л., 1948. С. 32; Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973. С. 78 и др.

¹⁵ Мещаряков В. Ф. О культе богини Девы в Херсонесе // Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. Л., 1979. С. 118, 119; Пальцева Л. А. Культ богини Девы в Херсонесе // История античного общества. Горький, 1979. С. 46; Скржинская М. В. Скифия глазами эллинов. СПб., 1992. С. 38; Русаева А. С. Русаева М. В. Верховная богиня античной Таврики. Киев, 1999. С. 67-166. Более подробно историография вопроса о верховной богине Херсонеса приведена в статье: Лапина О. В. Херсонесская Партенос (историографический аспект) // Акра. Сборник научных трудов. Нижний Новгород, 2002. С. 70-86.

Колонисты избрали Артемиду главным божеством своей новой родины и даже рассказывали легенду, что именно она основала их город (Mela II, 3). Артемиды с эпиклезой Партенос олицетворяла для херсонеситов их постоянную покровительницу (IPE I². 352); они клялись ее именем на верность отчизне (IPE I². 401), верили, что богиня в критические моменты является на помощь городу (IPE I². 343, 344, 352), чеканили ее изображения на своих монетах (рис. 19). В ее честь постоянно справляли главный праздник и особыми торжествами отмечали победы, одержанные «благодаря принимающей на себя заботы богине».¹⁶ Херсонеситы называли также Артемиду Спасительницей, веря в ее помощь при нападениях врагов, и приносили благодарственные жертвы на посвященных ей алтарях (НЭПХ. 125).

В перипле Псевдо-Скимна (ст. 826-831) сказано, что в приводе колонии на место будущего Херсонеса вместе с гераклеотами участвовали уроженцы острова Делос. Долгое время датой возникновения города считался 421 г. до н. э., но теперь убедительно доказано на основании письменных источников и новых археологических материалов, что появление Херсонеса на Таврическом полуострове следует отнести к гораздо более раннему времени, а именно к 528/7 г. до н. э.¹⁷

Вероятно, с самого начала главный праздник Артемиды имел как дорийские, так и ионийские черты, отражая вкусы первых колонистов. Дорийские черты вносили выходцы из Гераклеи, а ионийские - уроженцы Делоса. По преданию, на Делосе родились Аполлон и Артемиды, и там отмечались известные во всей Элладе праздники этих богов. И в дальнейшем на характер херсонесских праздников влияли постоянные контакты с метрополией и тесные связи с Делосом, о которых свидетельствуют надписи эллинистического времени (МИС. 22, 25-27, 29, 30, 31).

¹⁶ Виноградов Ю. Г. Херсонесский декрет о «несении Диониса» IOSPE I² № 343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. 1997. № 3. С. 121.

¹⁷ Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И. Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы. Северное Причерноморье в античности. М., 1999. С. 91-129.

Почитание Артемиды с эпиклезой Партенос и ее праздники получили в Херсонесе особую окраску. Став верховным божеством города, богиня наряду с исконными чертами охотницы и покровительницы всего живого приобрела статус защитницы города, поэтому среди ее храмовых изображений в Херсонесе наряду с традиционным образом охотницы появились статуи Партенос в башенной короне, о чем речь пойдет ниже.

Херсонесские Партении - единственный главный государственный праздник в Северном Причерноморье, официальное название которого сейчас точно известно, так как оно записано в декрете Диофанта (IPE I². 352). Там говорится о решении Совета и Народа увенчать полководца золотым венком за победу над скифами и провозгласить об этом во время торжественного шествия (πομπή) на празднике Партений (Παρθέναια). Значит, в Херсонесе, как и в других греческих демократических государствах, главный праздник включал церемонию провозглашения о наградах особо заслуженных соотечественников и иностранцев. Херсонеситы устраивали торжественную процессию по городу, и во время ее движения глашатай громко читал постановление. Сам лауреат, вероятно, шел в первых рядах шествия, а все не включенные в процессию жители сходились смотреть на нее и провожать к теменосу богини, где шествие оканчивалось у алтаря Партенос перед ее храмом.

Археологи пока не нашли остатков этого храма, но о нем имеются сведения в письменных и эпиграфических источниках. В надписях III-II вв. до н. э. сказано, что в пронаосе храма Партенос выставлялись почетные декреты (IPE I². 344, 353), а Страбон в «Географии» (VII, 4; С. 308) упомянул о находившемся в храме ксоане, древнем деревянном изображении Артемиды: *Χερρόν-ησος... ἐν ἣ τὴ Παρθένου ἱερὸν, δαίμονος τίνος, ἥς ἐπώνυμος καὶ ἡ ἄκρη ἢ προ τῆς πόλεως ἐστὶν ἐν σταδίοις εκατὸν, καλούμενη Παρθένων, ἔχον νεῶν τῆς δαίμονος καὶ εἶδανον.*

Текст знаменитого географа можно истолковать в двух смыслах, не противоречащих грамматике греческого языка. Более простое понимание подразумевает, что речь идет о святилище Девы и

ее храме с древней статуей на мысе Партений. Так переводили это место из «Географии» С. А. Жебелев и английский переводчик Страбона Х. Л. Джоунз.¹⁸ Но логичнее думать, что речь идет о главном херсонесском храме Партенос и находившемся там особо почитаемом древнем кумире, стоявшем не в загородном святилище, которое легко могло подвергнуться нападению воинственных соседей, а за надежными каменными стенами города. Поэтому предпочтительнее толкование В. В. Латышева, поддержанное И. И. Толстым и недавно К. П. Джоунзом: причастие εχονадо согласовать не с ближайшим к нему словосочетанием «мыс Партений», а со словами святилище Девы. Тогда в русском переводе текст Страбона читается так: «Херсонес... в котором есть святилище Девы, какой-то богини, имя которой носит и находящийся перед городом на расстоянии ста стадий мыс, называемый Партением. В святилище находится храм богини и ксоан».¹⁹

Греки особо почитали ксоаны, древнейшие деревянные изображения божеств, и чем древнее была святыня, тем большим почетом она пользовалась. Херсонеситы, безусловно, связывали с ксоаном Артемиды местные мифы о богине, вспоминали их на ее праздниках, и, наверное, на такие сюжеты местные поэты писали гимны для исполнения на праздниках.²⁰ В этих мифах каким-то образом отражалось бытовавшее во всем эллинском мире представление о пребывании в Таврике Артемиды и ее жрицы Ифигении еще во времена Троянской войны, то есть задолго до основа-

¹⁸ Жебелев С. А. Указ. соч. С. 239; *Strabo. Geography*. Ed. H. L. Jones. The Loeb Classical Library. London, 1970.

¹⁹ Латышев В. В. Указ. соч. 1909. С. 133-137; Толстой И. И. Указ. соч. С. 95; Джоунз К. П. Херсонес Таврический в надписи из Порто близ Рима // ВДИ. 1994. № 2. С. 146. К сожалению, переводчик статьи неверно истолковал переведенное Джоунзом интересующее нас место из сочинения Страбона. Якобы более точный перевод, предложенный А. С. Русаевой в 1999 г., не отвечает грамматике греческого языка и потому не снимает возможность двоякого понимания текста, как кажется автору. См.: Русаева А. С., Русаева М. В. Указ. соч. С. 78.

²⁰ О том, что местные поэты слагали подобные гимны, свидетельствует херсонесская надпись с несколькими строками гимна Гермесу (IPE I². 436).

ния Херсонеса. Предание оправдывало в глазах херсонеситов их исконное право владения землями на Таврическом полуострове так же, как ольвийские рассказы о Геракле в Скифии или боспорский вариант мифа о борьбе Афродиты с гигантами на Таманском полуострове.²¹

Подробнее всего сюжет известного всем грекам мифа сохранился в трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде». Там рассказано о том, как Артемиды спасла Ифигению из жертвенного костра, перенесла в Таврику и сделала своей жрицей в местном храме; через несколько лет, по пророчеству Аполлона, туда прибыли Орест и Пилад и вместе с Ифигенией похитили из храма древний идол Артемиды, некогда «упавший с неба», отвезли в Атику и поместили его в храм богини в Алах Арафенидских. В ряде других греческих храмов в Аргосе, Лаодикее и даже в колониях южной Италии древние ксоаны также считались привезенными из Таврики. Это объясняется распространенной эпиклезой Артемиды Тавропола, в основе своей означавшей покровительницу животных, в частности быков (ταύροι), но первоначальное значение забылось, а народная этимология связала эпиклезу богини с наименованием далекой почти сказочной Таврики на краю греческой ойкумены. Таким образом, определение Тавропола стали понимать как эпитет богини, которой поклоняются в Таврике (Eur. Iph. Taur. 1153-1157; Callim. Hymn. III, 173, 174; Diod. Sic. IV, 44).²²

Херсонеситы, несомненно, знали миф, отразившийся в трагедии Еврипида и во многих произведениях изобразительного искусства.²³ Однако на Таврическом полуострове существовал свой собственный вариант сказания, и в нем скорее всего говорилось, что древний идол богини не был похищен, и именно он находится в херсонесском храме в виде ксоана, упомянутого Страбоном. Несколько местные мифы могли кардинально отличаться от общеиз-

²¹ Ср. главу «Праздники Афродиты».

²² Толстой И. И. Указ. соч. С. 194.

²³ Philippart H. Iconographie de l'Iphigenie en Tauride d'Euripide // Revue Beige de Philologie et Histoire. 1925. V. 4. P. 5-33; Sechan L. Etudes sur la tragedie greque dans ses rapports avec la ceramique. Paris, 1967. P. 385.

вестных вариантов, видно по рассказывавшемуся на Боспоре мифу о гигантомахии Афродиты Апатуры, о чем пойдет речь в главе о праздниках этой богини.

Ни описание храма Артемиды в трагедии Еврипида, ни его изображения на вазах не имеют никакого отношения к реальному храму Партенос в Херсонесе или в его окрестностях.²⁴ Но некоторые рисунки на вазах дают приблизительное представление, как выглядел ксоан Артемиды. На итальяском кратере IV в. до н. э. из московского Музея изобразительных искусств вазописец нарисовал обобщенный тип такой древней деревянной скульптуры (рис. 20). Он поместил Ифигению внутрь храма и около нее поставил доходящую ей до талии статую неподвижно стоящей Артемиды с опущенными вдоль тела руками. Слева к храму приближается Орест, а справа сидит сама богиня Артемиды, беседующая со своим братом Аполлоном. Плохо сохранившееся изображение небольшого ксоана Артемиды можно рассмотреть на амфоре из Эрмитажа, расписанной одним из лучших итальянских художников конца IV в. до н. э. Мастер нарисовал убегающих из храма Ореста, Пилада и Ифигению, которая левой рукой прижимает к груди похищенный священный идол (рис. 21).

Кроме древнего ксоана в Херсонесе стояли и другие более совершенные скульптуры верховной богини города. На нескольких разных выпусках монет римского времени представлена одна и та же, наверное, особо почитавшаяся статуя Артемиды из ее главного святилища. А. Н. Зограф на основании этих изображений предложил реконструкцию общего вида этой скульптуры: богиня стояла в длинном хитоне, ее голову увенчивала башенная корона, в правой руке она держала дротик, а в левой – лук. По заказу херсонеситов статую выполнил мастер пергамской школы в III-II вв. до н. э., и она находилась в городе несколько столе-

²⁴ Скржинская М. В. Реальные и вымышленные черты Северного Причерноморья в трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде» // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1988. С. 183-188.

тий.²⁵ Изображенная на монетах второй четверти III в. до н. э. Партенос, сидящая на троне, возможно, так же воспроизводит облик какой-то херсонесской статуи.²⁶

Многие херсонеситы имели у себя дома небольшие изображения верховной богини, а также дарили их в ее святилища. Таковы посвятельный рельеф с Артемидой, преследующей лань, небольшая мраморная статуя богини в длинном одеянии с колчаном за спиной и ее терракотовая статуэтка.²⁷ Отпечатки гемм на глиняных грузилах показывают, что херсонеситы носили перстни с изображением Артемиды.²⁸

Подобно жертвоприношению на любом греческом празднике, жертвоприношение Партенос считалось центральным и важнейшим ритуалом во время ее государственных торжеств. Оно совершалось на ее главном алтаре на акрополе города; этот алтарь упомянут в декрете Диофанта, где сказано о постановке его статуи около алтарей Партенос и Херсонаса (IPE I². 353). Вероятно, той же богине приносили жертвы на самом большом и богато украшенном из сохранившихся херсонесских алтарей; его поставил Пасиад, сын Артемидора, исполнявший должность сакрального басилевса.

Именем таких басилевсов в Херсонесе называли годы, датируют документы и монеты. Деятельность этих царей-эпонимов была тесно связана с культом Партенос; некоторые из них одновременно (IPE I². 414, 415) или по окончании срока должности (IPE I². 410) становились жрецами верховной богини. Херсонесские басилевсы, подобно многим эпонимным магистратам в других греческих государствах, не обладали высшей гражданской властью; их деятельность в основном сосредоточивалась на религиозной жизни полиса и в частности на организации празднеств, которые

²⁵ Зограф А. Н. Статуарные изображения Девы в Херсонесе // ИРАИМК. 1922 Т. 2. С. 353-360.

²⁶ Русяева А.С. , Русяева М. В. Указ. соч. С. 117.

²⁷ Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976. № 78, 80. Рис. 45, 51; ИАК. № 42. 1911. С. 122. Рис. 23.

²⁸ Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973. С. 81.

они полностью или частично оплачивали из своих средств. Поэтому обязанности херсонесских сакральных басилевсов исполняли лишь богатые граждане.²⁹

На рубеже IV—III вв. до н. э. к числу состоятельных херсонеситов, безусловно, принадлежал Пасиад, подаривший городу роскошный алтарь, облицованный мрамором и украшенный резными розетками и букраниями, соединяющими гирлянды из листьев и цветов арацеи (рис. 3). В уцелевшей части надписи читается имя дарителя алтаря, а в утраченной части стояло имя Партенос, которой посвящался жертвенник.³⁰ На нем в торжественной обстановке праздника в присутствии самого Пасиада принесли первую жертву богине. Ей совершали жертвоприношения и на других алтарях, меньших по размеру. Таков вырезанный из блока местного балаклавского мрамора алтарь III в. до н. э. с посвящением Партенос от Гиппоклида за свою дочь (IPE I². 409).³¹ Стоит отметить также четырехугольный мраморный алтарь, посвященный богине в ее ипостаси Сотейры (спасительницы); это был дар гражданки Херсонеса Аркесо. Близкий по времени алтарю Пасиада, он имел сходный декор: по две розетки сверху каждой стороны, а под ними букрании и перевитая лентой гирлянда из лавровых листьев (НЭПХ. 125).

Исполнение функций жреца Партенос относилось в Херсонесе к весьма почетным государственным должностям; в первые века нашей эры эти жрецы за богиню первыми скрепляли печатью государственные документы (НЭПХ, 111, 112).³² Жрецы Партенос занимали видное место на ее празднествах и, конечно, принимали деятельное участие в их организации. Имена некоторых из них сохранились в надписях. Например, в IV в. до н. э. Антибион, «состоя жрецом Партенос», посвятил ей статую своего отца, а в

²⁹ Кадеев В. И. К вопросу о «царствовании» Девы в Херсонесе // КСИИ. № 145. 1976. С. 11.

³⁰ Пичикян И. Р. Малая Азия - Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. М., 1984. С. 198-206.

³¹ Соломоник Э. И. Указ соч. С. 85.

³² Толстой И. И. Указ. соч. С. 107, 108.

римское время некий Гиппоклид сделал посвящение за Газурия, «жречествовавшего Партенос» (IPE I². 410, 412).

Кроме главного праздника херсонеситы проводили и другие торжества в честь богини. Ее именем называли находившийся недалеко от города мыс Партений (совр. Фиолент) и поместили там святилище богини. Туда, наверное, по распространенному у греков обычаю, устраивались по праздникам торжественные шествия. Напомним для примера процессии к лежавшим за городом святыням из Милета в Дидимы на праздник Аполлона или шествия из Афин в Элевсин на мистерии Деметры и Керы.

Херсонеситы чтили также Артемиду в числе божественной триады вместе с Лето и Аполлоном. Вероятно, праздники в их честь справляли у особого святилища, на существование которого указывают несколько фрагментов сосудов с посвящениями одновременно всем трем божествам или только Артемиде и Аполлону.³³ В их честь проводили также частные празднества и устраивали домашние святилища.³⁴ Скорее всего общественные праздники приходились на месяц Латойос, наименование которого произведено от имени Лето (Λατώ в произношении дорийцев).³⁵

О датах праздников Артемиды в Херсонесе не известно ничего определенного. Один из местных месяцев назывался Эвклеем (IPE I². 361). Его наименование могло быть образовано от эпиклезы Артемиды Εὐκλεία (Славная), и тогда в этом месяце проходил праздник богини. Павсаний (IX, 17) упоминает храм Артемиды Эвклеи в Беотии, а Плутарх (Arist. 20) - в Платеях, но не стоит забывать, что с этой эпиклезой также чтили Зевса (Bach. I, 6), поэтому есть вероятность, что месяц посвящался главному олим-

³³ Соломоник Э. И. О культе Артемиды в Херсонесе // Археологические исследования на Украине. Вып. 1. С. 155-157; Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978. № 86-88.

³⁴ Золотарев М. И. О культе божественной триады в эллинистическом Херсонесе // Боговете на Понта. Варна, 1998. С. 63-69.

³⁵ Месяц Латой назван в двух херсонесских надписях, опубликованных в статьях: Суров Е. Г. Новая херсонесская надпись // ВДИ. 1960. № 3. С. 155; Соломоник Э. И. Греческие надписи Херсонеса (находки последних лет) // ВДИ. 1994. С. 44.

пийскому богу. Более определенно можно назвать время праздников Артемиды в милетских колониях, потому что там существовал месяц Артемисион, соответствующий современным второй половине февраля - первой половине марта, и тогда должны были чествовать богиню.

Итак, праздники Артемиды справляли во всех государствах Северного Причерноморья, но только в Херсонесе они занимали главенствующее положение среди прочих религиозных торжеств.

4 глава

ПРАЗДНИКИ АФРОДИТЫ

Праздники Афродиты принадлежат к числу древнейших на северных берегах Понта. Колонисты, прибывшие сюда из Милета, соблюдали ритуалы, принятые у святилища Афродиты Урании (Небесной), существовавшего в их метрополии уже в VII в. до н. э. Там на скалистом холме над морем высился архаический храм и алтарь богини, остатки которых найдены археологами в конце XX в.¹ Храм Афродиты славился за пределами Милета в эллинистическое время, как можно заключить по стихам из идиллии Феокрита «Прялка» (XVIII, 4). В ней поэт обращается к Зевсу с просьбой, чтобы его морское путешествие в Милет прошло благополучно, когда он отправится к другу в «славный Нелеев град, где в зеленой тени меж тростников виден Киприды храм».²

Афродита олицетворяла богиню любви и красоты, которой подвластно все живое: звери, люди и боги, за исключением девственных Афины, Артемиды и Гестии (Ном. Нумн. IV, 1-44). Рожденная из морской пены, Афродита считалась также покровительницей мореходов, и ее храмы часто строили на возвышенности у морского побережья; так их поставили в Милете и в боспорских городах Китее и Нимфее.³ В народной этимологии имя Афродиты производилось от слова *αφρός* - пена. Это отражено в гомеровском гимне (VI, 3-10) при описании рождения богини около Кипра:

¹ Senff R., Heinz M., Pigur M. Die Grabungen auf Zeytintepe. V. v. Graeve. Milet 1991. Vorbericht über die Arbeiten des Jahres 1991 // *Istambuler Mitteilungen*. 1992. № 42.

² Перевод М. Е. Грабарь-Пассек в кн.: *Феокрит. Моск. Бион. Идиллии и эпиграммы*. М., 1958. С. 129.

³ Грач Н. Л. Открытие нового исторического источника в Нимфее // ВДИ. 1984. № 1. С. 81; Молева Н. В. О культе Афродиты в Китейском святилище // *Очерки сакральной жизни Боспора*. Нижний Новгород. 2002. С. 101.

Тогда по волнам многозвучным
В пене воздушной пригнало ее дуновенье Зефира
Влажною силой своею. И Оры в золотых диадемах,
Радостно встретив богиню, нетленной одели одеждой.
Голову ей увенчали сработанным тонко
Чудно прекрасным венцом и в проколы ушные
Серьги из золотомеди и ценного золота вдели;
Шею прекрасную вместе с серебряно-белою грудью
Ей золотым ожерельем обвили.⁴

Два замечательных аттических фигурных лекифа конца V в. до н. э., найденные в Фанагории и в Пантикапее, иллюстрируют стихи древнего поэта.⁵ Афродита представлена в створках перламутровой раковины, плывущей по голубым волнам. На голове богини золотая диадема, шею окружают два золотых ожерелья, а грудь обвита крупными золотыми бусинами, нанизанными на тонкую ленту (рис. 22). Это одно из множества изображений богини на предметах античного искусства, найденных в Северном Причерноморье, показывает, что здесь знали миф о рождении Афродиты из моря.

На Боспоре, в Борисфене и в Ольвии сейчас известны места, где проходили праздники Афродиты. Ее древнейший теменос с храмом и алтарем открыт на Березани.⁶ Там в середине VI в. до н. э. борисфениты выстроили небольшой антовый храм в традициях милетской архитектуры (рис. 23).⁷ На его развалинах обнаружен набор посвяtitельных терракот, аналогичный найденному у храма богини в Милете.⁸ Это косвенно свидетельствует о сходстве праздника в колонии с его образцом в метрополии.

В Ольвии праздники Афродиты проходили на Западном теменосе и в святилище, находившемся в юго-восточной части города. От последнего уцелела яма-ботрос, куда зарывали поврежден-

⁴ Перевод В. В. Вересаева в кн.: Эллинские поэты. М., 1963. С. 105.

⁵ ОАК. 1870-71. С. 11, 12; 52-54; Фармаковский Б. В. Три полихромные вазы в форме статуэток, найденные в Фанагории // Записки РАИМК. Вып. 1. Пг., 1921. С. 6-19; Соколов Г. И. Античное Причерноморье. Л., 1973. С. 58. № 43.

⁶ Назаров В. В. Святилище Афродиты в Борисфене // ВДИ. 2001. № 1. С. 156-160.

⁷ Крыжицкий С. Д. Храм Афродиты на Березани. Реконструкция // ВДИ. 2001. № 1. С. 165-175.

⁸ Назаров В. В. Указ. соч. С. 162.

ные и вышедшие из употребления ритуальные предметы и дары. Среди них оказались фрагменты трех сосудов V в. до н. э. с надписями-посвящениями Афродите и редчайшая терракотовая плитка с рельефным раскрашенным изображением женской фигуры на синем фоне. Женщина в коротком красном хитоне, украшенном белым орнаментом, танцует перед ложем, сопровождая пляску стуком находящихся в ее руках кроталов. Вероятно, это изображение танца, исполнявшегося на празднике Афродиты. Судя по характерным небольшим отверстиям в верхней части плитки, она висела в святилище, пока не разбилась, и тогда ее отправили в ботрос.⁹

Другое святилище Афродиты находилось в северо-восточной части Западного теменоса. Уже в VI в. до н. э. оно имело ограду, в V в. до н. э. ольвиополиты поставили там монументальный алтарь для жертвоприношений, а в IV—III вв. до н. э. построили портик и новые алтари.¹⁰ Посвятительные граффити и некоторые изображения свидетельствуют, что здесь справляли праздники в честь Афродиты и Гермеса, считавшегося ее мужем в некоторых вариантах мифов о богине. В дар богам приносили изготовленные в местной мастерской свинцовые рельефы с фигурами Афродиты, Гермеса и их сына Приапа; их считали покровителями семьи.¹¹ Недавно в Ольвии найдена форма для отливки подобных рельефов.¹² Семь ботросов на территории святилища показывают, сколь многочисленные посвящения подносились этим богам, и говорят о популярности праздников в их честь среди ольвиополитов.

⁹ Крапивина В. В. Ботрос святилища Афродиты в Ольвии // Боспорский феномен. СПб., 2002. Ч. 2. С. 24-27.

¹⁰ Русаева А. С. Исследования Западного теменоса Ольвии // ВДИ. 1991. № 4. С. 129, 130.

¹¹ Русаева А. С. Исследования Западного теменоса Ольвии // ВДИ. 1991. № 4. С. 129, 130.

¹² Крапивина В. В., Буйських А. В., Крутілов В. В. Археологічні дослідження 1998 р. в південній частині Ольвії // Археологічні відкриття в Україні 1997-1998 рр. Київ, 1998. С. 86.

В Элладѣ Афродита и Гермес зачастую составляли единую пару богов. В эпиграмме, включенной в надпись с острова Книда, Гермес сообщает, что он «явился сюда как спутник Афродиты» (SEG. 861), а Павсаний (VIII, 31, 3), описывая достопримечательности Мегалополиса в Аркадии, упоминает в святилище Афродиты два древних ксоана, представлявших деревянные изваяния богини и Гермеса. Возможно, такой культ с соответствующими праздниками существовал и на Боспоре. Там найдены мраморное изображение Гермеса (двулика герма), посвященное боспорянином Демархом Афродите Урании в IV в. до н. э. (КБН. 1111), а также расписные вазы с фигурами Афродиты, Гермеса и Эрота, которого, как и Приапа, иногда называли их сыном (Cic. De nat. Deor. 23; 59, 60).¹³ К перечисленным изображениям следует добавить фигуры этих богов, вырезанные на инталиях, и терракотовые статуэтки;¹⁴ все они указывают на то, что во время местных праздников Афродиты вспоминали ее мифических сыновей Приапа и особенно часто Эрота, ставшего в эллинистический период постоянным спутником богини.

Главные праздники Афродиты на Боспоре посвящались богине с эпиклезой Урания. Они проходили в нескольких боспорских городах, а самые многочисленные, собиравшие участников из разных частей государства, справляли в главном ее святилище на азиатской части Боспора. В ряде боспорских надписей Афродита Урания имеет определение «владычица Апатура» (КБН. 31, 35, 75, 971, 1111); так называлось место на Таманском полуострове, где находилось ее святилище. Подобными сакральными наименованиями обладали широко почитавшиеся в Ольвии Ахилл, властитель острова Левки (Pind. Nem. IV, 49; IRE I². 326, 672), и Мать богов, владычица Гилей.¹⁵ Возможно, милетские колонисты, отправляясь к се-

¹³ ДБК. С. 131; UKV. № 395; Блатовский В. Д. Раскопки Пантикапея в 1953 г. // КСИИМК. 1956. № 6. С. 112. Рис. 5, 3; Zervoudaki E. A. Attische polychrome Reliefkeramik des IV Jahrhunderts v. Chr. // Mitteilungen des Deutschen Archäologisch-Instituts. 1968. Bd. 3. S. 34. 70.

¹⁴ Кобылина М. М. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961. С. 83; Денисова В. И. Коропластика Боспора. Л., 1981. С. 55, 56; Неверов О. Я. Античные геммы из собрания Эрмитажа. Л., 1976. № 30, 31.

¹⁵ Русаева А. С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 145. См. об этом также в главе «Мистерии» в разделе о Кибеле.

верным берегам Понта, призвали Афродиту Уранию в свои помощницы и на новой родине продолжали поклоняться ей как покровительнице мореплавания.¹⁶

Святилище Афродиты Апатуры на азиатской стороне Боспора упоминается в сочинениях нескольких античных авторов (Strab. XII, 2, 10; Plin. NH. VI, 18; Ptol. V, 8, 2; Steph. Bys. s. v. Ἀπατούριον). Сведения в словаре Стефана Византийского, по его собственным словам, почерпнуты из «Землеописания» Гекатея Милетского и поэтому относятся к рубежу VI-V вв. до н. э. Гекатей писал о заливе Апатур; он получил свое наименование от находившегося около него святилища и был одной из бухт современного Таманского залива, называвшегося в древности Корокондамским озером. К настоящему времени бухта и остатки святилища, по-видимому, исчезли вследствие интенсивного процесса абразии берегов. Исходя из разноречивых данных античных источников, современные исследователи локализуют святилище в окрестностях Фанагории или Гермонассы.¹⁷

В классический и в эллинистический периоды праздники Афродиты Урании, владычицы Апатура, справляли во многих городах Боспора; достоверно известно о филиалах главного святилища в Пантикапее и в Фанагории, где стоял храм богини (Strab. XI, 2, 10; С. 495).¹⁸ В фанагорийском святилище находился храм Афродиты и посвященные ей статуи (КБН. 971, 972). Пантикапейские почитатели Афродиты объединялись в религиозные союзы-фиасы, в функции которых входило и устройство праздников.

Из надписи II в. до н. э. можно узнать, что один такой союз возглавлял синагог Феокрит, сын Деметрия, в фиас входили Пап-

¹⁶ Русаева А. С. Афродита Урания - патронесса милетско-понтитской колонизации // Боспорский феномен. СПб., 2001. Ч. 1. С. 17-21.

¹⁷ Свод научной литературы о локализации святилища Афродиты см. в статьях: Тохтасьев С. Р. Апатур. История боспорского Святилища Афродиты // ВДИ. 1986. № 2. С. 131-141; Зубарев В. Г. Азиатский Боспор (Таманский полуостров) по данным письменной традиции // Древности Боспора. Вып. 2. М., 1999. С. 134. В работе Зубарева (с. 135, 136) утверждается, что святилище находилось недалеко, как от Фанагории, так и от Гермонассы, в районе поселка Приморский.

¹⁸ Розанова Н. П. Посвятительные надписи Фанагории как источник по топографии города // ВДИ. 1949. № 3. С. 170.

пий, Стратон, Каллистрат и другие, чьи имена плохо сохранились или вовсе утрачены, и поэтому невозможно установить количество его членов (КБН. 75). Они посвятили Афродите Урании Апатуре стелу с рельефным изображением богини на фронтоне, венчающем памятник (рис. 24). Вероятно, рельеф повторяет скульптурное украшение фронтона какого-то боспорского храма Афродиты.¹⁹ Эта стела, наверное, наряду с другими подобными украшала пантикапейское святилище, где проходили праздники Афродиты. В начале надписи сказано, что члены фиаса сделали свое посвящение за царя Перисада, его мать царицу Камасарию и ее мужа Аргота. По предположению В. П. Яйленко, фиас, появившийся на Боспоре еще в конце IV в. до н. э., поддерживал культ правящего монарха, а ритуалы и празднества этого культа находились под эгидой пантикапейского храма Афродиты Урании Апатуры.²⁰

Археологические материалы из боспорского города Кепы на Таманском полуострове показывают, что там со времени возникновения города вплоть до I в. до н. э. культ Афродиты был ведущим,²¹ и соответственно праздники богини были главными городскими торжествами. Здесь археологи нашли одно из лучших в Северном Причерноморье мраморных изваяний Афродиты (рис. 25) и фрагмент находившегося в святилище сосуда с именем жреца богини Мольпагора. В конце VI в. до н. э. по его вине разбился килик, посвященный Афродите, и тогда он принес взамен два килика, о чем написал на ножке одного из них.²² Наверное, из этого сосуда Мольпагор совершал возлияния на празднике богини, во время которого как жрец играл ведущую роль.

В эпоху эллинизма мужчины из царского рода, как уже говорилось выше, играли ведущую роль на праздниках Аполлона, а женщины, связанные узами родства с правящей боспорской династией, становились жрицами Афродиты и исполняли различные ритуалы

¹⁹ Харко Л. П. Культ Афродиты на Боспоре Киммерийском // КСИИМК. № 13. 1946. С. 140.

²⁰ Яйленко В. П. Женщина, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире. М., 1995. С. 236.

²¹ Соколовский Н. И. Культ Афродиты в Кепе // ВДИ. 1973. № 4. С. 91.

²² Там же. С. 90.

на ее праздниках. Одно из свидетельств об этом содержится в посвящении Афродите на мраморной базе статуи из Кеп. В. П. Яйленко наиболее удачно восстановил частично утраченную там надпись: «(такая-то, дочь такого-то) исполнявшая обязанности жрицы, жена Спартока, посвятила при архонте Перисаде, сыне Левкона, Афродите». Здесь имеются в виду Перисад I и его внук Спарток IV, правивший в начале III до н. э.; сама же надпись сделана в последние годы царствования Перисада, умершего в 310 г. до н. э.²³

Другая жрица Афродиты из царского рода участвовала в праздниках богини в Нимфее. Она упомянута в граффито, начертанном на стенах местного святилища богини.²⁴ Большой культовый архитектурный ансамбль на трех террасах склона возвели в первой половине III до н. э. с расчетом, чтобы святилище было видно из нимфейской гавани и с кораблей, приближающихся с моря.²⁵ Здесь Афродиту почитали как покровительницу мореплавания, поэтому ее поклонники рисовали на стенах святилища разнообразные суда, писали просьбы о счастливом плавании и отмечали даты выхода кораблей в море. На праздники Афродиты несли фиалки, а вино для жертвоприношений доставляли не только местные жители, но и приезжие.²⁶

В центральном святилище боспорского города Китея Афродиту тоже чтили в ее морской ипостаси; поэтому ей приносили в дар раковины, устрицы, мидии и убивали во время жертвоприношений морских чает.²⁷ А в Пантикапее на праздниках бога морей Посейдона вспоминали также Афродиту в ее морской ипостаси (КБН. 30).

Поклонники Афродиты носили перстни с ее изображением; их обязательно надевали при торжественных нарядах, в которых шли на праздники богини. Несколько подобных перстней с резными инталиями обнаружены в боспорских некрополях.²⁸ Серебря-

²³ Яйленко В. П. Указ. соч. С. 229.

²⁴ Там же. С. 234, 235.

²⁵ Грач Н. Л. Указ. соч. С. 81.

²⁶ Там же. С. 80, 81; Яйленко В. П. Указ. соч. С. 230-233; 259, 260.

²⁷ Молева Н. В. Указ. соч. С. 100.

²⁸ Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 288; Неверов О. Я. Античные инталии в собрании Эрмитажа. Л., 1976. № 30, 31.

ный перстень IV в. до н. э. с Афродитой и двумя эротами из женского погребения,²⁹ а также ряд посвячительных граффити IV—II вв. до н. э.³⁰ указывают, что в Херсонесе также проводили праздники этой богини. Возможно, в эллинистический период херсонеситы построили храм Афродиты, но определенное свидетельство о таком храме сохранилось лишь для римского времени (IPE I². 440).

В конце II—I в. до н. э. праздники Афродиты на Боспоре становились все менее значимыми; на какое-то время их вообще перестали справлять даже в Апатуре, ставшем, по словам Плиния (NH. IV, 18), почти заброшенным, а в Кепях святилище богини лежало в руинах. Вероятно, исчезновению этих праздников способствовала деятельность Митридата Эвпатора, который ввел на Боспоре новый календарь и тем самым изменил всю систему главных местных праздников, сделав ее аналогичной существовавшей в Понте и Вифинии.³¹ Ближайшие преемники Митридата на Боспоре также были родом из Понта и продолжали поддерживать новую систему праздников. Положение изменилось в I в. н. э.; тогда святилище Апатур возродилось и просуществовало до конца античности,³² а прежние праздники Афродиты вновь появились и в других боспорских городах, о чем свидетельствует надпись из Гермонассы о восстановлении портиков святилища Афродиты Апатуриады (КБН. 1045).

Эпиклеза Афродиты Апатура, встречающаяся не только в боспорских надписях, но и в посвячительных граффити Борисфена и Ольвии,³³ указывает на существование в милетских колониях Северного Причерноморья праздника Апатурий. Его отмечали афиняне и почти все ионийцы; Геродот (I, 147) писал, что из ионийцев лишь жители Эфеса и Колофона не празднуют Апатурии. В милетском календаре месяц Апатурион приходился на октябрь-ноябрь, поэтому праздник с соответствующим названием в Северном

Причерноморье справляли осенью, ведь здешние милетские колонии пользовались календарем метрополии.³⁴

Название праздника Апатурии первоначально, по-видимому, означало «совместный общий праздник отцов фратрии».³⁵ Можно с большой долей вероятности предположить, что принятое у ионийцев деление общества на родовые филы, внутри которых выделялось несколько фратрий (братств), существовало также в полисах Северного Причерноморья по крайней мере в начальный период их жизни. Сохранились сведения о филах в некоторых милетских колониях; например, в Истрии названия фил совпадали с милетскими.³⁶ Все члены фратрии полагали, что они происходят от одного предка. В классический период фратрии стали утрачивать свое политическое значение, но сохраняли роль организации граждан по родственному и религиозному принципу. Некоторые праздники, в том числе Апатурии, каждая фратрия отмечала по отдельности, а на многие государственные торжества фратрии или целые филы выделяли своих представителей на праздничные агоны; чаще всего состязались хоры, составленные из детей и взрослых граждан, принадлежавших к разным филам.

Проведение Апатурий давало повод для ежегодных встреч всех членов фратрии, которые могли жить в разных частях государства. О том, как проходил праздник, известно в основном по его описаниям в Афинах.³⁷ Там Апатурии справляли осенью в месяце Пианепсионе в течение трех дней. Сначала члены фратрии собирались на совместную праздничную трапезу, а на другой день совершали жертвоприношения. Последний день посвящался детям и подросткам, отцы представляли фратрии детей, родившихся в законном браке после предыдущих Апатурий, и каждый совершал жертвоприношение по определенным для данной фратрии правилам. В таких случаях обычно приносили в жертву овцу или

³⁴ См. главу «Праздники, календарь и определение времени».

³⁵ Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Богослужбные и сценические Древности. СПб., 1992. С. 134; Parke H. W. Festivals of the Athenians. London, 1986 P. 88.

³⁶ Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien. Frankfurt am Mein, New York. 1983 S. 98, 103.

³⁷ Латышев В. В. Указ. соч. С. 134; Parke H. W. Op. cit. P. 88-92.

²⁹ Гриневич К. Э. Подстенный склеп № 1012 и ворота Херсонеса // Херсонесский сборник. № 1. Севастополь, 1926. С. 36.

³⁰ Граффити античного Херсонеса. Киев, 1975. С. 37. № 384-388.

³¹ Перл Г. Эры Вифинского и Боспорского царств // ВДИ. 1969. № 3. С. 68.

³² Тохтасьев С. Р. Указ соч. С. 143.

³³ Русяева А. С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 103.

козу, а затем вносили имя ребенка в особые списки; они служили основанием для официального принятия мальчика в равноправные члены братства после совершеннолетия, когда его вновь представляли фратрии и совершали традиционное жертвоприношение. Если кто-нибудь оспаривал законность происхождения ребенка и протестовал против его членства в фратрии, то этот человек отводил от алтаря жертвенное животное, и путем голосования решалось, можно ли внести данного ребенка в список.

Третий день афинских Апатурий включал также состязание мальчиков, читавших наизусть стихи разных поэтов, за что лучшие декламаторы получали награды (Plat. Tim. 21 b). Еще один обряд этого дня состоял в том, что подростки определенного возраста переходили из положения детей в разряд юношей эфебов, обязанных служить в ополчении родины. Они подносили Гераклу большой сосуд с вином и посвящали отрезанный локон своих волос (символ выхода из детства) тому божеству, которому посвящались Апатурий. В разных греческих полисах это были Зевс, Афина, Дионис, а в Северном Причерноморье - Афродита.

В Элладе, а также на Боспоре греки видели в этимологии наименования праздника слово «обман» - *álatē* и объясняли его происхождение различными рассказами о неких хитростях-обманах, давших повод для названия Апатурий. Таков был, например, миф об обмане, принесшем победу будущему афинскому царю Меланфу в поединке с беотийцем Ксанфом, в память о чем будто бы справлялись афинские Апатурий.³⁸ Краткое изложение сюжета боспорского храмового мифа включено в «Географию» Страбона (XI, 2, 10): «Когда на Афродиту здесь напали гиганты, она позвала на помощь Геракла и спрятала его в какой-то пещере; затем, принимая гигантов поодиночке, она отдавала своих врагов Гераклу, чтобы он коварно с обманом убил их». Вероятно, на праздниках боспоряне исполняли написанные на этот сюжет гимны и, может быть, даже разыгрывали драматические сцены, как на других греческих празднествах.

³⁸ Кошеленко Г. А. Боспорский вариант мифа о гибели гигантов // Боспорский сборник. М., 1992. № 2. С. 154, 155; Deubner L. Attische Feste. Berlin, 1956. S. 232; Parke H. W. Op. cit. P. 90.

Боспорский миф является вариантом широко известного предания о борьбе богов и гигантов. Его содержание неоднократно анализировалось в научной литературе;³⁹ наиболее убедительной представляется интерпретация, предложенная Г. А. Кошеленко: исследователь связал местный рассказ с основными концепциями греческого мировоззрения и выделил в нем специфические локальные черты.⁴⁰

Миф о борьбе богов и гигантов, закончившийся гибелью последних, рассказывали во всей греческой ойкумене. Судя по изображениям на привозных аттических чернофигурных вазах,⁴¹ этот миф в классическом варианте (Apollod. Bibl. I, 6, 1-2) издавна знали в городах Северного Причерноморья. Однако его локальная боспорская ветвь сильно отличается от основной версии, так как противниками гигантов выступает не группа богов во главе с Зевсом и Афиной, а только одна Афродита. Она не играла заметной роли в прочих более широко распространенных вариантах; из сохранившихся литературных источников нельзя даже понять, с каким из гигантов сражалась Афродита, а в сцене гигантомахии на рельефах Парфенона богиня занимает скромное место.⁴²

Для победы над гигантами богам оказалась необходимой помощь Геракла. Он участвует и в боспорском мифе, но победа достается ему не в жестокой битве, многократно изображенной античными художниками, а в результате обманных действий Афродиты. Как считали боспоряне, хитрая уловка богини дала повод для ее эпиклезы Апатура, понимавшейся по похожему звучанию слова в значении «обманчивая».

³⁹ Тохтасьев С. Р. Боспорская легенда об Афродите Апатурос // ВДИ. 1983. № 2. С. 111-117. В этой статье дана библиография и история вопроса.

⁴⁰ Кошеленко Г. А. Указ. соч. С. 147-160.

⁴¹ Сидорова Н. А., Тугужева О. В., Забелина В. С. Античная расписная керамика из собрания Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М., 1985. С. 27-30. № 16; Скуднова В. М. Античный некрополь Ольвии. Л., 1988. № 50, 8; Борисковская С. П. Аттические чернофигурные лекифы из некрополя Пантикапея // Труды Гос. Эрмитажа. № 28. СПб., 1997. С. 32. Рис. 15.

⁴² Vian F. La guerre des géants. Paris, 1952. P. 92, 98, 142, 208, 209; Gantz T. Early Greek Myth. A Guide to Literary and Artistic Sources. Baltimore, 1993. P. 451.

В процессе колонизации у греков появлялись мифы о том, что на освоенных ими землях некогда жили или совершали подвиги эллинские боги или герои. Таким образом оправдывалось право эллинов на владение новыми территориями.⁴³ Среди главных персонажей подобных мифов часто присутствовал Геракл, ставший своеобразным символом колонизации, борцом с варварами и героем, обозначившим границы расселения греков по всему миру.⁴⁴ Из северопричерноморских мифов такого рода лучше всего известно записанное Геродотом (IV, 8-10) предание о происхождении скифов от брака Геракла со змееногой богиней.⁴⁵

К числу подобных мифов относится и боспорский рассказ об Афродите и Геракле. Здесь в роли местного хтонического начала выступают гиганты, а уничтожившие их богиня и герой утверждают право эллинов на земли у Боспора Киммерийского. По мнению Г.А. Кошеленко, в мифе также отразились институты того ионийского общества, из которого вышли боспоряне: организация граждан по фратриям и древние ритуалы перехода из одной возрастной группы в другую.⁴⁶

Многочисленные изображения Афродиты, найденные в Северном Причерноморье, показывают, какой эту богиню представляли местные греки. В VI-V в. до н. э. ее всегда изображали одетой в длинный хитон и гиматий; она либо стоит, либо сидит на троне, иногда летит на лебеде. В Нижнем Побужье и на Боспоре найдено немало привозных архаических статуэток Афродиты с голубем, служившие приношениями богине.⁴⁷ Чаше всего это фигурные лекифы, использовавшиеся во время праздничных ритуалов: на голове статуэтки находится горлышко, в которое наливали благовония. На лице Афродиты играет так называемая архаическая улыбка.

⁴³ Malkin I. Religion and Colonization in Ancient Greece. Leiden, 1987. P. 371.

⁴⁴ Jourdan-Annequin C. Heraclius aux portes du soir. Mythe et histoire. Paris, 1989. P. 374.

⁴⁵ Интерпретацию мифа и научную литературу о нем см. в кн.: Скржинская М. В. Скифия глазами эллинов. СПб., 1998. С. 48-52.

⁴⁶ Кошеленко Г. А. Указ. соч. С. 157.

⁴⁷ Кобылина М. М. Указ. соч. С. 39; Русаева А. С. Терракоты с изображением Афродиты // Культура населения Ольвии и ее окружи в архаическое время. Киев, 1987. С. 165, 166; Назаров В. В. Указ. соч. С. 162.

ка, длинные волосы локонами вьются вдоль шеи и спины; одна рука опущена, а другая придерживает на груди голубя - символ неба и эпиклезы богини Урания. Редкий образец статуэтки Афродиты Урании IV в. до н. э. найден в Китее: голову богини венчает калаф с надетой на него диадемой, к этому сложному головному убору прикреплены крылья большой птицы, наверное, лебедя.⁴⁸

В традиционном виде Афродита Урания Апатура продолжала существовать в воображении боспорян и в эллинистический период, когда в Элладе иконографический образ богини претерпел значительные изменения. Афродита Урания, летящая на лебеде, представлена на круглой золотой подвеске конца IV-начала III в. до н. э., найденной при раскопках дома на Елисаветовском городище на Нижнем Дону.⁴⁹ Судя по низкому качеству оттиска рельефа, он исполнен с помощью многократно использовавшейся формы, так что перед нами предмет массового производства. Афродита представлена сидящей боком на лебеде с распростертыми крыльями; она одета в хитон и развевающийся во время полета плащ, который придерживает одной рукой. Медальон имеет петельку для подвешивания, поэтому его могли либо носить в качестве украшения, либо подарить в святилище и повесить на стенку рядом с другими дарами.

Тот же сюжет украшает верхнюю часть упомянутой выше стелы II в. до н. э., посвященной богине членами ее фиаса в Пантикапее: Афродита сидит на летящем лебеде, держа в руке скипетр, справа находится небольшая фигурка Эрота, а по бокам две Ники (рис. 24). Вероятно, это одно из многих вольных повторений скульптуры, исполненной в мастерской Фидия.⁵⁰

С конца V в. до н. э. и особенно в период эллинизма Афродита во всей греческой ойкумене стала в первую очередь олицетворять богиню любви и красоты. Знаменитые скульпторы и живописцы начали ее изображать сначала полуобнаженной, затем и

⁴⁸ Молева Н. В. О культе Афродиты в Китейском святилище... С. 98.

⁴⁹ Бахтина М. Ю. Золотая подвеска с изображением Афродиты из раскопок Елисаветовского городища на Нижнем Дону // КСИА. № 194. 1988. С. 92-95.

⁵⁰ Вальдгауэр О. Ф. Афродита Урания и Афродита Пандемос // ИРАИМК. 1922. Т. 2. С. 212, 213.

совершенно нагой. Особенно прославилась мраморная статуя Праксителя, стоявшая в храме на острове Книде. Плиний (NH. XXXVI, 20), назвавший ее лучшей скульптурой в мире, писал, что многие отправлялись на Книд только для того, чтобы увидеть это гениальное произведение. Глядя на статую, все понимали, почему в знаменитом мифе о суде Париса Афродита победила Афины и Геру. Философ Платон под впечатлением от творения Праксителя написал две эпиграммы:

В Книд чрез пучину морскую пришла Киферея-Киприда,
Чтобы взглянуть на свою новую статую там,
И, осмотрев ее всю, на открытом стоящую месте,
Вскрикнула: «Где же нагой видел Пракситель меня?»

Нет, не Пракситель тебя, не резец изваял, а сама ты
Нам показалась такой, как ты была на суде.⁵¹

Не меньшей славой пользовалась картина Апеллеса, нарисовавшего Афродиту Анадиомену (выходящую из моря). Леонид Тарентский (III в. до н. э.) так описал эту картину:

Киприду, вставшую из лона вод
И мокрую еще от пены, Апеллес
Не написал здесь, нет! - воспроизвел живой,
Во всей ее пленительной красе. Смотри:
Вот руки подняла, чтоб выжать волосы,
И взор уже сверкает страстью нежною,
И - знак расцвета - грудь кругла, как яблоко.
Афина и жена Кронида говорят:
«О Зевс, побеждены мы будем в споре с ней».⁵²

Вдохновленный картиной Апеллеса скульптор Полихарм сделал статую Афродиты Анадиомены. Как и произведение Праксителя, она в разнообразных вольных копиях воспроизводилась в течение нескольких столетий. Особенно часто эти изваяния повторяли в мелких статуэтках и рельефах, широко распространенных почти во всех греческих государствах, в том числе и в Северном Причерноморье. Среди них - круглый терракотовый меда-

⁵¹ Перевод Л. Блуменау в кн. Греческая эпиграмма. М., 1960. С. 58.

⁵² Там же. С. 128.

льон из Китея иллюстрирует слова Леонида Тарентского о том, что Апеллес нарисовал богиню в момент, когда она, выйдя из моря, выжимала мокрые волосы.⁵³

Традиционный образ Афродиты Анадиомены представлен на импортной терракотовой статуэтке из пантикапейского некрополя.⁵⁴ В Ольвии и на Боспоре найдены различные варианты Анадиомены, достаточно далеко отступившие от оригинала и изображающие ее на фоне покрывала или раковины.⁵⁵ Многочисленные статуэтки Афродиты с дельфином (символом моря) у ног также относят к типу Анадиомены.⁵⁶ Обнаженная богиня обычно имеет разнообразные украшения: серьги, ожерелья, ленты, скрепленные на груди круглым медальоном, браслеты на руках, а иногда и на ногах.

Изменения в образе Афродиты не могли не отразиться на характере ее культа и праздников в ее честь. Наверное, богиню с эпиклезой Γλυχεῖα (сладкая, милая или приветливая) прославляли как олицетворение любви и красоты на ее ольвийском празднике, во время которого совершались жертвоприношения на посвященном ей алтаре (НО. 69). При этом ольвиополиты продолжали справлять праздники Афродиты как покровительницы мореплавания (НО. 68; IPE I². 168), имевшей эпиклезы Ποντία (морская) и Εὐπλοία (обеспечивающая счастливое плавание). В III в. до н. э. ольвийский жрец Афродиты Понтии Агрот поставил мраморный алтарь и украсил святилище посвященным богине золотым венком (НО. 68).

Итак, праздники Афродиты проходили во всех греческих государствах Северного Причерноморья, но особо важную роль они приобрели на Боспоре. Там женщины из царского рода становились жрицами богини, а культ боспорских царей осуществлялся под ее эгидой. Афродита Урания Апатура была патронессой широ-

⁵³ Молев Е. А., Молева Н. А. Терракотовые статуэтки Китейского городища // Боспорские исследования. Вып. 3. Симферополь, 2003. С. 255, 256.

⁵⁴ ИАК. № 49. 1904. Рис. 35.

⁵⁵ Кобылина М. М. Указ соч. С. 79; Русяева А. С. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982. С. 71.

⁵⁶ Денисова В. И. Корoplastика Боспора. Л., 1981. С. 54.

ко распространенного у ионийцев праздника Апатурий, справлявшегося в Ольвии и на Боспоре, начиная с архаического периода. Лапидарные надписи и граффити указывают на то, что на многих праздниках Афродиту прославляли как покровительницу мореплавания. Терракоты, фрагменты каменных скульптур и изображения на ювелирных украшениях свидетельствуют, что в Северном Причерноморье, как и во всем греческом мире, Афродиту считали богиней любви и красоты. Это, наверное, особенно в эллинистический период, отражалось и на характере ее празднеств, приобретавших новые черты по сравнению с теми, которые принесли колонисты из метрополии.

5 глава

Мистерии

МИСТЕРИИ - ПРАЗДНИК ПОСВЯЩЕННЫХ В ТАИНСТВА

Каждый гражданин греческого государства мог стать деятельным участником большинства праздников, а наблюдать за праздничными церемониями не возбранялось никому. Но определенную группу праздников справляли только посвященные в таинства, и лишь им позволялось видеть действия на торжествах, называвшихся мистериями и оргиями. Наименование мистерий, произведенное от глагола *μύειν* (закрывать, смыкать), указывает на тайный характер ритуалов, о которых запрещалось рассказывать непосвященным¹. Слово оргия, родственное слову *'έργυν* (дело), сначала означало только совершение определенного священнодействия, а затем получило смысл праздничного действия, участники которого приходили в состояние возбуждения и экстаза.

Мистерии и оргии сопровождали культы разных богов, чаще всего Диониса, Деметры и Керы, а также Матери богов или Кибелы². Эллинам почитали за счастье приобщение к мистериям; об этом пел хор в трагедии Еврипида «Вакханки» (ст. 72-74). Геродот (IV, 78) описал находившихся в состоянии экстаза поклонников Диониса, шествовавших по улицам Ольвии. Страбон, подтверждая свой рассказ стихами Пиндара и Еврипида, говорил о схожести обрядов на праздниках Кибелы и Диониса. Их сопровождали шествия и буйные пляски под звуки аулосов, «шум трещоток, звон

¹ В единственном числе слово *μυστήριον* имело значение тайна (*Plat. Theaet.* 156 а), а во множественном *μυστήρια* - празднество, доступное посвященным в него, которых называли мистами.

² В этом разделе рассмотрены все известные в Северном Причерноморье мистерии, за исключением относящихся к Дионису, потому что они включены в главу о Дионисийских празднествах.

кимвалов, гром тимпанов, крики одобрения, ликования, топот ног» (Strab.X, 3, 13; С. 469).

В состоянии экстаза, особенно во время ночной части празднеств при свете факелов, мисты приходили в неистовство и преступали обычные нормы поведения. Распушенность нравов во время мистерий упоминается в комедиях Менандра «Суд» (ст. 315-321) и Плавта «Клад» (ст. 36), а безумное поведение вакханок, поклонниц Диониса, отразилось в античной литературе их постоянным определением «неистовствующие». На эту сторону мистерий особенно настойчиво указывали христианские авторы, критикуя язычество. Сами греки и римляне осуждали грубость и распушенность, сопровождавшие некоторые мистерии, и пытались бороться с такими обрядами даже с помощью законов (Cic. De leg. II, 36).

Празднование мистерий имело некоторые общие черты. На основных церемониях имели право присутствовать только посвященные. В отличие от прочих празднеств, проходивших под открытым небом, главный ритуал посвящения в мистерии совершался в специально построенных помещениях. Сейчас их вид и размеры известны по раскопкам в Элевсине и на острове Самофракия³. Плутарх, многое знавший о ритуалах мистерий, рассказал, что они начинались со странствования посвящаемых во мраке, затем следовало переживание чего-то ужасного перед самым обрядом посвящения, а после него наступало блаженство: все озарялось чудесным светом, раскрывался мирный прекрасный пейзаж, слышались песнопения, появлялись хороводы и представляли какие-то замечательные явления (Plut. De anim. Fr. 6, 2).

Главные составные части мистерий состояли из трех элементов: δράματα, λυόμενα, δεινύμενα, то есть из действий, для которых требовалось знание соответствующих мифов, из нечто рассказанного и из демонстрации священных предметов и символов (Plut. Mor. 352 с). В результате, как писал Диодор Сицилийский (V, 49, 6), посвященные в мистерии становятся лучше в нравственном смысле. Телесные очищения, необходимые при совершении любых мис-

³ Mylonas G. E. Eleusis and the Eleusinian Mysteries. Princheton, 1961; Lehmann K. Samothrace. A Guide to the Excavations and the Museum. New York, 1953.

терий, рассматривались в качестве символа требования нравственной чистоты посвященных в таинства⁴.

В основе праздника лежал священный миф о рождении жизни, смерти и воскресении божества. На сюжет этого мифа перед мистами разыгрывались мимико-драматические представления с песнями и танцами, имевшими символический и аллегорический смысл. Посвященным давали лицезреть священные символы и вкушать священную пищу. Приобщение к таинствам происходило постепенно. Сначала претенденты подвергались предварительному очищению, затем приступали к первой ступени посвящения. Высшей же ступени достигали не все мисты; она включала полное созерцание божества, которое, как считали, доставляло величайшее блаженство, поэтому таких мистов называли эпонтами - созерцателями.

Одни и те же ритуалы получали у посвященных разного уровня различные толкования; с повышением ступени посвящения все сложнее и символичнее становилось понимание увиденного на таинствах. Это хорошо иллюстрируется в трактате Плутарха «Об Осирисе и Исида» (Plut. Mor. 304—383), в котором рассказано о египетских мистериях. Греки отождествляли своих богов с местными, а философы пришли к заключению, что «нет ни варварских и эллинских, ни южных и северных богов, но как Солнце, Луна, небо, земля и море являются общими для всех и только называются у разных людей по-разному, так для единого все созидającego Разума, и для единого всем распоряжающегося Промысла, и для благодетельных во всем распространенных сил у разных народов в соответствии с их обычаями существуют разные почести и названия» (Plut. De Osir. 67. Перевод Н. Трухиной).

На первой ступени посвящения Осирис отождествлялся с Нилом, Исида с плодородной землей, Тифон - с засухой. Потом Исида и Осирис символизировали основополагающие принципы плодородия и упорядоченности, а Тифон - энергию дисгармонии и разрушительности. Затем Осирис и Тифон олицетворяли мировые начала Добра и Зла, а на последней ступени Осирис означал сверх-

⁴ Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Богослужбные и сценические Древности. СПб., 1997. С. 196.

чувствительный творящий логос, Исида - тяготеющую к нему теорию⁵.

О том, как проходили мистерии, известно немного, потому что мисты давали клятву не разглашать поверенные им тайны и не рассказывать об обрядах. Непосвященным запрещалось даже знать имена многих богов, которым поклонялись во время мистерий (Strab. X, 3, 21; С. 473). За разглашение тайн мистерий строго наказывали, обрекая даже на смертную казнь. Выразительный пример такого рода известен по рассказам о Диагоре Мелосском, прозванном Безбожником (Cic. De nat. Deor. I, 2, 63; III, 37, 89). Он учился у Демокрита и во второй половине V в. до н. э. долго жил в Афинах. В молодости Диагор был верующим человеком, принял посвящения в Элевсинские, Самофракийские и другие мистерии, писал гимны и дифирамбы богам. После того как его предал самый верный друг и не понес за это кары от богов, Диагор разуверился в существовании божеств, принялся осмеивать веру в них и разглашать в своих сочинениях доверенные ему тайны мистических культов. Афинский суд приговорил Диагора к смерти, назначив награду за его голову, а труды безбожника распорядился сжечь. Диагору пришлось бежать в Коринф, где он, вероятно, и умер в конце V в. до н. э.

Рассказы о Диагоре показывают, что в античности посвящение в одни мистерии не исключало участия в других. Павсаний (IV, 1, 7) сообщает, что живший в IV в. до н. э. афинянин Метапслыл «знатоком разных таинств и всяческих оргастических служений»; он участвовал в усовершенствовании таинств по элевсинскому и самофракийскому образцу в Мессене и Фивах.

Некоторые мистерии совершались небольшим кругом посвященных, войти в который могли лица, отвечавшие строго определенным требованиям, например представители определенных родов, или граждане только одного государства, или исключительно мужчины, либо одни женщины. Наряду с замкнутыми существовали широко доступные мистерии для граждан и гражданок любых греческих полисов, а иногда и для неполноправных членов обще-

⁵ Трухина Н. Вступительная статья к трактату Плутарха «Об Осирисе и Исиде» // ВДИ. 1977. № 3. С. 248.

ства. К таким мистериям принадлежали самые известные в античном мире празднества - Элевсинские и Самофракийские (Ael. Aristid. Panath. 189). Во время первых чествовали Деметру и ее дочь Кору, во время вторых - Кабиров и других божеств, которых объединяли названием самофракийских. Жители Северного Причерноморья, как будет показано ниже, приобщались к этим мистериям.

ЭЛЕВСИНСКИЕ МИСТЕРИИ - ПАНЭЛЛИНСКИЙ ПРАЗДНИК

Элевсинские мистерии выросли из древнего земледельческого культа, восходящего к микенской эпохе. Главным содержанием мистерий был миф о богине плодородия Деметре и ее дочери Коре, которую похитил бог подземного царства и против воли сделал своей женой.⁶ Эта супружеская пара имела у греков по два имени: бога называли Аидом и Плутоном, его супругу - Корой и Персефоной. Все четыре имени использовал боспорский поэт, сочиняя эпитафию для надгробия Феofilы, безвременно умершей на рубеже I в. до н. э. - I в. н. э. (КБН. 130). Однако в надписях, касающихся Элевсинских мистерий, говорится лишь о Плутоне и Коре⁷, поэтому в этом разделе будут употребляться только эти имена.

Содержание элевсинского мифа подробнее всего изложено в пятом гомеровском гимне, обращенном к Деметре. Аполлодор (Bibl. I, 5) записал миф более сжато и с существенными отличиями в деталях, а у многих античных писателей кратко упоминаются от-

⁶ Об Элевсинских мистериях существует огромная научная литература. Назовем лишь несколько основных работ, в которых отражено современное состояние исследования элевсинских культов и раскопок святилища: Лауэнштайн Д. Элевсинские мистерии. М., 1996; Нильссон М. Греческая народная религия. СПб., 1998. С. 58-88; Сергеева С. Н. Элевсинские мистерии. К проблеме мистерияльных культов в античном обществе. Автореф. дисс. ст. канд. ист. наук. СПб., 1998; Кереньи К. Элевсин. Архетипический образ матери и дочери. М., 2000; Mylonas G. E. Eleusis and Eleusinian Mysteries. Princheton, 1961; Parke H. W. Festivals of the Athenians. London, 1986. P. 55-72; Clinton K. Myth and Kult: The Iconography of the Eleusinian Mysteries. Stockholm, 1992.

⁷ Clinton K. Sanctuary of Demeter and Kora at Eleusis // Greek Sanctuaries. New Approaches. London-New York, 1993. P. 113.

дельные эпизоды мифа с расчетом на то, что его сюжет всем знаком.

Греки рассказывали, что Кора вместе с подругами собирала на лугу цветы. Внезапно земля разверзлась и Плутон появился на колеснице. Он схватил Кору и быстро умчал, так что никто не мог сказать, куда она исчезла. Деметра искала дочь днем и ночью, освещая дорогу факелом. В образе старухи она странствовала по миру, пока не пришла в Элевсин. Здесь Деметра нашла приют в доме местного царя и стала нянчить его маленького сына. Погруженная в свое горе богиня плодородия перестала заботиться о растениях, все вокруг увяло, люди и животные стали голодать. Тогда Зевс распорядился вернуть матери Кору, но обязал ее одну треть года проводить с супругом в его подземном царстве. Поэтому Деметра каждый год грустит в разлуке с дочерью, и тогда жизнь растений зимой замирает.

Существует иное мнение о времени года, отведенного для пребывания Кору у Плутона. Кора, в переводе с греческого, - Дева, вероятно, олицетворяла зерно. В Греции оно хранилось в подземных погребках после июньского обмолота урожая до нового сева в октябре. Дева-Зерно сходила в июне в подземное царство и выходила оттуда через четыре месяца, когда открывали погребка и доставали зерно для нового посева. А перед ним праздновали мистерии, прославлявшие возвращение Девы-Зерна и ее соединение с Матерью Зерном.⁸

Покидая Элевсин, Деметра, по верованиям эллинов, повелела выстроить там храм и показала, как справлять мистерии, посвященные ей и Коре. Богиня приобщила к таинствам нескольких элевсинских граждан. Среди них были Эвмолп (в некоторых вариантах мифа он стал элевсинским царем) и Керик; с тех пор высшие жреческие должности на мистериях могли занимать только их потомки. Деметра особо отличила Триптолема, также вошедшего в круг первых посвященных. Богиня подарила ему колосья пшеницы и колесницу, запряженную крылатыми змеями, и велела объезжать разные земли, обучая людей земледелию. В одном из вариан-

⁸ Нильссон М. Указ. соч. С. 71, 72.

тов мифа рассказывалось, что среди стран, которые посетил Триптолем, была Скифия (Ovid. Met. V, 645-662). Поэтому поселившиеся там эллины могли считать, что они и их соседи получают хлеб из зерна, происходящего от первого посева, совершенного здесь Триптолемом.

Во время Элевсинских мистерий посвящаемым разъясняли смысл жизни и смерти. Мисты символически отождествлялись с новыми зернами, выросшими в результате посева и гибели старых; возрождение зерна в новом урожае указывало на возможность воскресения после смерти и существования в ином духовном обличье в потустороннем мире.

Небольшой город Элевсин, лежавший на расстоянии 22 км от Афин (рис. 26), вошел в состав Афинского государства в VI в. до н. э., и вскоре мистерии, издавна совершавшиеся в местном святилище, завоевали популярность во всей Аттике. Затем со второй половины V в. до н. э., времени наивысшего расцвета Афин, и до конца античности Элевсинские мистерии славились по всему древнему миру. Множество паломников ежегодно прибывали в Афины, желая приобщиться к знаменитым таинствам и провести здесь «самые светлые и радостные дни года» (Plut. Phoc. 28).

Сначала к мистериям допускали только афинских граждан и гражданок, затем это право распространилось на всех полноправных членов любого греческого полиса, а позже на римлян и даже на неполноправное население. Требовалось лишь формально быть усыновленным (или удочеренной) афинянином, знать греческий язык, чтобы понимать обряд, свято хранить поверенные тайны и засвидетельствовать, что жизнь посвящаемого не запятнана пороками и преступлениями.

Посвящаемые в Элевсинские мистерии были более или менее состоятельными людьми. Ведь им надлежало внести определенную сумму, шедшую на нужды святилища и его служителей. В конце IV в. до н. э. плата составляла 15 драхм, что соответствовала среднему заработку ремесленника за 10 дней.⁹ Для приезжих траты оказывались еще большими, так как к взносу прибавлялись собственные расходы на поездку.

⁹ Parke H. W. Festivals of the Athenians. London, 1986. P. 61.

Во время бесчисленных войн греки и римляне никогда не разрушали Элевсин. За свою многовековую историю святилище пострадало лишь дважды: в 480 г. до н. э. при нашествии персов и в 166 г. н. э. при нападении костобоков. В 396 г. вестготский король Аларих разорил Элевсин, и тогда перестали совершаться мистерии, вызывавшие протест у адептов все шире распространявшегося христианства. Однако некоторые исследователи полагают, что в христианских обрядах многое заимствовано из элевсинских, и до сих пор в современной литургии «течет элевсинская кровь».¹⁰

Античные авторы неоднократно восторженно писали об Элевсинских мистериях. Пиндар (fr. 115) и Софокл (fr. 719 Dindorf) называли посвященных счастливыми в этой, а главное - в загробной жизни. Ведь считалось, что в потустороннем мире всех ждут мучения и страдания, и лишь посвященные в таинства получают там блаженное существование (Soph. Fr. 719; Plat. Phaed. 69). Элий Аристид в «Элевсинской речи» (XXII, 2) именовал Элевсин святыней всей земли и самым блистательным из святилищ. Цицерон в диалоге «О законах» (II, 36) утверждал, что из всего исключительно ценного, созданного Афинами, самое лучшее - Элевсинские мистерии; благодаря им люди, по природе дикие и жестокие, перевоспитываются в духе человечности и мягкости, познают основы жизни и учатся жить с радостью и умирать с надеждой на лучшее.

Элевсинии неразрывно связаны с культом плодородия и с образами умирающей и воскресающей растительности. Ранней весной перед посевом в Антестерионе (февраль-март) в аттической области Агры праздновали Малые мистерии, посвященные Персефоне (Orig. Contr. haer. V, 165). На празднике совершалось посвящение, необходимое для дальнейшего приобщения к Элевсинским таинствам. Участники мистерий назывались мистами, а новообращенные - неофитами, что буквально означает «только что посаженный» (плод, семя, злак). Неофит малых мистерий мог стать элевсинским мистом не раньше чем на следующий год, то есть по истечении 18 месяцев.

¹⁰ Лауэнтитайн Д. Указ. соч. С. 27.

По некоторым сведениям, число посвящаемых в таинства во времена расцвета Элевсинских мистерий составляло от 500 до 3000 человек. Последняя цифра относится к римскому времени. Особенно много желающих принять посвящение съезжалось каждый четвертый год, когда празднества справлялись с особой пышностью.¹¹

За 55 дней до Малых и Великих Элевсинских мистерий эллины объявляли священное перемирие для того, чтобы всем дать возможность вовремя и безопасно прибыть в Аттику (CIG. I, 1).¹² Такие перемирия сопутствовали любому панэллинскому празднеству, но их неоднократно нарушали. Лишь элевсинское перемирие, по словам Элия Аристида, соблюдалось неукоснительно, и «только во время Элевсиний вся Эллада наслаждалась здоровьем» (Ael. Aristid. XXII, 7).

Ежегодное празднование Элевсиний в месяце Боедромионе приходилось на конец нашего сентября - начало октября и длилось 10-12 дней. Праздник разделялся на две части; он начинался в Афинах, затем торжественное шествие направлялось в Элевсин, и там главная часть мистерий совершалась в святилище.

Церемонии в Афинах и движение процессии в Элевсин не относились к числу тайных, и потому начальные дни праздника более или менее подробно описаны у античных авторов. Основная же часть мистерий известна в самых общих чертах, потому что мисты давали обет хранить в тайне все, что видели и слышали в Элевсинском святилище. О таинствах сейчас можно составить некоторое представление из тенденциозных рассказов раннехристианских авторов, а также по изображениям на вазах и рельефах и по руинам, раскопанным в Элевсине.

Г. Милонас, много лет проводивший археологические исследования в Элевсине и читавший у древних авторов все, что касалось Элевсинских мистерий, писал: «Много ночей я стоял на ступенях Телестериона (зала посвящений), купаясь в волшебнo-се-

¹¹ Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Богослужбные и сценические Древности. СПб., 1997. С. 204; Лауэнтитайн Д. Указ. соч. С. 191.

¹² Латышев В. В. Указ. соч. С. 204.

ребряном сиянии луны, и надеялся услышать голос посвященных, надеялся, что человеческая душа все же сумеет уловить искорку сокрытого от рассудка. Увы! Древность упорно хранит свою тайну. Элевсинские мистерии разгадать невозможно».¹³

Противоположной точки зрения придерживается Д. Лауэнштайн. В монографии «Элевсинские мистерии» он подробно описал все, что якобы происходило перед глазами мистов, а также истолковал смысл священных гимнов и драматических представлений. Отдавая должное многим его интересным догадкам, следует сказать, что исследователь излишне увлекся собственными домыслами, с которыми во многих случаях трудно согласиться; ряд текстов древних писателей, на которые опирается Д. Лауэнштайн, вряд ли имеют хоть какое-то отношение к Элевсинским мистериям.

Суммируя изыскания современных ученых, можно кратко следующим образом описать порядок празднования Элевсинских мистерий, не затрагивая сокровенной сущности их ритуалов.¹⁴

За два дня до праздника конный отряд афинских эфевов (юношей, проходивших военную подготовку) направлялся в Элевсин. Жрецы и жрицы выходили из святилища, неся с собой священные предметы, сложенные в особые круглые коробки-кисты, перевязанные пурпурными лентами. Вместе с кистами, наверное, выносили также одну или несколько священных статуй элевсинских богов. Жрецы погружались в повозку, и эфебы сопровождали их в Афины. Они прибывали туда 14 Боэдромиона и помещали священные предметы в Элевсинион, храм Деметры у подножия Акрополя.

Пятнадцатое число, первый день праздника, должно было приходиться на полнолуние. На агоре в Пестрой стое, расписанной картинами знаменитых художников (Paus. I, 15), архонт-басилевс, верховный жрец Афин, принимал иерофанта и дадуха, двух главных

¹³ Mylonas G. E. Op. cit. P. 231.

¹⁴ Работы, на основании которых выполнено нижеследующее описание Элевсинских мистерий, перечислены в прим. 6. Отмечу, что сообщения античных авторов неясно определяют последовательность некоторых ритуалов празднества, поэтому их порядок сейчас устанавливается по-разному. В этом вопросе я придерживаюсь мнений В. Парке и К. Клинтона.

элевсинских жрецов, и давал им разрешение пригласить народ на праздник Элевсинских мистерий. Глашатай из рода Кериков призывал мужчин и женщин, желающих принять посвящение, публично назвать свои имена. Тогда любой мог опротестовать включение в кандидаты недостойных лиц. Глашатай напоминал, что все кандидаты должны знать греческий язык, не быть причастными к преступлениям, не иметь судимости и быть старше 19 лет.

Предварительно кандидаты в мисты подавали в афинский Элевсинион письменное прошение. Жрецы сверяли их имена по афинскому списку граждан (напомним, что иногородние должны были быть усыновлены местными гражданами), по судебной книге и, наконец, по перечню элевсинских мистов. Ведь считалось полезным принять посвящение по меньшей мере дважды, чтобы перейти от низшей к высшей ступени познания таинств и стать «эпоптом» (созерцателем). Из последних выделялись мистагоги, которые руководили неофитами во время мистерий.

В первый день праздника кандидаты узнавали, допущены ли они к таинствам. Получив положительный ответ, они вносили заранее определенную сумму денег и совершали положенные жертвоприношения. Если выяснялось, что кто-то, не внесенный в список неофитов, даже случайно увидел какую-то часть таинств, его за это казнили (Liv. XXXI, 41).

Во время мистерий рядовые участники надевали черные одежды, символизирующие скорбь Деметры. Во II в. н. э. цвет одежд изменился на белый по желанию императора Марка Аврелия. Он дошел до высшей ступени посвящения в мистерии и много сделал для Элевсинского святилища после его разорения костобочками в 166 г. Белый цвет одежд соответствовал настроению заключительной радостной части праздника, на которой тогда делался особый акцент. Среди однообразно одетых мистов главные жрецы и жрицы выделялись своим нарядным костюмом. Иерофант одевался в роскошное пурпурное облачение, украшенное узорами, а на голову возлагал миртовый венок. Длинные волосы второго по значению жреца-дадуха (факелоносца) обвязывались нарядной лентой (Lys. VI, 51; Plut. Alcib. 22; Athen. I, 21). Этот жрец, по крайней мере в классический период, носил длинные волосы и особый

костюм не только во время мистерий; поэтому, как писал Геродот, персы, увидев дадуха среди сражающихся, приняли его за царя.

Утром 16-го раздавался клич; «Мисты, к морю!» (Hesych. s. v. *halade mystai*), и каждый, взяв живого поросенка, отправлялся на берег Фалерского залива. Там мисты омывались в море и купали поросят. Затем этих животных, символизовавших плодородие, приносили в жертву Деметре в афинском Элевсинионе.

17-го числа в Пестром портике мистам разъясняли заповеди первосвященника Триптолема; в них, в частности, говорилось, что до окончания мистерий нельзя убивать животных и есть мясо, в жертвы же следует приносить лишь плоды и зерна. В этот день, начиная с 420 г. до н. э., справлялся праздник Эпидаврии в честь бога Асклепия - великого целителя и утешителя в болезнях и несчастьях. Согласно преданию, Асклепий прибыл в Афины из Эпидавра, где находилось его знаменитое святилище¹⁵, и принял посвящение в Элевсинские мистерии.

Может быть, 17-го Боэдромиона опоздавшие приезжие еще могли войти в число кандидатов в мисты. Следующие два дня готовилась праздничная процессия в Элевсин. 19-го эфебы сопровождали жрецов, доставлявших обратно в Элевсинское святилище то, что они привозили в афинский Элевсион.

20-го Боэдромиона из Дипилонских ворот в Элевсин выступала торжественная процессия (рис. 26). Мисты шли по священной дороге, красочно описанной Павсанием (I, 39). К шествию присоединялось множество любопытных, которым это не возбраняли. Впереди в сопровождении жрецов двигалась увенчанная миртом статуя Иакха, ее нес мист, называемый иакхагогом. Остальные мисты постоянно выкликали имя этого божества; их головы украшали миртовые венки, и на плечи они опирали большие связки мирта, обвязанные шерстяными лентами. Процессия двигалась размеренно и неоднократно останавливалась у храмов и алтарей для совершения предписанных ритуалов. Недалеко от Элевсина, переходя по мосту через приток реки Кефис, мисты перебрасывались

¹⁵ Археологи обнаружили в святилище Эпидавра остатки великолепного храма IV в. до н. э., а также фундаменты круглого здания Толоса и большой театр, прекрасно сохранившийся до наших дней.

шутками вольного содержания; они так и назывались «мостовыми шутками» (Hesych. s. v. *gerphyrismoï*). Шествие завершалось в Элевсине вечером при свете факелов. И в следующие дни факелы играли заметную роль при совершении таинств.

День 21-го отводился отдыху, а тайные ритуалы начинались вечером и длились до 23-го числа. Сначала юноши и девушки из старинных элевсинских родов танцевали и пели печальные песни, создавая мистам нужное настроение. Мисты рассаживались на каменных ступенях квадратного зала посвящений в здании Телестериона. В V в. до н. э. его решили значительно расширить и поручили перестройку знаменитому архитектору Иктину, создателю Парфенона (Strab. IX, 1, 12; С. 395). Восемь рядов сидений располагались по всем четырем сторонам огромного зала размером 54 х 54 м; верхняя часть постройки была беломраморной, а нижняя - из сине-черного элевсинского камня.¹⁶

Зрители смотрели представление о странствованиях Деметры в поисках Коры. В сумраке раздавались вопли богинь, и им вторили соперничавшие мисты (Aristid. XIX, 422; Procl. Comm. Plat. Rep. I, 125, 20). Заключительное представление, наоборот, окрашивалось радостью: Кора возвращалась к Деметре, и богиня отправляла Триптолема учить людей земледелию. В какой-то момент появлялись божественные мисты Геракл и Дионис, а также разыгрывалась драма на тему священного брака Деметры и рождения ребенка, наверное, Плутоса (Hippol. Ref. V,9).

Наибольшей тайной окутаны для нас главные обряды мистерий, относящиеся к категории созерцания. Известно лишь, что мистам что-то говорилось, при этом нечто делалось и демонстрировались какие-то предметы. Избранный пожизненно верховный жрец именовался иерофантом, то есть показывающим святыни. Его главная обязанность состояла в предоставлении мистам возможности созерцать тайные предметы. Наверное, тогда жрец пел или говорил нараспев; ведь он обязательно принадлежал к роду Эвмолпидов, а имя его родоначальника Эвмолпа означает «прекрасно поющий».¹⁷

¹⁶ Вуннер Б. Р. Искусство древней Греции. М., 1972. С. 215.

¹⁷ Нильссон М. Указ. соч. С. 59, 60.

29-го Боэдромиона, в последний день праздника, совершался обряд племохои (Athen. XI, 496). Жрецы выливали воду в устроенное в земле отверстие из двух особых глиняных сосудов, называвшихся племохоями, из одного сосуда вода лилась на запад, из другого — на восток. Обряд сопровождался произнесением таинственных заклинаний; возможно, в них входили слова «орошай и зачинай», упомянутые в связи с мистериями в комментарии Прокла к диалогу Платона Тимей (V, 239 с).

Элевсинская часть праздника раз в два года оканчивалась малыми, а раз в четыре года большими атлетическими, конными и музыкальными состязаниями, длившимися, по-видимому, четыре дня.¹⁸ Пиндар (Ol. IX, 98, 99), перечисляя игры, на которых Эфармост Опунтский завоевывал призы в борьбе, назвал состязания в Элевсине. Они, по свидетельству Паросской хроники, считались учрежденными ранее Панафинеийских. Элевсинские победители получали в награду пшеницу, выросшую на священном Рарийском поле, которое, по преданию, впервые засеял Триптолем.¹⁹

Многие столетия обряды Элевсинских празднеств старались тщательно исполнять по древнейшим образцам, но все же мистерии претерпевали изменения. Как уже упоминалось, в V в. до н. э. в праздник включили чествование Асклепия и причислили его к элевсинским мистам; в IV в. до н. э. Дионис стал играть выдающуюся роль среди элевсинских божеств; во II в. н. э. изменился цвет одежды мистов, и, наверное, больше внимания стало уделяться заключительной радостной части мистерий. Безусловно, происходили и существенные изменения в толковании элевсинских тайных символов, и каждое новое поколение интерпретировало их в соответствии со своим мироощущением.

¹⁸ Латышев В. В. Указ. соч. С. 209.

¹⁹ Новосадский И. И. Элевсинские мистерии. СПб., 1887. С. 138.

УЧАСТИЕ ЖИТЕЛЕЙ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В ЭЛЕВСИНСКИХ ТАИНСТВАХ

До сих пор ученые в основном писали о влиянии элевсинского культа на религию Боспора и Ольвии²⁰ и лишь кратко упоминали, что некоторые жители Северного Причерноморья, вероятно, были посвящены в Элевсинские мистерии.²¹ Мы же сосредоточим внимание на том, чтобы показать, как памятники изобразительного искусства и некоторые надписи свидетельствуют о посвящении в Элевсинские таинства греков, населявших северные берега Понта Евксинского.

С последней трети V в. до н. э. можно уверенно говорить о связях античных городов Северного Причерноморья с Элевсинским святилищем. Сохранился декрет 418 г. до н. э., в котором афиняне призывали своих союзников и прочих эллинов присылать в Элевсин десятину урожая, заявляя, что об этом пророчествовал Дельфийский оракул (Syll.³ I, 83). От исполнения этого предписания не следовало уклоняться северопричерноморским городам, входившим в число афинских союзников. Это были Нимфей, Ольвия, возможно, Тира, Никоний и некоторые другие.²² Обычай посылать в Элевсин плоды первого урожая из разных греческих государств сохранялся много столетий после распада Афинского морского союза, о чем упоминал Элий Аристид (XXII, 4), прославленный оратор II в. н. э.

²⁰ Стефани Л. Объяснения некоторых вещей, найденных в 1868 году в Южной России // ОАК 1869. С. 12, 18; Ростовцев М. М. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 372; Передольская А. А. Терракоты из кургана Большая Близица и гомеровский гимн Деметре // ТГЭ. 1962. Т. 7. С. 46-92; Сапрыкин С. Ю. Культ Деметры в Боспорском царстве В VI-I вв. до н. э. // Из истории античного общества. Горький, 1983. С. 62, 66, 68; Масленников А. А. Две терракоты из Крымского Приазовья // Античный мир. Византия. Харьков, 1997. С. 134, 135; Русяева А. С. Элевсинский аспект культа Деметры в Боспорском царстве // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Материалы Вторых боспорских чтений. Керчь, 2001. С. 122-127.

²¹ Передольская А. А. Указ. соч. С. 83; Русяева А. С. Указ. соч. 1992. С. 128.

²² Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора VI-IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984. М., 1985. С. 105; Карышковский П. О., Клейман И. Б. Древний город Тира. Киев, 1985. С. 45; Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989. С. 133.

Исократ в «Панегирике», написанном в 380 г. до н. э., утверждал, что большинство эллинских полисов доставляет в Элевсин часть урожая, а тех, кто уклоняется от этого, Пифия неоднократно призвала вносить свою долю жатвы (Isocr. IV, 31). Надо полагать, что в IV—III вв. до н. э., когда дружественные отношения Афин и Боспора переживали свой наивысший расцвет, боспоряне неуклонно выполняли требование дельфийского оракула.

Афины оказывали влияние на многие стороны политической, экономической, культурной и религиозной жизни всех городов в Северном Причерноморье.²³ Письменные и эпиграфические источники свидетельствуют, что в IV—III вв. до н. э. многие ольвиополиты и боспоряне посещали Афины, а некоторые жили там продолжительное время даже с семьями.²⁴ Боспорские цари и купцы имели постоянных представителей в Афинах, здесь учились молодые люди, желавшие получить образование в лучших риторских или философских школах, а также находили приют политические изгнанники (Isocr. XVII, 5; Dem. XXXIV, 37; Diog. Laert. IV, 47).²⁵ Все они наблюдали разные афинские празднества и имели возможность стать элевсинскими мистами.

В эллинистическую и римскую эпохи разные правители стремились приобщиться к Элевсинским мистериям. Напомним потрясшее афинян в 304 г. до н. э. требование македонского царя Деметрия Полиоркета совершить его посвящение сразу же от низшей ступени до высшей, что, согласно священным законам, занимало более года (Plut. Demetr. 26). Многие римские императоры, начиная с Августа, принимали посвящение в Элевсине.²⁶ Вероятно, в числе посвященных были и боспорские цари. К такому заключению можно прийти на основании двух надписей II и III вв. н. э. В них цари Реметалк Второй и Третий названы ведущими свой род от Геракла и Эвмолпа, сына Посейдона (КБН. 53, 980).

²³ Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н. э. М., 1963.

²⁴ См. упоминание о семье боспорянина Лампида в речи Демосфена «Против Формиона» (XXXIV, 37); о том же свидетельствуют найденные в Афинах надгробия незамужних дочерей боспорян (МИС. 60, 61, 64).

²⁵ Скржинская М. В. Ольвиополиты и боспоряне в Афинах // ВДИ. 2002. № 2. С. 133–143.

²⁶ Лауэнштайн Д. Указ. соч. С. 46–48.

Эвмолп, один из главных персонажей Элевсинских таинств, предстает в изобразительном искусстве царственной фигурой, символизирующей культ мистерий.²⁷ В гомеровском гимне Деметре (IV, 475) он назван среди первых четырех элевсинских граждан, посвященных самой богиней в таинства, а Плутарх (De exil. 17) и Лукиан (Demaпax, 34) написали, что Эвмолпа почитали как основателя Элевсинских мистерий. Этим объяснялось, почему верховный жрец мистерий обязательно принадлежал к роду, восходящему к Эвмолпу. Эвмолпиды, наверное, были потомками древней царской династии, ее члены некогда отправляли родовой культ, смысл которого заключался в обеспечении плодородия зерна, брошенного в землю.

У греков существовало несколько сказаний об Эвмолпе, и, как часто бывает в фольклоре, одни не согласовывались с другими. Поэтому в записях античных авторов даже упорядоченные древними писателями предания оказываются противоречивыми. Например, по версии Гигина (Fab. 46) и Аполлодора (Bibl. III, 15, 4), Эвмолп погиб на войне элевсинцев с афинянами. Павсаний же рассказывает, что убили его сына (Paus. I, 38, 3). Греки называли Эвмолпа сыном Посейдона и Хионы, дочери северного ветра Борея. Эвмолп царствовал во Фракии; вместе со своим войском он решил выступить против Афин на стороне элевсинцев. Последние потерпели поражение и по мирному договору обязались во всем подчиняться Афинам, сохранив лишь ведущее положение в мистериях. Главная роль в них оказалась у Эвмолпа. Именно он, по преданию, посвятил в мистерии Геракла и Диоскуров, первых некоренных жителей Элевсина (Paus. I, 5, 2; 38, 3, 4; II, 14, 3; Apollod. Bibl. III, 15, 4; Ael. Aristid. XXII, 4; Stob. Florid. III, 39, 33).

Анализируя надписи с упоминанием о происхождении боспорских царей от Эвмолпа, ученые акцентируют внимание на том, что боспорские правители возводили свой род к мифическому царю Фракии. Действительно, начиная с династии Спартокидов, пришедших к власти в 438 г. до н. э., немало царей носили фракийские имена, поэтому упомянутые надписи привлекаются в качестве

²⁷ Clinton K. Op. cit. 1992. P. 96.

подтверждения фракийских корней Спартокидов и династии, правившей на Боспоре в римский период.²⁸

Мне представляется важным подчеркнуть иные ассоциации, возникавшие у греков при имени Эвмолпа. Даже не посвященные в Элевсинские таинства знали о важной роли этого героя в мистериях. О нем говорилось в широко известном гомеровском гимне Деметре, упоминалось в разных не тайных сказаниях, поэтому его имя неоднократно встречается у мифографов (Hugin. Fab. 46, 157, 273; Apollod. Bibl. III, 15, 4) и поэтов (Theocr. XXIV, 110).

Вероятно, легендарная генеалогия боспорских царей появилась во времена расцвета связей Северного Причерноморья с Афинами в IV в. до н. э. Тогда цари Боспора участвовали в наиболее крупных афинских праздниках. Каждые четыре года они получали золотые венки на Панафинейх (МИС. 3), их имена звучали среди награжденных в театре на Великих Дионисиях (МИС. 4), их статуи и почетные декреты украшали афинскую агору, Акрополь и Пирей (МИС. 42; Dem. XX, 36; Dein. I, 43).

Трудно представить, чтобы боспорские цари, многие из которых имели афинское гражданство, не принимали участия в знаменитом на всю греческую ойкумену празднике и не приобщались к мистериям, сулившим счастье в этом, а, главное, в загробном мире. Введение в родословную героя Эвмолпа, с одной стороны, указывало на царственных фракийских предков боспорских правителей, с другой - роднило их с одним из главных героев Элевсинских таинств и со старинным родом Эвмолпидов, а также давало какие-то дополнительные привилегии на Элевсиниях. Можно высказать осторожное предположение о корнях подобной родословной. Вероятно, в классический период, когда действовало правило, чтобы посвящаемого в таинства усыновлял местный гражданин, боспорский царь таким образом породнился с Эвмолпидами. Он сделал это не случайно, потому что подобным образом оказалось возможным обосновать родство со знаменитыми фракийцами и

²⁸ Жебелев С. И. Северное Причерноморье. М.; Л., 1953. С. 167; Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 56, 324; Шелов-Коведяев Ф. В. Указ. соч. С. 85.

одновременно с эллинами, и даже через Эвмолпа с богом Посейдоном.

Став членами рода Эвмолпидов, боспорские цари получали право исполнять жреческие обязанности иерофанта. Возможно, они пользовались этим правом у себя на родине, становясь жрецами Деметры и Керы и справляя праздники по элевсинскому образцу. Так, например, поступал император Адриан, совершая таинства на своей вилле в Тиволи (Aug. Vict. 14, 4).

Сохранение памяти о происхождении от Эвмолпа в римское время говорит, на мой взгляд, о том, что некоторые боспорские правители первых веков нашей эры принимали посвящение в Элевсинские мистерии. Судя по именам, новая династия имела фракийские корни, и через Эвмолпа удавалось показать ее родство с древними Спартокидами. Участвуя в мистериях, цари, называвшие себя «друзьями цезарей», подражали римским императорам, многие из которых, как уже говорилось, принимали посвящения в мистерии.

Для подкрепления предложенной гипотезы напомним, что император Адриан, достигнув высшей ступени посвящения, сам совершал в Элевсине таинства как верховный жрец-иерофант, а для этого ему следовало стать членом рода Эвмолпидов. Известно также, что Люций Вер считался членом семьи Эвмолпидов, а Марк Аврелий - даже главой Кериков, второго рода, из которого дозволялось выбирать Элевсинских жрецов.²⁹

Две ольвийские надписи ясно указывают на знакомство местных эллинов с Элевсинскими мистериями. В V в. до н. э. некий Ксантипп принес чернолаковый килик в качестве посвященного дара в ольвийский храм Деметры. На доньшке сосуда он прочертил посвящение элевсинским богам Деметре, Персефоне и Иакху. Издатель граффито А. С. Русяева предположила, что афинянин Ксантипп решил во время пребывания в Ольвии сделать приношение элевсинским богам. Основанием для такого заключения послужило то обстоятельство, что в ольвийской ономастике имя Ксантипп встречалось до сих пор лишь один раз и принадле-

²⁹ Лауэнштайн Д. Указ. соч. С. 47, 48.

жало афинскому гражданину.³⁰ Однако Ю. Г. Виноградов показал, что посвящение написано ионийским шрифтом и, судя по допущенным ошибкам, начертано самим посвятителем.³¹ Следовательно, он говорил не на аттическом, а на ионийском диалекте, господствовавшем в Ольвии; поэтому, скорее всего, Ксантипп был ольвиополитом и участвовал в каких-то ритуалах, исполнявшихся по образцу элевсинских.

Другая надпись, исполненная на каменной плите во II в. до н. э. (рис. 27), гласит, что Посидей, сын Дионисия, построил (или восстановил) ольвийскую оборонительную стену и совершил посвящение Деметре, Коре, Плутону и Демосу.³² Подобные плиты устанавливались в праздничной обстановке, и при этом совершалось жертвоприношение названным в надписи богам. До сих пор не давалось объяснения, почему к знаменитой триаде элевсинских богов добавлен Демос. По моему мнению, надо учесть, что во время Элевсинских мистерий приносили жертву Афине Демократии (SIG. II, 471),³³ которая символизировала государство, праздновавшее мистерии. Вспоминая об этом в Ольвии, Посидей заменил Афины Демократию Демосом, олицетворявшим его родное государство. Это позволяет думать, что Посидей не только имел представление о празднике Элевсинских мистерий, но и сам был посвящен в их таинства.

Наряду с надписями некоторые памятники изобразительного искусства свидетельствуют о причастности жителей Северного Причерноморья к Элевсинским мистериям. Вообще расписные вазы и рельефы играют важнейшую роль в современных знаниях о мистериях,³⁴ которые в силу их тайного характера почти не описаны в сочинениях античных авторов.

³⁰ Русяева А. С. Указ. соч. 1979. С. 48.

³¹ Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса VI—I вв. до н. э. М., 1989. С. 129, 130.

³² Лейтунська Н. О. Новий напис з Ольвії // Археологія. 1990. № 3. С. 117-122.

³³ Сергеева С. Н. Указ. соч. С. 14, 15.

³⁴ Bianchi U. The Greek Mysteries. Leiden. 1976. P. 8-20; Clinton K. Op. cit. 1992.

В 1858 г. А. Е. Люценко произвел раскопки огромного Павловского кургана близ Керчи.³⁵ Там в деревянном саркофаге покоилась молодая женщина в парадном одеянии, ее наряд дополняли разнообразные золотые украшения. Рядом с саркофагом стояли три аттические вазы: чернолаковая ойнохоя, фигурный лекиф в виде амазонки и расписная пелика так называемого роскошного стиля с изображением многочисленных персонажей.

В «Отчете Императорской Археологической комиссии» за 1859 г. академик Л. Стефани подробно описал предметы из Павловского кургана; он уделил особое внимание пелике, определив сюжет ее росписи как иллюстрацию Элевсинских мистерий.³⁶ С тех пор эта ваза постоянно привлекает внимание исследователей.³⁷ Ведь, несмотря на новые открытия за прошедшие полтора столетия, остается справедливым вывод Л. Стефани о том, что находка из Павловского кургана занимает ведущее место среди художественных произведений с изображением Элевсинских мистерий.³⁸

Пелика изготовлена в Афинах в середине IV в. до н. э.³⁹ Она расписана в краснофигурной технике, многие детали были выде-

³⁵ Люценко А. Е. Археологические разыскания 1858 г. в окрестностях Керчи // ОАК 1859. СПб., 1862. С. 6-15.

³⁶ Стефани Л. Описание вещей, открытых при археологических разысканиях 1858 г. в окрестностях Керчи // ОАК 1859. СПб., 1862. С. 32-118.

³⁷ Назовем основные исследования, в которых интерпретируется сюжет росписи пелики из Павловского кургана: Стефани Л. Указ. соч. С. 31-35, 52-56; Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 255; Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов. Прага, 1966. С. 68. № 278; Кереньи К. Указ. соч. С. 176, 177; Farneil L. R. The Cults of the Greek States. Oxford, 1907. P. 245, 246; Schefold K. Untersuchungen zu den Kertschen Vasen. Leipzig-Berlin, 1934. S. 40-42. № 368; Beazley J. D. Attic Red-figure Vase-painters. Oxford, 1963. P. 1476, 1; Metzger H. Recherches sur l'imagerie athenienne. Paris, 1965. P. 40. № 35; Simon E. Neue Deutung zweier eleusinischen Denkmäler der IV. Jahrh. v. Chr. // Antike Kunst. 1966. № 9. P. 72-82; Bianchi U. Op. cit. P. 8; Schwarz G. Triptolemos Ikonographie einer Agrar und Mysteriengottheit. Horn-Graz, 1987. V. 134; Lexicon iconographicum mythologiae classicae. Bd. 1-8. München, 1981-1997. S. v. Aphrodite 1371; Demeter 404; Dionysos 528; Eubouleus 7; Heracles 1403; Ploutos 9; Robertson M. The Art of Vase-Painting in Classical Athens. Cambridge, 1992. P. 283-284; Clinton K. Op. cit., 1992. P. 81, 82.

³⁸ Кереньи К. Указ. соч. С. 176; Bianchi U. Op. cit. P. 8.

³⁹ Ученые вслед за К. Шефолдом обычно датируют эту вазу 340-330 гг. до н. э. (UKV. № 368; Clinton K. Op. cit. P. 134), однако в последнее время некоторые исследователи склоняются к более ранней дате: 360-350 гг. до н. э. (Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото. СПб., 1995. С. 167).

лены теперь утраченными красками и обильной позолотой. Остатки последней сохранились на головных уборах и украшениях, на факелах и связках мирта в руках некоторых персонажей, на крыльях колесницы Триптолема и Эрота, на роге изобилия - атрибуте Плутоса. Благодаря этой пелике мастер, расписавший вазу, называется сейчас Элевсинским, и его кисти принадлежат еще несколько сосудов из раскопок в разных греческих городах.⁴⁰

Центральную часть композиции на одной стороне пелики занимают Деметра, Кора и стоящий между ними обнаженный мальчик Плутос с рогом изобилия (рис. 28). Деметра, одетая в хитон и гиматий, изображена сидящей, ее голову венчает роскошный калаф с рельефными узорами, на шее - ожерелье, а на руке, держащей высокий посох, - браслет. Кора стоит, опираясь на невысокую колонку и придерживая рукой большой горящий факел. Она представлена полуобнаженной, плащ закрывает ее ниже пояса; голову богини украшает венок, а шею бусы. Рядом с Корой сидит женщина, которую одни считают богиней Земли Геей, другие - Фемидой, третьи — Реей.⁴¹ Симметрично ей, слева от Деметры, находится Афродита со своим постоянным спутником крылатым Эротом.

За спиной Деметры стоит ее жрец в нарядном хитоне, отороченном узорами у ворота и на подоле. На голове у него венок из листьев, а в обеих руках по горящему факелу. Это Эвбулей или Эвмолп, которые входили в число первых посвященных в Элевсинские таинства. Художник изобразил героя в облачении жреца, и поэтому можно хорошо представить, как одевались верховные жрецы во время мистерий в IV в. до н. э.⁴²

В верхней части картины над головой Деметры парит Триптолем. С золотыми колосьями в руках он стоит на крылатой колеснице. Она неоднократно упоминается древними авторами как подарок Деметры: по ее велению, Триптолем обучал людей земледелию, объезжая страны на подаренной богиней колеснице, запряженной крылатыми драконами (Paus. VII, 18,2; Apollod. Bibl. I, 5,2;

⁴⁰ Schefold K. Op. cit. S. 40-42; Beazley J. D. Op. cit. P. 1476, 1; Robertson M. Op. cit. P. 283.

⁴¹ Simon E. Op. cit. S. 30; Bianchi U. Op. cit. P. 17.

⁴² LIMC. Bd. 4. S. 41.

Ael. Aristid. XXII, 4; Hygin. Fab. 147). Вазописцы рисовали колесницу⁴³ с крылатыми змеями, то просто с крыльями; герой представлен в фас в редком ракурсе; он летит прямо на зрителя, в то время как почти все художники и скульпторы изображали Триптолема и его колесницу в профиль.⁴³

Слева в верхнем ряду стоит обнаженный Геракл в миртовом венке; он нарисован с традиционным атрибутом - палицей и со связкой миртовых ветвей, которые несли мисты на элевсинских процессиях. Мирт напоминает о посвящении героя в таинства и о том, что он удостоился этого первым среди граждан не местного происхождения (Plut. Thes. 30, 33). Слева, симметрично Гераклу, изображен сидящий обнаженный Дионис в плющевом венке; он опирается на тирс - свой постоянный атрибут. Этот бог также считался посвященным в мистерии.

Вся картина повествует о посвящении в Элевсинские таинства. Здесь находятся две главные богини, которых чтили в Элевсине, первые посвященные Эвбулей, Триптолем и Геракл, а также Дионис, занявший важное положение в мистериях в тот период, когда художник расписывал пелику.⁴⁴

Труднее истолковать значение большинства персонажей на другой стороне вазы (рис. 29). Это обобщенное изображение какого-то момента мистерий. Центральное место занимает Афина в шлеме и со щитом в руке. Над головой богини реет крылатая Ника, которую часто рисовали на краснофигурных вазах рядом с Афиной.⁴⁵ Скорее всего, Афина здесь олицетворяет ведущую роль Афинского государства в праздновании мистерий,⁴⁶ и поэтому

⁴³ Ср. наиболее полное собрание изображений Триптолема в цитированной выше книге Г. Шварц (прим. 37).

⁴⁴ Mylonas G. Eleusis et Dionysos // Ephemeris archaeologica. 1960. P. 68-118; Metzger H. Le Dionysos des images eleusiniennes du IV siècle // Revue archéologique. 1995. Fasc. 1. P. 3-22.

⁴⁵ Ср. росписи аттических кратера и пелики, найденных в пантикапейских погребениях. На кратере представлены олимпийские боги в сцене апофеоза Геракла, а на пелике - иллюстрация к началу поэмы Киприи: совещание Зевса и богов о решении начать Троянскую войну. См.: UKV. № 369; Schefold B. The Krater from Bakys // The Eye of Greece. Cambridge-London-New York, 1982. P. 149-181.

⁴⁶ Кереньи К. Указ. соч. С. 181; Clinton K. Op. cit. P. 80.

богиня присутствует также на других вазах с иллюстрациями мистерий.⁴⁷ Стоит вспомнить также, что она играла определенную роль в предании о похищении Кору: в одних вариантах мифа рассказывалось, что Афина вместе с Корой собирала цветы, когда Аид похитил дочь Деметры (Horn. Numn. V, 424; Paus. VIII, 31, 2), в других - богиня сопровождала Деметру в поисках Кору (Eug. Hel. 1309-1317).

Афина представлена на вазе в движении; своим щитом она защищает персонажей, расположенных слева: там показано рождение божественного ребенка и передача его в руки Гермеса. Вероятно, об этом написал один из отцов церкви Ипполит (Ref. V, 9), сообщив, что во время мистерий иерофант провозглашал: «Владычица родила священного ребенка, Бримо Брима, что значит: сильная родила сильного». Сейчас не совсем ясно, с какими божествами греки отождествляли мать и ребенка; скорее всего, Иакх или Плутос играл роль ребенка, а его матерью считали Деметру или Гею.⁴⁸

По-видимому, вазописец иллюстрировал драматическую сцену, разыгрывавшуюся в Элевсинском святилище в ночь с 21 на 22 Боэдромиона. Обряд священного брака и рождения ребенка в разных вариантах известен у многих народов. Считалось, что действительный или символический брак мужчины и женщины, изображающих богов, и объявление после этого о рождении ребенка способствует плодородию почвы, животных и людей.⁴⁹ В связи с этим напомним упомянутый Гомером (Od. V, 125-128) и Гесиодом (Theog. 969-975) миф о браке Деметры и Иасиона на трижды вспаханном поле и рождении от этого брака Плутоса - бога богатства.

Возвращаясь к интерпретации картины на элевсинской пелике, рассмотрим остальные фигуры. В левой части композиции по-

мешена Кора с двумя факелами и какая-то богиня без атрибутов, а справа Зевс, сидящий на резном троне. Рядом с ним Деметра в нарядном калафе (некоторые считают эту фигуру Герой), а ниже женщина с тимпаном. Вероятно, она олицетворяет музыку, раздававшуюся во время мистерий. Ведь о тимпане пел хор в трагедии Еврипида «Елена» (ст. 1337-1349), когда излагал миф о похищении Кору, о горе Деметры и о том, как Зевс решил смягчить ее печаль, послав к ней Харит; они танцевали перед богиней, а Афродита аккомпанировала им на тимпане:

Тогда впервые Афродитой
Тимпан гремевший поднят был;
В утеху ей, тоской убитой,
Он проявил свой страстный пыл...
И улыбнулась Мать святая.

(Перевод И. Анненского)

Таким образом, по крайней мере уже в V в. до н. э. Афродита присутствовала в центральном мифе Элевсинских мистерий, и этим надо объяснить ее изображение на упомянутой выше первой картине пелики.

Сцена передачи ребенка Гермесу - редчайшее изображение, относящееся к сокровенным тайнам мистерий.⁵⁰ Посвящение же в мистерии, изображенное на другой стороне пелики, встречается чаще, но все же не является распространенным сюжетом вазописи. Такая композиция известна на вазах разных форм, но количество персонажей на них меньше, чем на боспорской пелике. Наряду с Деметрой и Корой там обязательно присутствует Дионис, а другие фигуры варьируются. Х. Метцгер собрал 13 подобных изображений на аттических вазах, найденных в разных частях греческой ойкумены.⁵¹ Первое место в этом перечне занимает пелика из Павловского кургана, однако в нем отсутствует еще одна ваза

⁴⁷ Ср., например, знаменитую эрмитажную гидрию Regina vasorum и найденный в Керчи лекиф с рельефными фигурами, о котором речь пойдет ниже; об изображении Элевсинских мистерий на Regina vasorum см.: Clinton K. Op. cit., 1992. P. 78.

⁴⁸ Bianchi U. Op. cit. P. 10; Clinton K. Op. cit., 1992. P. 91.

⁴⁹ Сергеева С. Н. Указ. соч. С. 16.

⁵⁰ Ср. роспись краснофигурной гидрии IV в. до н. э., найденной на Родосе: среди персонажей, причастных к Элевсинским мистериям, нарисована поднимающаяся из земли богиня с рогом изобилия в руках и ребенком, сидящим на этом роге (Bianchi U. Op. cit. P. 17. Fig. 3).

⁵¹ Metzger H. Op. cit. P. 7-12.

из Керчи с подобным сюжетом: это лекиф, исполненный аттическим мастером в третьей четверти IV в. до н. э.⁵²

Лекиф украшен шестью рельефными фигурами. Он принадлежит к группе дорогих сосудов с подобным декором, которые находят при раскопках далеко не всех греческих городов, куда поступала аттическая керамика.⁵³ Центральное место традиционно занимает сидящая Деметра, около нее стоит Кора с факелом; рядом с Деметрой Дионис с тирсом и сидящая Афина со щитом и копьем, а возле Кору - Триптолем с колосьями в руках, летящий на крылатой колеснице, и плохо сохранившаяся фигура молодого человека. Скорее всего, это Геракл, который также изображен симметрично Дионису на рассмотренной выше элевсинской пелике и на других вазах с подобным сюжетом, например, на знаменитой «царице vaz» из Эрмитажа. Дионис и Геракл включались в сцены Элевсинских мистерий в качестве самых знаменитых персонажей среди посвященных в таинства.⁵⁴

Сходная по сюжету роспись украшала краснофигурный кратер из Пантикапея. От сосуда уцелел лишь фрагмент с частично сохранившимися пятью фигурами: в центре Деметра и Кора с факелом, рядом с ними Плутос с рогом изобилия, Эрот и какой-то мужчина.⁵⁵ Наверное, рисунок на этом большом кратере по числу богов и героев не уступал пелике из Павловского кургана.

Таким образом, в Пантикапее найдены три вазы, расписанные на тему Элевсинских мистерий. Все они - дорогие изделия, явно исполненные по индивидуальному заказу, и поэтому их нельзя считать случайно попавшими на Боспор среди расписной керамики,

⁵² Этот лекиф, хранящийся теперь в Лувре, опубликован в статье: *Zervoudaki E. L. Attische polychrome Reliefkeramik des IV Jahrhunderts v. Chr. // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung. 1968. Bd. 3. S. 16. № 9.* Изображение на этой вазе упомянуто также в работах К. Кереньи (указ. соч. С. 18) и К. Клинтона (Op. cit. P. 80).

⁵³ В наиболее полном перечне аттических vaz с рельефами собрано всего около ста экземпляров, из них пять найдено на Боспоре и ни одной в других городах Северного Причерноморья (*Zervoudaki E. A. Op. cit.*).

⁵⁴ *Clinton K. Op. cit., 1992. P. 78.*

⁵⁵ *Боровкова В. Н. История коллекции краснофигурной керамики Керченского музея // Классическая филология на современном этапе. М., 1996. С. 319.*

массово поставлявшейся из Афин. Вероятно, боспорские обладатели этих vaz были элевсинскими мистами, потому что, по весьма вероятному предположению К. Клинтона, сосуды со сценами Элевсинских мистерий продавались лишь посвященным в таинства.⁵⁶ Они не расставались с такими вазами и при переходе в иной мир, потому на Боспоре и в других греческих государствах подобные вазы обнаружены в погребениях.

Вазовые росписи нельзя рассматривать как непосредственное отражение действий, совершавшихся на мистериях. Художники рисовали эпизоды мифов, связанных с праздником, и придавали своим иллюстрациям некоторые черты, заимствованные из реальных ритуалов.⁵⁷ Благодаря этому можно представить одежду и украшения жрецов и жриц, большие факелы и связки мирта, которые несли мисты. Глядя на такие изображения, греки вспоминали элевсинских богов и сакральные мифы о них, а также эпизоды драматических представлений, исполнявшихся во время таинств. Картина на пелике из Павловского кургана с наибольшей полнотой демонстрирует ряд образов, проходивших перед посвященными в Элевсинские мистерии, однако мы можем в них разглядеть значительно меньше, чем видели мисты.

В дополнение к названным вазам IV в. до н. э. следует рассмотреть еще три фрагмента сосудов из Ольвии и Пантикапея. На них представлен Триптолем, один из видных героев элевсинского цикла мифов. Рассказ о миссии Триптолема не принадлежал к числу тайных, и его знали во всем греческом мире. Поэтому вазы с эпизодами мифа о Триптоleme имели гораздо более широкое распространение, чем сосуды с другими элевсинскими сюжетами. Наиболее полный их каталог (более 100 экз.) содержится в книге Г. Шварц, но пантикапейский и ольвийские фрагменты в ней не учтены.⁵⁸

Героя Триптолема почитали в основном в Аттике и вспоминали главным образом во время Элевсинских мистерий. Благодаря их славе во всем античном мире имя Триптолема стало извест-

⁵⁶ *Clinton K. Op. cit., 1992. P. 9.*

⁵⁷ *Нильссон М. Указ. соч. С. 75.*

⁵⁸ *Schwarz G. Op. cit.*

тно эллинам, жившим в разных частях ойкумены. Образ героя вырисовывался перед ними в устных преданиях, в литературных произведениях и на памятниках изобразительного искусства, исполненных главным образом в Аттике.⁵⁹ Они расходились по многим греческим городам, и некоторые попадали в Северное Причерноморье.

Сказания о Триптоleme относятся к серии мифов о наставниках человечества, которых фольклористы называют культурными героями. Подобные мифологические персонажи встречаются в фольклоре разных народов. Такие герои добывают или впервые создают для людей огонь и орудия труда, обучают охоте, земледелию и ремеслам. У греков наиболее известным культурным героем был Прометей; из мастерской Гефеста и Афины он похитил огонь, даровал его людям и обучил их ремеслам (Aesch. Prom. 442-506; Plat. Prot. 320-321e).

Эллины считали, что Триптолем научил всех людей земледелию. В древнейших сказаниях его называли сыном Океана и Земли (Paus. I, 14, 3). С архаического периода деяния Триптолема неизменно связывали с мифом о пребывании Деметры в Элевсине (Horn. Hymn. V, 473-477). Первый урожай пшеницы, согласно мифу, Триптолем вырастил на Рарийском поле близ Элевсина. На этом поле находился жертвенник Триптолема, и там показывали ток, на котором он обмолачивал урожай. Из зерновых, возделывавшихся на этом поле, готовили лепешки для жертвоприношений (Paus. I, 38,6-7).

Этимологию имени Триптолема можно объяснить, как «трижды воюющий» или «трижды пашущий». Благодаря второму толкованию этот герой с конца VI в. до н. э. начал играть все более заметную роль в цикле элевсинских мифов.⁶⁰ В конце VII в. до н. э., как явствует из гомеровского гимна Деметре, Триптолем не занимал еще какого-то выдающегося места среди нескольких видных граждан Элевсина, первыми посвященных в таинства и ставших жрецами на Элевсинских мистериях (Horn. Hymn. V, 473-477).

⁵⁹ LIMC, s. v. Triptolemos; Schwarz G. Triptolemos. Ikonographie einer Agrar und Mystriengottheit. Horn-Graz, 1987.

⁶⁰ Нильссон М. Указ. соч. С. 77.

Гомер дважды выделил героя одним характерным для эпоса эпитетом «хитроумный», который сразу же напоминает Одиссея, самого знаменитого носителя подобного определения (Horn. Hymn. V, 153, 474). Может быть, в дальнейшем гомеровский эпитет сыграл определенную роль при формировании предания о том, кому Деметра поручила миссию обучения людей земледелию.

В одном из вариантов мифа говорилось, что Триптолем вместе со своим братом Эвбулеем сообщил Деметре, кто похитил ее дочь, и в благодарность за это богиня дала ему пшеницу. Затем Триптолем занял в преданиях место сына элевсинского царя Келея (в гомеровском гимне царского сына звали Демофонтом). В доме Келея Деметра нашла приют во время поисков дочери; Триптолем стал ее воспитанником, и поэтому она послала его учить людей возделывать пшеницу (Apollod. Bibl. I, 32; Hygin. Fab. 147). Исполнив возложенную на него в юности миссию, герой царствовал в Элевсине; как посвященный в таинства он после смерти удостоился блаженного существования в потустороннем мире и за свою праведность вошел в число судей в Аиде вместе с Миносом, Радамантом и Эаком (Plat. Apol. 41a).

Немногочисленные изображения Триптолема впервые появляются на чернофигурных вазах в конце VI в. до н. э.⁶¹ К числу таких редких росписей принадлежит рисунок на фрагменте ольпы из Ольвии.⁶² Там хорошо сохранилась фигура Триптолема: он сидит на троне, поставленном на колеса с крыльями, в левой руке у него пшеничный колос. Судя по аналогиям подобных росписей, перед Триптолемом стояла Деметра (сохранилась лишь часть ее гиматия), а позади колесницы находилась Кора. Вся сцена представляла момент, когда Деметра давала своему посланцу последние наставления.

Триптолем нарисован бородатым соответственно тому, как греки представляли его в архаический период. Он предстает взрослым мужчиной во цвете лет в гомеровском гимне Деметре, в

⁶¹ Boardman J. Athenian Black-Figure Vases. London, 1985. P. 219; Schwarz G. Op. cit. S. 73.

⁶² Леви Е. И. Архаическая керамика из раскопок Ольвийской агоры 1968—1969 гг. // КСИА. № 190. 1972. С. 52. Рис. 15, 5.

орфических гимнах, приписывавшихся Орфею и Мусею, и в трагедии «Алопа» драматурга Херила, старшего современника Эсхила (Paus. I, 14, 3). Художники и скульпторы классической эпохи начали изображать этого героя безбородым юношей, вероятно, потому, что тогда уже считали Триптолема царским сыном и воспитанником Деметры. Его колесница из трона, поставленного на колеса с крыльями, превратилась в сказочную двухколесную повозку, запряженную крылатыми змеями. Такую колесницу описывал Софокл в трагедии «Триптолем» (fr. 539 Nauck), и, возможно, нечто подобное показывали на сцене афинского театра. Однако мастера краснофигурной вазописи, которые значительно чаще своих предшественников рисовали Триптолема, зачастую снабжали его колесницу только крыльями без змей.

Именно так показана колесница героя на недавно найденном в Ольвии фрагменте краснофигурного кратера. Художник придерживался давней традиции изображать героя сидящим, но внес новшество в прежнюю композицию, смело повернув колесницу на зрителя. Мы видим оба колеса с крыльями и сидящего между ними Триптолема. Его торс нарисован почти фронтально, а лицо повернуто в профиль, как на вазах предшествующего времени. Этот сложный ракурс, по-видимому, заимствован из монументальной живописи, что характерно для вазописцев конца V–IV вв. до н. э.

Еще один фрагмент вазы с изображением Триптолема найден в Пантикапее.⁶³ Сосуд украшала традиционная композиция: Триптолем в профиль сидит на крылатой колеснице, держа в руке чашу; перед ним стоит Деметра с высоким посохом и дает последние наставления, а сзади к колеснице подходит Кора, держа в руках два зажженных больших факела. Они служили ее постоянными атрибутами в сценах на темы мифов Элевсинского цикла. Наряду с этими неперенными персонажами около Деметры изображен бородатый мужчина в гиматии и с большим посохом. Возможно, это Зевс, а может быть, царь Элевсина, сыном которого по некоторым вариантам мифа был Триптолем (рис. 30).

⁶³ Ашик А. Боспорское царство. Одесса, 1848. Т. 1. Табл. 54 а.

Наряду с вазовыми рисунками к интересующим нас памятникам изобразительного искусства относится найденный в Пантикапее посвященный рельеф, исполненный хорошим афинским скульптором в конце V–начале IV вв. до н. э.⁶⁴ По-видимому, он находился в храме Деметры, стоявшем на акрополе города или у его подножья.⁶⁵ Согласно единодушному определению современных исследователей, сюжет скульптурной композиции отражает посвящение в Элевсинские мистерии. По нашему мнению, рельеф был заказан боспорянином после того, как он сам приобрел к элевсинским таинствам и в память об этом сделал посвящение в боспорский храм Деметры.

На мраморной плите длиной в 36 см представлено шесть фигур (рис. 31). Слева в профиль сидит Деметра в тонком подпоясанном ниже талии хитоне. Около богини стоит лицом к зрителю Кора, одетая в хитон и плащ, ниспадающий живописными складками; левой рукой она придерживает большой факел. К богиням подходят друг за другом четыре мужские фигуры: первая и последняя высокие и две маленького роста. Возглавляющий шествие мужчина с бородой в коротком хитоне держит два длинных предмета, один из которых поврежден. Скорее всего, это большие факелы, постоянно изображавшиеся в руках разных участников Элевсиний. Далее следуют две маленькие фигурки, обычно называемые детьми. Они закутаны в гиматии и опирают на плечи связки мирта, представленные очень обобщенно; пучки мирта были раскрашены, как вообще было принято в скульптуре того времени, и выглядели реалистично.⁶⁶ Шествие замыкает безбородый юноша

⁶⁴ ОАК 1859. С. 34. Обычно издатели рельефа датируют его концом V в. до н. э.: Саверкина И. И. Греческая скульптура V в. до н. э. в собрании Эрмитажа. Л., 1986. С. 154; LIMC. Bd. 4. S. 867. № 270. Однако авторитетный специалист в области древнегреческой пластики Б. С. Риджвей придерживается более поздней датировки: Риджвей Б. Стела из Музея изобразительных искусств, найденная на Тамани // Таманский рельеф. М., 2000. С. 38. Прим. 31.

⁶⁵ Гайдукевич В. Ф. Указ. соч. С. 158.

⁶⁶ Детально прорисованные связки мирта можно рассмотреть в руках посвященных в таинства Геракла и Диоскуров, изображенных на элевсинской пелике из Пантикапея (рис. 28) и на кратере IV в. до н. э. из Британского музея (Bianchi U. Op. cit. Fig. 81).

в плаще, накинутом на обнаженное тело; в правой руке у него опущенный факел, а левой он придерживает такую же связку мирта, как у идущих впереди.

Все персонажи находятся в закрытом помещении, так как в середине рельефа поставлена колонна-пилястра; она в античной вазописи и скульптуре означала внутренность здания. Здесь это зал, где проходили посвящения в Элевсинские таинства. К ним приобщались только взрослые,⁶⁷ поэтому вряд ли скульптор включил в рельеф двух детей. Выскажу предположение, что это – смертные юноши, а рядом с ними два неперенных участника Элевсиний: предводитель праздничной процессии Иакх и считавшийся братом Триптолема Эвбулей, которому обязательно приносили жертвы наряду с Деметрой, Корой и Триптолемом (CIG I³. 78). Эти два героя в изобразительном искусстве V-IV вв. до н. э. не имели устойчивой иконографии и атрибутов, потому их трудно различать на многих памятниках живописи и скульптуры.⁶⁸

На рельефе из Пантикапея скульптор по традиции представил богинь гораздо выше человеческого роста и выделил их более высоким рельефом; мифические Иакх и Эвбулей несколько ниже Деметры и Керы, а реальные мисты изображены совсем небольшими. Такая разница в росте богов и людей постоянно встречается на посвященных рельефах. Укажем, например, элевсинский рельеф второй половины IV в. до н. э.: шесть посвятивших этот рельеф врачей значительно уступают высотой находящимся здесь же Деметре, Коре и Асклепию.⁶⁹

Представляется вероятным, что на рельефе из Пантикапея маленькие фигурки изображают двух боспорян в момент приобщения к Элевсинским таинствам; в память об этом они заказали афинскому скульптору рельеф и посвятили его в пантикапейский храм Деметры. Если считать сцену на рельефе отражающей один из сокровенных моментов таинств, то можно думать, что рельеф

⁶⁷ Юноши могли стать мистами лишь в возрасте старше 19 лет после того, как они прошли военную подготовку (*Лауэнштайн* Д. Указ. соч. С. 190; *Clinton K.* Op. cit., 1992. P. 49).

⁶⁸ *Clinton K.* Op. cit., 1992. P. 56, 64.

⁶⁹ *Petrakos B.* National Museum. Athens, 1998. P. 103. № 81.

находился в той части храма, куда допускались лишь посвященные. Ведь, как уже говорилось выше, на Боспоре справляли празднества Деметры, сходные с Элевсинскими.

Инвентарь погребений IV в. до н. э. из кургана Большая Близница на азиатской стороне Боспора и некоторые терракоты аттического производства из Ольвии неоднократно зачисляли в круг памятников, связанных с культом элевсинских божеств. Наиболее обстоятельно эта точка зрения изложена в статьях А. А. Передольской. Она пришла к выводу, что уникальный набор аттических глиняных статуэток из Большой Близницы изображает персонажей драматических представлений, разыгрывавшихся на Элевсинских мистериях.⁷⁰ Найденные в Ольвии сходные статуэтки так называемых актеров и шаржированных грустных, гневающихся и смеющихся старух также считались персонажами Элевсинских мистерий.⁷¹ Но теперь эта точка зрения оспаривается; смысл многих статуэток получает иное толкование, а погребенных женщин в Большой Близнице считают служительницами не Деметры, а Диониса, Афродиты, Апатуры и др.⁷²

В заключение рассмотрим фрески, исполненные местными художниками. Это росписи трех пантикапейских склепов со сценой похищения Керы. Хотя все они относятся к римскому времени, сюжеты рисунков традиционны и восходят к древнейшим сказаниям о Деметре и Коре. Изображения не только свидетельствуют о верованиях боспорян в первые века нашей эры, но и указывают на неизменность содержания основной части мифа, восходящего к архаическому периоду.

⁷⁰ *Передольская А. А.* О сюжетах трех терракотовых статуэток, найденных в кургане Большая Близница // КСИА. 1957. Вып. 7. С. 69-72; *Она же.* К вопросу о терракотах из кургана Большая Близница // СА. 1955. Т. 24. С. 54-73; *Она же.* Терракоты из кургана Большая Близница и гомеровский гимн Деметре // ТГЭ. 1962. Т. 7. С. 46-91.

⁷¹ *Русяева А. С.* Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Киев, 1979. С. 61-66.

⁷² *Мачинский Д. А.* Пектораль из Толстой могилы и женские божества Скифии // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978. С. 131-150; *Ходза Е. Н.* Статуэтки актеров из собрания Эрмитажа // ВДИ. 2001. № 1. С. 207; *Alexandrescu P.* Les symbolisme funeraire dans une tombe de la peninsula de Taman // Studia Classica. Bucuresti, 1966. V. 8. P. 75-86.

На всех трех фресках представлен Плутон на легкой двухколесной повозке, запряженной четверкой коней. Имя бога написано над его головой в самом знаменитом из этих погребений, называемом склепом Деметры (рис. 32). Его декор упоминается во всех работах, касающихся боспорского искусства.⁷³ Маленький возница погоняет бичом лошадей, а Плутон в развевающемся плаще прижимает к себе стоящую перед ним Кору. Рисунок выполнен не слишком умелым художником, плохо знакомым с анатомией и нарушавшим пропорции между фигурами. Он нарисовал героев мифа плоскостно и достаточно условно и в то же время тщательно выписал некоторые детали: орнамент, покрывающий бок колесницы, вожжи и кнут возницы.

Рука иного выдающегося мастера чувствуется в росписи потолка камеры. Здесь в круглом, окаймленном венком медальоне помещены бюст Деметры и надпись с ее именем. Необыкновенно выразительно написано печальное лицо богини с большими грустными глазами. Ее взор устремлен к западной стене, в ту сторону, куда Плутон увез ее дочь.⁷⁴ Остальная часть сводчатого потолка склепа украшена растительными гирляндами, пучками маков и плодами, представляющими дары и атрибуты богини.

Выбирая сюжеты для росписи склепа, родственники или друзья покойного думали о том, что лик Деметры и сцена из главного мифа Элевсинских мистерий напомнят о том, что возможно счастливое существование в потустороннем мире, которого удаивались посвященные в таинства. Быть может, к их числу принадлежали члены семьи, погребенные в склепе Деметры, где захоронения производились несколько раз в течение I в. н. э.

Сходное желание руководило заказчиками при сооружении склепа Алкима, сына Гегесиппа, умершего на рубеже нашей эры. Картина похищения Кору на стене этого склепа написана более эмоционально и с большим количеством персонажей.⁷⁵ Соотно-

⁷³ АДЖ. С. 199-226; *Ернштедт Е. В.* Монументальная живопись // Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1955. С. 263; *Соколов Г. И.* Античное Причерноморье. Л., 1973. С. 105-109; *Кобылина М. М.* Живопись // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1986. С. 215 и др.

⁷⁴ *Соколов Г. И.* Указ. соч. С. 109.

⁷⁵ АДЖ. С. 161, 170. Табл. 49.

шение размеров фигур не имеет столь явных нарушений, как на рассмотренной выше фреске. Возница погоняет мчащуюся квадригу, а Плутон в развевающемся плаще стоит в колеснице; одной рукой он понукает возницу, а другой держит Кору, бессильно схватившуюся за голову. Позади колесницы в недоумении остались ее четыре подруги (рис. 33). В центре потолка склепа находится голова Деметры или Кору, окруженная венком из цветов.

Третий пантикапейский склеп открыт в 1841 г. и затем, к сожалению, разрушен, а его точное местоположение остается не определенным. Сохранились лишь план и несовершенное выполненные рисунки середины XIX в., но даже они дают представление о великолепии этого сооружения.⁷⁶ Две камеры, покрытые росписями, по богатству и разнообразию сюжетов не имеют себе равных на Боспоре. Поэтому представляется вполне оправданным предположение, что в этом склепе во второй половине I-начале II в. н. э. похоронили одного из боспорских царей.⁷⁷

Самое подробное в боспорской монументальной живописи изображение мифа о Деметре украшало одну стену склепа. Справа находились две испуганные подруги Кору, с которыми она собирала цветы, когда земля разверзлась и Плутон схватил девушку. У ног бегущих в страхе ее подруг лежали брошенные корзины с цветами. Центр стены занимал стоящий на бегущей колеснице Плутон. Одной рукой он сам правил четверкой коней, а другой держал сопротивляющуюся Кору. На правой стороне стены была нарисована Деметра с факелом, ищущая свою дочь.⁷⁸ Эта трехчастная картина в царском погребении, на мой взгляд, может служить одним из косвенных свидетельств о причастности боспорских царей к Элевсинским таинствам в римское время.

⁷⁶ АДЖ. С. 346-375. Табл. 87-91.

⁷⁷ Там же. С. 374; *Гайдукевич В. Ф.* Указ. соч. С. 415.

⁷⁸ АДЖ. Табл. 89.

ПРАЗДНИКИ НА БОСПОРЕ И В ОЛЬВИИ ПО ОБРАЗЦУ ЭЛЕВСИНСКИХ МИСТЕРИЙ

В разных частях греческой ойкумены эллины поклонялись Деметре и Коры по элевсинскому образцу. Геродот отметил святилища элевсинской Деметры в Ионии и на Пелопоннесе (Нер. IX, 57, 97), а Павсаний описал подобные храмы в Беотии, Лаконике и Аркадии (Paus. II, 14; IV, 1; VIII, 14, 15, 31). Жители аркадского города Фенея утверждали, что местные мистерии не отличаются от Элевсинских (Paus. VIII, 14, 12). В IV в. до н. э. афинянин Метап, знаток элевсинских таинств, внес изменения в мистерии Деметры и Коры, издавна праздновавшиеся в Мессене (Paus. IV, 1, 5). Сходные с элевсинскими обряды совершались в Милете и его колониях, например в Кизике.⁷⁹

Рассмотренные выше надписи, вазовые рисунки, фрески и скульптура свидетельствуют, что в городах Северного Причерноморья также проводились праздники Деметры и Коры по элевсинскому образцу. Жрецы и жрицы, возглавлявшие такие празднества, нередко сами проходили посвящение на Элевсинских мистериях в Аттике. Они воочию наблюдали, как совершаются таинства, и могли повторить на родине священные ритуалы.

Праздники Деметры в греческих колониях Северного Причерноморья справляли, начиная с архаического периода. Здесь найдено множество монет и терракот с изображениями Деметры и Коры (рис. 34, 35). В руках последней нередко находится цветок или плод граната, напоминая о том, что она собирала цветы, когда ее похитил Аид; он заставил пленницу съесть зерно граната и таким образом признать похитителя своим супругом.⁸⁰ В одном граффито V в. до н. э. упомянут ольвийский храм Деметры.⁸¹ Храм этой богини стоял также в центре Пантикапея и на окраине Горгиппии.⁸²

⁷⁹ Зелинский Ф. Ф. Религия эллинизма. Пб., 1922. С. 35.

⁸⁰ Сапрыкин С. Ю. Указ соч. С. 62, 63.

⁸¹ Русяева А. С. Указ. соч. 1979. С. 46, 47.

⁸² Гайдукевич В. Ф. Указ. соч. С. 158; Кругликова И. Т. Синдская гавань. Горгиппия. Анапа. М., 1975. С. 60-62.

Возле этих храмов справлялись праздники и перед жертвоприношением по традиции исполняли гимн, обращенный к богине. Тогда непременно вспоминали знаменитый миф о том, как богиня искала похищенную Плутоном дочь, как радовалась, когда та возвратилась, как от этой радости вновь расцвели все растения, а Деметра даровала людям пшеницу и послала Триптолема учить людей ее возделывать. Упомянутый выше фрагмент чернофигурной ольпы с его изображением свидетельствует, что уже в архаический период в Ольвии знали героя мифов Элевсинского цикла и, может быть, ольпу как парадный сосуд использовали на праздничных ритуалах. Возможно, на ольвийских праздниках пели гомеровский и орфические гимны с упоминанием Триптолема; ведь ольвиополиты отличались выдающейся любовью к Гомеру (Dio Chrys. XXXVI, 9-10) и среди них в VI-V вв. до н. э. были приверженцы учения орфиков.⁸³

Находки на развалинах святилища, расположенного на Фанталовском полуострове у берега Керченского пролива, показывают, что здесь в VI—I вв. до н. э. исполнялись ритуалы в честь Элевсинских богинь.⁸⁴ В 63 г. до н. э. произошло разрушительное землетрясение на Боспоре в то время, когда царь Митридат справлял праздник Деметры (P. Oros. VI, 5, 4). Ученые полагают, что несчастье случилось осенью, и именно этот праздник проходил в Пантикапее по образцу элевсинских мистерий.⁸⁵

Наверное, женщины, погребенные в курганах Павловский и Большая Близница, исполняли жреческие обязанности на праздниках такого рода. Их похоронили в парадных жреческих костюмах и положили в могилу предметы, связанные с элевсинским культом. Жрицы Деметры трижды названы в боспорских надписях (КБН. 8, 14, 18). Одна из них в III в. до н. э. сделала посвящение

⁸³ Русяева А. С. Указ. соч. С. 75; Жмудь Л. Я. Орфические граффити из Ольвии // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 94-110.

⁸⁴ Завойкин А. А. Образы и символы Матери и дочери в святилище богинь на «Береговом 4» // Боспорский феномен. СПб., 2002. Т. 1. С. 259-266.

⁸⁵ Блаватский В. Д. Землетрясение 63 г. до н. э. на Керченском полуострове // Природа. 1977. № 8. С. 56, 57; Масленников А. А. Указ. соч. С. 136.

Деметре Фесмофоре (КБН. 18), культ которой весьма близок к элевсинскому.⁸⁶

Две упомянутых ольвийских надписи, множество терракот с изображением Деметры и Кору,⁸⁷ а также существенное влияние Афин на все области жизни Ольвии в классический и раннеэллинистический периоды позволяют с большой долей уверенности думать, что, как и в Пантикапее, здесь справлялись празднества по образцу элевсинских.

МИСТЕРИИ КАБИРОВ В САМОФРАКИИ И В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Мистерии, ежегодно проводившиеся на маленьком острове Самофракия, известны по археологическим и письменным источникам, начиная с VII в. до н. э.⁸⁸ Из разных греческих полисов сюда собирались эллины, чтобы принять посвящение в таинства местных богов. Их имена не полагалось знать непосвященным (Strab. X, 3, 21). Только в сохранившихся к «Аргонавтике» Аполлония Родосского (I, 917) со ссылкой на утраченное сочинение автора эллинистического времени перечислены четыре имени самофракийских богов: Аксиерос, Аксиокерса, Аксиокерсос и Касмилос.

В эллинистический период мистерии на Самофракии приобрели наибольшую популярность. Тогда здесь на месте прежних построили более крупные храмы и помещения, куда допускались только принявшие посвящение. Самофракийские мистерии во многом стали сходны с элевсинскими: мисты делились на посвященных первой и второй ступени, а почитание четырех названных богов напоминало ритуалы, сопровождавшие праздник Деметры и Персефоны с участием Аида и Плутоса.

Геродот (II, 51) назвал Самофракийские мистерии оргиями Кабириков и рассказал, что там представляли какое-то священное ска-

⁸⁶ Нильссон М. Указ. соч. С. 68; Clinton K. Op. cit. 1993. P. 120.

⁸⁷ Русаева А. С. Указ. соч. 1979. С. 39-61; Она же. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982. С. 35-64.

⁸⁸ Burkert W. Concordia Discors: the Literary and Archaeological Evidence on the Sanctuary of Samothrace // Greek Sanctuaries. New Approaches. London-New York. 1993. P. 178-186.

зание. Это подтверждается найденными археологами остатками святилища, построенного при жизни Геродота; оно включало круглое театральное помещение с поднимавшимися вдоль стен ступенями для зрителей и алтарем в центре.⁸⁹ «Отец истории» упомянул и о внешнем виде Кабириков, сказав, что они похожи на карликов (III, 37). Такими их изображали античные коропласты во множестве терракотовых фигурок, найденных в различных частях греческой ойкумены; древнейшие статуэтки из Северного Причерноморья относятся к начальному периоду колонизации. Кабиры представлены в различных возрастах - от младенческого до преклонного; обычно они мужского, изредка женского пола, тучные, с большим животом, голову их увенчивает колпак-пилос.⁹⁰

Праздники Кабириков, по-видимому, восходят к древним фракийским ритуалам. Кабиры, подобно другим богам мистерийных культов, олицетворяли плодоносящие силы природы. Кроме того, на Самофракии их почитали как могущественных защитников мореплавателей, которые в древности всегда подвергались большому риску (Apoll. Rhod. I, 916; Diod. IV, 43; V, 49; Schol. Aristoph. Pax. 278).

Култ Кабириков на Березани, в Ольвии и в Нимфее процветал уже в VI в. до н. э. В Нижнем Побужье об этом известно лишь по находкам терракот,⁹¹ в Нимфее же открыто святилище Кабириков.⁹² Оно существовало в VI—IV вв. до н. э. на акрополе города, и там справлялись празднества, близкие по характеру самофракийским. Это подтверждается сходным устройством самофракийского и нимфейского святилищ, имевших апсиду, священный камень и

⁸⁹ О раскопках святилища на Самофракии и найденных там надписях см.: Lehmann K., Lehmann Ph. Samothrace. Excavations Conducted by the Institute of Fine Arts of New York University. Princeton. T. 1-6. 1958-1992; Lehmann K. Samothrace. A Guide to the Excavations and the Museum. New York, 1983; Burkert W. Op. cit. P. 180.

⁹⁰ Кобылина М. М. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961. С. 37-39; Русаева А. С. Земледельческие культы Ольвии. Киев, 1979. С. 92-101.

⁹¹ Передольская А. А. Следы культа Кабириков на Березани // СГЭ. 1960. Т. 13. С. 23-27; Русаева А. С. Терракоты и фигурные сосуды // Культура населения Ольвии и ее окружи в архаическое время. Киев, 1987. С. 168, 169.

⁹² Худяк М. М. Два святилища на акрополе Нимфея // ТГЭ. Т. 2. 1958. С. 83-87.

жертвенную яму. В Нимфее во время праздничных церемоний использовалась дорогая посуда. Из лучших ее образцов уцелели мраморное блюдо и чернофигурный кратер с изображением животных на венчике и квадриги на тулове сосуда. Жители Нимфея дарили в храм Кабиров расписную и чернолаковую посуду, терракоты и печати с изображениями самих Кабиров и Кибелы. Находки терракот Кибелы напоминают о том, что эту богиню вместе с Деметрой и Корой почитали в храме Кабиров на Самофракии.⁹³ В эллинистический период под общим названием «самофракийские боги» наряду с Кабирами чаще всего подразумевались Плутон, Деметра и Кора.⁹⁴

В Самофракийские мистерии посвящали греков из любого полиса, в таинствах участвовали мужчины, женщины и даже дети (Schol. Apol. Rhod. I, 917); например, родители Александра Македонского Филипп и Ариадна в отроческом возрасте стали самофракийскими мистами (Plut. Alex. 2). Среди приезжих, стремившихся принять посвящение, значительную часть составляли купцы и часто плававшие по морю члены экипажей кораблей. Письменные свидетельства об этом сохранились, начиная с классического периода. Феофраст (Char. 25), характеризуя труса, писал, что чуть поднимутся волны на море, трус узнает, есть ли на судне среди его спутников не посвященные в самофракийские таинства, то есть на всех ли распространяется покровительство Кабиров, и не принесут ли несчастье непосвященные. Античные авторы писали о находившихся на Самофракии многочисленных приношениях и благодарственных надписях за спасение на море (Cic. De nat. Deor. III, 37; Diod. Laert. VI, 59).

Некоторые археологические находки указывают на то, что в число посвященных в самофракийские мистерии входили жители Северного Причерноморья. Наиболее определенно об этом говорят две ольвийские надписи. Начертанная на постаменте утраченной статуи надпись III в. до н. э. гласит: «Эвбиот, сын Аристона.

⁹³ Новосадский Н. И. Культ Кабиров в Древней Греции. Варшава, 1900; Lehman K. The Mystery Cult of Samothrace//Archaeology. 1954. № 3. P. 91-95.

⁹⁴ Burkert W. Griechische Religion der archaischen und klassischen Epoche. Stuttgart, 1977. S. 420-426.

Эпикрат, сын Никерата, поставил статую дяди, пророчествовавшего самофракийским богам» (IRE I². 191). Мистерии самофракийских богов совершались в Ольвии под руководством Эвбиота и других жрецов. Надо полагать, что они посещали Самофракию, были посвящены в таинства и воспроизводили их у себя на родине. Здесь приносили богествам ценные дары, среди них мраморный лутерий конца IV в. до н. э. с вырезанной на нем надписью: «Антестерий посвятил Самофракийским богам» (НО. 67). Ольвиополиты, вероятно, использовали этот дорогой сосуд для омовения во время праздничных ритуалов, поскольку омовение в мистических культах играло особенно важную роль. Граффито на доннышке чернолакового килика первой половины IV в. до н. э. указывает на то, что Кабиров в Ольвии чествовали одновременно с Деметрой и Корой,⁹⁵ как это было принято в то время в Самофракийском святилище. Таким образом, мистерии посвящались одновременно нескольким богам.

На Боспоре найдено немало памятников, свидетельствующих о почитании Кабиров и их праздниках. Наряду с уже упомянутыми нимфейским святилищем и терракотовыми статуэтками назовем изображения Кабиров на фанагорийских и пантикапейских монетах IV в. до н. э. На первых бородатый Кабир представлен в традиционном пилосе, украшенном лавровым венком; менее определенно можно отождествить с Кабирами некоторые изображения на пантикапейских монетах.⁹⁶ Находки на Боспоре и в Ольвии железных колец возможно рассмотреть в качестве косвенного свидетельства о присутствии в этих государствах людей, посвященных в Самофракийские мистерии. Ведь мисты получали железные кольца, обладавшие магнитным действием (Lucr. VI, 1044; Plin. NH. XXXIII, 23).⁹⁷

Какие-то торжества в честь Кабиров справляли и в Херсонесе, о чем говорит одно посвящение в их святилище. На чернола-

⁹⁵ Русяева А. С. Земледельческие культы... С. 48. Рис. 28. 12; Уточненное чтение этого граффито см.: Vinogradov J., Rusjaeva A. Phantasmomagica Olbiopolitana // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphic. Bd. 121. 1998. S. 162. Taf. 12, 6.

⁹⁶ Зограф А. М. Античные монеты. МИА. № 16. М.; Л., 1951. С. 170, 171.

⁹⁷ Burkert W. Concordia... P. 187; Крыжицкий С. Д., Русяева А. С., Крапивина В. В. и др. Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Киев, 1999. С. 562.

ковом килике прочерчено граффито: «Великим Богам от Афинаиды»;⁹⁸ под Великими богами подразумевались Кабиры, а имя дарительницы указывает, что в праздниках, как и на Самофракии, могли принимать участие женщины.

ПРАЗДНЕСТВА КИБЕЛЫ И ДРУГИХ БОГОВ ВОСТОЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Почитание Кибелы заимствовано греками у их восточных соседей.⁹⁹ Эллы стали называть фригийскую богиню Кибелу также Матерью богов или Великой Матерью, вероятно, из-за слияния образа этой богини с Реей, считавшейся прародительницей всех богов. Именем Кибелы называлась гора во Фригии (Нег. I, 80; Strab. XII, 5, 3; С. 567), там же, в городе Пессинунте, находилось ее прославленное во всем античном мире святилище. Процессии празднеств Матери богов проходили по малоазийским горам Иде и Диндиму. Поэтому греки и римляне часто называли Мать богов Фригийской, Идейской, Диндимейской (Strab. X, 3, 12; С. 469; Ovid. Fast. IV, 183, 249, 250; Plut. Them. 30). Судя по надписям, первую эпиклезу употребляли боспоряне (КБН. 21) и ольвиополиты,¹⁰⁰ следовательно, и они помнили о малоазийском происхождении богини.

Таинства Матери богов справляли на Востоке с жестокой кровавой обрядностью. Экстаз ее поклонников доходил до состояния безумия. Они наносили друг другу раны ножами, острыми камнями и черепками; некоторые доходили до самооскопления, воспроизводя эпизод священного сказания об Аттисе, юном фри-

⁹⁸ Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978. С. 8 и 71, № 925.

⁹⁹ О роли Кибелы в религии греков и римлян см. диссертацию О. В. Богатовой «Культ Великой Матери Богов Кибелы в греко-римской древности». СПб., 1998. Там же дана подробная библиография. Диссертация в основном посвящена происхождению культа и его роли в Риме. Почитание Кибелы в Северном Причерноморье не рассматривается, и потому сделан ошибочный вывод, что в пантеоне греков Кибела не играла существенной роли.

¹⁰⁰ Русаева А. С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 146.

гийском пастухе, возлюбленном Кибелы. По преданию, он погиб, когда решил наказать себя за измену богине и оскопил под сосной самого себя (Ovid. Fast. IV, 221-244). Сосна, наряду с тимпаном и чашей, считалась символом Кибелы, и во время ее празднеств зажигали сосновые факелы (Pind. Dithyr. 70 b, 11). Скорбя о смерти юноши, богиня воскресила его, поэтому во время мистерий разыгрывались сцены гибели и возрождения Аттиса.

Греки и римляне частично изменили и смягчили жестокие восточные ритуалы, но все же эти празднества и особенно обряды посвящения вызывали у многих содрогание. В I в. до н. э. Катулл в заключительных стихах поэмы «Аттис» писал, обращаясь к Кибеле, «госпоже Диндимейских гор»: «Пусть я пребуду в отдалении от твоих чудовишных тайн и пусть твой ужас и безумие опьяняют других». Возможно, здесь отразились не только впечатления самого Катуллы, видевшего в Риме подобные празднества,¹⁰¹ но также чувства автора той греческой поэмы эллинистического времени, которая вдохновила римского поэта.

Греки отождествляли Кибелу с Реей, матерью большинства олимпийских богов (Strab. X, 3, 15; С. 470). Вот как обращался к ней один из ее жрецов:

Мать моя, Рея, фригийских кормилица львов, у которой
Верных немало людей есть на Диндиму, тебе
Женственный твой Алексид посвящает орудия эти
Буйных радений твоих нынче оставленных им:
Эти звенящие резко кимвалы, а также кривые
Бьющие громко тимпаны, ножи, обагренные кровью,
С прядями светлых волос, что, распуская, он тряс.
Будь милосердна, богиня, к нему и от оргий, в которых
Юношей буйствовал он, освободи старика.¹⁰²

¹⁰¹ Современник Катуллы Лукреций в поэме «О природе вещей» (II, 600-643) описал праздник Великой матери в Риме. Известно также, что в апреле римляне устраивали игры Megalesia, посвященные Кибеле (Cic. Or. XX, 22-25; Ovid. Fast. IV, 179-372); празднество сопровождалось постановками трагедий и комедий.

¹⁰² Перевод Л. Блуменау. Это стихотворение анонимного автора, написанное в неизвестное время, включено в рукопись Палатинской антологии древнегреческих эпиграмм (AP. VI, 51).

Как видно из этого стихотворения и свидетельств других античных авторов, служители Кибелы в Греции и Риме были скопцами. Они занимали видное место в празднествах в честь Матери богов, воспроизводивших одну из древних форм почитания производящих сил природы. Аттис играл роль, сходную с той, которую исполняла Кора в Элевсинских мистериях. Его смерть и воскресение знаменовали замирание жизни растений зимой и их пробуждение весной. Возрождение Аттиса давало также мистам надежду на то, что они после смерти воскреснут в иной жизни.

В середине IV в. н. э. Фирмик Матерн в послании византийским императорам об искоренении язычества описал некоторые моменты мистерий Матери богов. Приняв христианство и осуждая языческие культы, Матерн не боялся открыть известные ему тайны. Он сообщил, что проходившие посвящение брали какую-то еду с тимпана, пили из кимвала и подвергались мучительным обрядам, во время которых испытывали ужасный страх. В подземелье их зарывали в землю до головы и отпевали как умерших; затем они воскресали, когда жрец шепотом произносил: «Воспряньте духом, мисты: бог спасен! И мы обрящем от трудов спасенье!». ¹⁰³

В последней четверти V в. до н. э. афиняне построили Метроон - храм Матери богов с отделением для хранения государственного архива (Dem. XIX, 129; XXV, 98). ¹⁰⁴ Храмовая статуя богини, исполненная учеником Фидия Агоракритом (Plin. NH. XXXVI, 17), стала образцом для изображений Кибелы во многих городах Эллады. Вплоть до первых веков нашей эры образец Агоракрита оставался господствующим для воплощения образа богини в монументальной скульптуре и терракотах. Кибелу изображали сидящей на троне со львом на коленях или у ее ног. Голову богини увенчивал калаф, в правой руке находилась чаша, а левой она придерживала большой тимпан. Терракотовые статуэтки с подобной композицией во множестве найдены в Ольвии и на Боспоре. ¹⁰⁵ Вольные копии скульптуры Агоракрита украшали Панти-

¹⁰³ Зелинский Ф. Ф. Религия эллинизма. Петербург, 1922. С. 41-43.

¹⁰⁴ Nilsson M. P. Geschichte der griechischen Religion. Bd. I. München, 1976. S. 687.

¹⁰⁵ Русаева А. С. Земледельческие культы Ольвии. Киев, 1979. С. 104-106. Рис. 50, 51; Денисова В. И. Коропластика Боспора. Л., 1981. С. 36, 53.

капей и Херсонес; тем же оригиналом вдохновлялись мастера, создававшие небольшие мраморные статуэтки Кибелы (рис. 36). ¹⁰⁶

Колонисты перенесли из Милета культ Кибелы в свои поселения в Северном Причерноморье и, вероятно, по традиции справляли весной праздники в ее честь. ¹⁰⁷ Самые ранние свидетельства VI в. до н. э. относятся к Ольвии и ее округе, а древнейшие боспорские и херсонесские памятники такого рода датируются последней четвертью V в. до н. э. Это граффито с посвянительной надписью Матери богов на доньшке чернолакового сосуда из Мирмекия и голова мраморной статуи Кибелы из Херсонеса. ¹⁰⁸ Таким образом, в классический период празднества Матери богов проводились не только в милетских колониях, но и в дорийском Херсонесе. Там находилось святилище богини, куда херсонеситы приносили свои дары. Из них сохранился фрагмент краснофигурного кратера, расписанного на рубеже V-IV вв. до н. э.; на него нанесены граффито с монограммой Кибелы и рядом рисунок ее священного животного льва. ¹⁰⁹

О праздниках Кибелы в Ольвии и в ее округе достоверно известно с середины VI в. до н. э. В городе их справляли на отведенном священном участке Западного теменоса. Там найдены фрагменты сосудов VI-V вв. до н. э. с посвящением Матери богов и votivные плитки с ее изображением, изготовленные во второй половине VI в. до н. э. местными мастерами по милетским образцам. Праздники сопровождались жертвоприношениями, во время которых закалывали преимущественно коз, о чем свидетельствует анализ костных останков в ямах-ботросах, куда закапывали все ненужное. ¹¹⁰

Кроме того, Кибеле приносили бескровные жертвы. На особом керамическом блюде раскладывали разные злаки, горох, чечевицу

¹⁰⁶ Максимова М. И., Наливкина М. А. Скульптура // Античные города Северного Причерноморья. М., 1955. С. 306. Рис. 17; Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976. С. 27, 28. № 44, 47, 48, 51-53.

¹⁰⁷ Зелинский Ф. Ф. Указ. соч. С. 41.

¹⁰⁸ Гайдукевич В. Ф., Михайловский К. Мирмекий в свете советско-польских исследований 1956-1958 гг. // Исследования по археологии СССР. Л., 1961. С. 136; Античная скульптура Херсонеса... С. 26. № 44. Рис. 27.

¹⁰⁹ Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978. № 1177.

¹¹⁰ Русаева А. С. Религия и культура... С. 144, 145. Рис. 46, 47.

и др. (Pollux. IV, 103). Этот обычай, как писал Афиней (XI, 476), был широко распространен во многих местах, где поклонялись Кибеле. Богине также посвящали кушанья, специально приготовленные для ее празднества. В Афинах, например, варили галаксию - ячменную кашу на молоке. Поэтому весенний афинский праздник Матери богов назывался Галаксиями.¹¹¹ Описывая празднества Кибелы в Риме, Овидий сказал, что богине приятна древняя еда из молока, смешанного с сыром и зеленью (Ovid. Fast. IV, 369-371).

Вскоре после основания Ольвии колонисты поставили алтарь Матери богов в Гилее, лесной области, простиравшейся к востоку за реками Гипанисом и Борисфеном; там же они установили алтари Геракла и речного бога Борисфена. Ольвийский жрец, посетивший Гилею в третьей четверти VI в. до н. э., сообщил о разрушении этих алтарей в написанном на стенке амфоры письме; оно частично уцелело до наших дней.¹¹²

В V в. до н. э. напротив Ольвии на Гипполаевом мысу стоял храм Матери богов, упомянутый в «Истории» Геродота (IV, 53). Правда, из-за разночтений в рукописях господствует мнение, что историк имел в виду храм не Кибелы, а Деметры. В связи с этим стоит подробно остановиться на аргументах в пользу того и другого рукописного чтения.

В отечественной и зарубежной историографии давно уже отпали сомнения в том, кому поклонялись ольвиополиты в святилище на Гипполаевом мысу. Все исследователи во второй половине XX в., касаясь этого вопроса, писали о святилище или храме Деметры.¹¹³ Они исходили из единственного сохранившегося свидетельства об этом в «Истории» Геродота. В изданиях греческого

¹¹¹ Латышев В. В. Очерк греческих древностей. СПб., 1997. С. 139; Parke H. W. Athenische Feste. Mainz am Rhein, 1987. S. 264.

¹¹² Русаева А. С. Эпиграфические памятники // Культура населения Ольвии и ее окружи в архаическое время. Киев, 1987. С. 147.

¹¹³ Штительман Ф. М. Поселения античного периода на побережье Бугского лимана // МИА. 1956. № 50. С. 257; Русаева А. С. Земледельческие культы... С. 71. Она же. Религия и культы... С. 85, 114, 115; Крыжицкий С. Д., Лейпунская Н. А. Нижнее Побужье в классическое время // Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Киев, 1999. С. 117 и др.

текста «отца истории», в русских,¹¹⁴ украинских¹¹⁵ и западноевропейских переводах,¹¹⁶ осуществленных в конце XIX-XX вв., действительно написано о святилище Деметры. Геродот указал, что оно находится на Гипполаевом мысу, выдвигающемся, подобно корабельному носу, между слиянием рек Гипаниса и Борисфена, а напротив него живут ольвиополиты, называемые историком борисфенитами.

В сохранившихся более чем сорока рукописях «Истории» в этом месте существуют разночтения. Часть рукописей называет богиню не Деметрой, а Матерью.¹¹⁷ Издатели XX в. сочли это ошибкой переписчиков, пропустивших первый слог в имени божества - Μητρὸς вместо Δήμητρος. Но можно предположить и другое: средневековые переписчики знали имя античной богини Деметры и не помнили гораздо реже упоминавшуюся древними авторами Мать (богов) или Кибелу, поэтому они исправили мало понятное Μητρὸς на Δήμητρος.

Во времена Геродота ольвиополиты поклонялись обеим богиням, и поэтому, по справедливому замечанию В. В. Латышева, невозможно окончательно решить, какому чтению следует отдать предпочтение.¹¹⁸ И все же содержание приведенной Геродотом новеллы об Анахарсисе (IV, 76), а также новые находки граффити с именем Матери богов позволяют, на наш взгляд, привести более основательные доводы в пользу Кибелы. О почитании же Деметры в районах восточнее Гипаниса в VI-V в. до н. э. ничего не известно.

¹¹⁴ Геродот. История. Перевод и предисловие Ф. Г. Мищенко. М., 1885; Геродот. История. Перевод и примечания Г. А. Стратоновского. Л., 1972; Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.

¹¹⁵ Геродот. Історії. Переклад, передмова та примітки А. О. Білецького. Київ, 1993.

¹¹⁶ Herodotus. Das Geschichtswerk. Übersetzung von Th. Braun, H. Barth. Berlin; Weimar. 1967; Herodotus. With an English translation by A. D. Godley. The Loeb Classical Library. London, 1971.

¹¹⁷ Herodotus. Musae. Ed. F. Czeuzer, I. Baehr. Bd. 2. Lipsiae, 1857. P. 414.

¹¹⁸ Латышев В. В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887. С. 25. Прим. 6.

Ольвиополиты называли Гилеей область в низовьях Борисфена (Нег. IV, 9, 19, 54, 55, 76; Mela II, 5; Plin. NH. IV, 83). Некоторые исследователи считают, что она располагалась на левом берегу Днепра; по нашему мнению, следует согласиться с учеными, локализовавшими Гилею по обоим берегам реки.¹¹⁹ Ведь Гилея, буквально лесная область, не ограничивалась территорией на одной стороне Борисфена, потому что в низовьях реки леса росли по обоим берегам. Скорее всего ольвиополиты считали Гилеей лесной массив, лежавший напротив их города и его сельской округи, а он простирался и на восток за Борисфен.

Поклоняясь Матери богов в Гилее, колонисты уподобили окрестности своей новой родины тем лесистым местам в Малой Азии, где чтили Кибелу (Strab. X, 3, 12; С. 469). Лукиан в «Разговорах богов» (гл. 12) изобразил Кибелу мчащейся по поросшей лесом малоазийской горе Иде в сопровождении своих спутников корибантов, гудящих в рога и стучащих в тимпаны. Наверное, ольвиополиты устраивали подобные процессии в Гилее. При свете сосновых факелов шествия и танцы сопровождалась громкими восклицаниями, ударами в тимпаны, стуком кроталов, звоном кимвалов и пронзительными звуками аулосов, исполнявших мелодии во фригийском ладе (Pind. Dithyr. 70 b, 8-14; Ovid. Fast. IV, 213-215, 341, 342).

Культ Кибелы, как и Диониса, частично был общедоступным, но некоторые ритуалы и празднества могли справлять лишь посвященные в таинства богини. Свою причастность к таинствам поклонники Кибелы ощущали так же, как хор трагедии «Вакханки» Еврипида (ст. 78-82):

Счастлив, если приобщен ты
Оргий Матери Кибелы;
Если тирсом потрясая,
Плюща зелению увенчан,
В мире служишь Дионису.

(Перевод И. Анненского)

¹¹⁹ Доватур А. П., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Указ. соч. С. 232, 233.

Для выяснения вопроса о святилище на Гипполаевом мысу следует привлечь записанную Геродотом (IV, 76) в Ольвии новеллу о скифе из царского рода Анахарсисе. Ольвиополиты рассказывали, как Анахарсис, посетив многие страны и стяжав славу мудреца, возвращался на родину. Во время стоянки корабля в Кизике Анахарсис стал свидетелем празднества Матери богов; он поклялся совершить в ее честь подобное празднество, если благополучно возвратится на родину. Вернувшись в Скифию, Анахарсис исполнил свой обет: отправился в Гилею и там произвел обряды, повесив на себя изображение Матери богов и ударяя в тимпан. Один скиф увидел это и донес царю Савлию. Тот прибыл в Гилею и, убедившись в истинности доноса, убил Анахарсиса выстрелом из лука за приверженность не отеческой религии. Так, по мнению рассказчика, скифы расправляются с теми, кто воспринимает чужие обычаи.

В новелле, как и в любом фольклорном произведении, нет определенных указаний на время ее действия. Но его можно определить по косвенным данным Геродота. Через ольвиополита Тимна, доверенного скифского царя Ариапифа, историк узнал, что Савлий приходился братом Анахарсису и отцом победителю персов Идантирсу. Таким образом, Анахарсис поклонялся Кибеле и погиб примерно в середине VI в. до н. э., потому что в последней четверти этого века Идантирс уже унаследовал власть от отца и воевал с Дарием.

Наверное, поступок Анахарсиса послужил лишь поводом для его устранения как конкурента в борьбе за власть, но внешне гнев царя, вероятно, сопровождался не только расправой с родичем, но и уничтожением греческих алтарей в Гилее.¹²⁰ Возможно, скифы не раз так поступали, и об одном из таких разрушений говорится в упомянутом выше письме жреца, близком по времени сюжету новеллы об Анахарсисе.

До сих пор не уделялось должного внимания тому, что Анахарсис дал обет поблагодарить Кибелу в случае благополучного возвращения на родину. Значит, по местным верованиям, в функции

¹²⁰ Скржинская М. В. Указ. соч. С. 102-106.

этой богини входило обеспечение безопасности плавания по морю. Анахарсис оказался в милетской колонии Кизике потому, что там останавливались все суда перед выходом в рискованное плавание по бурному Понту, где часто случались кораблекрушения. Во времена Анахарсиса Понт еще нередко называли не Евксинским, а Аксинским, то есть негостеприимным.¹²¹ Тогда корабли, направляясь к берегам Скифии, выходили из пролива Боспор Фракийский и шли вдоль западного побережья Понта мимо весьма опасного места близ фракийского города Салмидесса, там античные суда часто тонули не только в VI в. до н. э., но и в более поздние времена (Strab. VII, 6, 1).

Итак, из новеллы об Анахарсисе становится известна ипостась Кибелы - защитницы мореплавателей. Таким образом, ее покровительство всему живому распространялось не только на сушу, но и на водные пространства. Греки приписывали также подобную функцию Кабирам, культ которых был сходен с культом Кибелы, и их зачастую почитали в одном храме, например в известном во всем эллинском мире святилище Кабиров на острове Самофракии,¹²² где находилось множество благодарственных даров от спасенных на море (Cic. De nat. Deor. III, 37; Diod. Laert. VI, 59), или в их святилище в Нимфее, где найдены терракоты с изображением Кибелы.¹²³

Гипполаев мыс отождествляется с современным мысом Станиславским. Для греков он был словно создан самой природой для помещения на нем святилища божества, покровительствующего счастливому плаванию. Ведь мыс находится на пересечении трех водных путей при впадении в лиман Буга и Днепра. Два из них, вверх по Гипанису и Борисфену, вели в глубь Скифии, и по ним осуществлялась торговля с местными племенами. Третий путь, вниз по лиману, выводил в Понт, откуда можно плыть в черноморские порты и любые пункты Средиземноморья, в том числе и в метрополию Ольвии Милет. Само очертание острого каменистого мыса

¹²¹ Там же. С. 19, 20.

¹²² Lehman K. The Mystery Cult of Samothrace // Archaeology. № 3. P. 91-95.

¹²³ Худяк М. М. Два святилища на акрополе Нимфея // ТГЭ. Т. 2. 1958. С. 83-87.

напоминало эллинам нос корабля. Это сравнение, услышанное от ольвиополитов, дважды встречается в античной литературе: в «Истории» Геродота (IV, 53) и через несколько столетий - в начале Борисфенитской речи Диона Хрисостома (XXXVI, 2). Таким образом, мыс в виде носа корабля гармонировал с храмом богини, покровительницы мореплавания.

Археологам пока не удалось найти каких-либо остатков святилища на Гипполаевом мысу. По-видимому, оно обрушилось в воду из-за интенсивного размывания прибрежной полосы.¹²⁴ По той же причине сейчас нельзя разглядеть очертаний каменистого выступа, сходного с носом корабля, входящего в воды Днепробугского лимана.

Геродот назвал святилище на Гипполаевом мысу словом ἱρόν, которым историк определял не только храм, но и священный участок без здания храма (V, 119). Поэтому в переводах его передают либо как храм,¹²⁵ либо как святилище.¹²⁶ Надо думать, что сначала, в VI в. до н. э., ольвиополиты оградили на мысу священный участок с алтарем. Возможно, там Анахарсис исполнил свой обет. В V в. до н. э. на мысу, скорее всего, стоял храм, и его имеет в виду Геродот. Возвышаясь на оконечности мыса, здание служило маяком для судов. В качестве аналогии можно напомнить храм Посейдона того же времени на мысе Сунион, южной оконечности Атики. Там афиняне, выходя в открытое море, приносили жертвы владыке морей, а возвращаясь, благодарили его за благополучное завершение плавания. На храм Посейдона ориентировались корабли, державшие путь в афинский порт Пирей.

В пользу мнения, что на Гипполаевом мысу высилось здание храма, говорит ольвийское граффито V в. до н. э., в котором Мать богов названа владычицей Гилеи.¹²⁷ Ведь владыками какого-нибудь места обычно назывались божества, имевшие храмы с принадлежавшими им землями. Напомним, что на находившемся под

¹²⁴ Штителъман Ф. М. Указ. соч. С. 257.

¹²⁵ Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Указ. соч. С. 255; Herodotus... 1971. P. 255.

¹²⁶ Herodotus... 1971. P. 255.

¹²⁷ Русяева А. С. Указ. соч. 1982. С. 145.

покровительством ольвиополитов острове Левка (о. Змеиный близ устья Дуная) стоял широко известный в древности храм Ахилла. Его греки называли владыкой острова, что нашло отражение в поэзии (Pind. Nem. IV, 49), в граффито на чернолаковом лекифе первой четверти V в. до н. э., найденном на Левке,¹²⁸ и в надписях IV—II вв. до н. э. (IPE I². 326, 672). Начиная с V в. до н. э., храм Ахилла, построенный из мраморовидного известняка, служил маяком для мореходов, следовавших вдоль западного побережья Понта.¹²⁹

Итак, на наш взгляд, имеются, веские доводы в пользу предпочтения тех рукописей Геродота, в которых написано о храме Матери богов, а не Деметры. Историк назвал богиню одним словом Мать; такое же наименование богини читается на нескольких ольвийских граффити VI-V вв. до н. э. На Гипполаевом мысу ольвиополиты поклонялись богине, считая ее покровительницей всего живого на суше и на воде. К ней, как к Кабирам на Самофракии, обращались с просьбой защитить от опасностей во время морских путешествий. Главным доказательством подобной функции богини следует считать сообщение Геродота об обете Анахарсиса в случае благоприятного возвращения на родину справить праздник Кибелы так же, каким он видел его в Кизике. Этот город, подобно Ольвии, был милетской колонией. По всей вероятности, кизикенцы и ольвиополиты, заимствуя культ Кибелы из своей метрополии, особо выделяли ее функцию защитницы от опасностей на море.

Отправляясь на кораблях по рекам в Скифию или по морю в греческие города, ольвиополиты приходили на Гипполаев мыс просить Кибелу о счастливом плавании, а на обратном пути их и приезжих купцов встречал храм Матери богов, служивший маяком и знаком того, что рейс корабля близок к завершению. Из-за отсутствия письменных и материальных источников неизвестно, сколько времени просуществовал храм на Гипполаевом мысу после V в. до н. э.

¹²⁸ Яценко В. П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. № 2. С. 84, 85.

¹²⁹ Охотников С. Б., Островерхое А. С. Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином). Киев, 1993. С. 106-108.

Как показывают археологические находки, в Северном Причерноморье празднества Кибелы приобрели наибольшую популярность в эпоху эллинизма. В Пантикапее святилище Кибелы примыкало непосредственно к вершине Акрополя.¹³⁰ Вероятно, какие-то обряды во время мистерий проходили в расположенной под скалой пещере. Праздники Матери богов существовали и в небольших боспорских городах: посвящения богине в главном святилище Китея известны с рубежа V-IV вв. до н. э.¹³¹

В эллинистический период на праздниках Кибелы появляется ее возлюбленный Аттис, божество восточного происхождения. В связи с этим следует напомнить, что в конце IV в. до н. э. наследники Александра Македонского Птолемей и Лисимах провели в своих царствах религиозные реформы с целью объединения эллинских и местных верований. Исполнителем желаний этих правителей стал Тимофей, один из элевсинских жрецов (Тас. Hist. IV, 83). Для Птолемея он эллинизировал египетскую религию Иси́ды, а для Лисимаха ввел Аттиса в издавна привившийся во многих греческих полисах культ фригийской Матери богов.¹³² Нововведение Тимофея вскоре распространилось из Малой Азии в Северное Причерноморье. Праздники с поклонением Аттису появились в Ольвии и на Боспоре уже в III в. до н. э., ибо к тому времени относятся древнейшие терракотовые статуэтки этого божества. Играющий на сиринге фригийский пастух обычно одет в восточный костюм с длинными штанами, а на голове у него характерная остроконечная фригийская шапка (рис. 37).¹³³ Сиринга стала характерным атрибутом Аттиса-пастуха, и, вероятно, ее мелодии сопровождали ту часть праздника Кибелы, когда появлялся возлюбленный богини.

Непосвященные в мистерии мало знали об Аттисе. Павсаний (VII, 17, 9-12) после посещения храма Кибелы и Аттиса в городе

¹³⁰ Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 160.

¹³¹ Молев Е. А., Молева Н. В. Терракотовые статуэтки из Китейского святилища // Боспорские исследования. Вып. 3. Симферополь, 2003. С. 253.

¹³² Зелинский Ф. Ф. Указ. соч. С. 39, 40.

¹³³ Кобылина М. М. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н. э. М., 1978. С. 14, 38; Русяева А. С. Земледельческие культы... С. 108.

Диме на Пелопоннесе писал, что ничего не смог о нем узнать, «так как это считается священной тайной». Свою любознательность Павсаний удовлетворил, разыскав утраченную теперь элегию поэта Гермисианакта и услышав где-то народное предание об Аттисе. Записанные античным автором рассказы сильно отличаются один от другого. Это указывает на существование многих вариантов, и нам не известно, какой из них представляли на празднествах Кибелы в Северном Причерноморье.

В празднествах Кибелы принимали участие мужчины и женщины. Последние пели погребальные песни, когда изображали смерть Аттиса; возможно, их пение сопровождало также символическую смерть посвящаемых.¹³⁴ Некоторые женщины исполняли роль жриц, а другие шли в процессии к алтарю и доводили себя до иступления. Две надписи III в. до н. э. дают сведения о таких жрицах в Ольвии и в Пантикапее. Ольвиополит Сократил поставил статую своей жене, бывшей жрицей Кибелы, а в Пантикапее Гестиея, жрица Матери Фригийской, посвятила богине статую (IRE I². 192; КБН. 21). Пантикапейская надпись того же времени свидетельствует, что во время праздников Кибелы наряду со жрицами ей служили и мужчины-жрецы (КБН. 23). На Боспоре мистерии Кибелы продолжали справлять и в римское время. Найденная близ Фанагории надпись содержала устав мистерий. К сожалению, текст сохранился с большими лакунами, поэтому с трудом поддается связному толкованию (КБН. 1005).

Мистические культы других божеств восточного происхождения начали проникать в Северное Причерноморье в эпоху эллинизма, но особенно они распространились в римский период, выходящий за рамки нашего исследования. Вероятно, на северных берегах Понта так же, как в Афинах, к первым немногочисленным поклонникам восточных мистических божеств первоначально относились с подозрением и насмешкой. В комедиях Аристофана устраивался суд над Сабазием и другими иноземными божествами, после чего их изгоняли из гражданской общины (Cic. De leg. II, 37). Демосфен в речи «О венке», чтобы унижить своего оппонента,

134 Герцман Е. В. Музыка Древней Греции и Рима. СПб., 1995. С. 64.

оратора Эсхина, упомянул о его матери, жрице какого-то восточного культа, и о том, что сам оратор активно участвовал в обрядах посвящения и других ритуалах. В связи с этим Демосфен саркастически описал празднества приверженцев восточных богов Сабазия, Аттиса и других (Dem. XVIII, 259, 260). Днем они появлялись на афинских улицах в венках из укропа или белого тополя, танцевали, держа в руках змей,¹³⁵ и сопровождали свои шествия восклицаниями, прославляющими почитаемых богов. Ночью мисты принимали в свои ряды посвященных, производя обряды очищения, во время которых адепта раздевали догола и обтирали грязью и отрубями.

Праздники Сабазия справляли в Херсонесе и на Боспоре. Самое раннее свидетельство об этом обнаружено на хоре Херсонеса в святилище поселения Панское I. На чернолаковом килике рубежа IV–III вв. до н. э. прочерчена надпись ιερα Σαβαζιον.¹³⁶ Надпись можно понять и как «(килик), посвященный Сабазию», и как «священный (килик) Сабазия».¹³⁷ Жители поселения в конце IV–III вв. до н. э. устраивали праздники Сабазия, образ которого слился с греческим Дионисом, приобретя восточные черты почитания этого бога. Вместе с Дионисом-Сабазием здесь поклонялись Деметре, они были θεοί οἰκνοῖ - боги, имеющие общий храм. Таким образом, сельский праздник посвящался покровителям урожая пшеницы и винограда, главных сельскохозяйственных культур на хоре Херсонеса. Обоих богов роднило также и то, что в их культ, как уже говорилось, включались мистерии.

В эллинистический период праздники Диониса-Сабазия справляли и в других херсонесских сельских поселениях, а также в самом городе, о чем свидетельствуют находки мраморных скульптур и терракот с изображением этого бога.¹³⁸ Подобные праздни-

¹³⁵ Феофраст в «Характерах» (гл. 16) называет такую змею пареем и отмечает ее заметную роль в культе Сабазия.

¹³⁶ Щеглов А. Н. К изучению культа Сабазия в Херсонесе: состояние изученности, источники, интерпретация, реконструкция // Херсонес Таврический. У истоков мировых религий. Севастополь, 2001. С. 55.

¹³⁷ Ср. подобное посвящение Гермесу на килике IV в. до н. э. в кн.: Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978. № 957.

¹³⁸ Щеглов А. Н. Указ. соч. С. 56, 57.

ки проходили также на Боспоре. На это указывает терракотовая статуэтка III-II вв. до н. э. из Фанагории; она изображает Диониса-Сабазия и сделана из местной глины, что говорит о спросе боспорян на подобные изделия.¹³⁹ Некоторые моменты мистерий Сабазия отразились в росписях боспорских склепов первых веков нашей эры.¹⁴⁰

Итак, археологические находки убедительно свидетельствуют, что в античных городах Северного Причерноморья существовали разнообразные мистерии. Наибольшее количество памятников относится к мистериям Деметры, Керы, Кибелы и Самофракийских божеств. Жрецы и жрицы, возглавлявшие эти празднества, нередко сами участвовали в мистериях, проводившихся в Элладе, и могли на родине повторять священные ритуалы. В погребении такой жрицы найдена пелика с самым подробным изображением элевсинских таинств.

Таким образом, начиная с рубежа V-IV вв. до н. э., в течение многих столетий среди жителей Северного Причерноморья находились те, кто входил в круг живших во всех частях греческой ойкумены эллинов, приобщенных к самым знаменитым в античном мире мистериям. По свидетельству греческих и римских авторов, Элевсинские мистерии имели высокое нравственное влияние, и оно должно было ощущаться в северопонтийских городах.

Во время Элевсинских мистерий уже в эллинистический период греки попытались разрушить барьеры между отдельными государствами и впервые осознали человечество как великое братство.¹⁴¹ На некоторые мистерии впервые стали допускаться люди независимо от пола, происхождения и социального статуса. Им говорилось, что любой человек, ведущий праведную жизнь и почитающий бога, может надеяться на счастье в потустороннем мире. Все это подготавливало восприятие христианства, которое с IV в. н. э. стало завоевывать значительное количество адептов в Северном Причерноморье.

¹³⁹ Ельницкий А. А. Из истории эллинских культов в Причерноморье // СА. 1945. № 8. С. 97; Кобылина М. М. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961. С. 88.

¹⁴⁰ АДЖ. С. 412-416, 433, 434, 438; Гайдукевич В. Ф. Указ соч. С. 470-474.

¹⁴¹ Нильссон М. Указ. соч. С. 80.

6 глава

Дионисийские праздники

Праздники в честь Диониса справлялись в каждом греческом городе. В веселых шествиях несли фаллос - символ плодородия, шли мужчины, ряженные сатирами, и женщины, представлявшие служительниц бога, называвшихся вакханками или менадами. Они держали в руках тирсы (жезлы с шишкой на конце), увитые плющом, священным растением Диониса, и славили бога восклицаниями «Вакх» и «Эвое».

В Афинах Диониса называли Μελλόμενος (ведущий хороводы - Paus. I, 2, 5), подразумевая его дружбу с музами и исполнение драматических представлений на дионисийских празднествах в театрах, которые первоначально строились именно для этого. По словам Павсания (X, 4, 1), никакое греческое поселение не могло считаться городом, если в нем не было театра. И действительно, археологи находят руины античных театров не только в Элладе, но и во всех частях ойкумены, где жили греки на берегах Средиземного и Черного морей.

Дионис или Вакх был богом плодоносящих сил земли, в первую очередь виноградарства и виноделия. Он олицетворял производительные силы природы в их наиболее буйном и безудержно-стихийном виде.¹ Греки почитали Диониса в разных ипостасях, давая богу разнообразные эпikleзы: φλοιός - оплодотворяющий влагой жизни и вином, θεμιφόρος - дающий законы, ελευθέριος - несущий освобождение, ιαθρόμαντις - врачующий людей, λυατός - освобождающий от забот. В последних трех эпikleзах отразилось представление о том, что Дионис и вино, его божественный напиток, освобождают людей от мирских забот и во время праздника

¹ Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. С. 157.

дают возможность не соблюдать стеснительные правила повседневной жизни.

Поклонники бога достигали «дионисийского безумства»; оно вызывалось питьем вина, зажигательной музыкой и криками, прославлявшими Диониса. Хоры исполняли в честь бога дифирамбы, танцуя вокруг алтаря. Поэт Архилох писал: «Я знаю, как вести дифирамб, прекрасную песнь богу Дионису, когда мой разум оглушен вином» (Athen. XIV, 628a-b). В хрестоматии Прокла (гл. 14) дано такое описание дифирамба: «Дифирамб стремителен, проявляет иступленность посредством танца, создает состояние, подобающее богу, воздействует ритмами и используемыми более грубыми словами». Многие участники Дионисий, надевая маски и костюмы спутников бога сатиров и менад, перевоплощались в этих персонажей и вели себя так раскованно и безумно, как об этом рассказывалось во многих дионисийских мифах. На некоторых праздниках красивый мужчина изображал Диониса, и казалось, что сам бог присутствует среди людей.

Выдающийся вазописец Эпиктет в конце VI в. до н. э. нарисовал сцену праздника с участием Диониса на краснофигурном канфаре, который привезли на остров Левка, наверное, для использования при исполнении священных ритуалов. На уцелевшем фрагменте сосуда Дионис изображен с двумя канфарами в руках. Именно эти кубки и ритоны (а других форм винных сосудов существовало множество) обычно рисовали в руках бога и брали для возлияний на его алтарях. Венки из плюща, священного растения Диониса, украшают головы участников праздника, сопровождавшегося мелодией аулоса. Изображение самого инструмента не сохранилось, но за спиной музыканта висит футляр для аулоса, а на голове у него надета форбея, указывающая, что авлет играет под открытым небом (рис. 38).²

² Об аулосе и форбее см. в разделе о музыке на праздниках.

АФИНСКИЕ ПРАЗДНИКИ ДИОНИСА

Античная литература и изобразительное искусство лучше всего освещают торжества в честь Диониса в Аттике; многие их черты были характерны для всех эллинов. Описания афинских Дионисий могут дать некоторое представление и о проведении соответствующих празднеств в северном Причерноморье.

Афиняне отмечали четыре ежегодных праздника, следовавших один за другим в течение четырех месяцев - Посидониона, Лейнейона, Антестериона и Элафобелиона.³ Серия дионисийских торжеств начиналась с Сельских Дионисий в Посидонионе (декабрь-январь). Первоначально их справляли больше в деревнях, чем в городе. Праздник знаменовал окончание сбора винограда, и тогда в разгульных пирушках и процессиях веселились мужчины, женщины и даже рабы. Среди них ходили ряженые, представлявшие спутников Диониса, они одевались в шкуры, а лица мазали винными дрожжами или закрывали маской. Участники праздничных шествий держали сосуды с вином, виноградные лозы и гирлянды смокв, вели жертвенных козлов, священных животных Диониса, и непременно несли большой фаллос - изображение напряженного мужского члена, символизировавшего производящие силы природы. Шествие сопровождалось пением фаллических песен и завершалось жертвоприношением на алтаре бога. Затем все расходилось на пирушки, а также устраивали традиционные игры. Одна из них ἀσכולιασμός (прыжки на одной ноге) состояла в том, чтобы устоять на одной ноге на намазанном маслом надутом мехе для вина (Pollux. IX, 21). Неловкие движения, прыжки и падения участников игры вызывали смех; победитель получал в награду мех, полный вина. Во время Сельских Дионисий импровизировались сцены на сюжеты мифов о Дионисе. В некоторых областях Аттики давали драматические представления, а в театре Пирея шли пьесы, ранее исполнявшиеся на Великих Дионисиях.

³ Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Богослужбные и сценические Древности. СПб., 1997. С. 136-140; Parke H. W. Festivals of the Athenians. London, 1986. P. 100-102.

В следующем месяце Гамелионе отмечали Ленеи около святыни, называвшегося Ленеион, и сам бог Дионис имел эпиклезу Леней (Diod. Sic. III, 63). В научной литературе широко распространено мнение, что наименование праздника произошло от слова ληνός - чан, в котором выжимали вино.⁴ Но, может быть, праздник связан не с производством вина, а с тем, что уже готовое вино посвящалось Дионису, и служительницы бога пили его для возбуждения экстаза; наименование же праздника произошло от слова λήναι - менады.⁵

Участники вакхической процессии ехали на телегах и пели бранные песни, потом хоры исполняли дифирамбы в честь Диониса. Ленеиские торжества, начинавшиеся 12-го Гамелиона, длились несколько дней. Некоторые ритуалы совершались только женщинами и проходили ночью. Возлияния Дионису и танцы вакханок на Ленеях изображены на нескольких аттических стамносах, сосудах, специально изготовленных для подобных церемоний (рис. 39).⁶

В V в. до н. э. на Ленеях начали разыгрывать трагедии, а затем к ним присоединились комедии. На этом древнем празднике, известном во многих ионийских городах, запрещалось присутствовать не только иностранцам, но даже метекам. Аристофан в комедии «Ахарняне», впервые исполненной на Ленеях в 425 г. до н. э., заявляет, что среди зрителей нет иностранцев, которые могут услышать его критику военной политики Афин, уже шестой год ведущих разорительную Пелопоннесскую войну.

Название третьего праздника Антестерии совпадало с наименованием месяца. В Эллад в Антестерионе природа пробуждается после зимы, зацветают весенние цветы, от чего произошло название месяца (άνθος - цветок); тогда приготовленное осенью вино заканчивало брожение, и его начинали пить.

Праздничное шествие сопровождалось музыкой, к алтарю вели жертвенных животных, юноши несли необходимые для жертвопри-

⁴ Тренчини-Вальдапфель И. Мифология. М., 1959. С. 257; Roscher W. H. Auslürliches Lexicon der Griechischen und Römischen Mythologie. Leipzig, 1886—1890. S. 1070.

⁵ Frieckenhaus A. Lenäenvasen. Zweiundsiebzigst Programm zum Winkelmannsfeste. Berlin, 1912. S. 28-29; Deubner L. Attische Feste. Berlin, 1932. S. 123, 124.

⁶ Parke H. W. Festivals of the Athenians. London, 1986. P. 105.

ношений принадлежности, девушки шли с корзинами, наполненными цветами и плодами. Среди них находился сам Дионис, представленный либо статуей, либо человеком в маске. Бог ехал на деревянном корабле, поставленном на колеса. Это напоминало миф о том, что бог прибыл в Элладу из-за моря и научил греков виноградарству. Как выглядело такое аттическое праздничное судно, известно по рисункам на чернофигурных аттических вазах.⁷ Дионис на деревянном корабле появлялся на праздниках и в других греческих городах, например в Смирне и в Александрии.⁸ Афиной (V, с. 198) подробно описал, как в 274 г. до н. э. Птолемей Филадельф устроил роскошную дионисийскую процессию в Александрии Египетской. Там в сопровождении жрецов и актеров двигалась повозка со статуей Диониса, совершающего возлияние из золотого кубка.

Антестерии, знаменовавшие приход весны, стали прообразом более поздних карнавалов, проходивших примерно в то же время. Возможно, и само название карнавала происходит от латинского carrus navalis - корабль-повозка Диониса. Каждый из трех дней Антестерий имел свое название: πῖθοις (открытие пифосов), χοῆς (кружки), χῆροι (горшки).

В первый день открывали сосуды, в которых бродило вино, и пробовали, как оно удалось. Хозяин дома приносил жертву Дионису, кубки с вином украшали весенними цветами, и все домохозяева, включая рабов, весело отмечали праздник. Особое внимание уделяли детям; им дарили игрушки, купленные на открывавшемся в этот день в Афинах рынке игрушек. Наряду с этим рынком устраивались ярмарки продажи вина и сосудов для него. В первый день Антестерий нанимали на год сельскохозяйственных рабочих, вносили плату учителям и риторам, заключали разнообразные договоры сроком на год.

Во второй день все старались пить вино из новых кружек, приобретенных накануне на ярмарке. По городу ходили толпы ряженых сатирами и менадами; многие принимали участие в рас-

⁷ История греческой литературы. М.; Л., 1946. С. 279, 280. Рис. 17; Parke H. W. Op. cit. Fig. 48; Boardman J. ABF. № 247.

⁸ Parke H. W. Op. cit. P. 109.

пространенном особенно в этот день состязании - кто скорее осушит свой кубок вина. Победитель получал венок и мех вина. Вечером начинались застолья. Хозяин дома давал венки, душистые масла для умащения и десерт, гости приносили в корзинках (их часто изображали на вазах) еду, вино и кубок для питья, поэтому пирующие ели разнообразные яства и пробовали разные вина нового урожая.

12-го Антестериона совершались мистерии Диониса, заканчивавшиеся его браком с супругой одного из афинских архонтов. Таинственные церемонии проходили сначала у южного склона Акрополя в древнейшем храме Диониса, открывавшемся раз в году именно в этот день. Ведущая роль принадлежала царице, которую изображала жена архонта, называемого басилевсом (царем). В его обязанности входили в основном сакральные функции: руководство мистериями, различными агонами, организацией праздника Леней и т. п. Басилисса должна была быть чистокровной афинянкой и состоять с архонтом-басилевсом в первом браке. Ей в помощь избирались 14 пожилых женщин, происходивших также из уважаемых афинских родов. Вместе с этими женщинами, давшими клятву не разглашать поверенные им тайны, царица «совершала завещанные предками священные таинства от имени государства и во имя богов, многочисленные священные и сокровенные обряды» (Dem. LIX, 72). Затем свита из ряженных сатирами и менадами сопровождала царицу в находившийся вблизи пританея Буколейон. Туда женщины вводили царицу и оставляли ее одну для таинственного брака с Дионисом (Aristot. Athen. Pol. 3), его роль, вероятно, играл архонт-басилевс. Так происходило соединение божества с представительницей Афинского государства, и этот древний акт считался важным для благосостояния всех жителей Аттики, потому что Дионис покровительствовал не только виноградарству, но и всему живому на земле. Недаром во время Антестерий справляли детские праздники.

Третий день посвящался хтонической ипостаси Диониса, и тогда вспоминали умерших. Все храмы закрывались, а дома в особых горшках (χύτροι), давших название этому дню, варили для покойных кушанье из всевозможных злаков (πανσπερμία). Счита-

лось, что тени умерших приходят в этот день, чтобы отведать специально приготовленную для них еду, которую не разрешалось есть живым.

Четвертый самый пышный праздник Великие или Городские Дионисии справляли в Элафоболоне.⁹ Они с середины VI в. до н. э. наряду с Панафинеями стали главными афинскими праздниками, и слава об их великолепии разносилась по всей греческой ойкумене. В V в. до н. э. в храме Диониса близ театра афиняне поместили драгоценную статую бога, украшенную золотом и слоновой костью; ее автор Алкамен был учеником Фидия, исполнившего в той же хрисэлефантинной технике знаменитую статую Афины в Парфеноне (Paus. I, 20, 3).

Великие Дионисии начинались в день появления на небе первой четверти молодой луны и длились 6 дней. В это время возобновлялась навигация, и на праздник могли прибыть эллины из разных городов, в том числе из Северного Причерноморья. Во второй половине V в. до н. э., когда существовал Афинский морской союз, его члены обязались доставлять свои взносы к этому сроку.

Главный ритуал первого дня Великих Дионисий составляла торжественная процессия, во главе которой двигалась древняя деревянная статуя Диониса, взятая из храма на священном участке бога близ театра. Участники шествия несли изображение фаллоса, подносы с приношениями, меха с вином и особо выпеченные хлеба (Pollux. 75; Athen. III, 111b). Вместе с ними шли также красивые девушки, державшие на голове корзины, полные цветов и плодов. Колонну возглавляли жрецы, далее следовали должностные лица, потом мальчики в сопровождении своих наставников, граждане и метеки, в конце - представители афинских колоний и союзников; в V в. до н. э. среди последних находились граждане из городов Северного Причерноморья. Для участия в процессии все старались нарядиться в дорогие и красивые одежды. Метеки

⁹ Кроме подробного описания этого праздника в упомянутой выше книге Х. Парке (прим. 3) см. также статью: Маринович Л. П. Гражданин на празднике Великих Дионисий и полисная идеология//Человек и общество в античном мире. М., 1998. С. 295-362.

облачались в красные одеяния, граждане - в разноцветные. Демосфен в речи «Против Мидия» (XXI, 22) рассказал, как он заказал «золотой венки и гиматий, украшенный золотом, чтобы в этой одежде принять участие в торжественной процессии Дионисий».

Шествие останавливалось у алтарей и обходило их хороводами, воздавая почести разным богам. Среди прочих особенно выделяли алтарь 12 богов на агоре (Хеп. Нирр. III, 2), но, конечно, в тот день главным был алтарь Диониса. Около него заканчивалась процессия, там закалывали множество быков, и участники праздника получали по большому куску мяса. О количестве жертвенных животных можно узнать из надписи, сообщающей, что в 334 г. до н. э. на праздник Диониса доставили 240 быков (IG II².1496). Вечером и ночью празднование продолжалось при свете факелов. Все танцевали и пели под аккомпанемент аулосов и тимпанов, а во многих домах устраивались пирушки.

Во второй и третий дни состязались сначала хоры мальчиков, затем хоры взрослых мужчин, исполнявших дифирамбы Дионису. Каждая из 10 афинских филставляла свой хор, иногда числом до 50 человек.¹⁰ Победители получали в награду треножник, которым гордилась вся фила. Его посвящали в храм богу или устанавливали на улице Треножников, начинавшейся у входа на священный участок Диониса Элевтерия на склоне Акрополя близ театра. Сохранился миниатюрный круглый храмик с коринфскими колоннами, служивший постаментом для бронзового треножника, полученного на хоровом состязании мальчиков в IV в. до н. э. Памятник соорудил хорег Лисикрат, оплативший хор, его учителя и авлента - аккомпаниатора. Это ясно из надписи на архитраве храма: «Лисикрат из Киккины, сын Лиситеида, был хорегом, фила Акамантида одержала победу по хорам мальчиков; Теон играл на аулосе, Лисиад, афинянин, обучал хор; Эвенет был архонтом» (IG II². 3042). Имя архонта позволяет определить точную дату праздника - 330 г. до н. э. Рельеф, украшающий верхний фриз, представляет сцены мифа о Дионисе и морских разбойниках, напоминая, что хор выступал на Дионисиях. Памятник Лисикрата оказался единственным

¹⁰ Герцман Е. В. Музыка Древней Греции и Рима. СПб., 1995. С. 74.

уцелевшим из множества подобных, стоявших вдоль всей улицы Треножников. Среди них, по словам Павсания (I, 20, 1), многие обладали выдающейся художественной ценностью.

Великолепие Великих Дионисий в V-IV вв. до н. э. обеспечивалось частными лицами; богатые афиняне брали на себя обязанность (литургию) оплатить хор или постановку пьес. Последняя стоила особо больших денег, так как кроме трат на обучение и одежду певцов, требовалось еще оплатить учителей для актеров, нарядить артистов в роскошные костюмы, изготовить декорации и др.

Три заключительных дня Дионисий проходили в театре и посвящались в основном драматическим состязаниям, славившимся во всей греческой ойкумене. О них будет рассказано в следующей главе. В первый день из храма приносили и устанавливали в театре статую Диониса Элевтерия. Зрителей подвергали ритуалу очищения, окропляя их кровью жертвенных поросят так же, как перед открытием Народного собрания. В V-IV вв. до н. э. прежде чем начать драматический агон, исполнялось несколько торжественных церемоний, имевших большое воспитательное значение и «возбуждавших желание приносить пользу государству» (Dem. XVIII, 120).

Сначала 10 стратегов, высших должностных лиц государства, совершали возлияние Дионису. Затем на оркестру выходили сыновья граждан, отдавших жизнь за отечество в промежуток времени после предыдущих Великих Дионисий. Глашатай возвещал, что государство берет на себя содержание сирот до их совершеннолетия, а затем совершеннолетние юноши-сироты появлялись на оркестре в полном вооружении гоплитов, сделанном за общественный счет (Aeschyn. III, 153-155).

В годы существования Афинского морского союза на оркестру выносили множество монет и слитков, полученных от союзников в качестве обязательных взносов (Isocr. VIII, 82), и в их числе деньги из Ольвии, Нимфея и других городов Северного Причерноморья (МИС. I). Наконец, последняя церемония состояла из всякого рода торжественных объявлений. Глашатай читал постановления о награждении золотыми венками соотечественников и ино-

странцев за их особые услуги Афинам. Здесь иногда звучали имена граждан из государств на северном побережье Понта. В 288 г. до н. э. в театре огласили постановление о награждении золотым венком и постановке двух статуй боспорского царя Спартока Третьего (МИС. 4). Это считалось особенно почетным актом, потому что в театре сообщали только о наградах от имени всего афинского народа, а в прочих случаях относительно венчания золотым венком объявляли на других менее престижных собраниях (Dem. XVIII, 120).

Сведения о награждении Спартока и о членстве в Афинском морском союзе Ольвии, Нимфея и, возможно, еще нескольких городов Северного Причерноморья дают надежное свидетельство о том, что официальные лица из этих полисов участвовали в афинской дионисийской процессии и присутствовали в качестве гостей на театральных представлениях.

ПРАЗДНИКИ ДИОНИСА В ГОРОДАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

В письменных и эпиграфических источниках Дионисии занимают первое место по количеству немногих упоминаний о праздниках в Северном Причерноморье. Здесь до появления местных виноградников древние праздники виноградарей отмечались лишь по традиции. На Боспоре и в Херсонесе уже в V-IV вв. до н. э. колонисты сумели акклиматизировать виноград,¹¹ а в Нижнем Побужье и Поднестровье с их более суровым климатом количество винограда, достаточное для производства вина, удалось выращивать лишь в первые века нашей эры.¹²

Древнейшее письменное свидетельство о местных праздниках Диониса содержится в ольвийской новелле о скифском царе Скиле. События, записанные в «Истории» Геродота (IV, 79), относятся ко второй четверти V в. до н. э. Ольвиополиты рассказывали, как Скил пожелал принять посвящение в таинства Диониса

¹¹ Кругликова И. Т. Виноградарство и виноделие // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1980. С. 156, 157.
¹² Крыжицкий С. Д., Русева А. С., Крапивина В. В. и др. Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Киев, 1999. С. 263, 264.

Вакхического и стал участвовать в священных процессиях, проходивших по улицам Ольвии. Вместе с прочими поклонниками бога царь впадал в вакхическое исступление, и это вызвало негодование скифов, наблюдавших шествие с городской стены.

Итак, праздники Диониса в Ольвии сопровождалась процессиями, сходными с подобными в других греческих городах. Надо полагать, что в VI - середине V в. до н. э. дионисийские празднества в Ольвии, Тире и на Боспоре в основном повторяли ритуалы, принятые в их метрополии Милете. Это косвенно подтверждается упоминанием в рассказе Геродота о Дионисе Вакхическом и той же эпиклезой бога на обломке килика V в. до н. э., найденном в Ольвии:¹³ именно в этой ипостаси Диониса более всего чтили в Милете и других малоазиатских греческих полисах.¹⁴

Шествия вакхантов сопровождали все дионисийские празднества, поэтому нельзя выяснить, какую именно процессию наблюдали скифы. В ней мог принять участие любой человек, предварительно прошедший акт инициации. Посвящение (на него указывает употребленный в новелле глагол τελεσθῆναι), вероятно, совершалось во время тайных мистерий. Их устраивали и в других государствах Северного Причерноморья. На это указывают находки в погребениях масок Диониса и его спутников: маски надевали во время мистерий, а уменьшенные терракотовые копии вешали в святилища как символические предметы мистерияльных действий. Такие маски в качестве символа перевоплощения использовались в погребальном обряде; они знаменовали переход покойного в новое состояние, в котором смерть оказывается началом нового цикла бытия.¹⁵

Праздники ольвийского союза орфиков, почитавших Диониса, по-видимому, носили тайный характер.¹⁶ О них известно по надпи-

¹³ Русева А. С. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Киев, 1979. С. 83.

¹⁴ Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien. Frankfurt am Mein. 1983. S. 169.

¹⁵ Финогенова С. И. Античные терракотовые маски Северного Причерноморья // СА. 1990. № 2. С. 201, 202.

Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphic. 1982. № 45. P. 25. О почитании Диониса орфиками и символическом понимании имиджа бога см.: Лосев А. Ф. Указ. соч. С. 155-160.

сям на трех костяных табличках первой половины V в. до н. э., обнаруженных при раскопках центрального ольвийского теменоса. На всех трех начертано имя Диониса; на одной оно сочетается со словом орфики, на другой читаются орфические речения дуалистического характера: «мир - вражда», «истина - ложь». Кроме того, на табличках прочерчены магические рисунки и цифры.¹⁷

Возможно, мистерии орфиков справлялись также в Пантикапее. Такое предположение основывается на посвятителной надписи Дионису Арею (КБН. 15), потому что такое редчайшее словосочетание встречается только в орфических гимнах (Orph. Hymn. XXX, 4). Во время орфических мистерий вспоминали миф о Дионисе Загрее, сыне Зевса и Персефоны. Там рассказывалось о битве Диониса с титанами, во время которой он превращался в разных животных. Когда бог принял образ быка, титаны сумели схватить его за рога и ноги и, разорвав на части, стали поедать. В это время появилась Афина, она спасла сердце Загрея, вложила его в гипсовую фигуру и вдохнула в нее жизнь, а Зевс наказал титанов, поразив их молниями. Воскрешенный обрел бессмертие, став Дионисом-Загреем, кости же его растерзанного тела погребли в Дельфах (Eur. Fr. 472 Nauck; Diod. Sic. V, 75, 4; Nonn. VI, 155; Firm. Matern. VI, p.15).

Трагическая судьба Диониса Загрея и его возрождение после гибели аллегорически истолковывались посвященными в мистерии как символ новой жизни, которая ждет их после смерти. Орфики полагали, что каждого человека можно считать частью одного космического существа; подобно Дионису Загрею мист умирает, распадаясь на части, и затем вновь возрождается в загробном царстве.

Религиозное учение орфиков, включавшее культ Диониса Загрея, широко распространилось среди греков в VI-V вв. до н. э. Посвящение в союз орфиков проходило во время мистерий, и там

19 Розанова Н. своим adeptам сулили счастливую жизнь в потустороннем мире.¹⁸ Бронзовое зеркало с

¹⁷ Русаева А. С. . Указ. соч. С. 73-75.

¹⁸ Томсон Дж. Исследования по истории древнего общества. М., 1958. С. 226, 227; Nilsson M. Geschichte der Griechischen Religion. München, 1941. S. 642-648.

Основателем этого учения считался мифический поэт и музыкант Орфей. В некоторых преданиях ему приписывали учреждение вакхических оргий (Eur. Hippol. 953) и изобретение мистерий Диониса (Apollod. Bibl. I, 3, 2), а в других мифах рассказывалось, как вакханки убили Орфея, растерзав его на части за то, что он считал величайшим богом Аполлона, а не Диониса, но последний наказал их за это, превратив в дубовые листья (Ovid. Met. IX, 67, 84).

Древнейшее эпиграфическое свидетельство о праздниках Диониса в Северном Причерноморье относится к Ленеям. Это надпись, исполненная в конце VI - начале V в. до н. э. на бронзовом зеркале из Ольвии (рис. 40). Вдоль внешней окружности диска прочерчены слова: «Демонасса, дочь Ленея, радуйся».¹⁹ Зеркало принадлежит к изделиям местного производства, украшенным в зверином стиле. Его ручка оканчивается условно изображенной головой барана, а край диска окаймлен невысоким бортиком, никогда не встречающимся на зеркалах, изготовленных в Элладе. Такие зеркала с бортиком и с боковой ручкой, оканчивающейся фигуркой животного, неоднократно встречались при раскопках Ольвии и Березани и скорее всего там и производились.²⁰

Начиная с первой публикации зеркала, осуществленной Н. П. Розановой, надпись на нем интерпретируется как обращение к служительнице культа Диониса Ленея. Праздник Ленеи издавна справлялся в ионийских городах и в Афинах. Он был сходен с Сельскими Дионисиями, включал шествие ряженных и исполнение дифирамбов. Милетяне отмечали Ленеи в месяце, имевшем то же наименование и приходившемся на декабрь-январь. Милетские колонисты, поселившиеся в Тире, Ольвии и на Боспоре, первоначально пользовались календарем метрополии и справляли принятые там праздники.²¹ Название месяца Ленеон сохранилось

надпись из Ольвии / / Античная история и культура Северного Причерноморья. М., 1968. С. 248.

²⁰ Скржинская М. В. Зеркала архаического периода из Ольвии и Березани // Античная культура Северного Причерноморья. М., 1984. С. 117. Каталог № 37.

²¹ См. главу «Праздники, календарь и определение времени».

в надписях Ольвии и Тиры,²² соответственно тогда и проходили местные Ленеи.

На упомянутом зеркале читается слово εὐαῖ, переведенное как «радуйся». Его постоянно восклицали участники дионисийских шествий (Eug. Vach. v. 145). По-видимому, Демонасса и ее отец, носивший имя, созвучное дионисийскому празднику Леней, входили в число служителей Диониса, организовывали празднования Леней и проводили на них священные ритуалы. Как видно по вазовым рисункам, часть праздничных церемоний совершали только женщины, и в них какую-то роль играло зеркало, сохранившееся до наших дней.

Имя Леней начертано также на ольвийской надписи V в. до н. э. Там упомянут глава местного союза мольпов Дионисодор, сын Ленея, внук Мольпагора. (НО. 58). Возможно, члены семьи Дионисодора были служителями культа Диониса и организовывали его празднества. Ведь Мольпагор дал сыну имя Леней, а тот назвал своего сына «даром Диониса». Имя Леней встречается в Ольвии и в эллинистическое время.²³

В VI—V вв. до н. э. Ленеи праздновали в Борисфене. При его раскопках найден обломок чернолакового сосуда V в. до н. э. с граффито «ленейский аск». Он служил призом победителя на веселом ленейском состязании в питье вина.²⁴ Само название аска означало по-гречески мех для вина, и сосуд воспроизводил его форму. Состязание в питье вина на Ленеях известно по надписи с о. Родос, в которой сообщается о победе в этом соревновании некоего Фрасибула (IG. XII, 125).

О праздновании Леней в Пантикапее можно судить по двум памятникам. В эпитафии винодела, жившего на рубеже IV—III вв. до н. э., названа эпиклеза Диониса Леней (КБН. 117). Уникальный

²² Леонид упомянут один раз в надписях Тиры и дважды в ольвийских надписях (IRE Г. 4, 45; НО. 47). В Ольвии этот месяц включен также в календарь, прочерченный на доннышке скифоса V в. до н. э. См.: *Виноградов Ю. Г., Русяева А. С.* Культ Аполлона и календарь Ольвии // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980. С. 25.

²³ IRE Г. № 33, 201.

²⁴ *Толстой И. И.* Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л., 1953. С. 53. № 75.

для Северного Причерноморья аттический стамнос середины V в. до н. э. украшен сценой той части ленейского праздника, которая совершалась исключительно женщинами (рис. 39).²⁵ Стамносы с подобными изображениями служили ритуальными сосудами на Ленеях, и это отражено на рисунках нескольких краснофигурных стамносов,²⁶ в том числе пантикапейского. На них показаны поставленные на небольшой столик один или два стамноса, из которых женщины наливали вино в кубки; среди последних канфар всегда один, вероятно, потому, что посвящался Дионису.²⁷

На лицевой стороне пантикапейской вазы изображена женщина в дорическом хитоне с канфаром в руке; она подходит к стамносу, стоящему на столике с тремя ножками, заканчивающимися львиными лапами. Церемония возлияния сопровождается пляской вакханки в длинном хитоне, поверх которого наброшена небрида - шкура пантеры, священного животного Диониса. Танцу аккомпанирует на аулосе третья женщина, одетая в хитон с темной каймой и с плющевым венком на голове.

Оборотная сторона стамноса расписана более небрежно; композиция картины также составлена из трех женских фигур. Одна вакханка с тирсом идет, закинув назад голову, вероятно, выражая такой позой вакхический экстаз. Навстречу ей движутся две закутанные в плащи женщины; ближайшая к вакханке несет в руке факел (может быть, он указывает, что действие происходит ночью), у другой на голове надет венок из плюща, священного растения Диониса.

Кроме Леней колонисты, вероятно, по традиции своей метрополии, на первых порах жизни в Северном Причерноморье справляли праздник Антестерий в месяце с тем же названием. Он приходился на январь-февраль, однако на новой родине это время никак не отвечало смыслу праздника, знаменовавшего начало весны. Теофорное имя Антестерий встречается в ольвийских надписях эллинистического периода (НО. 67),²⁸ но оно скорее всего не

²⁵ *Лосева Н. М.* Аттический краснофигурный стамнос, найденный в Керчи // Сообщения ГМИИ. 1974. Вып. 7. С. 125-132.

²⁶ ARV². №. 628-632.

²⁷ *Лосева Н. М.* Указ. соч. С. 130.

²⁸ *Виноградов Ю. Г.* Декрет в честь Антестерия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма // ВДИ. 1984. № 1. С. 51.

имеет непосредственного отношения к празднику, а других свидетельств о нем нет.

Главные торжества, посвященные Дионису в Северном Причерноморье, назывались Дионисиями. О них упоминается в ольвийских и херсонесских декретах III в. до н. э. Старшую надпись на постаменте статуи Каллиника обычно датируют IV в. до н. э.,²⁹ но, на наш взгляд, более убедительна датировка III в. до н. э., предложенная В. П. Яйленко.³⁰ На камне отчетливо читаются заключительные слова постановления: «о награждении возвестить на Дионисии в театре» (рис. 41). Столь же хорошо сохранилось наименование этого праздника на мраморной плите с декретом о венчании золотым венком херсонесского историка Сирикса (IPE I² 344. рис. 42). В ольвийских декретах в честь Антестерия, а также сыновей херсонесита Аполлония и неизвестного лица, упоминание о наградах во время Дионисий в театре уверенно восстанавливается на стертых или утраченных местах надписей.³¹

Из текстов упомянутых надписей сейчас известно, что в Ольвии и в Херсонесе объявляли о самых значительных наградах на праздниках Дионисий, когда почти все граждане собирались в театре. Это было особенно почетно, потому что становилось известно всему населению государства. С IV в. до н. э. такая церемония проводилась в афинском театре перед постановкой новых трагедий на Великих Дионисиях (Dem. XIII, 84, 115, 116, 118; МИС. 4). Подобное объявление о наградах в Ольвии и Херсонесе скорее всего напоминало сходную церемонию в Афинах, культурная жизнь которых оказывала большое влияние на многие греческие полисы.

²⁹ Виноградов Ю. Г. Карышковский П. О. Каллиник сын Евксена // ВДИ. 1982. № 4. С. 26-30.

³⁰ Яйленко В. П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм. Экономика, культура, политика. М., 1990. С. 268-272. См. подробнее об этой надписи в главе «Объявление о наградах на праздниках».

³¹ Виноградов Ю. Г. Эпиграфические открытия последних лет в Ольвии // Новейшие открытия советских археологов. Тезисы докладов. Киев, 1975. С. 89; Он же. Декрет в честь Антестерия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма // ВДИ. 1984 № 1. С. 57, 58. .

Херсонеситы, наверное, праздновали Дионисии в месяце с одноименным названием, по-видимому, как и в прочих государствах приходившемся на весну. Вообще дионисийские праздники в Херсонесском государстве играли весьма заметную роль; их справляли в городе и в сельской местности, где найдены небольшие святилища бога.³² Ведь в окрестностях города выращивали много винограда и изготавливали большое количество вина, о чем красноречиво говорят находки виноделен и керамической тары местного производства.³³ Поэтому здесь праздновали окончание сбора урожая винограда и пробу нового вина. В III в. до н. э. отмечался праздник, во время которого мужчины с детьми и с женами выходили из города; процессия шла по окрестностям, сопровождая несущих статую Диониса. Надпись, свидетельствующая об этом, сохранилась с лакунами. Согласно реконструкции В.В. Латышева (IPE I². 343), принятой большинством современных исследователей, речь шла о нападении варваров на херсонеситов, когда они вышли из города, неся статую Диониса.³⁴ Праздники этого бога, во время которых граждане отправлялись за пределы города, проводились и в других греческих государствах, например в Смирне (Her. I, 150).

Ольвийские праздники Диониса в основном проходили в городе, так как сельское население Нижнего Побужья до римского периода не занималось виноградарством, а вино в больших количествах ввозилось из разных центров виноделия. Этим объясняется то, что посвященные надписи, скульптурные и терракотовые изображения Диониса и его спутников найдены главным образом на городище и в незначительном количестве на ольвий-

³² Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000. С. 81.

³³ Стржелецкий С. Ф. Виноделие в Херсонесе Таврическом античной эпохи // Херсонесский сборник. Симферополь, 1959. Вып. 6; Монахов С. Ю. Производство амфор в эллинистическом Херсонесе // ВДИ. 1984. № 1. С. 109-130.

³⁴ Соломоник Э. И. Каменная летопись Херсонеса. Симферополь, 1990. С. 12. № 3. Другое восстановление текста предложено Ю. Г. Виноградовым. В его прочтении получается, что херсонеситы отправились за город собирать урожай винограда в месяце Дионисии, то есть речи о празднике в надписи нет. См.: Виноградов Ю. Г. Херсонесский декрет «о несении Диониса» и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. 1997. № 3. С. 114, 121.

ской хоре.³⁵ Фрасибул, ольвийский жрец Диониса в первой половине IV в. до н. э., по окончании срока своих священных обязанностей сделал посвящение богу на беломраморной плите (IPE Г². 166). Надпись определенно указывает на существование в Ольвии святилища Диониса и проведение там празднеств под руководством жрецов. Святилище существовало уже в V в. до н. э., когда ольвиополит Клит принес туда в дар Дионису чернолаковый килик, о чем гласила прочерченная на нем надпись.³⁶ Вероятно, из этого святилища переносили в театр статую бога во время Дионисий так же, как это делалось в других городах.

В Борисфене, втором городе Ольвийского полиса, также справляли праздники Диониса в его святилище. Там найден фрагмент чернолакового сосуда с посвящением богу.³⁷ Обломки керамической посуды с подобными надписями-посвящениями обнаружены также в Пантикапее и Нимфее,³⁸ а на одном сосуде из Феодосии прочерчено несколько восклицаний «эвоз», сопровождавших дионисийские праздники.³⁹ Напомним в связи с этим строку из хора «Вакханок» Еврипида (стих 68): «К богу Вакху я зываю: эвоз!»

Праздники Диониса приобрели особое значение на Боспоре с последней трети V в. до н. э., когда там уже акклиматизировали виноград. После прихода к власти в 438 г. до н. э. Спартока, основателя династии Спартокидов, правивших до I в. до н. э., культ Диониса стал одним из ведущих.⁴⁰ Торжества проходили в театре и у храма бога, находившегося в южной части Пантикапея у подножия горы Митридат.⁴¹ В храме или около него стояла великолепная статуя Диониса. В поврежденном виде ее нашли в 1865 г.; бог представлен безбородым кудрявым юношей в коротком хито-

³⁵ Русяева А. С. Указ. соч., 1979. С. 96, 97.

³⁶ Толстой И. И. Указ. соч. С. 22. № 22.

³⁷ Там же. С. 55. № 79.

³⁸ Там же. С. 78. № 118; С. 101. № 164.

³⁹ Петерс Б. Г., Айбабин А. И. и др. Феодосийская экспедиция // АО. 1976. М., 1977. С. 353.

⁴⁰ Античні держави Північного Причорномор'я // Давня історія України. Т. 2. Київ, 1998. С. 260.

⁴¹ О театре на Боспоре см. следующую главу; о храме Диониса см.: Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 160, 161.

не и плаще, у ног сидит его священное животное пантера.⁴² Скульптура исполнена хорошим мастером на рубеже V—IV в. до н. э. и по характеру изображения близка типу статуй Праксителя.⁴³ Несколько столетий статуя Диониса пользовалась большим почетом у боспорян; ее изображение чеканилось на местной монете I в. до н. э.⁴⁴ В городе были и другие статуи Диониса, о чем свидетельствует известняковый постамент с надписью III в. до н. э. (КБН. 24).

Замечательное свидетельство о дионисийских празднествах в Нимфее содержится в недавно найденной надписи. Она сделана в первой половине IV в. до н. э. агонотетом, устройтелем и распорядителем на нимфейском празднике Диониса. Исполнив свои обязанности, он финансировал строительство парадного входа в святилище, а может быть, в театр, где походили организованные им торжества. На архитраве агонотет велел вырезать посвящение со своим именем и выделить буквы красной краской: «Теопропид, сын Мегакла, сей вход посвятил Дионису, будучи агонотетом, при Левконе, архонте Боспора и Феодосии, всей Синдики, торетов, дандариев и псессов». Часть архитрава с надписью сохранилась неповрежденной; кроме того, осталось еще несколько незначительных фрагментов, позволяющих определить ионийский ордер постройки, но не дающих возможность ее реконструировать.⁴⁵

Когда Боспор оказался под властью Митридата Евпатора, праздники Диониса в первой половине I в. до н. э. приобрели новый характер. Ведь царь считал себя воплощением этого бога и представлял в его образе во время празднеств. По описанию Плутарха известно, как в театре Пергама (там находилась резиденция царя после его побед над римлянами в Малой Азии) устроили представление апофеоза Митридата. С помощью каких-то приспособ-

⁴² Соколов Г. И. Античное Причерноморье. Л., 1973. С. 37. № 16.

⁴³ Давыдова Л. И. К вопросу об иконографии статуи Диониса из Пантикапея в коллекции Эрмитажа // 175 лет Керченскому музею древностей. Материалы конференции. Керчь, 2001. С. 431-433.

⁴⁴ Гайдукевич В. Ф. Указ. соч. С. 161.

⁴⁵ Соколова О. Ю. Новая надпись из Нимфея // Древности Боспора. М., 2001. Вып. 4. С. 368-371.

лений к нему, словно с неба, спускалась Ника и венчала его как нового бога (Plut. Sulla. 11). Нечто подобное, вероятно, происходило и на боспорских праздниках, когда Митридат обосновался в Пантикапее. Культ Митридата-Диониса стал на Боспоре официальным, о чем известно по надписям из Пантикапея и Фанагории (КБН. 24,31).

Праздники Диониса сопровождались возлияниями вина из специально сделанных для этих церемоний сосудов. Они встречаются при раскопках всех более или менее крупных античных городов. Назовем некоторые из наиболее выдающихся подобных находок в Северном Причерноморье.

Во второй половине V в. до н. э. жители Никония приобрели два краснофигурных кратера для праздничных церемоний. На одной вазе нарисовано шествие Диониса в сопровождении сатира, играющего на аулосе, и менады с тирсом и горящим факелом.⁴⁶ Дионис изображен бородатым мужчиной в хитоне и большом плаще, на голове у него плющевой венок, а в руках тирс и канфар. Росписи с подобным сюжетом известны на ряде кратеров, предназначенных, по всей вероятности, исключительно для культовых целей.⁴⁷

Другой кратер украшает сложная композиция с фигурами в трех уровнях. В верхнем ряду сидящий Дионис с тирсом протягивает менаде канфар, который та наполняет вином из небольшой ойнохой. Менада одета в хитон и поверх него в шкуру пантеры. В нижнем ярусе помещены еще одна бегущая менада с ойнохой, сатир, играющий на аулосе, и жрица, ведущая козла в жертву Дионису. Кроме этих персонажей на кратере нарисованы Аполлон в венке с лирой в правой руке и двое его служителей: слева женщина возлагает цветы на треножник, а несколько ниже в среднем ряду юноша играет на лире, любимом инструменте бога. Слева к Аполлону подходит крылатая Ника с венком; позади нее изобра-

⁴⁶ Секерская Н. М. Античный Никоний и его округа в VI—IV вв. до н. э. Киев, 1989. С. 99, 100. Рис. 64.

⁴⁷ Там же. С. 100.

жен лавр, символ бога. На оборотной стороне вазы нарисованы две менады с факелами и винными мехами; их преследует сатир, а другой сатир полулежит рядом с амфорой и ритонем, из которого течет вино.

Изображение Аполлона вместе с Дионисом отражает распространенный с классического периода обычай почитания их в одном святилище. Особой известностью пользовалось совместное почитание этих богов в Дельфах, названных Ф. Ф. Зелинским «античным Ватиканом». Сюда стекались паломники со всей греческой ойкумены, в том числе из Северного Причерноморья (МИС. 15); они обращались к знаменитому оракулу Аполлона и приносили в святилище свои дары.

В Дельфах справлялись дионисийские празднества главным образом зимой, когда считалось что Аполлон удаляется в счастливую страну гиперборейцев на краю земли. Существовало предание, что Дионис пришел в Дельфы раньше Аполлона, а в дельфийском храме показывали гробницу Диониса, растерзанного титанами.⁴⁸ В окрестностях Дельф с древнейших времен происходили оргии фиад - женщин, посвященных в таинства Диониса (Paus. X, 4,3 ; 32, 7). Фронтоны и метопы дельфийского храма Аполлона украшали фигуры Диониса и его поклонниц фиад (Paus. X, 19, 3).⁴⁹

Аполлон вместе с Дионисом появляется на вазовых рисунках в последней четверти VI в. до н. э.⁵⁰ Оба бога представлены на чернофигурном лекифе из Ольвии: Дионис, хвостатый силен и Гермес стоят около Аполлона, сидящего на дифросе и играющего на кифаре (рис. 43).⁵¹ В Ольвии также найдена ситула с изображением Диониса и Аполлона в окружении своих спутников. Выполненная из глины ваза со множеством рельефных фигур воспроиз-

⁴⁸ Подробно культ «дельфийских братьев» Аполлона и Диониса рассмотрен в кн. : Иванов В. Дионис и прадионисийство. Баку, 1923. С. 18-41; 112-134. Переиздание СПб., 1996.

⁴⁹ Соколов Г. И. Дельфы. М., 1972. С. 142.

⁵⁰ Lambrinoudakis W. Apollo // LIMC. Bd. 2. S. 277.

⁵¹ АНО. С. 38. № 9.

водит металлический оригинал; в III-II вв. до н. э. она служила скорее всего для праздничных церемоний.⁵²

Культовое родство «дельфийских братьев» особенно выразительно запечатлено на обнаруженном в некрополе Пантикапея замечательном кратере мастера Кадма.⁵³ В конце V в. до н. э. вазописец нарисовал Аполлона с оливковой ветвью; он идет на встречу Дионису и приветствует его в своем святилище. На это указывает изображения пальмы, священного дерева бога, и полукруглого камня-омфала - «пупа земли», который показывали в дельфийском храме Аполлона. Одетый в нарядный хитон, Дионис подходит к Аполлону в сопровождении менад и сатиров (рис. 44).

Кроме кратеров и канфаров на дионисийских праздниках часто использовались ритоны, нередко нарисованные на вазах в руках бога (рис. 45), а также фигурные сосуды. Последние изображают либо самого Диониса, либо его спутников менад и сатиров. Такие фигурные сосуды IV в. до н. э. находились в кургане близ Фанагории.⁵⁴

На вазах VI-V вв. до н. э. Диониса рисовали бородатым мужчиной в расцвете лет (рис. 38, 43-45), а с конца V в. до н. э. греки стали изображать этого бога чаще всего юношей. Таким он представлен на упомянутой статуе из Пантикапея, на привозных вазах, найденных в Ольвии и на Боспоре (рис. 46), и на терракотовых статуэтках и портретных геммах Митридата в образе Диониса.⁵⁵ Подобный образ бога воспроизводили и местные мастера вскоре после его появления в Элладе. Такова терракотовая статуэтка бога, исполненная в Пантикапее в первой половине IV в. до н. э. Дионис изображен юношей с изнеженным телом, на его пышных волосах роскошная повязка, концы которой спускаются на плечи.

⁵² Штерн Э. Ваза с рельефными украшениями из Ольвии // ИАК. 1902. № 3. С. 93-113. Табл. 14.

⁵³ ARV². P. 1185. № 7; LIMC. Bd. 2. S. 279. № 768 a.

⁵⁴ ДБК. Табл. 70.

⁵⁵ Неверов О. Я. Митридат-Дионис // СГЭ. 1973. № 37. С. 42, 43; Молев Е. А. Молева Н. В. Терракотовые статуэтки из Китейского святилища // Боспорские исследования. Вып. 3. Симферополь, 2003. С. 258 и др.

По следам раскраски видно, что тело бога было нежно-розовое, плащ - лиловый, брови и зрачки выделялись черной, а рот - красной красками.⁵⁶

Перечисленные изображения Диониса дают возможность представить, как в разные периоды истории во время вакхических шествий выглядели статуя бога или человек, исполнявший его роль.

В прологе трагедии «Вакханки» Дионис говорит, что его поклонники кружатся в плясках и поют восторженные песни, одевшись в небриды и держа в руках тирсы (Eug. Vach. v. 20-25). Такие сцены с ряжеными сатирами и менадами сопровождали дионисийские праздники в Северном Причерноморье. Об этом напоминают росписи найденных здесь ваз и терракотовые статуэтки. Кроме сатиров и менад рядом с Дионисом, вероятно, появлялась его супруга Ариадна. Во всяком случае северопричерноморские эллины хорошо знали миф о браке бога, потому что Ариадна неоднократно изображена на расписных вазах, сосудах с рельефами и терракотах из раскопок Ольвии и Боспора.⁵⁷

В коллекции северопричерноморских археологических материалов находится значительное количество терракотовых масок Диониса, сатиров и актеров, выступавших в театре на Дионисиях.⁵⁸ Большинство таких изделий относится к эллинистическому периоду. Маски разделяются на две группы; первая представляет уменьшенные копии сценических масок, и о них пойдет речь в следующей главе. Другая группа - вотивные приношения, непосредственно связанные с ритуалами на дионисийских праздниках; эти небольшие терракотовые изделия часто имеют отверстия для подвешивания и в отличие от театральных масок выполнены в реалистической манере без гротеска. В основном культовые мас-

⁵⁶ Кобылина М. М. Терракотовые статуэтки из Пантикапея и Фанагории. М., 1961. С. 62, 63.

⁵⁷ ДБК. Табл. 60; UKV. № 84, 366, 414; Леви Е. И. Терракоты из цистерны ольвийской агоры // КСИИМК. 1959. Вып. 74. С. 76; Русяева А. С. Рельефні зображення Діоніса та Аріадни на посуді з Ольвії // Археологія. 1976. № 20. С. 36-42.

⁵⁸ Финогенова С. И. Античные терракотовые маски Северного Причерноморья // СА. 1990. № 2. С. 189-202.

ки обнаружены на городищах, и это указывает, что их использовали во время городских дионисийских празднеств.

В Северном Причерноморье подавляющая часть культовых масок найдена на Боспоре. Они преимущественно изображают голову Диониса и делятся на два типа. Наиболее многочисленны маски бога с большой бородой, завитой в спиралевидные локоны (рис. 47).⁵⁹ На голове у него два коримба (условное изображение плодов плюща) и венок из листьев и цветов плюща, среди которых часто можно рассмотреть два маленьких рога, напоминающих о почитании Диониса в образе быка.⁶⁰ В числе нескольких десятков подобных масок почти нет совершенно одинаковых. Это, по мнению С. И. Финогеновой, может означать, что к каждому дионисийскому празднику изготавливались новые формы. Боспоряне использовали как местные, так и привозные формы для производства масок Диониса. Они передают один иконографический тип так называемого индийского Диониса или Диониса-Сарданапала, который впервые был создан Праксителем. Боспорские маски этого типа сделаны под значительным влиянием малоазийского искусства.⁶¹ Вероятно, в период позднего эллинизма малоазийские черты проявлялись и в характере боспорских праздников, которые стали отмечать по новому календарю, введенному Митридатом Евпатором.⁶²

Другой менее многочисленный тип культовых масок называется Дионисом-Виноградом, так как волосы, усы и борода бога представлены в виде ягод или гроздей винограда (рис. 48).⁶³ На масках II—I вв. до н. э. Дионис иногда изображен безбородым.⁶⁴ На

⁵⁹ ДБК. Табл. 74; Русяева А. С. Указ. соч. 1979. С. 84; Денисова В. И. Корoplastика Боспора. Л., 1981. С. 65-68; Финогенова С. И. Указ. соч. С. 190-192.

⁶⁰ Денисова В. И. Указ. соч. С. 66.

⁶¹ Финогенова С. И. Указ. соч. С. 192.

⁶² См. об этом в главе «Праздники, календарь и определение времени».

⁶³ Кастанаян Е. Г. Раскопки Порфмия в 1953 г. // СА. 1958. № 3. С. 204; Силантьева П. Ф. Терракоты Пантикапея // САИ. 1974. Вып. Г-11. Ч. 3. Табл. 40,1; Денисова В. И. Указ. соч. С. 123; Финогенова С. И. Указ. соч. С. 194.

⁶⁴ Денисова В. И. Указ. соч. С. 66. Табл. 21 д.

нескольких масках Ариадны волосы также изображены в виде ягод винограда; ее связь с Дионисом подчеркнута также священной повязкой, перевитой лентой и венком из листьев и цветов плюща.⁶⁵

В эллинистический период в Северном Причерноморье появляются маски юного безбородого Диониса и молодых сатиров; вначале они были привозными, а затем их стали делать и местные мастера.⁶⁶ Маски спутников Диониса силенов и сатиров известны по находкам в Ольвии, Херсонесе и на Боспоре. В отличие от масок бога и его супруги эти персонажи обычно представлены гротескно, и зачастую трудно провести четкую грань между подобными культовыми и театральными масками (рис. 49). У них мясистые щеки, высоко поднятые брови, острые уши, рот растянут в широкой улыбке.⁶⁷ Одна маска сатира из Ольвии изображает его молодым, другая - бородатым стариком с большими острокопечными ушами,⁶⁸ а маска силены из Мирмекия представляет его лысым в венке, увитом лентами и плодами.⁶⁹ По виду этих масок можно представить, как изменялся облик ряженных в вакхических процессиях.

Итак, надписи и предметы прикладного искусства показывают, что в Ольвии, Херсонесе и на Боспоре Дионисии входили в круг самых многолюдных и любимых праздников. Как и в Элладе, часть торжественных церемоний совершалась в театре. Многие жители из античных городов Северного Причерноморья посещали Афины и присутствовали на прославленном во всей греческой ойкумене весеннем празднике Великих Дионисий. Их церемонии влияли на устройство местных праздников; не случайно в Ольвии и Херсонесе, как и в Афинах, именно на Дионисиях оглашали

⁶⁵ Финогенова С. И. Указ. соч. С. 195.

⁶⁶ На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта. Каталог выставки. М., 2002. № 221-226.

⁶⁷ Там же. С. 195, 196; ДБК. Табл. 74, 3.

⁶⁸ Русяева А. С. Указ. соч. 1979. С. 85.

⁶⁹ Денисова В. И. Указ. соч. С. 66. Табл. 22 ж.

почетные декреты и увенчивали золотыми венками, а для разных дионисийских праздников во всех городах на северных берегах Понта приобретали аттические расписные сосуды со сценами мифов о Вакхе и его спутниках, а также с изображениями праздников в их честь.

ПРАЗДНИКИ В ТЕАТРЕ

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЕ ТЕАТРЫ

Театр входит в число удивительных достижений древних греков.¹ Они первыми создали литературный жанр драмы и построили здания для драматических представлений. Сначала возводились временные сооружения, а с V в. до н. э. началось строительство стационарных театров. Первоначально театр предназначался только для музыкальных и драматических агонов на дионисийских праздниках, а затем его стали использовать для проведения всевозможных празднеств, для заседаний народного собрания (Paus. VI, 5, 2) и даже для гладиаторских боев.

В театре обязательно стоял алтарь Диониса, а на время Дионисий туда приносили статую бога. С течением времени тематика празднеств в театре все меньше непосредственно касалась культа Диониса. Если в VI-V вв. до н. э. трагедии и комедии разыгрывались только на Дионисиях и Ленеях, то с эллинистического времени представления устраивались чаще. Однако актеры продолжали считать себя служителями бога, а жрецу Диониса отводилось самое почетное место и в римский период.

Многие греческие мистерии сопровождалась представлениями на сюжеты сказаний о богах. Для этого строились особые здания, и места для зрителей носили название *θέατρον*, производ-

¹ Истории греческого театра посвящено множество исследований; назовем несколько из них: *Варнеке Б. В.* История античного театра. М.; Л., 1940; *Каллистов Д. П.* Античный театр. Л., 1970; *Bieber M.* The History of the Greek and Roman Theater. Princheton, 1961; *Picard-Cambridge A.* The Dramatic Festivals of Athens. Oxford, 1988; *Simon E.* The Ancient Theatre. London, 1982; *Rehm R.* Greek Tragic Theatre. London-New York, 1992; *Green R. Handley E.* Images of the Greek Theatre. London, 1995. Большой раздел о театре включается в любую историю античной литературы.

ное от глагола θεᾶσθαι (смотреть, разглядывать). По раскопкам известно, что помещения для зрелищ находились в Элевсине и в святилище Самофракийских богов. Но туда допускали лишь посвященных, поэтому теперь почти не известно, каковы были разыгрывавшиеся там действия. Только в культе Диониса драматические представления достигли своего апогея и превратились в искусство театра, доступное самым широким слоям населения античных государств.

На дионисийских празднествах в VI в. до н. э. греки слушали выступления хоров, которые пели и танцевали вокруг алтаря на площадке, называвшейся орхестрой (от глагола ὀρχέσθαι - плясать, танцевать). Если орхестра находилась у холма, то зрители размещались на его склонах, а если празднество справляли на городской площади, то там строили временные деревянные подмости, возвышавшиеся уступами. Такие подмости сооружали на афинской агоре, и там впервые при тиранине Писистрате стали регулярно проводить драматические агоны во время празднования Дионисий.

На рубеже VI-V вв. до н. э., когда состязались трагики Эсхил, Херил и Пратин, переполненные деревянные скамьи обрушились, и тогда, наверное, пострадало много народа. После этого Народное собрание постановило построить стационарный театр на южном склоне Акрополя близ небольшого храма Диониса Элевтерия, в котором хранилась древняя особо почитаемая статуя божества. Жрецу этого храма в течение многих столетий предоставлялось самое почетное место первого ряда в афинском театре. До наших дней сохранилось предназначенное для жреца резное мраморное кресло, исполненное в I в. по образцу IV в. до н. э.² Много раз перестраивавшийся театр Диониса в Афинах существовал на одном и том же месте вплоть до конца античности.

Начиная с эпохи раннего эллинизма, каменный театр вошел в число обязательных общественных построек любого сколько-нибудь заметного греческого города. Как писал Павсаний (X, 4, 1), поселение без театра не могло называться городом. Остатки каменных театров обнаружены на руинах греческих городов в Эл-

² Колобова К. М. Древний город Афины. Л., 1961. С. 276.

ладе, Малой Азии, на Сицилии и в Причерноморье. На протяжении своего многовекового существования театры много раз перестраивались не только по причине обветшания построек, но и в результате изменения характера представлений. Поэтому по эволюции архитектуры театральных построек можно судить о некоторых чертах организации празднеств.

Античный театр всегда включал три основных элемента: оркестру, сцену и театрон. Орхестра была круглой или полукруглой площадкой для выступлений хора; сцена, буквально «палатка», первоначально служила местом переодевания актеров и хранения театрального инвентаря. С V в. до н. э. сцену, находившуюся позади оркестры, начали художественно оформлять как декоративный фон для пьес: стена сцены, выходящая на оркестру, чаще всего изображала фасад дворца или храма, перед которыми обычно разворачивалось действие трагедий.

Места для зрителей, располагавшиеся уступами и подковой окружавшие оркестру, назывались театрон и дали наименование всему сооружению. Театрон в течение многих веков мало изменялся, он делился на секторы радиальными и концентрическими проходами. Орхестра постепенно теряла свою определяющую роль, потому что хор в пьесах отодвигался на второй план и в конце концов совсем исчез. В VI—V вв. до н. э. на орхестре выступали хор и актеры, а в эллинистический период актеры перешли играть на крышу невысокой сцены либо на проскений, возвышавшийся за орхестрой перед стеной сцены.

Сначала актеры и хор выходили на оркестру по двум боковым входам - пародам, находившимся между сценой и окончанием полукруга мест для зрителей. Поэтому в драме пародом называлась песнь хора, исполнявшаяся при его появлении на орхестре. В эллинистический период актеры выходили на проскений из двери в стене сцены, обращенной к зрителю. Площадка для игры актеров с боковыми пристройками, называвшимися параскениями, явилась зародышем той «сцены-коробки», которая до сих пор используется в театре.³

³ Варнеке Б. В. Указ. соч. С. 110, 111.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В АФИНАХ

В VI в. до н. э. элементы театрализованных представлений сопровождали дионисийские праздники во многих греческих государствах.⁴ Но только в Афинах впервые на Великих Дионисиях и Ленеях сформировались настоящие драматические произведения трех жанров: трагедия, сатирическая драма и комедия. Их всегда писали стихами. Творчество афинских драматургов и организация представлений в афинском театре оказали огромное влияние на культуру всех греков. Кажется, не было города, в котором не знали произведений аттических трагиков и комедиографов. Множество приезжих эллинов присутствовало в театре Диониса на ежегодных драматических агонах во время Великих Дионисий (Ael. Var. Hist. II, 14). Их великолепие производило огромное впечатление на приезжих; среди них в V в. до н. э. были официальные послы союзников, доставлявших взносы от своих городов именно к началу Великих Дионисий. Сами афиняне любили водить в театр своих гостей из других городов, покупая им билеты (Theophr. Char. 9).

Аттических драматургов приглашали в разные государства. Эсхил ставил в Сиракузах свою трагедию «Персы» после ее представления в Афинах в 472 г. до н. э. Там, по желанию тирана Гиерона, поэт написал трагедию в честь основания города Этны у подножия одноименной горы. Еврипид в конце жизни ездил в Магнесию, а потом жил при дворе македонского царя Архелая.

О прижизненной славе Еврипида за пределами Афин писал Плутарх в биографии полководца Никия (гл. 28). После поражения афинян на Сицилии в 413 г. до н. э. многих пленников обратили в рабство. Некоторые из благополучно возвратившихся на родину «горячо приветствовали Еврипида и рассказывали ему, что они получили свободу за обучение хозяина оставшимся в памяти стихам поэта»; другие, избежавшие рабства, ходили по Сицилии, зарабатывая себе на пропитание пением песен из трагедий Еврипида. К этому рассказу Плутарх присовокупил выразительный эпи-

⁴ Греческая трагедия. М., 1958. С. 20-22.

зод, случившийся в небольшом малоазийском городе Кавне. Его жители сначала не хотели пускать в свою гавань судно, стремившееся укрыться от пиратов, но затем разрешили кораблю пристать, когда узнали, что моряки могут прочесть им наизусть стихи из пьес Еврипида.

Если верить рассказу Плутарха, в 404 г. до н. э. Афины устояли благодаря восхищению всех греков трагедиями Еврипида. После поражения в Пелопоннесской войне на собрании спартанцев и их союзников решалась судьба Афин и предлагалось их полностью разрушить. Но когда во время симпозиона в присутствии военачальников один фокеец запел первую песню хора из «Электры» Еврипида, все растрогались и решили, «что покончить со столь славным городом, давшим таких великих людей, и уничтожить его было бы делом чудовищно жестоким» (Plut. Lys. 15).

В последние годы правления Писистрата Великие Дионисии стали важнейшим городским праздником, и на них впервые в 534 г. до н. э. разыграли настоящую трагедию. Текст, музыку и танцы сочинил Феспис, он же исполнил роль единственного актера, вступавшего в диалог с хором и его корифеем. Фриних, младший современник Фесписа, особенно запомнился тем, что написал трагедию «Взятие Милета» на животрепещущий сюжет о захвате персами этого города в 500 г. до н. э. Зрители безудержно рыдали в театре; это побудило афинян наложить на автора штраф и постановить больше никогда не возобновлять постановку пьесы (Her. VI, 22; Strab. XIV, 7). В 476 г. до н. э. трагедия Фриниха «Финикиянки» имела огромный успех; она прославляла победу афинян в Саламинском сражении. Через четыре года играли «Персов» Эсхила, последнюю из известных нам драм на исторический сюжет. Все прочие пьесы имели мифологическое содержание, но и в такой форме драматурги умели откликнуться на текущие события.

Для театральных представлений VI-V вв. до н. э. характерна важная роль хора. В трагедии он состоял из сограждан, друзей либо рабов героя или героини; в сатирической драме хор всегда составляли ряженые сатирами. Более разнообразные, часто фантастические персонажи изображали хор древней комедии. На

оркестре хор располагался рядами: в трагедии три ряда по пять человек, в комедии четыре ряда по шесть человек. Хор возглавлял корифей, и лучшие хористы находились в первом ряду.

Во время действия хор не только пел, но и танцевал. Величайший танец в трагедии назывался эммелией; сатиры плясали сикиниду, а кордакс в комедии передавал разнузданную похотливость исполнителей фаллических песен. Танцы заново придумывались для каждой пьесы; множество их названий и отдельных танцевальных фигур приведено в словаре Поллукса (IV, 99-105), а некоторое представление о них можно составить по вазовой живописи.

Распевая вступительную песнь, хор вместе с аккомпаниатором-авлетом входил на оркестру, а затем его партии чередовались с речами, мелодекламацией и ариями актеров. Первоначально песни хора тесно связывались с фабулой пьесы; хор давал советы, размышлял о происходящем на сцене, выражая по этому поводу свои чувства и впечатления; иногда корифей хора вступал в диалог с героями. Со временем темы песен хора все более обособливались и наконец его выступления превратились в самостоятельные интермедии.

Трагедия, появившаяся в последней трети VI в. до н. э., достигла своего высочайшего развития в следующем столетии, когда творили великие драматурги Эсхил, Софокл и Еврипид. Последние выдающиеся трагические поэты жили на рубеже V-IV вв. до н. э. Античные авторы особо выделяли среди них Агафона; Аристофан в «Женщинах на празднике Фесмофорий» даже развернул действие своей комедии перед домом трагика (ст. 29-65) и вывел его на сцену (ст. 101), а собеседники в «Пире» Платона собрались в доме Агафона праздновать его победу на драматическом агоне. Хоровые партии в трагедиях Агафона в основном уже не соотносились с действием пьесы (Aristot. Poet. 9, 15, 18). В это время возник обычай ставить на Дионисии пьесы старых драматургов.

Нам не известны имена авторов трагедий эллинистического времени, зато античные писатели и надписи свидетельствуют, что тогда на сцене постоянно возобновлялись классические трагедии. Это напоминает судьбу современной оперы: повсюду с успехом

идут оперы XVIII - начала XX вв., а немногие новые не в силах завоевать большую аудиторию. Старые трагедии продолжали волновать зрителей, потому что говорили о высоких идеалах и борьбе за их осуществление, об отношениях между семьей и государством, о противоречиях интересов индивида и общества, об обязанностях частного лица по отношению к государству и др.⁵

Сатировская драма с ее хором из спутников Диониса, вероятно, дольше прочих театральных жанров сохраняла сюжетную связь с мифами об этом боге. Такие пьесы писали трагики, изображая нечто среднее между трагедией и комедией. Сюжеты заимствовались из одних и тех же мифов, но общее настроение сатиловских драм было веселым и развязка счастливой. Их показывали после трилогии, состоявшей из трагедий, и веселое содержание снимало трагические переживания зрителей. Сатиловские драмы перестали существовать вместе с исчезновением поэтов-трагиков.

Более долгая жизнь была суждена комедии. В ее развитии еще античные филологи выделили три периода: древняя, средняя и новая комедии.⁶ Первую для нас олицетворяет Аристофан, великий комедиограф V в. до н. э. Его последние пьесы, написанные в начале IV в. до н. э., имеют черты средней комедии. От сочинений Антифана и Алкида, наиболее выдающихся авторов средней комедии, уцелели лишь названия пьес и несколько цитат из них. В древности лучшим драматургом новой комедии считали Менандра, его пьесы ставили в театрах до конца античности. Комедии этого стиля завоевали сцену греческих театров в конце IV и в III вв. до н. э. Сейчас почти ничего не известно о сочинениях греческих комедиографов, живших после Менандра, однако надписи эллинистического и римского времени постоянно упоминают о состязаниях комических поэтов.

Древняя комедия, разыгрывавшаяся обычно в фантастической обстановке, по своему происхождению и социальному назначению была публицистическим жанром. Комедиографы осмеивали всем

⁵ Ярхо В. Н. Эсхил и некоторые проблемы древнегреческой трагедии. М., 1978; Goldhill S. The Great Dionysia and Civic Ideology // JHS. 1987. № 107. P. 75.

⁶ Bieber M. Op. cit. P. 36, 87.

известных людей, чаще всего политиков. В комедийной форме драматурги обсуждали кардинальные общественные проблемы, например, продолжать ли войну или заключить мир, какой системы придерживаться в воспитании молодежи, как устранить несовершенство афинского государственного строя.

Средняя комедия стала отходить от этой проблематики; ее авторы обратилась к бытовым сюжетам и пародиям на мифы. Комические эффекты достигались низведением божественных и героических персонажей на уровень повседневности, хор постепенно утрачивал свою ведущую роль, а в новой комедии он уже не имел отношения к действию и появлялся лишь в интермедиях. Изображение быта и семейных отношений вытеснило политическую сатиру и мифологическую пародию, а любовная интрига заняла главенствующее положение. В результате выработался определенный набор сюжетных схем и сценических масок. Среди последних наиболее распространенными стали влюбленный молодой человек, молодая и старая гетеры, хитрый раб, лживый сводник, драчливый или хвастливый воин, повар, несговорчивые родители и паразит (бездельник, любящий поесть и выпить за чужой счет).

Драматические состязания в Афинах проводились на Великих Дионисиях и на Ленеях. О последних известно гораздо меньше, чем о первых. Ведь, как уже говорилось, на Ленеи допускались только афинские граждане, а на Великие Дионисии в театр приходили метеки и множество иностранцев. В V в. до н. э. ежегодно отбирали трех трагиков и трех комедиографов. Трагики давали трилогию из трагедий и сатировскую драму, а комедиографы - по одной комедии. Представления шли четыре дня, три из которых отводились трагедиям и один комедиям. Зрители проводили в театре ежедневно по 8-10 часов. Победителей определяли десять судей, избранных по одному от каждой афинской филы.

Сначала один автор писал текст, музыку для хора и солистов, а также брал на себя роль режиссера, актера и балетмейстера. Еще Эсхил и Софокл играли в трагедиях и ставили танцы хора. Позже поэты редко выступали артистами в своих пьесах. Для уравнения шансов на победу определяли по жребию актеров для исполнения ролей в той или иной пьесе. В греческом театре высту-

пали только свободные мужчины. Исполняя разнообразные мужские и женские роли, они должны были обладать многими талантами: хорошей дикцией и звучным голосом, умением танцевать и петь сложные лирические партии, декламировать под музыку, владеть искусством пантомимы. Трагический актер надевал котурны, особую мало удобную обувь на высокой подошве, и облачался в нарядное одеяние до пола с длинными рукавами и разукрашенным поясом, повязанным под грудью. Это заставляло его двигаться медленно и торжественно. Лицо, закрытое маской, не давало возможности помогать игре мимикой; ее заменяли сменявшиеся маски с выражением разных характеров и чувств.

Античные писатели упоминают десятки имен афинских драматургов и названия сотен пьес, нередко цитируя отдельные выражения или целые стихи.⁷ Однако полностью уцелевших произведений сохранилось мало: 7 трагедий Эсхила, столько же трагедий и большой отрывок из одной сатировской драмы Софокла, 17 трагедий и одна сатировская драма Еврипида, 11 комедий Аристофана и крупные отрывки из нескольких комедий Менандра. Творчество остальных драматургов сейчас известно лишь по названиям их пьес и немногим стихам в цитатах древних авторов. Произведения Эсхила, Софокла и Еврипида долго входили в программу греческих школ, и именно поэтому сохранились списки их хрестоматийно известных пьес. Школьники также знакомились с комедиями. Асклепиад (AP VI, 308), поэт IV—III вв. до н. э., описал, как мальчик, переписавший лучше всех сцену из комедии, получил в награду статуэтку комического старика. Ученик посвятил свой приз Музам и поставил в школьной комнате, так что изображение актера весело взирало на проказы мальчишек.

⁷ Tragicorum Graecorum Fragmenta. Bd. 1-4. Göttingen, 1971-1980; Comicorum Graecorum Fragmenta. Ed. G. Kaibel. Berlin, 1899; Comicorum Graecorum Fragmenta in Papyris reperta. Ed. C. Austin. Berlin-New York, 1973.

ТЕАТР В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА

Великолепие празднования афинских Великих Дионисий, сопровождавшихся драматическими агонами, вызывало желание ввести подобные состязания в других государствах. Одним из первых это осуществил Александр Македонский, любивший драматическое искусство и знавший наизусть немало стихов из трагедий аттических поэтов. Во время своих восточных походов Александр неоднократно устраивал мусические состязания по афинскому образцу (Plut. Alex. 29). На такой агон в Экбатанах, по словам Плутарха (Alex. 72), съехались 3000 исполнителей, сам же Александр участвовал в написании одной пьесы для этого праздника (Athen. XIII.586 d, 595 e; Ephipp. Fr. 5; Diod. XVII, 110, 7).

Состязания трагиков включили в мусические агоны на знаменитых Пифийских играх в Дельфах (Plut. Symp. Qaest. V, 2). Там же драматические представления вошли в программу праздника Сотерии (игры Спасения), справлявшегося в память о победе союза этолийцев, беотян и фокейцев над кельтами, разгромленных недалеко от Дельф в 278 г. до н. э. (Syll.³ 509). Драматические состязания на праздниках упоминаются в надписях Хиоса, Феспий, Орхомена и др. (Syll.³ 562, 1583, 1585). Агонистический каталог из Херсонеса свидетельствует, что празднества в театрах Северного Причерноморья также сопровождались музыкальными и драматическими агонами (IPE I². 433).

В эпоху эллинизма распространившиеся по всей греческой ойкумене мусические агоны состояли частично из выступлений певцов и музыкантов, частично из различных спектаклей.⁸ О программе таких празднеств в театре можно судить по уцелевшим каталогам участников и победителей на упомянутых Сотериях. Там одновременно выступало до 70 человек из многих государств, в том числе из Северного Причерноморья (МИС. 11). Обычно агон начинался с выступления рапсодов, затем состязались авлеты и кифароды, а в заключение праздника - трагические и комические актеры, исполнявшие наряду с новыми пьесами произведе-

⁸ Алмазова Н. А. ΑΓΟΝΕΣ ΙΣΟΠΥΘΙΟΙ в эллинистическую эпоху // Philologie Classica Вып. 5. СПб., 1977. С. 44.

ния классиков.⁹ Из одной надписи III в. до н. э. известно, что на дельфийских Сотериях победил актер из Тегей, игравший в «Геракле» Еврипида и в «Антее» Архистрата (Syll.³ 1080). Афиняне заботились о том, чтобы актеры, разыгрывая пьесы великих трагиков прошлого, учили текст по выверенным рукописям, хранившимся в государственном архиве.¹⁰

Как показывают археологические исследования, уже в IV—III вв. до н. э. каменный театр в греческом городе стал необходимой общественной постройкой, служившей не только для проведения дионисийских праздников, но и других зрелищ. Древнейшее упоминание об этом относится еще к V в. до н. э. После победы в Саламинской битве в 480 г. до н. э. афиняне приняли решение ежегодно устраивать в театре петушинные бои. Это делалось с воспитательной целью, так как сражения бойцовых петухов считались наглядным выражением стремления победить, не щадя своей жизни (Ael. Var. Hist. II, 28).

В эпоху эллинизма в театре отмечали праздниками всевозможные важные события политической и общественной жизни государства. Здесь регулярно выступали хоры, а пьесы и пантомимы разыгрывались чаще, чем в классический период, причем не обязательно, как раньше, во время праздников Диониса. В провинциальных театрах выступали приезжие актеры. В трактате Плутарха «Как писать историю» (гл.1) рассказано об огромном впечатлении, произведенном игрой трагика-гастролера Архелая, исполнившего роль «Персея» в «Андромеде» Еврипида; после его выступления весь город Абдеры распевал лирические партии из трагедии. На подмостках театра приезжие музыканты давали концерты (Polyaen. V, 44), ораторы произносили торжественные речи (Dio. Chrys. I, 32; XXVII, 77), выступали фокусники (Plut. Luc. 19), в первые века нашей эры устраивали гладиаторские бои и звериные травли.

Известно, что зрители в античности очень эмоционально выражали свое отношение к спектаклям в театре: свистели и сту-

⁹ Алмазова Н. А. Указ. соч. С. 45; Герцман Е. В. Музыка Древней Греции и Рима. СПб., 1995. С. 169-171.

¹⁰ Блаватская Т. В. Из истории греческой интеллигенции. М., 1983. С. 316.

чали ногами, если что-то не понравилось, кричали и рукоплескали полюбившимся актерам. Уже в V в. до н. э. появились фанатичные поклонники лучших драматургов. Их осмеял Аксионик в комедии «Еврипидолюб» (Φιλευριπίδης), изобразив людей, заболевших от песен Еврипида и не желавших ничего знать, кроме этих песен.

Первоначально в праздновании Дионисий активно участвовало все гражданское население греческих полисов. Но уже в V в. до н. э. формируются две неравные группы, состоящие из зрителей и исполнителей, превращающихся в профессионалов. Актеры, музыканты и учителя хоров получали специальное образование, о чем писал Аристотель (Polit. VIII, 1341 Б, 10), а затем постоянно тренировались в своей профессии. Одно из лучших мест для обучения актерскому ремеслу находилось на острове Теос, где помещалась резиденция союза «мастеров Диониса» Ионии и Геллеспонта. Там обучали пению, игре на разных музыкальных инструментах, искусству трагических и комических актеров (Syll.³ №. 1080)."

В IV в. до н. э. в Афинах образовался союз театральных мастеров, называвших себя технитами (ремесленниками) Диониса (Dem. XIX, 192; Aristot. Rhet. III, 1405 а; Xen. Cyrop. VIII, 3). В эпоху эллинизма таких союзов насчитывалось немало. Крупнейшими из них были уже упомянутые афинский союз, союз Ионии и Геллеспонта и союз Истма и Немей.¹¹ В союзы входили актеры, музыканты, их наставники и организаторы празднеств. Афинский союз состоял преимущественно из местных уроженцев, а в прочих объединялись профессионалы из разных городов. Техниты ежегодно избирали главу из своих членов; он назывался жрецом и наряду с сакральными функциями ведал разными делами союза, вел переговоры с городами, куда приглашали технитов, а по окончании срока службы давал подробный отчет.

¹¹ Алмазова Н. А. Детские хоры на греческих празднествах // ΜΟΥΣΕΙΟΝ. Сборник статей в честь проф. А. И. Зайцева. СПб., 1997. С. 147.

¹² См. об этих союзах: Глукина Л. М. Асилия эллинистических полисов и Дельфы // ВДИ. 1977 № 1. С. 87-89; Шарнина А. Б. Союзы технитов Диониса в эллинских полисах // ВДИ. 1987. № 2. С. 102-117; Poland F. Technitai // RE. 1934. S. 2473-2558.

Техниты разъезжали по всей греческой ойкумене. Они умели профессионально организовать любые театральные действия, торжественные шествия и обряды не только на дионисийских, но и на других праздниках. Во II в. до н. э. они играли заметную роль в проведении Элевсинских мистерий.¹³ К «мастерам Диониса» обращались многие эллинистические правители; они стремились придать особую пышность традиционным праздникам и укрепить свой престиж введением новых торжеств, организация которых поручалась технитам.

Без технитов в эллинистический период не обходилось ни одно панэллинское празднество. Между союзами существовала конкуренция. Особенно остро шла борьба за право организации знаменитых Пифийских игр, Сотерий в Дельфах и праздников Аполлона на Делосе.¹⁴ В то же время техниты не пренебрегали проведением локальных праздников. Когда один небольшой город, постоянно приглашавший мастеров Диониса с острова Теос, оказался не в состоянии оплатить их услуги на очередных Дионисиях, руководство союза решило безвозмездно отправить туда двух трагических и двух комических актеров, певца и музыкантов, прибавив к этому праздничный реквизит и рабочих для его установки.¹⁵

Все техниты как служители бога Диониса считались священными лицами. Их освобождали от уплаты налогов и от несения военной службы даже во время войны, потому что и тогда требовалось проводить праздники в честь богов. Поэтому технитам давали беспрепятственно проходить через враждующие страны.

ТЕАТРЫ В ГОРОДАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

В городах Северного Причерноморья, как и всюду в Эллад, строились театры для проведения дионисийских и других праздников, но пока только в Херсонесе обнаружены архитектурные остатки театра. На его месте в средние века стоял христианский

¹³ Шарнина А. Б. Указ. соч. С. 113, 114.

¹⁴ Глукина Л. М. Указ. соч. С. 89.

¹⁵ Варнеке Б. В. Указ. соч. С. 137.

храм. При исследовании руин храма О. И. Домбровский в 1954 г. нашел под ними несколько каменных скамей и ступенек лестницы, в которых археолог узнал фрагменты здания античного театра.¹⁶

Херсонеситы построили каменный театр в III в. до н. э.; архитектор ориентировал его так, что солнце освещало проскений в любое время дня. Само здание театра соответствовало хорошим образцам своего времени, о чем свидетельствуют рустованные квадры, прекрасно пригнанные один к другому, и каменные скамьи с изящным профилем. От украшавшего театр мраморного фриза сохранился небольшой фрагмент с изображением богини Гармонии - спутницы Муз и Харит, покровительниц музыкального и драматического искусств.¹⁷ Театр существовал до IV в. н. э. и четырежды капитально перестраивался. Согласно реконструкции О. И. Домбровского, во II в. н. э. он вмещал около 3000 человек. Фасад проскения был выполнен в дорическом ордере; по размерам оркестры и проскения здание мало отличалось от театров Эллады, но значительно уступало многим по количеству мест для зрителей, что объясняется небольшим населением города.¹⁸

В херсонесском театре постоянно проводились Дионисии и другие разнообразные празднества. Вероятно, здесь в III в. до н. э. Сириек читал свое историческое сочинение, за которое соотечественники наградили его золотым венком (IPE I². 344). В первые века нашей эры, когда в городе стоял римский гарнизон, к греческим праздникам присоединилось римское развлечение - гладиаторские бои. Для них в крупных городах строили цирки, а в небольших, как Херсонес, приспособляли театры. Косвенным свидетельством об этом является фрагмент рельефа с изображением заключительного момента борьбы гладиаторов и надписью имени победителя - Ксанф,¹⁹ а также перестройка театра во II в. н. э. Тогда проскений расширили и выдвинули вперед к зрителям, так

¹⁶ Домбровский О. И. Античный театр в Херсонесе // Сообщения Херсонесского музея. 1960. № 1. С. 29.

¹⁷ Соломоник Э. И. Древние надписи Крыма. Киев, 1988. С. 46.

¹⁸ Домбровский О. И. Указ. соч. С. 30-36; Крыжицкий С. Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993. С. 146. Рис. 99, 100.

¹⁹ Соломоник Э. И. Древние надписи Крыма. Киев, 1988. С. 40.

что он мог служить и сценой, и ареной для гладиаторов.²⁰ Бой гладиаторов, наверное, устраивались также в театрах Боспора, иначе трудно объяснить, как местный художник на стене склепа I-II вв. сумел детально нарисовать гладиаторов в облачении и вооружении катафрактария, ретиария и других.²¹

Около театра греки ставили стелы с высеченными на них именами победителей в мусических состязаниях. Обломок одной из таких надписей римского времени найден вблизи херсонесского театра. Сохранились лишь слова, говорящие о соревнованиях хоров, комедиографов и поэтов, писавших эпиграммы и энкомии (хвалебные стихотворения), а также глашатаев и трубачей (IPE I². 433).²² Иллюстрацией к упоминанию о комедиографах могут служить бронзовая статуэтка актера в роли раба и терракотовые изображения комических масок и актеров, найденные в Херсонесе.²³

Чтобы полнее представить содержание текстов надписей с перечислением победителей состязаний в театрах, приведем перевод хорошо сохранившегося агонистического каталога из Беотии.²⁴ В него входят виды состязаний, упомянутые в уцелевшем херсонесском фрагменте.

В добрый час! При агонотете Флавии Павлине и Архонте Метродоре, сыне Онесифора, на состязаниях в честь Муз победили:

Автор просодия - феспиец Эвмарон, сын Александра, и афинянин Антифон.

Глашатай - феспиец Помпей, сын Зосима.

Трубач - фиванец Зосим, сын Эпиктета.

Автор энкомия в честь императора - служитель храма Помпилий Антоний Максим.

Энкомий в честь Муз - служитель храма Помпилий Антоний Максим.

²⁰ Домбровский О. И. Указ. соч. С. 32.

²¹ АДЖ. С. 357, 358. Табл. 90.

²² Соломоник Э. И. Каменная летопись Херсонеса. Симферополь, 1990. С. 60-63. № 52.

²³ Кадеев В. И. Херсонес Таврический. Быт и культура. Харьков, 1996. С. 38; Белов Г. Д. Терракоты Херсонеса // ТС. Ч. 2. М., 1970. С. 73.

²⁴ Герцман Е. В. Музыка Древней Греции и Рима. СПб., 1995. С. 166.

Автор поэмы в честь императора - коринфянин Эмилий Эпиктет.

Автор поэмы в честь Муз - феспиец Дамонейк, сын Дамона.

Рапсод - коринфянин Эвтихиан.

Исполнитель на пифийском аулосе - коринфянин Фабий Агтик.

Кифарист - никомедиец Теодот, сын Теодота.

Автор древней трагедии - аспендиец Аполлоний, сын Аполлония.

Автор новой комедии - афинянин Антифон.

Актер новой комедии - афинянин Антифон.

Актер новой трагедии - афинянин Артемон, сын Артемона.

Актер новой трагедии - афинянин Агатемер, сын Питоклея.

Хоровой авлет - пергамец Госий.

Этот и прочие каталоги показывают, что многие греческие города приглашали на свои мусические состязания актеров и музыкантов из других городов. Не исключено, что так было и на северных берегах Понта.

На правой обломанной части херсонесской надписи перечислялись имена победителей; из них читается лишь имя автора энкомия - Марк. Это латинское имя сразу напоминает, что во II-III вв. в Херсонесе находился римский гарнизон,²⁵ и кто-то из его состава мог принять участие в состязании на празднике. Среди херсонесских надгробий есть эпитафия Аврелия Сальвиана, трубача одиннадцатого Клавдиева легиона (IRE I². 551).²⁶ Он изображен на стеле в полный рост с большой трубой в руках. Поэтому участие легионеров в соревнованиях трубачей вполне вероятно. Однако римские воины вряд ли столь хорошо знали греческий язык, чтобы писать на нем энкомии. Поэтому поэт-победитель Марк скорее всего был херсонеситом из первых лиц государства, имевших римское гражданство и потому носивших римские имена. Например, в декрете 174 г. среди херсонесских магистратов, подписав-

²⁵ Соломоник Э. И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983. С. 17.

²⁶ Там же. С. 59. № 31.

ших документ, четверо имели римские имена и пятеро смешанные греко-римские.²⁷

Театр в Ольвии упоминается в четырех декретах, и во всех речь идет о награждении граждан во время празднования Дионисий (рис. 41).²⁸ Значит, тогда в театре наряду с торжествами, посвященными богу, так же как в Афинах, проводились церемонии чествования соотечественников и иностранцев, оказавших особо важные услуги государству. Местоположение театра на достаточно хорошо исследованном ольвийском городище до сих пор не обнаружено, хотя археологи неоднократно предпринимали его поиски. Скорее всего театр находился на склоне между Верхним и Нижним городом (рис. 50), и еще в древности его полностью уничтожил оползень. На городище найден небольшой мраморный торс Силена с ребенком Дионисом на руках. Вероятно, эту статую, исполненную афинским мастером на рубеже IV—III вв. до н. э., приобрели для украшения ольвийского театра; предположение основывается на том, что подобная скульптурная композиция находилась в афинском театре.²⁹

Древнейшее свидетельство о театрах в городах Боспора относится к IV в. до н. э. Полиэн (V, 44), описывая хитрости, применявшиеся при ведении войны, рассказал об остроумной уловке полководца Мемнона. Готовясь к войне с царем Левконом, он решил узнать о численности населения Боспора. Для этого Мемнон отправил туда знаменитого кифареда Аристоника вместе со своим послом Архивиадом, якобы для заключения договора о дружбе. Полководец рассчитывал на то, что «жители будут поспешно собираться в театры» послушать выступления прославленного музыканта, посол же по количеству собравшихся зрителей в театрах

²⁷ Антонова И. А., Яйленко В. П. Херсонес, Северное Причерноморье и маркоманские войны по данным Херсонесского декрета 174 г. н. э. в честь Тита Аврелия Кальпурниана Аполлониды // ВДИ. 1995. № 4. С. 86.

²⁸ Виноградов Ю. Г. Эпиграфические открытия последних лет в Ольвии // Новейшие открытия советских археологов. Тезисы докладов. Киев, 1975. С. 89. *Он же*. Декрет в честь Антестерия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма // ВДИ. 1984. № 1. С. 57, 58.

²⁹ Клейман И. Б. Статуя актера в образе Паппосилена из района Ольвии // Памятники искусства из Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1986. С. 115-120.

определил, каково население Боспора, и так узнает о силах будущего противника. Согласно этому рассказу, театр был не только в столичном Пантикапее, но и в других боспорских городах, наверное, в Феодосии, Нимфее, Фанагории, Гермонассе. В связи с этим напомним, что в Аттике наряду с афинским существовал театр в Пирее.

Сообщение Полиэна подтверждается находкой в Пантикапее почти целого мраморного кресла, изготовленного на рубеже IV–III в. до н. э. Подобные кресла устанавливали в театрах для жрецов, магистратов и почетных гостей.³⁰ Право занимать особые места в первых рядах театра входило в число привилегий, отмечавшихся в почетных декретах. Поэтому нам известно, что боспорянин Никий, ольвиополит Дионисий и херсонесит Сокрит сидели на почетных местах во время дельфийских праздников (МИС. 12), а в Ольвии подобной привилегией пользовался гражданин Истрии Феодот (НО. 7) и некоторые милетяне (Syll.³ 286).

В декор пантикапейского театра, вероятно, входил мраморный рельеф с изображением свиты Диониса. От скульптуры, исполненной афинским мастером в IV в. до н. э., сохранился только фрагмент с фигурой человека в костюме силена, несущего на плече лозу с крупными гроздьями винограда (рис. 51). Перед нами актер, одетый в косматую одежду, закрывающую все его тело, кроме кистей рук и ступней.³¹

Вероятно, наряду с музыкантами актеры также гастролировали в театрах Северного Причерноморья. С большой долей уверенности можно думать, что в эллинистическую эпоху сюда приглашали технитов проводить особо пышные празднества. Многие эллинистические правители старались завоевать расположение своих подданных устройством роскошных зрелищ, и в IV–III вв. до н. э. боспорские цари, наверное, не чуждались завоевания популярности таким способом. В начале I в. до н. э. Митридат Евпатор, вероятно, обратился к технитам, когда ввел на Боспоре новый календарь и в связи с этим изменил не только порядок, но также

³⁰ Блаватский В. Д. Мраморный трон из Пантикапея // СА. 1957. № 2. С. 247.

³¹ Гайдукевич В. Ф. Указ. соч. С. 162. Рис. 27.

характер и иерархию государственных празднеств. По-видимому, и ольвиополиты прибегали к услугам «мастеров Диониса» для организации панэллинских игр на Ахилловом Дроме. Ведь в эпоху эллинизма все общегреческие празднества устраивали профессионалы.³²

Можно только догадываться, какие пьесы играли в театрах Северного Причерноморья. Конечно, здесь ставили произведения прославленных греческих драматургов и местных авторов. Надо думать, что особый интерес проявляли к пьесам, действие которых происходило на северных берегах Понта. Из них сохранилась лишь одна трагедия Еврипида «Ифигения в Тавриде», а по названиям и кратким цитатам известны трагедия Софокла «Скифы» и комедия Антифана «Скифы и тавры».

О существовании местных комедиографов свидетельствует упомянутый выше фрагмент херсонесского агонистического каталога. Иллюстрацию местной комедии можно видеть на пантикапейской терракоте, изображающей двух актеров, один из которых одет в характерный для боспорян костюм с брюками.³³ В эллинистический период широкую популярность завоевали мимы, диалогические или монологические сценки бытового содержания. Они известны сейчас по сочинению «Мимиямбы» ионийского поэта Герода. Иногда в мимах шутливо изображались боги; может быть, на сюжет о коварстве Афродиты в борьбе с гигантами в какой-то пещере на Боспоре (Strab. X, 2, 10) разыгрывали мим местного автора.³⁴

³² Глушкина Л. М. Указ. соч. С. 87.; Шарнина А. Б. Указ. соч. С. 105.

³³ Кобылина М. М. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961. С. 88.

³⁴ Тохтасьев С. А. Боспорская легенда об Афродите Апатурос // ВДИ. 1983. № 2. С. 117.

ИЗОБРАЖЕНИЯ АКТЕРОВ И ТЕАТРАЛЬНЫХ МАСОК НА ПРЕДМЕТАХ ИСКУССТВА ИЗ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Неизвестно, когда греки в Северном Причерноморье начали разыгрывать пьесы, но уже в V в. до н. э., как говорилось выше, многие из них видели представления в афинском театре. Они делились впечатлениями об этом с друзьями и родственниками и могли иллюстрировать свои рассказы росписями на привозных аттических вазах, а также терракотовыми статуэтками актеров и копиями театральных масок. В IV в. до н. э. в северопричерноморских городах появляются стационарные театры, и в них ставят драмы и комедии. Косвенно на это указывают многочисленные статуэтки актеров не только импортного, но и местного производства.

Среди вазовых рисунков наиболее выразительна роспись на фрагменте краснофигурного кратера второй половины V в. до н. э. (рис. 52).³⁵ Этот дорогой крупный сосуд находился в доме состоятельного ольвиополита, недаром его осколок найден на полу жилого дома в центральном квартале города. Уцелела часть стенки, прилегавшая к венчику, опоясанному орнаментом из лавровых листьев. Под ним на тулове кратера располагалась многофигурная композиция, по-видимому, в два или даже в три ряда один над другим. Теперь остались лишь части четырех фигур из верхнего ряда, все они нарисованы в профиль: в центре авлет, пред ним и за ним актеры и меньший персонаж, вероятно, ребенок. Музыкант в традиционном для выступления в театре узорчатом хитоне с длинными рукавами аккомпанирует на аулосе игре артистов. Голова музыканта охвачена форбеей, потому что он выступает в театре под открытым небом, и нужно извлечь из инструмента громкий звук. Актеры представлены в движении, они выразительно жестикулируют руками. Их лица закрыты масками, выделенными белой краской, на головы надеты парики с женскими прическами из длинных волос с узлом сзади, поверх них завязаны повязки с украшениями надо лбом.

³⁵ Скржинська М. В. Театр в античних містах Північного Причорномор'я // Київська старовина. 2002. № 3. С. 85.

Около женских персонажей темным лаком написано слово καλή (прекрасная), около ребенка тот же эпитет в мужском роде, а над головой музыканта - к. αὐλός, то есть прекрасный аулос. Так вазописец, а скорее, заказчик вазы выразил свое отношение к исполнителям понравившейся пьесы. Роспись явно выполнена по заказу и изображала сцену из определенного спектакля. Остается только гадать, сделан ли кратер для посетившего Афины ольвиополита, или местный заказчик решил потом продать вазу, и она оказалась в Ольвии. Хочется думать, что вернее первое предположение; ведь именно в это время наладились оживленные связи Афин и Ольвии. Она входила в Афинский морской союз и посылала свои взносы к празднику Великих Дионисий. Ольвийские послы и купцы присутствовали в театре, когда шла изображенная на кратере пьеса, так что смысл сцены на вазе был хорошо понятен ее ольвийским владельцам.

Актеры разыгрывают какую-то явно не комическую сцену, но не из трагедии, потому что афинские вазописцы не изображали трагиков во время исполнения роли, они лишь иллюстрировали мифы, на сюжет которых писались трагедии. Только в IV в. до н. э. на итальянских вазах появляются фигуры играющих трагических актеров.³⁶ Поэтому можно предположить, что на кратере представлен эпизод из сатировской драмы. В ней герои носили такие же костюмы, как в трагедии, а хор состоял из полуобнаженных сатиров.

Сюжет рисунка на ольвийской вазе напоминает картину на кратере мастера Пронома.³⁷ Не известный по имени вазописец называется так потому, что он нарисовал авлета, написав рядом с ним имя знаменитого беотийца Пронома (Paus. IX, 12, 4), аккомпанировавшего на представлении сатировской драмы, которую разыгрывали в афинском театре изображенные на вазе актеры. Среди них художник нарисовал драматурга Деметрия, бога театра Диониса и его жену Ариадну (рис. 53).

³⁶ Green R. Handley E. Op. cit. P. 25.

³⁷ ARV². P. 1336. № 1. Ваза расписана в самом начале IV в. до н. э. См.: Simon E., Hirmer A. Die Griechischen Vasen. München, 1981. S. 151-158.

На вазе мастера Пронома все актеры держат в руках маски. Двое одеты в характерные для трагедии нарядные узорчатые одежды. Один из них исполнял роль Геракла, так как в руке у него дубина и на плечо накинута львиная шкура - атрибуты героя. Рядом с ним стоит предводитель хора, игравший старого силена или сатира. В руке у него маска с седыми волосами и бородой, а сам он одет в характерный косматый костюм, закрывающий все тело (рис. 54). В подобном костюме изображен силен на упомянутом выше рельефе из пантикапейского театра (рис. 51). Такое одеяние надевали актеры в ролях Паппосилена или корифея хора сатиров.³⁸ Остальные персонажи - безбородые юноши, участники хора. Их обнаженные тела прикрывают лишь меховые набедренные повязки с привязанными впереди кожаным фаллосом, а сзади - хвостом. Один из них, надев маску, исполняет танец сатира, остальные беседуют между собой, держа маски в руках. Таким образом, мы видим актеров, собирающихся играть пьесу Деметрия. Роспись вазы дает наилучшее представление о внешнем виде хора и его корифея в сатирической драме конца V - начала IV в. до н. э.³⁹

Картины на двух аттических вазах IV в. до н. э. из Пантикапея также связаны с сатирическими драмами. На краснофигурной ойнохое нарисован сатир, подкрадывающийся к нимфе, беседующей с ребенком-сатиром; так вазописец запечатлел веселую сценку из сатирической драмы.⁴⁰ Сюжет о детстве Диониса из другой пьесы того же жанра украшает крышку краснофигурной леканы (рис. 55).⁴¹ О том, что это не просто иллюстрация мифа, говорят костюм одного сатира, аналогичный представленному на кратере Пронома, и фигура музыканта, играющего на аулосе. Он одет в длинный нарядный хитон, характерную одежду аккомпаниатора в театре. Близкую параллель этой фигуре можно увидеть на мозаи-

³⁸ Simon E. Satyr-plays on Vases in Time of Aeschylus // The Eye of Greece. London, 1982. P. 142.

³⁹ Green R. Hundley E. Op. cit. P. 22, 23. Fig. 5.

⁴⁰ Передольская А. А. Краснофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л., 1967. С. 63.

⁴¹ ОАК 1861. С. 28. Табл. 2, 2; UKV. № 18.

ке II в. до н. э. со сценой обучения актеров, одетых сатирами.⁴² В той же позе в фас к зрителю авлет стоит и играет на таком же длинном аулосе, указывающем на низкий тембр инструмента. Он также увенчан венком и одет в ниспадающий до пола узорчатый наряд, имеющий длинные рукава и круглый открытый ворот.

Сюжет пьесы заимствован из мифа о воспитании маленького Диониса нимфами. Художник изобразил сатира, передающего младенца нимфе. Здесь же нарисована пантера, священное животное бога, и виноградная лоза. Остальные персонажи представляют традиционные для вазописи сцены преследования нимф сатирами. Сюжет пьесы о воспитании ребенка Диониса знали также жители ольвийской хоры. На поселении Глубокая пристань найдена терракота, изображающая в полный рост актера в маске силена, держащего на руках маленького Диониса.⁴³

Рисунки и статуэтки не воспроизводят в точности ту или иную драматическую сцену, но представляют импровизацию художника на тему определенной пьесы и связанного с ней мифа. Поэтому наряду с актерами и музыкантами вазописцы включали в свои картины мифические персонажи без театральных костюмов.

Изображения трагических актеров и масок на предметах искусства в коллекции археологических материалов из Северного Причерноморья встречаются значительно реже, чем аналогичные комические образы. Полностью уцелела терракотовая фигурка трагического актера из Фанагории.⁴⁴ Она сделана из местной глины на рубеже нашей эры и не принадлежит к хорошим образцам древней коропластики. Лицо актера скрывает трагическая маска, увенчанная высоким онкосом - треугольной приставкой, увеличивавшей рост исполнителей героических ролей в трагедии. На маске выделяется большой раскрытый рот с опущенными углами. Одетый в длинный плащ актер стоит, перебирая рукой струны какого-

⁴² Pfuhl E. Malerei und Zeichnung der Griechen. München, 1923. S. 302. Fig. 686.

⁴³ Щеголов А. Н. Терракотовая статуэтка из поселения Глубокая пристань // ТС. Ч. 1. С. 56.

⁴⁴ Кобылина М. М. Указ соч. С. 89. Табл. 12. 6.

то неясно изображенного музыкального инструмента. Судя по форме и тому, что инструмент оперт на стоящую рядом высокую подставку, это - тригон, род древней арфы.

Разные виды театральных масок сейчас известны по их терракотовым копиям и изображениям на предметах искусства. Настоящие маски делали из пропитанной гипсом материи и иногда из дерева, затем их раскрашивали и к верхней части прикрепляли парик. Искусством изготовления масок владели специально обученные мастера, называвшиеся *σκηνοποιοί* (Aristoph. Eq. 232; Aristot. 450 b, 20). Актер во время действия переодевал несколько масок, показывая, как меняется настроение или состояние героя (например, смена маски требовалась Эдипу после его ослепления), либо переходя к другой роли, потому что один и тот же артист зачастую изображал нескольких персонажей. По большей части маски представляли типы, хорошо известные и понятные зрителям. Но иногда, особенно в афинском театре V в. до н. э., изготавливали маски имевшие сходство с высмеиваемыми людьми; такой была маска Сократа в «Облаках» Аристофана (Ael. Var. Hist. II, 13). Множество различных типов масок описано в словаре Поллукса (IV, 133-154). Он назвал 28 трагических масок: 6 видов стариков, 8 - юношей, 3 - слуг и 11 женских масок. Для новой комедии Поллукс перечислил 11 разновидностей масок юношей, 9 - стариков, 7 - рабов, 14 молодых и 3 старых женских маски. По маске зритель сразу понимал, каковы пол, возраст, социальное положение и даже основные черты характера того или иного персонажа.

Находки терракотовых копий в Северном Причерноморье показывают, что местные греки знали много разновидностей театральных масок. Среди трагических наиболее выразительна маска I в. н. э. из Пантикапея (рис. 56),⁴⁵ а среди комических - выполненная в IV в. до н. э. маска раба из Ольвии (рис. 57).⁴⁶ Там же найдена крупная терракотовая маска, возможно, служившая украшением

⁴⁵ РД. Т. I. С. 93. Рис. 131; ТС. Ч. 3. Табл. 43, 2.

⁴⁶ ТС. Ч. I. С. 37. Табл. 30, 6.

театра.⁴⁷ Наибольшее количество масок в Северном Причерноморье обнаружено при раскопках Боспора.⁴⁸

Театральные маски часто украшали вазы с дионисийскими сюжетами. Таковы рельефные трагическая и комическая маски на серебряном сосуде IV вв. до н. э. из Пантикапея; вазу украшают виноградные листья и грозди, а ручки вазы сделаны в виде фигурок сатиров с сирингами в руках.⁴⁹ Керамический сосуд II-I в. до н. э. из города Кепы имел ручки в форме комических масок.⁵⁰ Кроме того, трагические маски нередко встречаются среди гипсовых прилепов на боспорских саркофагах.⁵¹ Это объясняется связью театрального искусства с культом Диониса. Он, подобно всякому земледельческому богу, имел хтоническую ипостась, соотношенную с загробным миром. Возможно, некоторые маски из Северного Причерноморья воспроизводят не театральные, а использовавшиеся во время мистерий.

С определенной сценической ролью можно связать несколько масок и статуэток Геракла, любимого персонажа как трагедии, так и комедии. Одна боспорская маска героя относится к его серьезным образам,⁵² а четыре статуэтки V-IV вв. до н. э. из Пантикапея, Феодосии и Херсонеса представляют Геракла в комедиях. Там он изображался пьяницей и обжорой; достаточно напомнить его роль в «Птицах» Аристофана. На упомянутых статуэтках Геракл одет в костюм комического персонажа с привязанным фаллосом; актер снабжен атрибутами героя - львиной шкурой и палицей. Феодосийская и две херсонесских статуэтки сделаны в Атике, а пантикапейская местного производства.⁵³

⁴⁷ Русаева А. С. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982. С. 132.

⁴⁸ Финогенова С. И. Античные терракотовые маски Северного Причерноморья // СА. 1990. № 2. С. 189; Мельпомена в Пантикапее. Керчь, 2001. С. 53-65. ДБК. Табл. 37, 5.

⁴⁹ ТС. Ч. 2. С. 14. Табл. 9, 5.

⁵⁰ Там же. Ч. 3. Табл. 41.

⁵¹ Там же. Ч. 3. Табл. 41.

⁵² Иванова А. П. Художественные изделия из дерева и кости // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1954. С. 425, 426.

⁵³ ТС. Ч. 3. Табл. 41.

В V—IV вв. до н. э. терракотовые статуэтки актеров (главным образом комические) поступали в Северное Причерноморье из Аттики,⁵⁴ а в эпоху эллинизма их стали привозить из Малой Азии и некоторых других областей Эллады. Например, фигурка комического актера из Мирмекия изготовлена в конце IV в. до н. э. в Коринфе.⁵⁵ В то же время появляются подобные терракоты местного производства.⁵⁶

Комические персонажи из древней и средней комедии одеты в обтяжное трико, короткий хитон и плащ. Под ними прикреплялись утолщения, деформировавшие торс, с нижней части которого свисал большой кожаный фаллос. Уродство фигуры усугублялось широкой маской, делавшей актера большеголовым и лишавшей его шеи. Этот гротескный костюм, вероятно, заимствован из народных маскарадов, представлявших фаллических демонов.⁵⁷ В таком наряде мы видим актера древней комедии на двух сходных статуэтках из Ольвии и Пантикапея.⁵⁸ Аттические скульпторы зачастую изображали комических актеров в роли раба, сидящего на алтаре; там он, наверное, искал убежище от наказания после совершения недостойных проделок.⁵⁹ Подобные терракотовые статуэтки и фигурные сосуды найдены в Ольвии, Пантикапее и в кургане Большая Близница на азиатской стороне Боспора.⁶⁰

Комический актер в женской роли представлен тремя похожими статуэтками IV в. до н. э. из Ольвии, Пантикапея и кургана Большая Близница. Артист одет в женский хитон и гиматий, из-под которых выпирает большой живот. Возможно, это гротескный

⁵⁴ Там же. Ч. 1. С. 73. Табл. 8,3; Ч. 2. С. 80. Ч. 3. С. 19. Табл. 10,3.

⁵⁵ Пругло В. И. Коропластика Боспора. Л., 1981. С. 31. Табл. 7е.

⁵⁶ Там же. С. 38; ТС. Ч. 1. С. 86.

⁵⁷ Webster T. B. Greek Theatre Production. London, 1956. P. 56.

⁵⁸ Ходза Е. Н. Статуэтки актеров древней и средней комедии в собрании Эрмитажа // ВДИ. 2001. № 1. С. 208.

⁵⁹ Green R. Handley E. Op. cit. P. 66. Fig. 54-59.

⁶⁰ ТС. Ч. 1. С. 52. Ч. 3. С. 19, 20; Штительман Ф. М. Античне мистецтво. Київ, 1977. № 76.

образ беременной старухи.⁶¹ Иногда коропласт снабжал актера атрибутом, напоминающим хорошо известный образ из одной или нескольких пьес. Такова аттическая статуэтка IV в. до н. э. из Пантикапея, изображающая комического актера с молотом на плече.⁶²

Гротескные персонажи заполняли комедии вплоть до IV в. до н. э. Начиная с комедий Менандра, старинное одеяние комического актера сменилось обычной одеждой, исчезли фаллос и уродливые маски на положительных героях. Это отразилось на терракотовых фигурках из Северного Причерноморья. Редкая группа из двух актеров найдена в Пантикапее; один имеет маску и костюм раба, а другой - юноша в обычном одеянии и без маски. Трудно определить, желает ли он свалить раба с ног, или, наоборот, раб его поддерживает.⁶³ Может быть, коропласт изобразил сцену из местной комедии или во всяком случае из комедии, которую играли в театре Пантикапея.

Среди терракот из Северного Причерноморья встречаются замечательные изображения мимики актеров эллинистического времени, когда маски уже не всегда скрывали лица исполнителей. Таковы две прекрасно сохранившиеся головы актеров с небольшими рожками, указывающими на роль сатиров. Одна найдена в Фанагории, а другая в Пантикапее; обе сделаны в малоазийских мастерских, и в них чувствуется влияние пергамской школы скульптуры.⁶⁴

Рассмотренные памятники изобразительного искусства показывают, сколь хорошо жителям Северного Причерноморья были знакомы театральные образы из пьес, известные во всей греческой ойкумене. Дионисийские и другие праздники в театрах Оль-

⁶¹ Ходза Е. Н. Указ. соч. С. 210, 211; На краю ойкумены... С. 62. № 216.

⁶² Там же. С. 62. № 215.

⁶³ ТС. Ч. 1. С. 21; Кобылина М. М. Указ. соч. С. 88.

⁶⁴ Кобылина М. М. Указ. соч. С. 121, 122.

вии, Хесонеса и Боспора сопровождалась представлениями трагедий и комедий. Многим побывавшим в Элладе эти представления напоминали увиденное в афинском и других театрах, а рисунки на вазах и терракотовые статуэтки воспроизводили в памяти полюбившиеся спектакли.

8 глава

ПРАЗДНИКИ АФИНЫ

ПРАЗДНИКИ АФИНЫ В ГОРОДАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Греческие колонисты, в основном выходцы из Милета, перенесли в Северное Причерноморье культ и праздники Афины, пользовавшейся широкой популярностью в метрополии. В период вывода колоний милетяне справляли празднества богини у ее храмов в городе и его округе; об этих храмах упомянул Геродот (I, 19-22), а их остатки найдены при раскопках.¹ Сначала колонисты воспроизводили милетские ритуалы, затем в V-IV вв. до н. э. они привнесли в них некоторые черты афинских торжеств, потому что в это время распространялось активное влияние Афин на самые разные стороны политической, экономической, религиозной и культурной жизни большинства городов Северного Причерноморья.² Среди них Ольвия занимает ведущее место по количеству свидетельств о почитании Афины.³

Многочисленные изображения Афины на ольвийских монетах красноречиво говорят о важной роли ее культа и указывают на существование государственных праздников. Голова богини в шлеме впервые появилась на самых ранних литых ольвийских ассах начала V в. до н. э., а затем неоднократно чеканилась на других номиналах.⁴ Популярность богини среди населения Ольвии подтверждается находками мраморных и терракотовых статуэток. Первые - исключительно привозные, а среди вторых немало

¹ Кобылина М. М. Милет. М., 1965. С. 83; Пичикьян И. Р. Малая Азия - Северное Причерноморье. М., 1984. С. 46-50.

² Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье в VI-II вв. до н. э. М., 1963.

³ Подробнее о культе Афины в Ольвии см.: Русяева А. С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 90-96.

⁴ Карышковский П. О. Монеты Ольвии. Киев, 1988. С. 43-45; Анохин В. О. Монеты античных городов Северного Причерноморья. Киев, 1989. С. 13-15.

местных эллинистического периода.⁵ Из мраморных наибольший интерес представляет вольная копия знаменитой статуи Афины Партенос Фидия.⁶

Ольвиополиты проводили главные торжества и приносили жертвы в святилище богини на Центральном теменосе, где обнаружены посвяtitельные граффити с ее именем на чернофигурном килике 550-540 гг. до н. э. и на краснофигурном килике конца VI в. до н. э.; несколько подобных посвящений начертано также на сосудах V в. до н. э.⁷ В одной такой надписи первой половины V в. до н. э. ольвиополит Аристотель записал, что он исполнял должность жреца сначала Афины, а затем Гермеса;⁸ таким образом, сохранилось имя одного жреца богини, игравшего, как было положено, ведущую роль при жертвоприношении, центральном ритуале праздника.

В празднествах богини на афинском Акрополе заметное место занимали женщины.⁹ По-видимому, так было и в Ольвии, когда ее связи с Афинами достигли наивысшего расцвета в V-IV вв. до н. э., и это безусловно сказалось на проведении ритуалов в честь богини. Инвентарь одного эллинистического погребения показывает, что там похоронена жрица или какая-то служительница Афины. У нее на руке находился золотой перстень с бюстом богини, и рядом лежала чаша, украшенная таким же изображением. Из подобной чаши совершались возлияния во время жертвоприношений. От чаши сохранился только вкладывавшийся в ее центр серебряный позолоченный медальон диаметром 11,5 см. На нем в рельефе представлен бюст Афины в шлеме с чешуйчатой эгидой на груди; в центре эгиды по традиции помещена голова Медузы Горгоны. Медальон и перстень датируются концом II в. до н. э.¹⁰

⁵ Русяева А. С. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья. Киев. 1982. С. 75-78.

⁶ Фармаковский Б. В. Мраморная статуэтка Афины-Девы // ИАК. № 17. С. 109-114;

⁷ Там же. С. 90-92. Рис. 26.

⁸ Русяева А. С. Земледельческие культы Ольвии догетского времени. Киев, 1979. С. 119.

⁹ Lefkowitz M. Women in the Panathenaic and Other Festivals // WA. P. 78-94.

¹⁰ Штительман Ф. М. Медальон с изображением Афины из Ольвии // СА. 1965. № 4. С. 223-227.

О почитании Афины в Тире известно по нескольким посвящениям, написанным на разных сосудах, и по фрагментам мраморных и терракотовых статуэток. Изображения Афины на местных монетах, начиная с IV в. до н. э. вплоть до III в. н. э., указывают на ее государственный культ и соответствующие общественные празднества."

Сходные археологические памятники имеются также в коллекции археологических находок в Херсонесе. Изображения Афины встречаются на монетах, богиня представлена мраморными и терракотовыми статуэтками, а на сосудах IV-III вв. до н. э. прочерчено ее имя.¹² В IV в. до н. э. в Херсонесе установили большую статую Афины Спасительницы (IPE 12. 406). Это единственное определенное свидетельство о крупной статуе богини, украшавшей город в Северном Причерноморье. Она стояла на площади и замыкала перспективу главной продольной улицы северо-восточного района. Остатки фундамента здания дорического ордера, по всей вероятности, принадлежат храму Афины.¹³ Возле него и около статуи совершались херсонесские празднества и жертвоприношения.

Мраморный постамент упомянутой статуи с надписью и углублением для ног дает представление о размерах скульптуры.¹⁴ Длина стопы имела размер около 49 см. По «Канону» Поликлета, знаменитого скульптора V в. до н. э., ступня должна составлять 1/6 идеальной фигуры человека.¹⁵ Поэтому высота статуи определяется в 3-3,5 м, а вместе с массивным постаментом и высоким шлемом, обычно венчавшим голову Афины, весь памятник достигал 5 м.

¹¹ Зограф А. Н. Монеты Тиры. М., 1957. С. 71, 108. Табл. III, 7, 18; Сон Н. А. Греческие культы Тиры первых веков нашей эры // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980. С. 127, 128.

¹² Белов Г. Д. Херсонес Таврический. Л., 1948. С. 76; Соломоник Э. И. Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978. № 163-169.

¹³ Золотарев М. И., Буйских А. В. Теменос Херсонеса. Опыт архитектурной реконструкции // ВДИ. 1994. С. 95, 96.

¹⁴ Подробно о статуе и надписи на ее постаменте см. в статье; Э. И. Соломоник. О культе Афины в Херсонесе в IV-III вв. до н. э. // Античная и средневековая идеология. Свердловск, 1984. С. 7-14.

¹⁵ Виннер Б. В. Искусство Древней Греции. М., 1972. С. 181.

Скульптура была обращена лицом не к площади, а к морю, потому что надпись находится на задней стороне пьедестала. В ней сказано, что это работа скульптора Поликрата. Вероятно, по заказу херсонеситов статую исполнил афинский ваятель Поликрат, упомянутый Плинием, или его сын, носивший то же имя. Богиня стояла, опираясь на одну ногу, оставив назад другую, слегка согнутую в колене. Два небольших углубления на постаменте показывают, что левой рукой она держала щит и копье, а на ладони правой, по-видимому, находилась фигурка Ники. Судя по отсутствию опор на базе, статуя была бронзовой. Она служила своеобразным маяком для прибывавших в Херсонес кораблей. Ведь площадь, на краю которой возвышалась статуя, примыкала к обрывистому мысу у входа в гавань, и Афина как бы приветствовала всех входящих в херсонесский порт.¹⁶

Исследования городов и поселений Боспора показывают, что культ Афины не имел широкого распространения, поэтому там вряд ли справлялись крупные празднества в честь этой богини. Некоторые археологические находки все же указывают на исполнение определенных ритуалов в честь Афины. Например, для возлияний служил найденный в Пантикапее редкий фигурный лекиф начала IV в. до н. э., имеющий форму головы богини в шлеме.¹⁷ О включении Афины в государственный культ эллинистического времени свидетельствуют ее изображения на золотых пантикапейских статерах конца III - первой половины II в. до н. э.¹⁸

Боспоряне знали разнообразные мифы об Афине и хорошо представляли ее главенствующую роль на афинских празднествах Больших и Малых Панафинеи. На Боспоре обнаружено наибольшее в Северном Причерноморье количество предметов прикладного искусства с изображением Афины. Она предстает на рисунках расписных ваз в различных мифологических сценах, ее изображения украшают несколько панафинеиских амфор и амфорисков,¹⁹ а также золотые нашивные бляшки,²⁰ бронзовые и золо-

¹⁶ Соломоник Э. И. Указ. соч. 1984. С. 10, 11.

¹⁷ Сорокина Н. П. Религия и коропластика в античности. М., 1997. С. 46.

¹⁸ Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 584. № 31, 32, 34. Табл. II, № 32, 34.

¹⁹ Все вазы, иллюстрирующие Панафинеи, будут рассмотрены ниже.

²⁰ Гайдукевич В. Ф. Указ соч. С. 288, 290.

тые перстни с геммами.²¹ Среди последних по выдающемуся мастерству исполнения выделяется найденный в некрополе Пантикапее золотой перстень с лицом богини, выточенным из сирийского граната.²²

ПРАЗДНОВАНИЕ ВЕЛИКИХ ПАНАФИНЕЙ И УЧАСТИЕ В НИХ ЖИТЕЛЕЙ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Панафинеи, главный праздник Афин, пользовались славой во всем античном мире. На это роскошное многолюдное празднество прибывали посольства из многих полисов, а в атлетических и музыкальных агонах состязались граждане из многих греческих государств. В античной литературе и в древних надписях сохранилось немало свидетельств о победах на Панафинеях приезжих эллинов. Они увозили на родину свои награды - панафинеиские амфоры, которые найдены при раскопках многих городов и некрополей Эллады и ее колоний,²³ в том числе более десятка подобных амфор обнаружены в Северном Причерноморье.²⁴ О широкой популярности Панафинеиских праздников во всей греческой ойкумене уже в первой половине V в. до н. э. можно судить по упоминанию о них в оде Пиндара; поэт назвал призовые амфоры за две победы на Панафинеях выдающегося аргосского борца наряду с его наградами на прославленных Немейских и Пифийских играх и на аргосском празднике Геры (Pind. Nem. X, 25-37).

Во время существования Афинского морского союза каждый союзный полис доставлял на Великие Панафинеи животных для грандиозного жертвоприношения Афине и другим олимпийским богам (IG I². 57, 63, 66),²⁵ которые, как считалось, незримо присутствовали на празднике. Кроме того, эти города приносили в дар

²¹ Неверов О. Я. Геммы античного мира. М., 1983. С. 113.

²² ДБК. Табл. 15.; АП. С. 38. № 39.

²³ Beazley J. D. Panathenaica // AJA. № 47. 1943. P. 441-465; Neils J. Panathenaic Amphoras. Their Meaning, Markers and Markets // GP. P. 48-50.

²⁴ Вдовиченко И. И. Πααθηναϊκά. // Археология и история Боспора. Т. 3. Керчь, 1999. С. 239-243.

²⁵ Shapiro H. Democracy and Imperialism. The Panathenaia in Age of Pericles // WA. P. 222.

богине полный набор вооружения гоплита как символ своей военно-политической связи с Афинами.²⁶ В число союзников во второй половине V в. до н. э. входили Ольвия и, возможно, Тира, а из боспорских городов определенно Нимфей и, по-видимому, Гермонасса, Киммерик и Патрей.²⁷ Таким образом, в это время эллины из Северного Причерноморья безусловно участвовали в главном афинском празднестве.

Несколько письменных и археологических источников указывают на присутствие боспорян на Панафинейх в IV в. до н. э.²⁸ Известно, что одна из торжественных церемоний праздника состояла в чтении глашатаем декретов в честь афинских граждан и иноземцев, оказавших особые услуги Аттике. Боспорские цари Сатир, Левкон, Спарток и Перисад, поставлявшие в Афины большие партии хлеба на льготных условиях (Dem. XX, 31-33), удостоились такой почести на Панафинейх. Это записано на мраморной стеле из Пирея. В апреле 346 г. до н. э. афиняне постановили: «Спартоку и Перисаду пользоваться теми же привилегиями, какие народ дал Сатиру и Левкону, и венчать каждого золотым венком по тысяче драхм в Великие Панафиней. Раздатчикам наград делать венки в каждый первый год Великих Панафиней, согласно с постановлением народа, ранее вынесенным для Левкона, и публично возвещать о том, что афинский народ венчает Спартока и Перисада, детей Левкона, за доблесть и благорасположение к афинскому народу» (IG². № 212; МИС. 3; перевод Б. Н. Гракова).

Итак, боспорские цари присутствовали на Панафинейх в качестве почетных гостей. После торжественной церемонии венчания золотым венком они посвящали его Афине Полиаде (хранитель-

²⁶ В афинском декрете 425 г. до н. э. предписано всем союзным городам присылать на Великие Панафиней корову и паноплию в дар богине. *Meiggs R., Lewis D. A. Selection of Greek Historical Inscriptions. Oxford, 1969. № 46.*

²⁷ См. комментарий к МИС. 1, а также: *Карышковский П. О.* Ольвия и Афинский союз // *Материалы по археологии Северного Причерноморья.* Т. 3. Одесса, 1960. С. 73-85; *Брашинский И. Б.* Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н. э. С. 70-88; *Шелов-Коведяев Ф. В.* История Боспора в VI—IV вв. до н. э. // *Древнейшие государства на территории СССР.* М., 1985. С. 90-105; *Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвийского полиса М., 1989. С. 126-134.

²⁸ *Скржинская М. В.* Ольвиополиты и боспоряне в Афинах // *ВДИ.* 2002. № 2. С. 134.

нице города) в ее храме на Акрополе. Там хранилась древняя деревянная статуя богини, а под храмом находилась пещера, где обитала священная змея Афины; эта змея считалась олицетворением мифического царя и героя, покровителя города - Эрехтея или Эрихтония, поэтому храм Афины Полиады стали называть Эрехтейоном.

Боспоряне соблюдали общее для всех правило посвящать полученный на Панафинейх венок богине города (Aeschyn. III, 46), поэтому на него заранее наносилась надпись, указывающая, что такой-то боспорский правитель посвятил свою награду Афине, «будучи увенчан афинским народом» (МИС. 3). Эти венки находились в храме вместе со многими подобными подношениями богине от афинян и эллинов из разных городов.

Наряду с официальными лицами в Панафинейх, вероятно, принимали участие атлеты и музыканты из Ольвии, Херсонеса и городов Боспора.²⁹ Среди зрителей присутствовало немало жителей Северного Причерноморья, в число которых входили не только граждане. Ведь праздник справляли летом, в разгар навигации, когда в Афины с северных берегов Понта прибывали корабли с товарами. Команда одного из таких кораблей, укомплектованная боспорянами, упоминается в речи «Против Формиона», приписываемой Демосфену (XXXIV). Вместе с боспорским гражданином купцом Формионом на судне плыли Лампид, доверенный слуга боспорянина Диона, и рабы матросы.³⁰ Молодые люди из состоятельных семей северопричерноморских городов стремились увидеть Афины (Isocr. XVII, 1), их достопримечательности и, конечно, побывать на самом знаменитом празднике. На память о нем они увозили на родину маленькие амфориски - сувениры, которые археологи неоднократно находили на Боспоре (рис. 58).³¹

²⁹ На такую возможность указывают многочисленные атлетические и мусические состязания во всех полисах Северного Причерноморья. Участники этих агоней показывали выдающиеся результаты, поэтому они могли соперничать с опытными атлетами из Эллады (см. об этом в главах «Награды на праздниках» и «Спортивные и музыкальные агоны»).

³⁰ *Скржинская М. В.* Боспорский купец Формион в Афинах // *Торговля и торговец в античном мире.* М., 1997. С. 125.

³¹ *Вдовиченко И. И.* Указ соч. С. 236. Каталог № 15-22. В научной литературе упоминаются лишь целые амфориски, а их фрагменты никто не учитывал.

Афиняне гордились своей открытостью всему миру (Thuc. II, 39). Участие в Панафинейх граждан из других городов и множество иноземцев, присутствовавших в роли зрителей, служили прославлению Афин во всей греческой ойкумене. Издавна праздник в честь покровительницы города Афины Полиады справлялся ежегодно в день ее рождения. Во второй четверти VI в. до н. э., вероятно, по инициативе Гиппоклида, архонта 566/5 г. до н. э., празднество приобрело особую пышность раз в четыре года. Его проводили в третьем году каждой Олимпиады, оно уже не умещалось в один день и постепенно ко второй половине V в. до н. э. растянулось на восемь дней. В промежутке между Великими Панафинейми справлялись Малые Панафинеи с сокращенной программой агонов, меньшими жертвоприношениями и более скромным шествием к храму Афины.³²

В VI в. до н. э. Писистрат, а в V в. до н. э. Перикл добавляли новые виды мусических и гимнастических состязаний на Панафинейх, увеличивалось количество жертв, и шествие по городу делалось все более многоядным и красочным. Центральным днем праздника оставался день рождения Афины, по преданию, появившейся на свет 28-го Гекатомбеона, первого месяца аттического года. Он начинался в новолуние после летнего солнцестояния, значит, Панафинеи приходились на конец июля - начало августа.

Программа празднества реконструируется на основании сообщений Аристотеля (Ath. Pol. 54, 60, 62) и некоторых других античных авторов, а также большого фрагмента надписи 70-х годов IV в. до н. э. с перечислением панафинейских наград (IG II². 2311). Из-за лакун в сохранившихся источниках существуют разногласия в определении отдельных деталей празднования Панафиней. В нашем описании за основу взята одна из последних наиболее доказательных версий, предложенная Дж. Нейлс,³³ под редакцией которой вышли две книги о Панафинейх.

³² Назовем несколько наиболее подробных исследований о Панафинейх: Parke H. W. *Festivals of the Athenians*. London, 1986. P. 33-50; Goddes and Polis. *The Panathenaic Festivals in Ancient Athens*. Ed. J. Neils. New Jersey, 1992; Worshipping Athena. *Panathenaia and Parthenon*. Ed. J. Neils. Madison, 1996.

³³ Neils J. *The Panathenaica* // GP. 1992. P. 16.

В первый день 23-го Гекатомбеона состязались музыканты и рапсоды, исполнявшие поэмы Гомера и, может быть, другие эпические произведения. Сначала они выступали под открытым небом на агоре. В середине V в. до н. э. Перикл построил специальное здание для музыкальных агонов, что отразилось в его названии Одеон от греческого слова песнопение. По словам Плутарха, Перикл входил в состав судей и «сам установил правила, которыми участники состязания должны руководствоваться при игре на аулосе, пении и игре на кифаре» (Plut. Per. 13). Плутарх ошибочно полагал, что Перикл впервые добился народного постановления, чтобы на Панафинейх происходили музыкальные состязания. Вероятно, он лишь расширил и реформировал существовавший по крайней мере с конца VI в. до н. э. музыкальный агон, потому что несколько призовых панафинейских амфор с изображением кифародов и авлетов относятся еще к архаическому времени.³⁴ Авлет между двумя судьями представлен на амфоре конца VI в. до н. э., найденной в Пантикапее; вазописец полностью повторил композицию рисунков на призовых панафинейских амфорах и только не включил надпись о победе (рис. 59). Эта ваза показывает, что на Боспоре уже в архаический период знали о музыкальных агонах на Панафинейх.

Из упомянутой афинской надписи о наградах в IV в. до н. э. следует, что на мусическом агоне самый дорогой приз получали мужчины-кифароды, певшие и аккомпанировавшие себе на кифаре. Кифародам выделялось пять призов, тогда как в других видах состязаний их было по три или два. Первая премия состояла из золотого венка стоимостью в 1000 драхм и 500 серебряных драхм, вторая - 1200 драхм, третья - 600, четвертая - 400, пятая - 300 драхм. Далее выступали кифаристы, исполнявшие инструментальные пьесы; они получали за первое место золотой венок стоимостью в 500 драхм и 300 серебряных драхм, за второе место - 200, за третье - 100 драхм. Менее ценными призами награждали мужчин, игравших на аулосе или певших под аккомпанемент, а также мальчиков-кифаристов и авлетов.

³⁴ Shapiro H. *Musikoi agones. Music and Poetry at Panathenaia* // GP. P. 57.

Атлетические состязания заполняли второй и третий день. Сначала выступали мальчики (12-16 лет) и юноши (16-20 лет), а на другой день - взрослые атлеты. В программу входил пентатлон (пятиборье), включавший бег, борьбу, прыжки, метание копья и диска. Соревнования в борьбе и беге проходили также отдельно от пентатлона.

На четвертый день зрители собирались на ипподроме наблюдать различные конные состязания: бег колесниц, запряженных парой или четверкой коней, и соревнования всадников. Самая большая награда - 140 панафинейских амфор с оливковым маслом - присуждалась победителю в колесничьем беге, причем приз получал хозяин колесницы, даже если он не выступал возницей.

Пятый и седьмой день посвящались соперничеству фил, то есть состязались только полноправные афиняне, в отличие от предыдущих дней, когда в агонах мог принять участие гражданин любого греческого полиса. Первоначально в Афинах было 4 родовых филы; после реформы Клисфена в 510 г. до н. э. афинские филы превратились в территориально-политические общины, и число их возросло до 10. Каждая филаставляла своих представителей для соревнований апобатов, лампадодромов, для гонок на кораблях и для исполнения военного танца пиррихий. Последний включали в праздник в память о том, что Афина якобы танцевала пиррихий, родившись из головы Зевса, и после победы над гигантами (Dion. Hal. VII, 72, 7). Именно эти два мифа особо вспоминали на Панафинейях.

Шестой день был центральным; он приходился на мифическую дату рождения Афины. С восходом солнца торжественная процессия отправлялась от Дипилонских ворот по Панафинейской дороге к Акрополю. Шествие начиналось от здания Помпейона (от слова πομπή - шествие), куда накануне праздника собирали священные сосуды и другую утварь, которую несли участники процессии. Под аккомпанемент кифар и аулосов и пение хоров шествие двигалось через Керамик, пересекало агору и с севера поднималось на Акрополь, преодолевая расстояние более километра. Панафинейская процессия изображена на фризе Парфенона и описана в античной литературе. В ней участвовали представители всех слоев свободного населения Афин: мужчины и женщины,

богатые и бедные, молодые и старые, аристократы и простолюдины, граждане, метеки и даже вольноотпущенники.³⁵ Это многолюдное шествие включало не только вереницу идущих в определенном порядке людей, но также всадников и конные колесницы. Опытные распорядители следили за порядком и направляли шествие. Его самой красочной частью был деревянный корабль, катившийся на колесах. Мачту необычного судна украшало полотнище с вытканными на нем эпизодами борьбы Зевса, Афины и других богов с гигантами. Впервые такой корабль провезли в Панафинейской процессии после победы афинян над персами при Саламине в 480 г. до н. э.³⁶ Вот как он описан в речи позднеантичного автора Гимерия (III, 13, 14, 16):

«Жрецы и жрицы наполняют корабль; эвпатриды увенчаны золотыми венками, остальные - венками из цветов. Высокий и величавый, словно качающийся на волнах, корабль движется на колесах, которые благодаря множеству искусно прилаженных осей легко катят его к холму Паллады. Отсюда, я думаю, богиня любит-ся праздничным обрядом. При пении священного хора афинских граждан отвязывается причальный канат, и все призывают ветер сопровождать священному кораблю... Священная триера Девы... идет посуху: звонкое дыхание аттических флейт звучит ей вслед, как попутный ветер, и направляет ее бег».³⁷

Важнейшая церемония шестого дня состояла в поднесении Афине нового одеяния - пеплоса шафранного цвета с вытканными на нем сценами из мифов о богине, главным образом о ее сражении с гигантами. За девять месяцев до Панафиней на празднике Халкейя девочки аррефоры вместе со жрицей Афины устанавливали станок, на котором искусные ткачихи начинали ткать пеплос для богини. Момент передачи в храм Афины сложенного для хранения роскошного платья изображен на фризе Парфенона.

³⁵ Shapiro H. Democracy and Imperialism... // WA. P. 221.

³⁶ Barber E. Peplos of Athena // GP. 1992. P. 114.

³⁷ Гимерий. Речь к Василию. Перевод С. В. Поляковой // Поздняя античная проза. М., 1960. С. 613.

Пеплос предназначался для древней небольшой деревянной скульптуры Афины в Эрехтейоне,³⁸ а не для огромной скульптуры Фидия в Парфеноне, как полагают некоторые ученые на основании не совсем ясных описаний древних авторов.³⁹ Ведь ткань для громадного пеплоса, который подошел бы десятиметровой фидиевской Афине Партенос, не смогли бы легко поднять две женщины, как это видно на рельефе, украшавшем Парфенон.⁴⁰ Кроме того, статуя Афины Партенос имела замечательное драгоценное убранство, которое не стоило делать, если на статую надевали платье, скрывавшее почти всю фигуру богини. Поднесенный Афине Полиаде пеплос хранился в храме до праздника Плинтерий. Тогда жрицы из знатного афинского рода Праксиргидов совершали в море священное омовение деревянной статуи и облачали ее в новое одеяние.⁴¹

Другое важнейшее действие на Панафинеях составляло грандиозное жертвоприношение на алтаре Афины; огонь на нем зажигал афинский лампадодром, победитель в беге с факелами. Лампадодромия входила в программу Больших и Малых Панафинеи. Дистанцию около двух с половиной километров пробегала эстафета по четыре бегуна от каждой филы. Старт находился у алтаря Эроса у входа в Академию; с зажженным на этом алтаре факелом лампадодромы бежали на Акрополь, и там на алтаре Афины зажигался огонь от факела победителя. Приз лампадрома состоял из гидрии и 30 драхм, а его фила получала 100 драхм и быка. На эти деньги устраивался праздничный пир филы, во время которого съедали быка.⁴²

Всю ночь после дня рождения богини на Акрополе проходило всенощное бдение, слышалось пение гимнов и исполнялись танцы.

³⁸ Колобова К. М. Древний город Афины и его памятники. Л., 1961. С. 205, 206. Эта старинная статуя, по преданию, упавшая с неба, была сделана из оливкового дерева и изображала стоящую Афины без вооружения, голову богини украшала stefana, в ушах находились серьги, а на шее ожерелье. *Altroth. B. Gods and Figurines. Uppsala. 1989. P. 48-50.*

³⁹ Parke H. W. Op. cit. P. 38.

⁴⁰ Barber E. Op. cit. P. 110, 114.

⁴¹ Колобова К. М. Указ. соч. С. 206.

⁴² Kyle D. The Panathenaic Games. Sacred and Civic Athletics // GP. P. 96.

Затем на седьмой день в гавани Пирея устраивались гонки колесниц и, по мнению некоторых ученых, состязались апобаты.⁴³ Но можно думать также, что апобаты выступали в заключение конских ристалищ,⁴⁴ поскольку их мастерство неразрывно связано с колесницами (рис. 60).

Состязания апобатов, буквально: «сходящих с колесницы», появились в глубокой древности, когда в войнах использовали боевые колесницы с двумя мужчинами.⁴⁵ Один правил конями, а другой умел соскочить на полном ходу, вступить в сражение с пешими воинами и в случае надобности снова вспрыгнуть на колесницу, чтобы быстро оторваться от противника. Краткие описания искусства апобатов у античных авторов свидетельствуют, что существовало несколько видов состязаний. Дионисий Галликарнаасский (VII, 73) пишет, что апобаты, прыгнув с колесниц, соревновались между собой в беге, в то время как колесницы продолжали гонки. В одном из древних словарей (*Etymologicum magnum*) описан другой вид состязаний, во время которых апобаты прыгивали с колесницы и, пробежав какое-то расстояние, возвращались, вскочив на колесницу на полном ходу. В VI в. до н. э., когда стали праздновать Великие Панафинеи, боевые колесницы уже не применялись на войне, но по древней традиции состязания апобатов сопровождали празднество. Кроме того, апобаты демонстрировали свое искусство на агоре, когда ее пересекала панафинеийская процессия.⁴⁶

В одной из речей Демосфен с гордостью подчеркнул, что на соревнования апобатов допускаются только афинские граждане. Оратор назвал искусство апобатов «восхитительным зрелищем, состоящим из множества меняющихся картин». Восхваляя Эпикрата, Демосфен высоко оценил его выбор заниматься именно этим видом физической тренировки и выступать на агонах апобатов,

⁴³ Neils J. Op. cit. P. 16.

⁴⁴ Максимова М. И. Миниатюрная группа на Феодосийских серьгах // ТГЭ. 1958. № 1. С. 65.

⁴⁵ Нефедкин А. К. Боевые колесницы и колесничие древних греков. СПб., 2001.

⁴⁶ Участие апобатов в Панафинеях запечатлено на фризе Парфенона. Подробно об этом виде состязаний см.: Kyle D. Op. cit. // GP. P. 89. 90. Fig. 56.

потому что, «помимо победного венка, уже сами состязания и подготовка к ним являются немалой наградой для тех, кто в надлежащей мере стремится к доблести» (Dem. LXI, 23-25). Друзья и родственники победителей чествовали их пиром. Плутарх упомянул о желании многих друзей устроить симпозион по случаю успеха на Панафинеях апобата, сына видного политического деятеля IV в. до н. э., Фокиона (Plut. Phoc. 20).

Вероятно, на Панафинеях апобаты напоминали об Эрехтее, легендарном изобретателе колесницы. По преданию, во время первого празднования Панафиней он появился, правя колесницей, и рядом с ним стоял вооруженный воин.⁴⁷ Кроме того, апобаты могли также символизировать на празднике миф о сражении богов и гигантов, в котором Афина и Зевс воевали, спрыгивая с колесниц.⁴⁸

Заключительный восьмой день Панафиней знаменовался раздачей призов и праздничными пирами. В торжественной обстановке победителей венчали оливковыми венками, одним вручали денежные награды, другим — знаменитые панафинейские амфоры, наполненные оливковым маслом; его готовили из плодов маслин, росших в священной роще Афины. Тогда же провозглашались почетные декреты в честь афинян и иностранцев, оказавших особые услуги государству.

К каждому Великому Панафинеям лучшие афинские вазописцы расписывали по государственному заказу около 1400 чернофигурных амфор, не изменяя древней традиции во времена, когда этот стиль рисунка давно вышел из моды. В более или менее хорошей сохранности к настоящему времени дошло около 300 таких амфор.⁴⁹ Древнейшая из них изготовлена около 560 г. до н. э., на ней имеется надпись, говорящая от лица амфоры: «Я являюсь призом за победу на Панафинеях».⁵⁰

⁴⁷ Ibid. P. 89.

⁴⁸ Robertson N. Athena's Shrines and Festivals // WA. 1966. P. 57.

⁴⁹ Neils J. Panathenaic Amphoras // GP. 1992. P. 29, 46. В число этих 300 амфор не вошли нигде полностью не учтенные мелкие фрагменты с остатками призовых надписей, свидетельствующие, что этот фрагмент принадлежал панафинейской амфоре.

⁵⁰ Hamilton R. Panathenaic Amphoras. Other Side // WA. P. 118.

К концу VI в. до н. э. сложился канон росписи панафинейских амфор: на одной стороне рисовали состязание, за которое получена награда, на другой — фигура Афины в профиль со щитом и копьем в руках (рис. 61). Богиня изображалась шагающей между двумя колоннами, на которых стоят петухи. У греков, страстных любителей петушиных боев, эти птицы символизировали превосходные бойцовские качества и неудержимую волю к победе. Вдоль одной из колонн располагалась надпись «Приз из Афин» (рис. 62). Большинство этих ваз очень крупные, более 60 см в высоту.

Манера исполнения и детали росписи панафинейских амфор постепенно менялись. На рубеже V-IV вв. до н. э. петухов на колоннах сменили скульптуры разных божеств. В IV в. до н. э. фигура Афины стала неестественно удлиненной, а рисунки атлетов приобретали все более реалистические черты. Изменилась и надпись, в которой стали указывать, при каком архонте выдан приз, поэтому такие награды можно датировать с точностью до года. Позднейшая амфора с указанием архонта относится к 312/311 г. до н. э., а затем там стали писать имена агонотетов (организаторов игр) или казначеев. Редкий образец одной из самых поздних панафинейских амфор обнаружен в Ольвии (рис. 63).⁵¹ Таких ваз найдено очень мало, вследствие чего можно заключить, что, начиная с III в. до н. э., амфоры с маслом перестали занимать почетное положение среди наград на Панафинеях.

Во второй половине VI — начале V вв. до н. э. афинские мастера расписывали также псевдопанафинейские амфоры, отличающиеся от призовых только отсутствием надписи «приз из Афин» и, как правило, меньшими размерами. Вероятно, эти амфоры наполняли священным панафинейским маслом, на продажу которого государство имело монополию. Возможно, подобные амфоры делали также по определенным заказам для праздничных пиров в честь панафинейских победителей.⁵² Ведь нам известны случаи изготовления отдельных сосудов и целых керамических сервизов с определенной росписью. Для богатых пиров в VI-V вв. до н. э.; после пира вазы часто

⁵¹ Тревер К. В. Ольвийская полихромная амфора 1901 года. // МАР. № 36. 1918. Рис. 2.

⁵² Neils J. Op. cit. P. 122.

продавали, поэтому их находят в разных частях греческой ойкумены.⁵³ Победители увозили на родину панафинейские амфоры; в то же время призы, не нуждавшиеся в столь большом количестве масла и амфор, имели право продавать свои награды. Расходясь по многим городам и поселениям, амфоры распространяли славу об Афинах и их замечательном празднике.⁵⁴

Панафинейские и псевдопанафинейские амфоры неоднократно находили в Северном Причерноморье, больше всего на Боспоре, а также в Ольвии и Херсонесе.⁵⁵ Старшие относятся к концу VI в. до н. э., младшие - к раннему эллинистическому периоду. Вероятно, какие-то из этих амфор принадлежали северопричерноморским победителям на Панафинейях, а другие привезли сюда на продажу. Иногда такие амфоры покупали у боспорян эллинизированные варвары, о чем известно из находок в погребениях с негреческим обрядом захоронения на границах с Боспором.⁵⁶

ИЛЛЮСТРАЦИИ ПАНАФИНЕИ НА ПРЕДМЕТАХ ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА ИЗ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

В быту жителей Северного Причерноморья использовались вазы и некоторые другие предметы прикладного искусства с иллюстрациями Панафиней. Рисунки напоминали об этом празднике тем, кто на нем побывал в Афинах, а также служили иллюстрациями к их рассказам о Панафинейях. Среди северопричерноморских нахо-

⁵³ Webster T. Potter and Patron in classical Athens. London, 1973. P. 42, 52.

⁵⁴ Kyle D. Gifts and Glory. Panathenaic and Other Greek Athletic Prizes // WA. P. 122.

⁵⁵ Наиболее полный свод таких находок в Северном Причерноморье и библиография их изданий приведены в указанной выше (прим. 24) статье И. И. Вдовиченко. На самом деле этих амфор больше 12, собранных Вдовиченко, но, кроме одной ольвийской (ср. прим. 51), они не публиковались. Например, в Горгии найдено 4 фрагмента панафинейских амфор (сообщение А. К. Коровиной), один фрагмент на хоре Ольвии (сообщение С. Б. Буйских), несколько фрагментов в Херсонесе (Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н. э. М., 1963. С. 150).

⁵⁶ Бахтина М. Ю. К вопросу о находках панафинейских амфор в варварских памятниках Северного Причерноморья // Stratum. Петербургский археологический вестник. СПб.; Кишинев, 1997. С. 62, 63.

док имеются вазы, изображающие эпизоды всех восьми дней праздника.

К первому дню, когда состязались музыканты, относятся росписи двух амфор, найденных в Пантикапее и на Нижнем Дону.⁵⁷ На одной, изготовленной в конце VI в. до н. э., изображен исполнитель на аулосе (рис. 59), на другой, сделанной в 30-х годах V в. до н. э., - кифарист (рис. 64).⁵⁸ Оба музыканта стоят на трехступенчатом беме - возвышении для победителей; они одеты в длинные парадные одеяния. Авлет стал победителем среди старшей группы музыкантов, поскольку у него есть небольшая борода. Его голову венчает пурпурная лента, на губы надета форбея, к которой он прижимает две трубки своего аулоса. Форбею надевали при игре на открытом воздухе, и это соответствует тому, как проходили музыкальные состязания при жизни вазописца в конце VI в. до н. э. Лишь в следующем веке на Панафинейях музыканты могли играть без форбеи в закрытом зале Одеона. По обеим сторонам бемы изображены двое судей, одетых в плащи и опирающихся на посохи. На другой стороне этой амфоры находится традиционная фигура Афины между колонн с петухами на капителях; надпись о награде отсутствует, так что ваза принадлежит к числу псевдопанафинейских.

На второй амфоре есть надпись о призе из Афин. Это единственная из сохранившихся наградных амфор с изображением музыканта, все прочие с подобными рисунками - псевдопанафинейские. Голову кифариста на призовой амфоре венчает оливковый венок победителя. Кифара прикреплена на ремне к левому плечу, а в правой руке музыкант держит плектрон, готовясь провести им по струнам. Слева стоит бородатый судья, а справа сидит безбородый молодой человек в длинной одежде. Наверное, это участник агона среди юношей. У кифариста-победителя изображена борода, так что перед нами обладатель самой крупной награды среди музыкантов, как известно из упомянутой выше надписи. Однако там,

⁵⁷ Радлов Н. Э. Две панафинейские амфоры, найденные в Южной России в 1911 г. // ИАК. № 45. 1912. С. 76-91; Вдовиченко И. И. Указ. соч. № 2, 12.

⁵⁸ О кифаре, аулосе и исполнении на них музыки см. в разделе «Музыка, пение и танцы во время празднеств».

как и в «Афинской политике» Аристотеля (60, 3), говорится о награде, состоящей из венка и денежного приза. Так было в IV в. до н. э., к которому относятся упомянутые источники, а прежде, как показывает эта ваза, музыканты, подобно атлетам, получали в качестве приза амфоры с маслом. Вероятно, виды наград изменились после 403 г. до н. э.⁵⁹

Четыре амфоры и четыре панафинейских амфориски украшают иллюстрации второго и третьего дней праздника, посвященных атлетическим состязаниям.⁶⁰ На старшей вазе, расписанной около 500 г. до н. э., изображены две пары бородатых бегунов. Такой амфорой награждали за самый престижный вид атлетического агона, бег взрослых мужчин. Эта ваза, как и две другие с фигурами бегунов, снабжена призовыми надписями. На амфоре из Уляпского кургана, расписанной мастером Ахиллеса во второй половине IV в. до н. э., изображены трое атлетов, один из которых бежит навстречу двум другим. Так показан бег на длинную дистанцию, при котором пробегали вперед и назад отмеченные на стадионе стадии. Бегущий навстречу другим атлет либо вырвался вперед, либо отстал.⁶¹ На последней из названных амфор прекрасно передано быстрое движение трех атлетов, помогающих себе энергичными движениями рук; колонны около Афины венчают уже не петухи, а статуи Ники и Эрота. Эта амфора, расписанная в первой четверти IV в. до н. э., найдена в окрестностях Пантикапея в погребении знатного воина, который, вероятно, сам завоевал этот приз на Панафинейских (рис. 87).⁶²

Фигура бегуна нарисована также на панафинейской амфориске IV в. до н. э. Его, как и другие подобные маленькие, довольно небрежно расписанные амфориски, привезли из Афин в качестве сувенира. Возможно, в них содержалась благовонная панафинейская мазь, о которой упомянул Плиний в «Естественной истории» (XIII, 6). Амфориски из раскопок Боспора украшают фигуры Афи-

⁵⁹ Hamilton R. Op. cit. P. 138.

⁶⁰ Вдовиченко И. И. Указ. соч. № 1, 5, 11, 15.

⁶¹ Ксенофонтowa И. В. Панафинейские амфоры из коллекции Государственного музея Востока // ВДИ. 2000. № 4. С. 183.

⁶² ОАК. 1876. С. 5, 109. Табл. 1.2; Вдовиченко И. И. Указ соч. С. 242. № 5.

ны, метаящей копье, бегущих и стоящих атлетов и лампадодромов⁶³ (рис. 58).

Великолепное изображение кулачного боя нарисовано на призовой панафинейской амфоре конца V в. до н. э., найденной на азиатской части Боспора.⁶⁴ В центре картины победитель замахивается на упавшего противника, который, подняв руку, просит пощады. Кисти рук соперников обмотаны ремнями, игравшими роль современных боксерских перчаток. Справа стоит судья в нарядном плаще с тканым узором, в руке у него судейский жезл, а на голове - венок. Слева за соревнованием наблюдает эфедр - очередной боец, который будет сражаться с победителем. В поднятой руке у него еще не завязанные на кистях ремни. У всех мужчин обозначена небольшая борода, и таким способом показано, что состязаются взрослые, а не юноши (рис. 61).

На другой стороне амфоры - традиционная фигура Афины между колоннами с петухами. Она сильно вытянута, а голова непропорционально мала по сравнению с туловищем. Длинный хитон богини, богато украшенный разными орнаментами, поражает тонкостью исполнения рисунка. Эта ваза дала имя целой «кубанской группе» панафинейских амфор.⁶⁵

Кулачный бой изображен еще на одной вазе, имеющей непосредственное отношение к Панафинейцам. Чернофигурный кратер из Пантикапея расписан в середине VI в. до н. э. мастером круга выдающегося вазописца Лидоса.⁶⁶ На одной стороне кратера нарисован момент схватки двух борцов, на другой помещена Афина, сражающаяся с гигантом, представленным в облике воина-гоплита. Богиня в высоком шлеме с гребнем, со щитом и копьем в руках стремительно наступает на гиганта, представленного в виде воина в шлеме и поножах. Он пытается защититься, прикрывшись

⁶³ Горбунова К. С. Миниатюрные панафинейские амфоры // Travaux du Centre d'archeologie mediterrannee de l'Academie Polonaise des science. T. 26. № 13. Warszawa. 1984. P. 112-118; Вдовиченко И. И. Указ. соч. № 15-22.

⁶⁴ Пиотровский А. И. Панафинейская амфора Елизаветинского кургана // ИРАИМК. 1924 Т. 3 С. 81-83; Вдовиченко И. И. Указ соч. С. 241. № 3.

⁶⁵ Bearzley J. D. Attic Black-Figure Vase Painters. L., 1956. P. 411.

⁶⁶ Сидорова Н. А., Тузушева О. В., Забелина В. С. Античная расписная керамика из собрания ГМИИ. М., 1985. С. 27-30. № 16.

шитом и замахнувшись копьем, но позы обоих персонажей указывают на преимущество Афины. Единоборство наблюдают спокойно стоящие по бокам фигуры мужчин в плащах, которых принято называть зрителями (рис. 65).

Взаимосвязь обеих сцен на кратере заключается в том, что воспоминание о победе Афины над гигантами было одной из центральных тем Панафиней, а кулачный бой входил в обязательную программу состязаний на этом празднике. Предание о гигантомании Афины хорошо знали в Ольвии и на Боспоре, начиная с VI в. до н. э., о чем свидетельствуют найденные здесь вазы со сценами из этого мифа.⁶⁷

Скачки на лошадях и бег колесниц заполняли четвертый день праздника. Мчащаяся колесница нарисована на найденной в Ольвии панафинейской амфоре эллинистического времени.⁶⁸ Юноша в традиционном для возниц длинном безрукавном хитоне правит конями, держа в одной руке вожжи, а в другой - стрекало для понукания лошадей.

Возможно, в тот же или на следующий день выступали апобаты. Сохранилась единственная панафинейская амфора IV в. до н. э. с изображением такого вида состязаний.⁶⁹ Этот один из древнейших видов агонев, по свидетельству Феофраста, практиковался в IV в. лишь на празднествах в Афинах и Беотии (Ναργαστ. s. v. Αροβατικῶι τροκοῖ). Надписи V-IV вв. до н. э. с упоминанием апобатов найдены только в Афинах и находившемся в Атике городе Оропе. В I-II вв. н. э. состязания апобатов возобновились на играх в Риме, Неаполе, Лариссе и некоторых других городах. Образцом для них служили Панафины, во время которых апобаты состязались на ипподроме. Они также показывали свое искусство

⁶⁷ Скуднова В. М. Античный некрополь Ольвии. Л., 1988. № 50, 8; Борисковская С. П. Аттические чернофигурные лекифы из некрополя Пантикапея // ТГЭ. 1997. № 28. С. 32. Рис. 15.

⁶⁸ Эта ваза из хищнических раскопок Ольвии попала в коллекцию А. Фогелля (ср. прим. 51); Теперь она находится в Берлинском Государственном музее, и в ее паспорте, по-видимому не значится место находки. ABF. S. 247. № 308.

⁶⁹ Kyle D. The Panathenaic Games // GP. P. 90. Fig. 56.

в торжественном шествии от Дипилонских ворот к Акрополю, о чем известно по рельефу на фризе Парфенона.⁷⁰

Из Северного Причерноморья происходит никем еще не отмеченное уникальное свидетельство о том, что апобатов включали в праздничные шествия, проводившиеся в VI в. до н. э. в некоторых ионийских городах. Об этом можно судить по рисунку на среднем из уцелевших фризов клазоменского кратера, изготовленного во второй четверти VI в. до н. э. и привезенного в Борисфен. Два пояса росписи вазы изображают торжественную многолюдную праздничную процессию, сопровождаемую музыкой, танцами и хороводами (рис. 2).⁷¹ Шествие на среднем фризе возглавляют четыре танцора, которым аккомпанирует авлет. За ними движутся всадники и колесницы, запряженные одной лошастью. Далее стоит мужская фигура, вероятно, распорядитель праздника, к нему подъезжает колесница с парой коней, на которую вскакивает воин в шлеме и со щитом. Это - апобат, он демонстрирует свое искусство во время движения процессии так же, как это происходило на панафинейском шествии. В нем тоже участвовали всадники, колесницы и музыканты.

На чернофигурном лекифе, найденном в Ольвии, нарисована мчащаяся колесница, запряженная парой коней; ею управляет возница с длинным стрекалом, а рядом бежит воин в шлеме и с копьем.⁷² Зритель мог воспринимать эту сцену и как изображение афинского состязания апобатов, и как эпизод из эпического сказания. Ведь мастера чернофигурной вазописи включали колесницы с апобатами в иллюстрации мифов чаще всего в эпизоды сражений богов и гигантов. Такова, например, колесница со вскакивающим на нее апобатом на многофигурной композиции гигантомании богов, которая украшает плечики чернофигурной гидрии 540-

⁷⁰ Ibid. P. 90.

⁷¹ Изображение этого кратера см. в кн.: Культура населения Ольвии в архаическое время. Киев, 1987. С. 50. Рис. 20; Aus den Schatzkammern Eurasiens. Meisterwerke antiker Kunst. Zürich, 1993. S. 154. № 75; Scythian Gold. Treasures from Ancient Ukraine. New York, 1999. № 61.

⁷² Горбунова К. С. Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л., 1983. С. 160. № 134.

530-х гг. до н. э.⁷³ На другом чернофигурном лекифе из Северного Причерноморья вооруженный воин догоняет квадригу, перед ней нарисован столб-мета, стоявший на стадионах.⁷⁴ Здесь несомненно представлен момент состязания апобатов, а не сцена боя эпических времен.

Фантазия древних греков наделяла искусством апобата некоторых богов и героев. Чернофигурные вазовые рисунки с эпизодами мифа о сражении богов и гигантов показывают, что апобатами выступали Зевс и Геракл.⁷⁵ П. Виан впервые определил, что Афина в шлеме, изображенная на вазах около колесницы, представляет воительницу-апобата: она прыгнула с колесницы, чтобы вступить в бой с гигантом.⁷⁶ Таким образом, вазы с подобной росписью иллюстрируют один из главных мифов, которые вспоминали во время Панафины. Два лекифа с Афиной-апобатом найдены в Пантикапее; они, как и оба выше упомянутых, расписаны около 480 г. до н. э.⁷⁷

Рисуя сцены из эпоса, художники нередко ставили возницей на боевую колесницу Нику, крылатую богиню победы. Иногда ей сопутствует апобат, стоящий рядом или прыгающий с колесницы. Такие сцены украшают два выдающихся произведения прикладного искусства IV в. до н. э., найденные на Боспоре.

На плечиках лекифа афинского мастера Ксенофанта в невысоком рельефе представлена Афина, поражающая гиганта, и трижды повторен рельеф с колесницей, управляемой Никой, и воином-апобатом, бегущим рядом с колесницей.⁷⁸ Наверное, это Геракл в сцене из гигантомахии богов, призвавших героя к себе на помощь. Повторение рельефа показывает, что Ксенофант, работавший в первой четверти IV в. до н. э., неоднократно украшал свои произведения сценой с Никой и апобатом.⁷⁹

⁷³ Auction Reports // Minerva. V. 5. № 5. 1994. P. 30. Fig. 34.

⁷⁴ Горбунова К. С. Указ. соч. С. 158. № 130.

⁷⁵ Robertson N. Op. cit. P. 57. Ср. гидрию группы Леохара конца VI в. до н. э. с изображением Зевса, правящего колесницей, и Геракла в роли апобата (ABF. № 206).

⁷⁶ Vian P. La Guerre des Geants. Paris, 1952. P. 103, 104, 248.

⁷⁷ Борисковская С. П. Указ. соч. С. 30. Рис. 11. С. 33. Рис. 19.

⁷⁸ ДБК. Табл. 45.

⁷⁹ О подобной манере работы Ксенофанта см.: Скржинская М. В. Афинский мастер Ксенофант // ВДИ. 1999. № 3. С. 125, 126.

Изумительные крошечные фигурки крылатой Ники, правящей колесницей, и стоящего рядом с ней обнаженного апобата включены в декор серег из некрополя Феодосии.⁸⁰ Эти крупные золотые серьги найдены в 1853 г. и с тех пор постоянно привлекают внимание исследователей, упоминающих их во всех крупных работах об античном ювелирном искусстве. Украшенные фигурками, исполненными в микротехнике, феодосийские серьги занимают первое место по мастерству исполнения среди серег роскошного стиля, бывших в моде у гречанок во второй половине IV - начале III в. до н. э. Серьги этого типа особенно пришлись по вкусу женщинам в Северном Причерноморье, о чем говорят находки здесь семи из четырнадцати сохранившихся подобных украшений.⁸¹ Одни ученые считают их работой афинских ювелиров, другие определяют центры их производства в Северной Греции и Малой Азии.⁸² Мне кажется наиболее убедительным мнение Е. Я. Рогова, считавшего, что серьги, найденные в Херсонесе и на Боспоре, изготовлены по заказу местных жителей приезжим итальянским ювелиром, работавшим в городах Северного Причерноморья.⁸³

Самая сложная композиция украшает феодосийские серьги; наиболее близки к ним серьги из Херсонеса, на которых также представлена квадрига, управляемая крылатой Никой, но без апобата. На луннице феодосийских серег помещена продолговатая подставка, на ней прямо на зрителя несется четвертка коней; Ника правит колесницей, а рядом с ней стоит апобат с большим щитом. Справа и слева от коней летят крылатые гении. Миниатюрная группа поражает тонкостью мастерства ювелира: высота фигурки апобата составляет всего 0,7 мм. Это напоминает рассказы античных авторов о прославленных в древности ювелирах. Например, Элиан в «Пестрых рассказах» (I, 16) сообщил, что Мирмекид

⁸⁰ ДБК. Табл. XII а. № 5; ГЗ. № 200.

⁸¹ Саверкина И. И. Роскошные серьги в Эрмитаже и в других музеях // Античное Причерноморье. СПб., 2000. С. 21.

⁸² ГЗ. С. 264; Deppert-Lippitz B. Griechischer Goldschmuck. Mainz am Rhein, 1985. S. 181-184; Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie [ruh - und hoch hellenistischen Gold-Schmucks. Tübingen, 1990. S. 205.

⁸³ Рогов Е. Я. О месте производства феодосийских и херсонесских серег роскошного стиля // Боспорский феномен. СПб., 2001. С. 66-72.

из Милета «смастерил четырехконную колесничку размером меньше мухи и написал золотыми буквами на сезамовом зерне элегический дистих».

Подробный анализ смысла сцены на феодосийских серьгах принадлежит известному искусствоведа М. И. Максимовой.⁸⁴ Она определила, что мастер изобразил рядом с Никой апобата. Он держится правой рукой за передок колесницы и, немного согнув колени, уже откидывает назад туловище и левую руку со щитом. В следующий момент апобат коснется ногой земли и, перестав держаться за колесницу, прыгнет и побежит.

По мнению М. И. Максимовой, ювелир представил колесницу, победившую на реальных состязаниях апобатов в Афинах, и Нику, символизирующую эту победу. Мне кажется, что композицию на феодосийских серьгах вернее интерпретировать как сцену из мифа о победе в каком-то сражении или поединке эпических времен. Ведь все известные мне серьги, да и прочие украшения IV в. до н. э., украшают исключительно мифологические персонажи,⁸⁵ чаще всего эроты, сфинксы, сирены,⁸⁶ а иногда даже эпизоды из определенных мифов, например орел, уносящий Ганимеда.⁸⁷ К числу подобных сцен следует отнести и композицию на феодосийских серьгах.

Ника, правящая бигой или квадригой, часто изображалась на серьгах IV—I вв. до н. э.,⁸⁸ иногда ее представляли без колесницы, но с вожжами в руках.⁸⁹ Однако Ника в паре с апобатом известна сейчас лишь на феодосийских серьгах. Возможно, панафинейские агоны апобатов послужили натурой для ювелира, изготовившего эти изумительные по мастерству серьги, а, может быть, он заимствовал композицию с какой-то афинской скульптуры. Не случайно почти все известные сейчас изображения апобатов V-IV вв. до н. э. исполнены афинскими мастерами: это упомянутые выше росписи ваз, фриз Парфенона и посвященный мраморный рельеф с квадригой, управляемой возницей и стоящим рядом с ним апобатом.⁹⁰

⁸⁴ Максимова М. И. Указ. соч. С. 62-66.

⁸⁵ ГЗ. С. 38.

⁸⁶ Там же. № 11, 19, 43, 114.

⁸⁷ Там же. № 31.

⁸⁸ Там же. С. 264; *Deppert-Lipitz B.* Op. cit. S. 228. Fig. 164.

⁸⁹ ГЗ. № 30.

еф с квадригой, управляемой возницей и стоящим рядом с ним апобатом.⁹⁰ У жителей Боспора, побывавших на Панафинейях, фигурки на феодосийских серьгах могли вызывать ассоциации не только со сценой из мифа, но и с реальным состязанием апобатов.

К иллюстрациям пятого дня Панафиней, вероятно, можно отнести изображение Афины на панафинейских амфорах (рис. 61, 63). В этот день состязались в исполнении воинственного танца пиррихий, который, по преданию, Афина исполнила после победы над гигантами. Изображение стремительно шагающей вооруженной богини некоторые ученые рассматривают как одно из движений Афины во время этого танца.⁹¹ Если это так, то северопричерноморские греки узнавали какой-то момент пиррихия на имевшихся у них панафинейских амфорах и других аттических вазах, например на чернофигурной ольпе последней четверти VI в. до н. э. из Ольвии.⁹² Художник нарисовал стремительно движущуюся Афины в полном вооружении; изображение алтаря рядом с богиней указывает, что показан не момент сражения, а сакральная сцена, скорее всего танец пиррихий. Его исполняли в вооружении и танцевали во всей Греции и ее колониях.⁹³ На Панафинейях в искусстве пиррихия состязались мальчики, юноши и взрослые мужчины; о вручавшихся им наградах сообщается в афинской надписи IV в. до н. э. (IG II². 2311).

Шестой день праздника отражен в изображениях лампадоромов на трех панафинейских амфорисках из раскопок Боспора, а также в торжественном шествии на двух краснофигурных вазах из Нимфея и Керкинитиды.

Бег с факелами включался в афинские праздники в честь Афины, Прометея, Гефеста, Пана и Артемиды Бендидской. Лампадоромы на чернофигурных амфорисках начала IV в. до н. э. иллюстрируют состязание именно на Панафинейях (рис. 58). Все

⁹⁰ Kyle D. Op. cit. // GP. P. 90. Fig. 57.

⁹¹ Pinney G. Pallas and Panathenaea // Proceeding of the 3^d Symposium on Ancient Greek and Related Pottery. London, 1973. P. 3.

⁹² Greek and Cypriot Antiquities in Archaeological Museum of Odessa-Nicosia, 2001. № 20.

⁹³ Афиней (630 d) написал об исполнении пиррихия с оружием, а Платон в «Законах» (VII, 815 a) дал описание движений этого танца. О пиррихии на Панафинейях и его изображении на афинском рельефе IV в. см.: Kyle D. Op. cit. 1992. P. 94, 95.

панафинейские амфориски с фигурой обнаженного бегущего атлета с факелом в согнутой руке показывают лампадодрома в своеобразном венке, неизменно венчающем этих бегунов на самых разнообразных их изображениях. Мастера краснофигурной вазописи рисовали разные этапы бега с факелами. На вазах, найденных в разных греческих полисах, можно увидеть, как давали старт бега, как передавали факел в эстафете и как победитель зажигал от своего факела огонь на алтаре.⁹⁴

Каждая афинская филаставляла своих лампадодромов, поэтому победа считалась торжеством не только призеров, но и всей филы. На разных праздниках существовала своя дистанция бега, и ее пробегали либо по одному представителю от филы, либо факел передавался эстафетой. Зрители подбадривали бегунов своей филы громкими криками, а отставших осыпали бранью и даже иногда били ((Aristoph. Ran. 1089). Победитель зажигал своим факелом огонь на алтаре бога, в честь которого совершался праздник; новый огонь, принесенный с наибольшей скоростью, считался самым чистым.⁹⁵

Три панафинейских амфориски, найденные на Боспоре,⁹⁶ вызывали у их обладателей воспоминания о лампадодромах. Вазописцы представили бегущего с факелом атлета, старающегося двигаться как можно быстрее и в то же время не потушить легко гаснувший смоляной факел. Юноша, бегущий с факелом, и два атлета нарисованы на краснофигурной чаше конца V в. до н. э. из Ольвии.⁹⁷ Великолепная пелика с изображением финиша юношей, бежавших с факелами, найдена в некрополе Пантикапея.⁹⁸ В центре композиции помещен алтарь с горящим огнем. Его только что зажег стоящий у алтаря победитель-атлет, которого Ника венчает победной повязкой. По бокам изображены еще трое безбородых юношей в характерных венках лампадодромов. Вероятно, вазописец представил четырех участников победившей эстафеты. Двое еще держат факелы, а третий уже взял стригиль, которым очищали тело после гимнастических тренировок и агонов (рис. 66).

⁹⁴ Шанин Ю. В. Олимпийские игры и поэзия эллинов. Киев, 1988. С. 54, 75, 81.

⁹⁵ Колобова К. М. Указ. соч. С. 236.

⁹⁶ Вдовиченко И. И. № 16, 20, 22.

⁹⁷ Передольская А. А. Мастер керченских фрагментов, найденных на горе Митридат // Archeologia. XIV. Warszawa, 1964. S. 44. Fig. 16.

⁹⁸ Ашик А. Боспорское царство. Ч. 3. Одесса, 1849. С. 18, 19. Рис. 7.

Сцены на упомянутых вазах из Ольвии и Пантикапея могли вызывать ассоциации не только с Панафинейями, но и с другими праздниками, сопровождавшимися лампадодрией. Сейчас из надписей известно, что кроме Афин лампадодромия устраивалась в Милете и Дельфах (IG I (7). 203 а; SIG. 271 а). Бег с факелами, вероятно, проводили и на некоторых праздниках в городах Северного Причерноморья, которые имели тесные связи со всеми тремя упомянутыми государствами. Греки обычно включали лампадодрию в праздник Гермеи. В Северном Причерноморье этот праздник справлялся в Ольвии, Херсонесе и Горгиппии (IPE I². 186, 436; КБН. 1137). Возможно, один столбец надписи из Горгиппии содержит перечисление призеров-лампадодромов.⁹⁹

Росписи нескольких vaz из Северного Причерноморья напоминали о торжественном панафинейском шествии. Краснофигурная амфора панафинейского типа, найденная в Нимфее, украшена рисунком одного из лучших безымянных вазописцев середины V в. до н. э., которого называют мастером Ниобид. На одной стороне нарисованы два участника панафинейской процессии. На головах у них широкие праздничные повязки, один держит два сосуда для ритуальных возлияний, ойнохою и канфар, у другого в руке ветка маслины, дерева, по преданию, подаренного Аттике богиней Афиной. Они движутся вслед за юношей, изображенным на другой стороне амфоры. Он стоит, сняв шлем, перед Афиной, которая что-то ему говорит. Возможно, это ее любимый герой Тесей, мифический царь Афин (рис. 67).¹⁰⁰

На фрагменте кратера из Керкинитиды, вероятно, также изображено панафинейское шествие. Вазописец воспроизвел одну группу из рельефа с панафинейской процессией на северном фризе Парфенона. В центре вазового рисунка находится идущая женщина в нарядном хитоне, она играет на двойном аулосе, а по бокам едут два юноши-всадника с праздничными повязками в волосах.¹⁰¹

О панафинейской шествии и некоторых других эпизодах праздника, проходившего на Акрополе, напоминали еще несколько изобра-

⁹⁹ Берзин Э. О. Горгиппийский агонистический каталог // СА. 1961. № 1. С. 120.
¹⁰⁰ Передольская А. А. Краснофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л., 1967. О 154. № 176.

¹⁰¹ Кутайсов В. А. Керкинитиды. Симферополь, 1992. Рис. на с. 127; Вдовиченко И. И. Указ. соч. С. 238, 260. № 34.

жений на предметах прикладного искусства из Северного Причерноморья. Участники праздничной процессии подходили к Парфенону и смотрели на декор храма со сценами из сказаний об Афине. Фигуры на западном фронте представляли спор Афины и Посейдона за обладание Атикой. Фидий показал, как боги предлагали свои дары этой стране: Афина - оливу, а Посейдон - соляной источник; Ника, подлетающая к Афине, символизировала победу богини. В центре фронтона находилась олива, а по обеим сторонам дерева стояли спорящие боги. Эта группа скопирована на великолепной гидрии IV в. до н. э., найденной в некрополе Пантикапея (рис. 68). Сосуд украшен рельефными фигурами и краснофигурной живописью. Около позолоченного оливкового деревца, которое обвивает змей Эрхтоний, изображена Афина, ударяющая в землю копьем, чтобы выросла олива, а с другой стороны дерева - Посейдон, вызывающий трезубцем появление соляного источника. Остальные персонажи отличаются от композиции на Парфеноне.¹⁰²

Центральные фигуры восточного фронтона Парфенона воспроизведены на кратере рубежа V-IV вв. до н. э. из кургана Баксы близ Пантикапея (рис. 69). Картина на этой огромной, к сожалению, не полностью сохранившейся, вазе занимает важное место среди источников, используемых для реконструкции декора Парфенона.¹⁰³ Изобразив апофеоз Геракла, вазописец представил олимпийских богов, принимающих героя на Олимп. Образцом для фигур Зевса, Афины и Геры послужили статуи Фидия с восточного фронтона Парфенона. В центре нарисован сидящий на роскошном троне Зевс с посохом в руках. К нему подлетает Ника, венчающая бога венком, рядом с ней стоит Афина в высоком шлеме с эгидой на груди; одной рукой она держит копье, а другой касается стоящего у ее ног большого щита. С противоположной стороны от Зевса находится Гера в пышном венке из цветов. Фрагментарно сохранившаяся мраморная статуя Геры подтверждает верный общий контур статуи на рисунке. Роспись кратера помогает окончательно решить вопрос, как Фидий представил Зевса, и опровергнуть

¹⁰² Вальдгауэр О. Императорский Эрмитаж. Краткое описание собрания античных ваз. СПб., 1914. С. 114; Колобова К. М. Указ. соч. С. 142-144.

¹⁰³ Shefton B. The Baksy Krater. Once More and Some Observations on the East Pediment of Parthenon // *Kotinos Festschrift to Erika Simon*. Mainz am Rhein, 1992. S. 245-247.

предположение, что бог изображался стоящим. Ценность кратера из Баксы заключается еще и в том, что на нем сохранились самые ранние из дошедших до нас копий работ Фидия.

Во время Панафиней раскрывались двери Парфенона, и можно было любоваться удивительной огромной статуей Афины, исполненной Фидием. Ее часто с большей или меньшей точностью воспроизводили скульпторы, вазописцы и ювелиры. Наряду с рисунком на описанном кратере имеется еще несколько образцов подобных копий в археологических находках из Ольвии и Боспора. Это небольшая мраморная статуэтка Афины из Ольвии,¹⁰⁴ рельефная голова богини на двух золотых подвесках из кургана Куль-Оба¹⁰⁵ и на позолоченных терракотовых медальонах из Нимфея, Пантикапея и из святилища на азиатской части Боспора.¹⁰⁶ Наиболее ценная копия на парных золотых подвесках изготовлена в первой половине IV в. до н. э. (рис. 70). На них, по признанию всех современных ученых, сохранилось лучшее и наиболее близкое к оригиналу изображение головы Афины Партенос. Ювелир с величайшим мастерством воспроизвел величественное лицо богини, слегка повернутое в сторону от зрителя, и ее парадный шлем, который на других воспроизведениях представлен более обобщенно. Тройной гребень шлема украшен фигурами сфинкса между двумя крылатыми конями, а на отогнутых нашечниках помещены грифоны. Рельефы на терракотовых медальонах в целом мало отличаются от изображения на подвесках, но значительно уступают в проработке деталей.

Таким образом, рассмотренные памятники прикладного искусства могли иллюстрировать боспорянам рассказы очевидцев о

¹⁰⁴ Фармаковский Б. В. Ольвийская реплика Афины-Девы Фидия // ИАК. № 14. 1905. С. 69-93; Саверкина И. И. Греческая скульптура. Л., 1986. С. 54, 55.

¹⁰⁵ ГЗ. С. 87.

¹⁰⁶ Шкорпил В. В. Отчет о раскопках в Керчи и ее окрестностях в 1902 г. // ИАК. 1904. Вып. 9. С. 79. Рис. 2; Силантьева Л. Ф. Некрополь Нимфея // МИА. 1959. С. 35. Рис. 13,1; Онайко Н. А. Об отражении монументального искусства в боспорской торевтике // Проблемы античной истории и культуры. Ереван, 1979. С. 394; Завойкин А. А. Керамические вотивы на святилище «Береговой 4» // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2003. С. 94, 95. Сходные медальоны найдены и в других частях греческой ойкумены. См.: Robinson D. M. Excavations at Olynthos. V. 14. Baltimore, 1952. P. 235-240; Ridgway B. S. Images of Athena on the Akropolis // GP. 1992. P. 133. Fig. 58.

скульптурном убранстве знаменитого храма, возле которого заканчивалось панафинейское шествие.

Последний день Панафиней, посвященный раздаче наград и пирам, отражен в находках из Северного Причерноморья наградными амфорами и псевдопанафинейскими вазами, стоявшими на праздничных столах. Афиняне поощряли продажу таких амфор. Они во множестве расходились по всей греческой ойкумене и служили прославлению Афин как могущественного и процветающего государства, которое любят боги, незримо присутствующие на Панафинейях. Панафинейские агоны привлекали в Афины атлетов и музыкантов со всех концов Эллады, а многочисленные призовые амфоры славили Афины далеко за их пределами.¹⁰⁷

Некоторые другие афинские праздники также преследовали подобные цели, но были во много раз скромнее Панафиней. В Херсонесе обнаружена бронзовая гидрия IV в. до н. э. с выбитой на венчике надписью «приз из Анакий».¹⁰⁸ Эта редчайшая находка в богатом погребении свидетельствует о победе херсонесита на празднике Анакий, вероятно, в конных состязаниях. Этот праздник справлялся в честь Диоскуров, которых обычно чтили конными агонами.¹⁰⁹

Рассмотренные археологические находки наряду с эстетической ценностью имели также познавательное значение. Вместе с надписями они надежно свидетельствуют об участии в Панафинейях граждан из античных городов Северного Причерноморья. Одни из них входили в число состязавшихся в разных агонах, другие выступали послами от союзных и дружественных государств, третьих чествовали во время празднества как людей, оказавших особые услуги Афинскому государству, большинство же было просто зрителями. Рисунки на вазах показывают, что многие жители Северного Причерноморья, которым не удалось посетить Афины, не только слышали рассказы о знаменитом празднике, но и видели его иллюстрации.

¹⁰⁷ Kyle D. Op. cit. // WA. P. 122.

¹⁰⁸ Гриневиц К. Э. Указ. соч. С. 23.

¹⁰⁹ О празднике Анакий см.: Parke H. W. Athenische Feste. Mainz am Rhein, 1987. S. 263, 264.

9 глава

ПРАЗДНИКИ РАЗНЫХ БОГОВ И ГЕРОЕВ

В любом греческом городе так или иначе почитали всех олимпийских богов. По сложившемуся в античной теологии канону их было двенадцать: Зевс, Гера, Посейдон, Деметра, Аполлон, Артемида, Афина, Афродита, Гермес, Гефест, Арес и Гестия. Все их имена встречаются в эпиграфических памятниках Северного Причерноморья. В предыдущих главах говорилось о праздниках Аполлона, Артемиды, Афины, Афродиты и Деметры; теперь обратимся к многочисленным источникам о праздниках Зевса, Геры, Посейдона и Гермеса, относительно же праздников Ареса и Гестии в городах северного побережья Понта трудно сказать что-либо определенное.

В античной мифологии Зевс выступал верховным божеством и отцом многих богов и людей. Однако в большинстве греческих полисов Зевс не занимал главенствующего места среди отеческих богов. Так было и в Северном Причерноморье, где в одних городах местный пантеон возглавлял Аполлон, а в других Артемида или Афродита. Наибольшее количество источников о праздниках Зевса происходит из Ольвии. Там уже во второй половине VI в. до н. э. справляли праздники у его святилища, в котором, вероятно, одновременно почитали Афины.¹ В этом ольвиополиты следовали традиции метрополии, так как там у обоих богов были общие храмы и алтари.²

Святилище Зевса и Афины занимало почетное место на Центральном ольвийском теменосе рядом с главным храмом Аполло-

¹ Такое заключение сделано на основании посвячительных граффити обоим богам. См.: *Русяева А. С.* Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 55.

² *Ehrhardt N.* Milet und seine Kolonien. Frankfurt am Main, New York, 1983. S. 158.

на. В конце VI в. до н. э. на праздниках Зевса и Афины использовалась дорогая и редкая для того времени утварь - краснофигурные килики и мраморные блюда.³ В классический и эллинистический периоды о государственном культе Зевса, сопровождавшемся соответствующими праздниками, свидетельствует эмблема Ольвии, впервые появившаяся на ее монетах в третьей четверти V в. до н. э. и в различных вариантах встречающаяся вплоть до I в. до н. э.⁴ Эмблема состоит из символов двух богов: над дельфином, олицетворявшим Аполлона, находится постоянный атрибут Зевса - орел с распростертыми крыльями (рис. 16, 17).

Ольвийские праздники Зевса проходили до римского времени у его храма на центральном теменосе,⁵ а в первые века нашей эры переместились к храму в другом месте, потому что теменос оказался за пределами площади сильно сократившегося города. На ступенях нового храма ольвиополиты сидели, слушая речь Диона Хрисостома, посетившего Ольвию в конце I в. н. э. (Dio Chrys. XXXVI, 16).

Один из основных ольвийских праздников Зевса, наверное, назывался Сотериями или Диисотериями (ср. Aristot. Ath. Pol., 56): ведь эпиклеза бога Сотер (спаситель) (Σωτήρ) известна по нескольким надписям (ΙΡΕ Ι². 25, 161, 165; НО. 71) и граффити, начиная с третьей четверти VI в. до н. э. и кончая II в. н. э.⁶ Из надписи IV в. до н. э. на базе ольвийской статуи Зевса Сотера можно заключить, что его жрецами служили представители местного знатного рода Еврисибиадов.⁷ Найденная в Ольвии мраморная голова бородатого мужчины, исполненная мастером школы Скопаса, скорее всего принадлежала статуе Зевса Сотера.⁸

³ Горбунова К. С. Краснофигурные килики из раскопок ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. М.; Л., 1964. С. 175-187.

⁴ Карышковский П. О. Об изображении орла и дельфина на монетах Синопы, Истрии и Ольвии // Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1982. С. 80-98; Русяева А. С. Указ. соч. С. 65-70.

⁵ Крыжиский Д. А. Монументальные памятники Ольвии. Теменос и агора. М.; Л., 1964. С. 113-116.

⁶ Русяева А. С. Указ. соч. С. 57-59.

⁷ Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989. С. 147.

⁸ Русяева А. С. Указ. соч. С. 59.

В милетских колониях Северного Причерноморья праздники Зевса Сотера продолжали традиции метрополии; там известно о Сотериях в Дидимах.⁹ Функции Сотера обычно соотносят с защитой и спасением при нападениях врагов, на это прямо указывает одна ольвийская надпись римского времени с посвящением Зевсу: «За мир и спасение города» (ΙΡΕ Ι², 162). Учитывая это, В. П. Яйленко считал выражением благодарности богу за избавление от нападения скифов три посвящения Зевсу Сотеру на сосудах V в. до н. э. из раскопок Березани.¹⁰ Но там не обнаружено никаких следов разрушений и пожаров этого времени,¹¹ поэтому стоит вспомнить, что храмы Зевса Сотера находились во многих греческих гаванях; там молили бога о спасении во время весьма небезопасных в древности плаваний по морю и приносили благодарственные жертвы после благополучного возвращения (Diph. 43,24; Strab. IX, 1, 15). Таким образом, есть основания думать, что в Борисфене и в Ольвии существовали святилища и соответствующие праздники Зевса как спасителя совершающих морские путешествия, а посвященные надписи обращены к богу, охранявшему мореплавателей.

Возможно еще одно толкование упомянутых граффити, написанных на чернолаковых чашах. На симпозионах эллины обычно посвящали Зевсу Сотеру третью чашу вина, так что граффити на винных сосудах могут относиться к обстановке домашнего праздника, на котором вспоминали любимого семейного бога, защитника дома. О такой ипостаси Зевса в Северном Причерноморье свидетельствует небольшой домашний известняковый алтарик из Мирмекия с посвящением Зевсу Сотеру (КБН. 868) и граффити на разных кубках из Пантикапея, Мирмекия и Гермонассы.¹²

На Боспоре наряду с домашними проводили и государственные праздники Зевса. Вероятно, его храму принадлежал найден-

⁹ Ehrhardt N. Op. cit. S. 157.

¹⁰ Яйленко В. П. Греческая колонизация VII-III вв. до н. э. М., 1982. С. 290, 291.

¹¹ Бураков А. В. Сельская округа Ольвии. Киев, 1989. С. 95.

¹² Болтунова А. И. Зевс Отчий и Зевс Спаситель // ВДИ. 1977. № 1. С. 180, 181.

ный в Пантикапее карниз с надписью Σωτήρ (КБН. 824). Греки наделяли такой эпиклезой также Аполлона и Асклепия, но в пользу отнесения храма Зевсу говорит надпись 15 г. н. э. с текстом рескриптов царя Аспурга: там эпиклеза Сотер относится именно к Зевсу, хранителю и защитнику государства.¹³ Кроме того, эта эпиклеза применительно к другим богам отсутствует в боспорских надписях, и вообще она прилагалась к ним реже, чем к Зевсу.

Имя супруги Зевса Геры редко встречается в эпиграфических памятниках Северного Причерноморья, например в нескольких посвященных херсонесских граффити на сосудах IV—II вв. до н. э.¹⁴ Вероятно, какие-то ритуалы в честь Геры проводились на праздниках Зевса; на это указывают боспорские посвящения одновременно Зевсу Сотеру и Гере Сотейре (КБН. 36, 76).

Традиция праздников Посейдона в Северном Причерноморье восходит к архаическому периоду. На родине многих колонистов славилось святилище Панионион на мысе Микале; там двенадцать ионийских городов, в том числе Милет, метрополия множества колоний на Понте Евксинском, справляли общий праздник Панионии в честь Посейдона Геликонского (Нег. I, 143, 148). Выходцы из Ионии на своей новой родине продолжали поклоняться богу морей, помогавшему поддерживать связь со всем эллинским миром. Святилища Посейдона обычно находились у самого берега; поэтому сейчас трудно обнаружить их остатки, так как прибрежные части античных городов на Понте теперь оказались под водой.

Праздники Посейдона в Ольвии и других колониях, живших по милетскому календарю, справляли в посвященном богу месяце Посейдонионе. Косвенным свидетельством о святилище Посейдона в Ольвии можно считать изображение трезубца атрибута бога на ольвийских монетах конца IV в. до н. э.; они, по мнению В. А. Анохина, чеканились в храме бога.¹⁵ Сохранились некоторые предметы, употреблявшиеся на праздниках; терракотовые по-

¹³ Там же. С. 181.

¹⁴ Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978. № 728-807.

¹⁵ Анохин В. А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989. С. 36.

святительные алтарики ольвийского производства с рельефными изображениями Посейдона и его жены Амфитриты, а также фрагменты трех чернолаковых чаш IV-III вв. до н. э. с посвящениями богу.¹⁶ На одной чаше кроме имени бога прочерчен также его трезубец, а на другой посвящение сделано одновременно Посейдону и Деметре. Последнее указывает на то, что на ольвийских праздниках Посейдона чествовали не только как покровителя мореплавания, но и в его древнейшей ипостаси божества плодородия, почитавшегося наравне с Деметрой.¹⁷

Эпиграфические свидетельства о храмах Посейдона в Ольвии и Горгии относятся к римскому времени. Ольвийская надпись II в. н. э. сообщает о храме, посвященном наряду с Посейдоном и другим богам (IPE I². 184), а в сделанной в том же веке боспорской надписи говорится о восстановлении храма и постановке статуй только этого бога (КБН. 1134). Не случайно в Горгии ремонт святилища занимался союз навклеров, владельцев кораблей, чья жизнь была особо тесно связана с морской стихией, подвластной Посейдону. Слова о восстановлении храма показывают, что он существовал и прежде, и там издавна отмечались праздники властителя морей.

Греки считали Гермеса богом торговли, покровителем рынков, купцов и дорог, а также стад и пастбищ. В нем видели воплощение ловкости, подвижности и расторопности, недаром Зевс избрал именно этого сына своим вестником. Гермес являлся посредником между богами и людьми, а также проводником душ умерших в Аид. Эллы представляли Гермеса идеальным образцом юноши, совершенствовавшего свою физическую закалку на палестре, в гимнасии и на различных состязаниях. Поэтому он считался покровителем гимнасиев, и там во многих городах справляли в его честь ежегодные праздники Гермеи, сопровождавшиеся разнообразными агонами (Schol. Plat. Lys. 206 d).

Письменные и эпиграфические источники содержат упоминания о Гермеях в Афинах, Беотии, Сиракузах, на островах Делосе,

¹⁶ Леви Е. И. Терракоты из цистерны ольвийской агоры // КСИИМК. 1959. № 74. С. 15; Русаева А. С. Указ. соч. С. 109. Рис. 35.

¹⁷ Русаева А. С. Указ. соч. С. 110.

Теосе, Самосе.¹⁸ Название этого праздника в Северном Причерноморье сохранилось в двух надписях из Горгииппии (КБН. 1137) и Херсонеса.¹⁹ Первая из них датируется IV в. до н. э. и представляет собой большой каталог победителей на местных Гермеех за много лет, о чем рассказано в главе «Спортивные и музыкальные агонии». Фрагмент второй надписи, исполненной во второй половине II в. до н. э., содержит 11 плохо сохранившихся строк законодательного акта относительно тренировок и состязаний молодых граждан Херсонеса. Там перечислялись указания гимнасиархам, как проводить праздник, устраивать священную процессию в сопровождении эфевов, совершать жертвоприношения Гермесу и организовывать игры.²⁰

Среди ольвийских эпиграфических памятников имеется постамент статуи Дионисия с частично сохранившейся надписью, исполненной во II в. до н. э.; в ней сказано о победе этого юноши в беге на состязаниях в гимнасии (IPE I². 186). Скорее всего речь идет о Гермеех, так как памятник поставил отец победителя гимнасиарх Никодром.²¹ Статуя Дионисия наряду с изображениями других рекорсменов украшала ольвийский гимнасий, как это было принято в большинстве греческих городов. Таким образом, праздники проходили как бы в присутствии победителей прошлых лет, побуждая юношей ревностно бороться за титул чемпиона и право стать увековеченным своим скульптурным изображением. Традиция проводить Гермеех сохранялась много веков, о чем свидетельствует гимн Гермесу и перечень победителей на его херсонесском празднике в римское время (IPE I². 436).

В Северном Причерноморье справляли также праздники Гермеса в ипостаси покровителя купцов и торговли. Его эпиклеза

¹⁸ Берзин Э. О. Горгииппийский агонистический каталог // СА. 1961. № 1. С. 127.

¹⁹ Соломоник Э. И. Греческие надписи Херсонеса (находки последних лет) // ВДИ. 1996. № 4. С. 44; Makarov I. A. From the History of Religious Cults in Tauric Chersonesus // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology. 2002. V. 8. 3. 4. P. 189, 190.

²⁰ Ibid. P. 197.

²¹ Карышковский П. О. Монеты с изображением Гермеса // Записки Одесского археологического общества. Т. 2. 1967. С. 260.

Ἐπολαίος (торговый) записана на чернолаковом килике, поднесенном богу в Ольвии в V в. до н. э.²² На фрагменте другой чернолаковой чаши читается имя ольвийского жреца Гермеса Аристотеля;²³ безусловно ему, как и другим жрецам, вменялось в обязанность организовывать праздники бога. Для праздничных возлияний могли использоваться несколько других найденных в Ольвии чернолаковых сосудов V-IV вв. до н. э. с посвящениями Гермесу без каких-либо эпиклез.²⁴ Косвенным свидетельством о государственном культе и праздниках Гермеса служат его изображения с традиционным атрибутом кадуцеем на ольвийских серебряных и медных монетах II—I вв. до н. э.²⁵ И в римское время ольвиополиты сохраняли традицию проводить праздники Гермеса как покровителя торговли (IPE I². 128, 129).

О праздниках Гермеса на Боспоре, кроме упомянутых Гермеех в Горгииппии, известно крайне мало. Вероятно, Гермеех отмечали и в других боспорских городах, во всяком случае в гимнасиях Пантикапея и Фанагории, упомянутых в нескольких надписях (КБН. 129, 823, 983, 991). Немногочисленные посвятельные граффити из Пантикапея и Нимфея, а также несколько боспорских монет с изображением Гермеса²⁶ косвенно свидетельствуют о праздниках бога.

Наряду с чествованием богов эллины справляли праздники героев.²⁷ Их издавна почитали как духов умерших выдающихся предков, влияющих на судьбы людей и государства. Культ героев носил хтонический характер, и нередко различные ритуалы совер-

²² Яйленко В. П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. № 3. № 68.

²³ Русяева А. С. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Киев, 1979. С. 119.

²⁴ Там же. С. 117. Рис. 61.

²⁵ Карышковский П. О. Указ. соч. С. 260-263; Он же. Монеты Ольвии. Киев, 1988. С. 102; Анохин В. А. Монеты античных городов Северного Причерноморья. Киев, 1989. С. 111, 112.

²⁶ Толстой И. И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л., 1953. № 113, 161, 180; Зограф А. Н. Античные монеты // МИА. 1951. № 16. С. 150, 195.

²⁷ Сведения о почитании героев в Северном Причерноморье обобщены в книге: Диатроптов П. Д. Культ героев в античном Северном Причерноморье. М., 2001. Праздники в честь героев автор не рассматривает.

шались около их гробниц, которые, как верили в античности, обладали чудодейственной силой. В Северном Причерноморье это проявилось в почитании Ахилла на острове Левка, знаменитом, по словам Плиния Старшего (NH. IV, 93), могилой героя. Греки видели в героях своих защитников и посредников между людьми и богами (не случайно многие герои считались детьми божества и смертного), им также приписывалась способность отвращать зло и спасать от всяческих невзгод. Многие знатные семьи возводили свою родословную к героям, например боспорские цари называли себя потомками Геракла (КБН. 53, 980, 1048).

Геракл был любимым героем во всей греческой ойкумене. Каждый эллин с детских лет знал о его подвигах по эпическим поэмам, устным рассказам, трагедиям и комедиям в театре. В Северном Причерноморье культ Геракла пользовался особой популярностью в Херсонесе, и потому там проходили наиболее заметные в этом регионе праздники героя. Херсонеситы, дорийцы по своему происхождению и диалекту,²⁸ твердо помнили, что Геракл считался родоначальником и покровителем всех дорийцев, а также, что их метрополия Гераклея названа по имени героя и почитает его как своего основателя. Поэтому в Херсонесе и его округе изображения Геракла встречаются чаще, чем в прочих областях на северных берегах Понта: это статуи и рельефы, терракоты, ювелирные изделия,²⁹ а также монеты с его профилем, выпускавшиеся в III-II вв. до н. э.³⁰ Херсонеситы чтили героя и как хтоническое божество,³¹ и как покровителя и защитника своего государства.³²

²⁸ Черты дорического диалекта в языке херсонеситов сохранялись до конца II в. н. э. См.: *Соломонок Э. И.* НЭПХ, 1973. С. 36.

²⁹ См. сводку таких изображений в статье: *Пятышева Н. В.* О культе Геракла в Херсонесе // ВДИ. 1948. № 2. С. 197-204, а также карту находок в кн.: *Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 125. Рис. 65.

³⁰ *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. С. 51; *Столба В. Ф.* Новое посвящение из Северо-Западного Крыма и аспекты культа Геракла в Херсонесском государстве // ВДИ. 1989. № 4. С. 63.

³¹ *Сапрыкин С. Ю.* О культе Геракла в Херсонесе и Гераклее в эпоху Эллинизма // СА. 1978. № 1. С. 46-50.

³² *Столба В. Ф.* Указ соч. С. 69.

³³ Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976. № 75-77.

Главный херсонесский праздник Геракла проходил скорее всего в посвященном ему месяце Гераклеоне, упомянутом в двух надписях (IPE I². 359, 402). В эллинистический период некоторые ритуалы в честь героя справляли у жертвенников особого вида, имевших форму палицы, постоянного атрибута Геракла.³³ Как и другим богам и героям, херсонеситы подносили Гераклу разнообразие сосудов с посвятельными надписями.³⁴ Более дорогими дарами во второй половине IV—III вв. до н. э. стали известняковые рельефы местной работы, найденные в различных местах Херсонесского государства, на них обычно изображали отдыхающего Геракла с кубком в руке.³⁵

Греки отводили роль покровителя гимнасией не только Гермесу, но также Гераклу, победителю во многих видах состязаний и легендарному основателю Олимпийских игр. Поэтому в гимнасиях ему посвящали праздники с атлетическими агонами; не случайно глиняная скульптура Геракла находилась в ольвийском гимнасии.³⁶ Там же стояла упомянутая выше статуя бегуна Дионисия, посвященная одновременно Гераклу и Гермесу (IPE I². 186), а изображения их обоих помещены на мраморной плите эллинистического времени и жертвеннике II—III вв. н. э. из Херсонеса.³⁷ Поэтому весьма вероятно, что в ольвийском и херсонесском гимнасиях справляли наряду с упомянутыми выше Гермеей также и Гераклен, тем более что такой праздник известен в метрополии Херсонеса.³⁸

Кроме торжеств в гимнасиях в городах Северного Причерноморья проходили другие большие праздники Геракла, ведь его изображения на монетах свидетельствуют о государственном культе. Раньше всех появились ольвийские серебряные статеры Эминака, выпускавшиеся в середине V в. до н. э.; позднее медные монеты

³⁴ Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978. № 808-872.

³⁵ *Щеглов А. Н.* Указ. соч. С. 124. Рис. 66, 2-4.

³⁶ *Карасев А. Н., Леви Е. И.* Исследования Ольвии после Б. В. Фармаковского // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 42. Рис. 16.

³⁷ *Сапрыкин С. Ю.* Указ. соч. С. 50.

³⁸ *Соломонок Э. И.* НЭПХ, 1964. С. 60-61.

и серебряные статеры с Гераклом на аверсе чеканились там в первой половине II в. до н. э.³⁹

Судя по надписям эллинистического времени, ольвиополиты видели в Геракле защитника города от неприятелей, они посвящали ему оборонительные сооружения (IPE Γ². 179, 188) и, наверное, чествовали его в этой ипостаси на государственных праздниках. Сходная ситуация была в Херсонесе, где в культе Геракла главенствовала его эпиклеза Сотер.⁴⁰ Наверное, здесь основной праздник Геракла, как и в метрополии, сопровождался разными агонами и театральными представлениями; не случайно там найдены теракотовые статуэтки комических актеров в роли Геракла.⁴¹

На Боспоре Геракл пользовался особым почетом у правящей династии, по-видимому, начиная со Спартокидов; ведь местные цари считали себя потомками героя (КБН. 53, 980, 1048) и, наверное, поэтому его профиль чеканили на боспорских монетах в III в. до н. э.⁴² По надписям IV в. до н. э. известно об украшенном мраморными деталями храме Геракла в Фанагории (КБН. 973)⁴³ и о посвященных герою статуях в Пантикапее (КБН. 16). Кроме того, в Пантикапее и в Нимфее обнаружены сосуды V—III вв. до н. э., принесенные в дар Гераклу.⁴⁴ Все это косвенно говорит о праздниках в честь героя. Еще его прославляли во время празднования Апатурий, так как, согласно местному мифу, герой помог Афродите Апатуре расправиться с гигантами.⁴⁵ В память об этом одно из эллинистических святилищ Гермонассы украсили рельефом с изображением борьбы Геракла с гигантами.⁴⁶

С детских лет все эллины восхищались героем Троянской войны Ахиллом, ведь они уже в начальной школе учили стихи из

³⁹ Карышковский П. О. Монеты Ольвии. Киев, 1988. С. 50, 97, 99.

⁴⁰ Столба В. Ф. Указ. соч. С. 69.

⁴¹ Сапрыкин С. Ю. Указ соч. С. 51.

⁴² Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 56, 326, 583.

⁴³ Розанова Н. П. Новые эпиграфические памятники Таманского полуострова // СА. 1941. № 7. С. 250-252.

⁴⁴ Толстой И. И. Указ. соч. № 11, 119, 162, 171, 178.

⁴⁵ См. об этом в главе «Праздники Афродиты».

⁴⁶ Харко Л. П. Фрагмент фриза с изображением гигантов из станицы Таманской // СА. 1941. № 7. С. 85-90.

«Илиады» и других эпических поэм, воспевавших его деяния. Однако культ Ахилла существовал далеко не во всех греческих государствах. В Северном Причерноморье с древнейших времен и до конца античности Ахилла почитали на острове Левка, в Борисфене, Ольвии и на ее хоре, а в римское время ольвиополиты причислили его к богам.⁴⁷ Главный праздник героя справляли на острове Ахиллов Дром (совр. Тендровская коса), названном так в его честь; все сведения об этом празднике рассмотрены в главе «Спортивные и музыкальные агоны», напомним лишь, что на Ахиллеи съезжались граждане многих городов. Какие-то праздники героя, наверное, справляли и в Ольвии; Дион Хрисостом в «Борисфенитской речи» (XXXVI, 9) выразительно описал необыкновенное почитание Ахилла, сохранившееся в городе с древности, и упомянул о его местном храме.

Остров Левка (совр. Змеиный), священное место посмертного обитания Ахилла, находилась под патронатом Ольвии вплоть до римского времени. Там стоял широко известный в греческом мире храм, а в нем многие столетия хранилась древняя деревянная статуя героя; при храме был оракул, пользовавшийся популярностью у мореходов (Paus. 111, 19; Arrian. Peri pi. 32-34; Philostr. Heroic. XIX, 16; Мах. Туг. XV, 7).⁴⁸ Археологические исследования показали, что первый храм появился на острове в третьей четверти VI в. до н. э., а в следующем веке его заменил новый из привозного мраморовидного известняка.⁴⁹ На алтарях у храма совершались жертвоприношения, упомянутые Аррианом, и, наверное, в определенные сроки проходили праздники. Их следовало справлять только днем, а с наступлением сумерек все люди должны были покинуть этот необитаемый остров (Amm. Marc. XXII, 8, 15), потому что, согласно поверьям эллинов, записанных Максимом Тирским и Филостратом, там ночью появлялся Ахилл, он пировал вместе с друзьями, пел и играл на кифаре.

⁴⁷ Русяева А. С. Религия и культы... С. 77.

⁴⁸ Толстой И. И. Указ. соч. С. 32-37.

⁴⁹ Охотников С. Б., Островерхов А. С. Святилище Ахилла на острове Левка (Змеином). Киев, 1993. С. 21-24; 106.

В сохранившейся античной литературе отсутствуют рассказы о праздниках на Левке, есть лишь описания жертвоприношений и разнообразных даров герою (Agrian. Peripl. 32,33). Всему этому должен был соответствовать определенный церемониал. Найденные на острове монеты разных городов показывают, что почитать Ахилла приезжали греки из многих государств. Весьма вероятно, что здесь в период судоходства справляли праздник героя; ведь устраивались игры на острове Ахиллов Дром, куда также, судя по находкам монет, приставали многие греческие мореходы. На Левке эллины воздвигали статуи, ставили посвященные надписи, приносили в дар геммы и всевозможные сосуды, на которых дарители зачастую прочерчивали посвящения Ахиллу; в нескольких лапидарных надписях и граффити он назван владыкой острова.⁵⁰

Земля Левки считалась собственностью героя, поэтому там запрещалось кому-либо селиться и даже оставаться на ночь. Вероятно, запрет не распространялся на жрецов и других служителей Ахилла; ведь следовало смотреть за порядком в храме, указывать, как исполнять те или иные ритуалы, совершать жертвоприношения, принимать дары и размещать их в надлежащих местах.⁵¹ Наверное, жрецы прибывали сюда из Ольвии, под патронатом которой остров находился до римского времени. В их ведении находились также праздники Ахилла, и, наверное, к ним приурочивали открытие в торжественной обстановке статуй и почетных декретов в честь тех, кто заботился о святилище. В их числе был ольвиополит, изгнавший с острова морских разбойников и удостоенный за это конной статуи (IRE P. 325).

Итак, по имеющимся в нашем распоряжении письменным и археологическим источникам крупные праздники героев в Северном Причерноморье справлялись в честь Геракла и Ахилла. Можно предположить, что здесь существовали какие-то праздники и других героев, например Диоскуров, имя которых встречается среди ольвийских посвященных граффити.⁵²

⁵⁰ Там же. С. 55-61. Рис. 13, 14.

⁵¹ Толстой И. И. Указ. соч. С. 44, 45.

⁵² Русяева А. С. Указ. соч. С. 116-118.

10 глава

ДОМАШНИЕ ПРАЗДНИКИ

СВАДЬБА

Свадьба - важнейший праздник, справлявшийся почти в каждой семье. У всех народов свадьбы сопровождались особыми обрядами, выработанными веками и нередко сохранявшими очень древние ритуалы. К сожалению, в сочинениях античных авторов не сохранилось последовательного описания свадебных торжеств у эллинов. Наши знания об этом складываются из отдельных упоминаний разных писателей, начиная с Гомера (II. XVIII, 492-496), а также из изображений, в первую очередь на аттических вазах, которые развозили по всему греческому миру.

Хотя в каждом греческом государстве имелись свои особые черты брачного ритуала, изменявшиеся на всем протяжении античности, основные моменты свадьбы оставались общими для всех эллинов.¹ Это подтверждается тем, что росписи ваз VI-IV вв. до н. э. иллюстрируют сведения о свадебных обрядах у позднеантичных авторов, таких, как Гесихий и Поллукс. В их словарях указаны названия трех свадебных дней и описаны многие ритуалы.

Греки считали брак божественным установлением, и потому свадьба сопровождалась молитвами и жертвоприношениями. Свадьбы в основном играли зимой; в Афинах даже название одного зимнего месяца Гамелион было произведено от глагола жениться

¹ Назовем несколько исследований с описанием свадебных обрядов в Эллад: *Латышев В. В.* Очерк греческих древностей. Богослужбные и сценические древности. СПб., 1997. С. 225-227; *Винничук Л.* Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. М., 1988. С. 148, 149; *Кинжалов Р. В.* К реконструкции древнегреческого свадебного обряда // Астарта. Вып. 1. СПб., 1999. С. 39-95; *Lasey W. K.* The Family in Classical Greece. London, 1968. P. 100-122; *Cantarella E.* Pandora's Daughters. The Role and Status of Women in Greek and Roman Antiquity. Baltimore-London, 1989. P. 44-46; *Women in the Classical World.* New Jork, 1994. P. 98-101.

(γαμέω). Различались благоприятные и неблагоприятные дни для брака, к первым относились полнолуние и дни растущей луны.

Дома жениха и невесты празднично убрали, двери украшали зеленью и гирляндами цветов. Праздник включал три основных акта: обряды и угощение в доме невесты, торжественная процессия молодых в сопровождении родственников и друзей к дому жениха и там заключительный этап свадьбы с пиром, проводами новобрачных в спальню, а утром подношение подарков. В бедных семьях свадьбу играли в один день, состоятельные граждане устраивали трехдневные торжества. Первый день назывался *προαύλια* *ἡμέρα*, то есть вступительным, второй - *γάμος*, то есть собственно свадьба, третий - *послесвадебный*, *ἐπαύλια* *ἡμέρα*. Другое название этого дня *ἀνακαλυπτήρια* происходит от того, что невеста в этот день появлялась без фаты, закрывавшей ее лицо накануне.

Свадебные церемонии начинались утром со священного омовения невесты и жениха водой из определенного источника или реки. Известно, что в Афинах брали воду из источника Каллироя, называвшегося также Эннеакрус, а в Фивах - из реки Исмен (Eug. Phoen. 347). Воду должен был принести мальчик или девочка из ближайших родственников вступающих в брак. Такого ребенка называли лутрофором, то есть несущим воду для омовения, и тем же словом обозначали врученный ему сосуд. В состоятельных семьях для этого приобретали лутрофор с одной или двумя ручками и очень вытянутым горлом, нередко украшенный рисунками со свадебными сценами.²

Для церемонии нагревания воды и омовения, а также для свадебного подарка предназначались наряду с лутрофором сосуда особой формы, называемые в научной литературе свадебными лебетами или кальпидами. Эти двуручные вазы с крышками воспроизводили форму котелка для нагревания воды и имели либо низкий поддон (рис. 71), либо высокую конусообразную подставку (рис. 72). Судя по вазовым рисункам, для ритуальных церемоний полагался один лутрофор и два лебета на высоких подставках.

² См., например, репродукцию краснофигурного лутрофора с изображением свадебных сцен в кн.: Boardman Y. *Athenian Red-Figure Vases. The Classical Period*. London, 1997. № 191.

Когда они стояли в гинекее, то в них помещали ветви каких-то определенных для свадьбы растений.³

Несколько расписанных свадебными сценами краснофигурных ваз такой редкой формы найдено на Боспоре. Они датируются концом V-IV вв. до н. э., но в Элладе они известны и в архаический период, например чернофигурный лебет первой половины VI в. до н. э., украшенный изображением свадебного поезда Менелая и Елены.⁴ В V в. до н. э. появились краснофигурные лебеты, но часть таких ваз на высоких подставках продолжали украшать чернофигурной росписью, давно вышедшей из моды. Уцелевшие до наших дней самые поздние чернофигурные лебеты относятся к середине V в. до н. э.,⁵ однако изображение подобного чернофигурного сосуда среди подарков невесте на найденной в Пантикапее вазе мастера Марсия (рис. 73) указывает на сохранение старой манеры росписи вплоть до середины IV в. до н. э.; так в свадебных церемониях проявлялась приверженность к давним традициям.

К начальным ритуалам свадьбы принадлежал также обряд посвящения какой-нибудь богине девичьего пояса невесты, локона ее волос и детских игрушек. Об этом неоднократно писали авторы эпиграмм, собранных в «Палатинской антологии» (VI, 280; VII, 59, 206, 207, 211, 266, 276, 281 и др.). Напомним, что многие девушки выходили замуж очень рано в 13-14 лет (Xen. Oic. VII, 5). В классический период появилось понимание, что женщины по своему физическому развитию позже становятся созревшими для брачной жизни и рождения детей, и поэтому их надо отдавать замуж между 16 и 20 годами (Plat. Leg. 772 d-e; Aristot. Pol. VII, 35). На практике это соблюдалось далеко не всегда, потому что девочки считались обузой в семье, и от них стремились поскорее избавиться. Мужчины же вступали в брак значительно позже⁶ и рассматривали его как деловое предприятие «для рождения детей и для верной охраны домашнего имущества» (Dem. LIX, 122). При

³ Там же. № 234, 235.

⁴ Boardman Y. *Athenian Black-Figured Vases*. London, 1985. P. 190.

⁵ Ibid. P. 151.

⁶ Например, Платон считал, что мужчинам следует жениться между 30 и 35 годами (Leg. IV, 721 a-d).

решении о свадьбе ведущую роль обычно играли родители, интересовавшиеся не чувствами детей, а практической выгодой. Поэтому часто браки заключались между родственниками, чтобы сохранить имущество внутри рода.⁷

Второй день свадьбы начинался утром в доме невесты, ее одевали в свадебный наряд и набрасывали фату, закрывавшую голову и лицо. Этой и следующими процедурами, связанными с новобрачной, руководила нимфетрия - опытная пожилая женщина, хорошо знавшая свадебные обряды. Вероятно, во время одевания невесты подруги пели песни, оплакивая уходящую юность и невинность девушки.

Отец невесты совершал приношения божествам своего домашнего очага и богам-охранителям брака; к ним относили Зевса и Геру, Артемиду, Афродиту и ее спутников Эроса и Пейто, Нимф, Мойр и др. Затем начинался пир, им руководил заранее избранный устроитель, указывавший, как размещаться гостям. Об этом говорится в нескольких уцелевших стихах комедии Эуангелоса; ее название «Анакалюптомена» указывает на сюжет пьесы о свадьбе и на церемонию снятия фаты с лица новобрачной в конце второго дня торжеств. На свадебном пиру слева от входа на ложах располагались мужчины, самые почетные места отводились отцам новобрачных, а женщины находились напротив и среди них невеста (Luc. Symp. 8-9). Ее отец заявлял собравшимся, что он отдает дочь замуж за такого-то человека; таким образом он отлучал дочь от богов своего очага и передавал жениху, а тот приобщал ее к своим домашним божествам.

Вечером молодые отправлялись в дом жениха. В бедных семьях они шли пешком, но чаще для этого брали повозку, запряженную конями, мулами или быками. Их вели под уздцы, и повозка медленно двигалась по улицам города или села. В ней полагалось сидеть на высокой скамье только невесте с женихом, иногда вместе с дружкой. Судя по рисункам, так было в классический период, а раньше они стояли на небольшой колеснице, и жених сам правил конями.

⁷ Lasey W. K. Op. cit. P. 106.

Античные авторы упоминают об отдельных моментах свадебного шествия, которое в основных чертах сохранялось неизменным многие столетия. Вот как у Гомера в переводе Н. И. Гнедича описан этот ритуал (II. XVIII, 492-496):

Там невест из чертогов, светильников ярких при блеске,
Брачных песен при кликах, по стогам градским провожают.
Юноши хорами в плясках кружатся, меж них раздаются
Лир и свирелей веселые звуки; почтенные жены
Смотрят на них и дивуются, стоя на крыльцах воротных.

Мать невесты зажигала от своего очага факел и шла за повозкой вместе с родственниками и гостями. Одни несли факелы для освещения дороги, другие - подарки, а также особого вида треножник, лутрофор и кальпиды для свадебных ритуалов, многие пели свадебные песни и танцевали под аккомпанемент аулосов и лир,⁸ возгласы, обращенные к Гименею, звучали на всем пути к дому жениха (Plut. Mor. 667 f). Его мать с факелом встречала гостей у дверей. При входе в дом молодых осыпали плодами и сладостями в знак пожелания счастливой совместной жизни и хорошего потомства. В некоторых областях Эллады разыгрывалась сцена похищения невесты, напоминая давно не практиковавшийся древний обычай, девушка при этом вскрикивала, а жених хватал ее на руки и, внося в дом, следил, чтобы ноги новобрачной не коснулись порога. Мотив похищения невесты отразился в мифе о свадьбе Европы и Зевса на Крите; как будет показано ниже, это предание хорошо знали на Боспоре.

После входа в дом начинались обряды приобщения невесты к домашним божествам ее нового дома: молодая прикасалась к огню очага, ее подвели к изображениям домашних божеств и окропляли очистительной водой. Супруги обращались с молитвой богам и делили между собой хлеб, пирог и несколько плодов. Затем продолжался праздничный пир. Он, по словам Плутарха, был самым многоядным из всех домашних праздников, потому что следовало пригласить родственников и ближайших друзей жениха и невесты (Plut. Mor. 666 e). Именно на свадебных торжествах

⁸ Women in the Classical World. New York, 1994. P. 99. Fig. 3,13; UKV. № 284.

многие желали блеснуть роскошью и богатством праздника, поэтому законодатели, борясь с излишествами, в первую очередь ограничивали число гостей на свадьбе. Об их числе дает представление упоминание Афиней (IV, 23) о двадцати приглашенных на свадебный пир. Все участники свадебных торжеств считались свидетелями заключенного брака; они в случае необходимости в дальнейшем могли засвидетельствовать его законность (Athen. V, 185 b) и подтвердить, что оба вступивших в брак принадлежат к семьям полноправных граждан (Plut. Mor. 666 f).

В одних областях Эллады в конце пира с невесты снимали фату и открывали ее лицо, а в других это происходило при входе в спальню, от названия которой *θάλαμος* происходят наименования эпиталямиев, песен у брачного покоя. Невеста входила туда первой вместе с нимфетрией и подругами; они снимали с нее свадебный наряд и готовили к брачной ночи. Потом приходил жених; при свете факелов его сопровождали родственники и друзья, певшие эпиталями, часто с шутливыми и нескромными намеками. На протяжении всей античности славились эпиталями, сочиненные Сафо, но они, к сожалению, известны сейчас лишь по небольшим цитатам у некоторых древних авторов. Даже в IV в. н. э. Гимерий в «Эпиталямии Северу» (гл. 4) назвал их образцом для подражания; сам же он сочинил такой эпиталямий (гл. 20): «О невеста, полная благоухающей, как роза, любовью, о любимая улада Пафии, иди в брачный покой, всходи на ложе, нежноулыбчивая, желанная. Пусть тебя, почитательницу брака сребротронной Геры, не против воли провожает туда Веспер».⁹

После пения эпиталямиев новобрачных оставляли одних и запирали дверь спальни; около нее, как бы на страже, оставался один из друзей жениха. А утром следующего дня здесь пели другую разновидность эпиталямий - песнь пробуждения. В этот день молодая супруга снова надевала свадебный наряд, но уже без фаты, а голову украшала венком или диадемой. В своем новом доме она принимала подарки от девушек и женщин. Такие подарки назывались *ἐπαύλια*, то есть так же, как этот заключительный день свадь-

⁹ Перевод С. В. Поляковой в кн. Поздняя греческая проза. М., 1960. С. 610.

бу. Позже в ближайший праздник Апатурий муж совершал свадебное жертвоприношение, обращался с просьбой внести имя жены в списки своей фратрии и устраивал угощение для ее членов. Таким образом окончательно утверждалось новое социальное положение женщины.

У многих древних народов существовала уверенность в том, что переход от одного периода жизни в другой является смертью одного человека и рождением иного. Ярче всего это отражалось в обрядах инициации: юношам внушалось, что, пройдя жестокие испытания, они умирают, а затем воскресают уже взрослыми мужчинами. Сходное представление сопровождало и вступление невесты в брак: она умирала как девушка и возрождалась в новом статусе замужней женщины и будущей матери. Настоящая смерть также воспринималась как переход души в другое состояние при перемещении ее в потусторонний мир. Не случайно в эллинских свадебных и похоронных обрядах имелось определенное сходство, и его неоднократно отмечали современные ученые.¹⁰

На могилах неженатых и незамужних в качестве памятника ставили лутрофор,¹¹ особый сосуд, который, как уже говорилось, употреблялся в свадебных ритуалах. Демосфен (XLIV, 18) в речи «О наследстве Архиада» для доказательства, что Архиад был холостяком, указал на его надгробный памятник - лутрофор.

В древнегреческой поэзии смерть девушки нередко называлась похищением богом подземного царства, умершую называли его невестой или супругой, а могилу - спальней новобрачных (Soph. Ant. 814-816, 891; Eur. Iph. Aul. 460-491). На рубеже нашей эры боспорский поэт выразил эту мысль в эпитафии Теофила, дочери Гекатея. На ее надгробном памятнике, стоявшем на некрополе Пантикапея, написано, что Плутон «зажег брачные светочи и принял ее в свой свадебный чертог возлюбленной супругой» (КБН.

¹⁰ Фрайденберг О. М. Миф и литература в древности. М., 1978. С. 94, 97, 98, 141, 159; Кинжалов Р. В. Указ. соч. С. 71; Barringer J. M. Europa and Nereids Wedding or Funeral? // AJA. 1999. № 95. P. 662, 663.

¹¹ См., например, изображение лутрофора в качестве надгробного памятника на белофонном лекифе в кн.: Boardman J. Athenian Red-Figured Vases. The Classical Period. London, 1997. P. 240. № 267. Множество каменных надгробных лутрофоров выставлено сейчас на афинской агоре.

130).¹² Эта эпитафия, а также находки ваз со свадебными сюжетами в погребениях, открытых в Северном Причерноморье, показывают, что здесь грекам тоже были свойственны подобные представления о смерти.

В литературных произведениях древнейшие описания свадеб относятся к рассказам о богах и героях, и на росписях ваз также сначала появились изображения свадеб мифических персонажей, чаще всего Зевса и Геры, Менелая и Елены, Пелея и Фетиды.¹³ Они стоят на колеснице, и боги сопровождают свадебный кортеж. Одно из лучших подобных изображений архаического периода нарисовано на знаменитой вазе Франсуа, расписанной Клитием около 570 г. до н. э.¹⁴ Тема бракосочетания богов и героев присутствует и в более поздней краснофигурной вазописи, но в V-IV вв. до н. э. художники стали изображать все основные моменты реальной свадьбы своего времени.¹⁵

В коллекции ваз, найденных на Боспоре, есть замечательные и даже уникальные рисунки, иллюстрирующие все три этапа свадебных торжеств и дающие зрительные образы того, что трудно представить по письменным источникам. Интересующие нас росписи украшают кальпиды и леканы; первые использовались на свадебных церемониях, вторые часто дарили невестам для хранения разных женских туалетных принадлежностей.

К иллюстрациям первого дня подготовки к свадьбе, по-видимому, можно отнести сцену омовения женщины около лутерия и женские фигуры, из которых одна обнаженная моет волосы, а другая льет ей воду.¹⁶ Такие достаточно распространенные композиции изображены на двух вазах из Пантикапея: на одной пелике и на крышке леканы мастера Марсия.¹⁷

¹² Подробный анализ надписи см. в статье: Доватур А. И. Проводы Феофила // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 1-27.

¹³ Горбунова К. С. Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л., 1983. С. 110, 111, № 81; С. 116, 117. № 84; Boardman J. Op. cit. 1985. № 24, 25.

¹⁴ Idem. № 46, 5.

¹⁵ Webster T. B. Potter and Patron in Classical Athens. London, 1973. P. 105-107.

¹⁶ Кинжалов Р. В. Указ. соч. С. 82.

¹⁷ ДБК. Табл. 61,1; ОАК 1861. Табл. 1: КПКЖ. С. 50-51. Табл. 6; UKV. № 14; RCA. P. 86. № 32; ARV. 1475. 7; LIMC. Bd. 2. S. 102. № 993.

Вазы, найденные в Пантикапее и в Горгиипии имеют замечательные изображения второго и третьего дней свадьбы. Самая прославленная из этих ваз - кальпида на низком поддоне, расписанная мастером Марсия. Ее изображения включены во многие отечественные и зарубежные издания, а Дж. Бизли назвал ее лучшей из позднеантичных ваз.¹⁸ На одной стороне кальпиды нарисовано подношение подарков в заключительный день свадьбы (рис. 71), а на другой невеста и ее подруги в предыдущий день заключения брака (рис. 74). Здесь видно, что, когда закрывали покрывалом лицо и голову невесты, ей оставляли небольшое открытое пространство для глаз, как это делают восточные женщины, надевая чадру.

Одно из самых информативных изображений свадебного поезда, движущегося к дому жениха, представлено на фрагменте кальпиды из Горгиипии.¹⁹ Жених и невеста едут на колеснице, с ними девочка, держащая лутрофор. Остатки краски показывают, что наряд невесты был расшит золотом по зеленоватому фону. Один юноша ведет под уздцы впряженную в колесницу пару лошадей, другой освещает факелом дорогу. Кортеж сопровождают пение и танцы. Закинутая назад голова женщины с лирой показывает, что она поет под струнный аккомпанемент; другая женщина играет на аулосе, и под его звуки танцуют юноша и девушка. Вместе с ними идет молодая женщина, несущая на голове особого вида треножник, игравший какую-то заметную роль в свадебном обряде.²⁰

К иллюстрациям свадебных процессий мифических героев следует отнести краснофигурные рыбные блюда первой четверти IV в. до н. э. со сценой мифа о Европе. Его сюжет хорошо известен по рассказам античных авторов, описавших, как Зевс, превратившись в быка, похитил финикийскую царевну Европу. Сидя на спине животного, царевна переплыла по морю на остров Крит, там Зевс вернулся в свой человеческий облик и сыграл свадьбу с Европой, а затем она родила Миноса, ставшего царем Крита (Her. I,

¹⁸ КПКЖ. С. 19-24; G RA. № 66; UKV. № 286; ARV. № 1475,1; Boardman J. Op. cit. 1997. № 388 и др.

¹⁹ КПКЖ. С. 25, 141; Кинжалов Р. В. Указ. соч. С. 89; UKV. № 284; RCA. P. 42. № 8.

²⁰ КПКЖ. С. 26-28.

2; Mosch. Europa; Nonn. 46-361; Apollod. Bidl. II, 5, 7; Ног. Od. III, 25-76; Ovid. Met. II, 833-875; Fast. V, 605-625).

На упомянутых блюдах аттические вазописцы представили переправу Европы на Крит как свадебную поездку (рис. 76). По обычаю, невесту сопровождает череда гостей: nereиды на гиппокампах играют роль подруг, а мужскую часть свадебного поезда составляют крылатые божества Эрот, Потос (любовная страсть), Химерос (желание), Тритоны, а на некоторых рисунках еще Гермес и Посейдон. В конце пути жених ждет невесту: Зевс уже в образе человека сидит на троне и смотрит на приближающийся кортеж.

Блюда с подобной многофигурной композицией различаются лишь во второстепенных деталях. Их расписывали в течение около двадцати лет в одной афинской мастерской и вывозили, по видимому, исключительно на Боспор; во всяком случае, они найдены только там, причем во множестве экземпляров.²¹ Полностью уцелело лишь шесть таких блюд.²²

Аттические вазописцы в конце V в. до н. э. стали украшать блюда для рыбы изображениями разных морских животных. Первые образцы росписей блюд с мифом о Европе относятся к началу IV в. до н. э. Художник скорее всего развил тему традиционного для рыбных блюд декора с морской фауной; ведь разнообразные рыбы, дельфины, каракатицы, осьминоги, морские коньки и раковины присутствуют также на интересующих нас блюдах, обозначая море, по которому плывет Европа со своей свитой. Изображения же Европы на быке появились на вазах еще в архаический период, так что этот мотив уже прочно вошел в круг сюжетов вазописи.

Места находок блюд с изображением похищения Европы связаны в основном с погребальным ритуалом; их обнаружили либо в могилах, либо среди остатков заупокойной трапезы на Керченском и Таманском полуостровах, лишь два обломка находились в городских слоях Пантикапея.²³ Из этого можно заключить, что бос-

²¹ Циммерман К. Фрагменты аттических рыбных блюд в Эрмитаже // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979. С. 59-92.

²² Там же С. 61-68; UKV. 51, 55-59; Barringer J. M. Op. cit. P. 657-667.

²³ Циммерман К. Указ. соч. С. 74, № 218. С. 78. № 138. С. 82.

поряне толковали миф в переносном смысле как посмертное перенесение души в потусторонний мир: подобно тому, как Зевс похитил Европу, Аид похищает людей. Ведь греки, говоря о смерти, постоянно употребляли глагол *αῖρᾶν* - похищать.²⁴ Это отразилось в текстах боспорских эпитафий (КБН. 124, 128, 130). Путешествие финикийской царевны через море уподоблялось переходу души человека из мира живых в мир мертвых, потому что существовало представление, что душа покойного, входя в иной мир, преодолевает некое водное пространство на лодке Харона.

Когда боспоряне усмотрели переносный смысл в сюжете рисунка на рыбных блюдах, они стали использовать их в погребальном обряде,²⁵ и на такие блюда появился большой спрос. Тогда афинская мастерская, слегка варьируя найденную удачную композицию, начала целенаправленно работать для экспорта своей продукции именно на Боспор. Это продолжалось около двадцати лет и окончилось либо в связи с закрытием мастерской, либо со смертью вазописцев, исполнявших эту композицию. Другие же не стали трудиться над столь сложным сюжетом.

Аттические вазописцы классического периода, обращаясь к сценам свадьбы, чаще всего иллюстрировали третий день, когда невеста принимала подарки. Лучшие образцы таких рисунков украшают два свадебных лебета из Пантикапея. Один исполнен Мидией около 410 г. до н. э.,²⁶ а второй, упомянутый выше, расписан мастером Марсия в середине IV в. до н. э.²⁷ Кисти последнего принадлежит тот же сюжет на крышке леканы, тоже из находок в некрополе Пантикапея.²⁸

В центре всех картин находится сидящая в кресле невеста (рис. 71, 75). Ее голова увенчана венком или диадемой, в уши

²⁴ Доватур А. И. Указ. соч. С. 17, 21.

²⁵ Вследствие того что путешествие Европы через море рассматривалось как символ перехода души в иной мир, блюда с изображением финикийской царевны, плывущей на спине быка, использовались при погребении мужчин и женщин любого возраста. Barringer J. M. Op. cit. P. 665.

²⁶ ДБК. Табл. 49; МГВ. С. 150. Рис. 50.

²⁷ Ср. прим. 18.

²⁸ ОАК. 1861. Табл. 1; UKV. № 14; RCA. P. 86. № 32; ARV. 1475. 7; LIMC. Bd. 2. S. 102. № 993.

вдеты серьги, шея обвита ожерельем, руки украшены кольцами и браслетами, платье расшито узорами, а накинутый на него плащ оторочен цветной каймой. Молодые женщины, подносящие подарки, тоже в праздничных нарядах и украшениях. На вазе мастера Марсия изображены разнообразные подарки: расшитые повязки-тени, шкатулки и ткани. Маленькая девочка протягивает невесте лекану, одна из девушек дарит пиксиду, а две другие держат предметы, необходимые для свадебных церемоний: расписной лебет на высокой подставке и особого вида треножник (рис. 71, 73).

Сходные сцены представлены еще на одной хорошо сохранившейся вазе²⁹ и на многочисленных фрагментах кальпид и крышек лекан.³⁰ Здесь нарисованы свадебные подарки, упоминаемые в античной литературе: ящички и шкатулки с украшениями, арибаллы, наполненные душистыми маслами и благовониями, леканы с разными туалетными принадлежностями. Свадебное настроение подчеркивают изображения маленьких крылатых эротов около невесты и ее подруг.

Эпитафия Феофилы и росписи упомянутых ваз позволяют заключить, что празднование свадьбы на Боспоре в основных чертах повторяло ритуалы, характерные для всех эллинов.

Симпосион

Свадебный пир в греческом доме был единственным праздничным застольем, на котором присутствовали женщины из семей полноправных граждан; остальные трапезы с приглашением гостей устраивались только для мужчин (Isae. III, 14, 39; Luc. Gall. 2). Если же им хотелось находиться в женском обществе, то звали музыкантов и гетер, принадлежавших к низшим сословиям. Такие пиры всегда сопровождалась выпивкой и потому назывались симпосионами, то есть совместным питьем вина.

²⁹ ДБК. Табл. 52; КПКЖ. Табл. 1; UKV. № 281.

³⁰ ОАК. 1881. Табл. 3; ОАК 1882. С. 20; ОАК 1912\ 15. С. 86, 94. Рис. 135 а. б; КПКЖ. С. 104, 106; UKV. № 21, 28, 31-33.

На протяжении всей античности граждане многочисленных античных государств в Средиземноморье и Причерноморье зачастую посвящали симпосию свой вечерний досуг, о чем писали многие древние авторы, начиная с Гомера. Платон положил начало жанру литературной философской беседы. В 70-х годах IV в. до н. э. он написал диалог «Симпосион», который в русских переводах известен под названием «Пир». Его участники, среди которых находился прославленный философ Сократ, после вкусной трапезы решили перейти к философской беседе и выбрали тему любви и олицетворяющего ее божества Эроса.

Вслед за Платоном свои «Пир» сочиняли такие известные писатели, как Ксенофонт, Плутарх, Лукиан, Афинея. В их произведениях, а также в «Застольных беседах» Плутарха есть много упоминаний о том, как проходил симпосион, как вели себя его участники, что они ели и пили, какую слушали музыку, о чем говорили. Жанр философской беседы на пиру перешел в римскую, а позже в византийскую литературу. В наше время под симпозиумом (такова теперь латинизированная форма этого слова) стали подразумевать обсуждение не только философских, но и различных других научных тем.

Античные авторы называют разнообразные поводы для устройства симпосиона: на него собирались, чтобы отметить победы на всевозможных состязаниях, чтобы попрощаться с друзьями, отправлявшимися в дальний путь, или приветствовать их возвращение из путешествия и др. Платон рассказал, как Агафон созвал гостей, чтобы отпраздновать свой успех на драматическом агоне; гости в «Пире» Ксенофонта отмечали победу юноши в атлетическом состязании; друзья Плутарха несколько раз собирались на симпосион по случаю его возвращения из Александрии (Plut. Mor. 678 e). Вообще греки любили пригласить гостей, чтобы послушать рассказы приехавших из других городов, или соотечественников, возвратившихся из путешествия. Кроме того, было принято устроить праздничный обед после жертвоприношений, которые в древности совершали по самым разнообразным случаям (Xen. Mem. 3, 11; Plut. Mor. 642 f, 645 d).

В обязанности хозяина не всегда входила забота о предоставлении всего необходимого для застолья, а именно еды, вина, благо-

воний для умашения, венков из цветов и душистых растений, потому что симпозион нередко устраивался вскладчину, и гости приносили еду и вино.³¹ Обычно эти яства бывали довольно скромными. В I в. до н. э. Филодем в одной из своих элегий описал, как один гость принес капусту, другой – соленую рыбу, третий – лук, четвертый – печень, пятый – свинину.

Греки не любили многолюдных сборищ; они считали, что для приятного общения количество гостей не должно превышать числа муз, то есть девяти. Плутарх (Mog. 678 d), рассуждая на тему, надо ли приглашать на симпозион много гостей, говорил, что хорошее застолье теряет смысл, если количество его участников превысит пределы, допускающие возможность одновременного общения всех сотрапезников. Этим объясняется, почему Агафон, хозяин симпозиона в «Пире» Платона, пригласил всего пятерых гостей, а в комедии Аристофана «Осы» перечислено семь сотрапезников. К приглашенным иногда присоединялись приведенный гостем приятель или незванный друг дома. Так, Сократ по своей инициативе привел к Агафону Аристодема, а в разгар пира туда зашел Алкивиад, возвращаясь с другого симпозиона, и хозяин радушно его принял, усадив рядом с собой.

На симпозион отправлялись в праздничной одежде; сняв обувь и омыв ноги, проходили на мужскую половину дома в андрон – большую парадную комнату с более высокими потолками, чем в прочих помещениях.³² Их остатки найдены при раскопках многих античных городов. В Северном Причерноморье полы и части стен андронов открыты в Ольвии, Пантикапее, Фанагории и Керкинитиде. Стены богатых андронов украшали росписи по штукатурке, полы устилала мозаика из разноцветной гальки, а начиная со II в. до н. э. – из смальты (кубиков для мозаики). В Северном Причерноморье обнаружены остатки античных по-

³¹ Parke H. W. Festivals of the Athenians. London, 1977. P. 110.

³² Например, андрон дома на акрополе Пантикапея имел площадь 47,5 м²; возможно, здесь в конце V–IV вв. до н. э. устраивали свои приемы первые боспорские цари из династии Спартокидов. Толстиков В. П. Акрополь Пантикапея при ранних Спартокидах // 175 лет Керченскому музею древностей. Материалы международной конференции. Керчь, 2001. С. 75–78.

лов андронов с мозаикой только из гальки; она чаще всего воспроизводила геометрические орнаменты: круги, ромбы, квадраты, меандры и др. Сюжетная композиция украшала пол в ольвийском доме III в. до н. э. (рис. 77), но, к сожалению, там утрачена центральная картина, заключенная в круг; уцелели два шедших по краю мозаики орнаментальных пояса: внешний в виде волны и внутренний с изображением пантер, львов, кабанов и грифонов.³³

В этом андроне вдоль стен на возвышающихся панелях находилось восемь лож.³⁴ Надо заметить, что в античности мужчины во время трапезы возлежали на ложах (рис. 78), причем на одном ложе могли помещаться два (рис. 81) и даже три человека. Платон пишет, что вместе с хозяином Агафоном расположился Сократ, а позже к ним присоединился Алкивиад, и тогда возник спор, кому поместиться рядом с Сократом (Plat. Symp. 213 b, 223 b). Таким образом, на восьми ложах ольвийского андрона могло поместиться до двадцати гостей, но, как уже говорилось, их обычно бывало значительно меньше.

Античные ложа днем служили местом для еды и отдыха. Ложе состояло из деревянной или, реже, бронзовой рамы, установленной на четырех ножках. На раму натягивались ремни или веревки, сверху клали матрац, а под руку возлежащего – одну или несколько подушек. Это хорошо видно на ольвийской стеле ситонов (рис. 78). Пирующий мужчина опирается на несколько подушек в изголовье ложа, ножки которого украшены сложной резьбой. Рядом стоят пять ольвиополитов, составлявших коллегия ситонов; как явствует из надписи на стеле, в III в. до н. э. они вошли в комиссию, созданную для обеспечения населения хлебом в голодный год (НО. 72). Успешно исполнив свои обязанности, ситоны заказали рельеф с изображением своей коллегии, бога и богини, им покровительствовавшим. Бог представлен в виде пирующего бородатого мужчины в плаще на обнаженном теле, он возлежит на ложе и держит наполненный вином ритон; у ложа стоит мальчик-виночерпий.

³³ Леви Е. И. Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985. С. 40. Рис. 25, 26.

³⁴ Крыжицкий С. Д. Жилые ансамбли древней Ольвии IV–II вв. до н. э. Киев, 1971. С. 57, 58.

На этой стеле хорошо видно, что греки в Северном Причерноморье в торжественных случаях одевались так же, как эллины в прочих античных государствах, то есть носили большой плащ-гиматий, окутывая им обнаженное тело, либо надевали этот плащ поверх нижней рубашки-хитона. В такой праздничной одежде приходили на симпозион.

Приступая к застолью, собравшиеся выбирали симпосиарха, распорядителя пира. Он следил за направлением беседы, не допускал крайностей, руководил смешиванием вина с водой, старался не допустить, чтобы гости выпили слишком много (Plut. Mor. 619 b). Во время симпозиона ценилось умение принять свободную и непринужденную позу, а в начале беседы похвалить что-нибудь из окружающей обстановки.

Перед едой слуги подавали воду для мытья рук, затем у каждого ложа ставили маленькие столики с угощением, которые меняли при каждой перемене блюд (Aristoph. Vesp. 1210-1218). Такой круглый столик на трех ножках представлен на стеле ситонов (рис. 78). Прежде чем приступить к питью вина, пирующие снова мыли руки, а слуги подметали и даже мыли пол (Xenophan. I, 1), потому что туда падали остатки пищи и куски хлебного мякиша, с помощью которого ели и обтирали руки. Ведь греки почти не употребляли ложек и вилок, они ели руками пищу, предварительно разрезанную на небольшие куски. В одном ольвийском андроне археологами обнаружены даже канавки, куда стекала вода при мытье пола.³⁵ После влажной уборки мокрая галечная мозаика в центре андрона блестела особенно ярко и радовала глаз своим узором.

Трапеза начиналась с горячих и холодных растительных, мясных или рыбных блюд. Потом подавался десерт: фрукты, орехи, сыр, а затем начинался собственно симпозион - совместное питье вина. Его в присутствии гостей смешивали с водой в больших кратерах и затем разливали в кубки различных форм - килики (рис. 79, 80, 82), скифосы, канфары (рис. 38), ритоны и др. Вино зачерпывали специальными черпаками - киафами (рис. 45) и лили через ситечки, поскольку в древности вина имели осадок. В богатых домах в парадный сервиз входили сосуды из золота, серебра и

³⁵ Там же. С. 57.

бронзы (Plut. Alc. 4), но больше всего употребляли керамическую посуду. Бесчисленное количество обломков расписной столовой керамики встречается при раскопках античных городов, а в погребениях сохраняются целые сосуды, дающие возможность почти по каждому фрагменту узнать всю форму изделия. Поэтому сейчас можно достаточно хорошо представить парадный сервиз для симпозиона, употреблявшийся в любом из исследованных археологами греческом городе.

В Афинах с середины VI до середины V в. до н. э. богатые граждане заказывали специальные сосуды для определенного пира и оговаривали с вазописцем сюжет росписи и надписи имен около изображенных персонажей (последнее известно потому, что надписи исполнены до обжига сосуда).³⁶ Великолепный пример такого рода дает килик мастера Бригоса, расписанный в первой четверти V в. до н. э.³⁷ Заказчик пожелал представить сцену будущего пира. В симпозионе участвовали пятеро мужчин, юноша виночерпий разливал вино, а несколько гетер танцевали, пели и играли на аулосе и барбитоне. В медальоне килика нарисован один из гостей - Филипп, наблюдающий за танцем юной девушки Каллисто; аулос в его руке показывает, что он и сам музицировал во время симпозиона (рис. 79). На стенках килика изображены другие гости, слушающие игру флейтисток и собирающиеся пить из киликов и скифосов (рис. 80). Описанный килик найден в Южной Италии. Это объясняется тем, что после пира такие сосуды часто продавали, и они попадали в разные города на симпозионы местных эллинов. Некоторые из них ездили в Афины и даже могли знать тех, кто изображен на вазе.

Подобные аттические сосуды покупали и в Северном Причерноморье. В конце VI в. до н. э. состоятельный боспорянин приобрел кратер для смешивания вина на пирах в Пантикапее. Вероятно, ему понравилась сцена симпозиона на венчике вазы. На сохранившемся фрагменте представлены только мужчины, на каждом ложе по два человека; их развлекает флейтист, а слуга подно-

³⁶ Webster T. B. Potter and Patron in Classical Attens. London, 1973. P 53, 54, 299.

37ARV². P. 371. № 24.

сит килик с вином. Стены андрона украшены венками с цветами, намеченными белой краской (рис. 81).³⁸

Перед тем, как начать пить вино, греки повязывали голову лентами (рис. 80) или надевали венки из цветов и душистых растений, умащались благовонными маслами, затем пели хором пеан и совершали возлияния в честь Доброго Гения и других божеств (Plat. Symp. 212 e; Xen. Symp. II, 1; Athen. IV, 2). Надписи на застольных чашах свидетельствуют о том, что в Северном Причерноморье придерживались аналогичных правил. Посвящения Доброму Гению прочерчены на киликах V-IV вв. до н. э. из Ольвии и Пантикапея.³⁹ На других киликах вырезаны надписи застольного содержания: «Наливай пить в меру сил», «Выпив меня, Поликрат будет радоваться», «Наполняй до краев» и др.⁴⁰

Третью чашу вина пили за удачу и посвящали ее Зевсу Сотеру, что отразилось в поговорке *τό τρίτον τῷ Σωτήρι*.⁴¹ Это правило, по всей вероятности, соблюдалось и на симпозионах в Северном Причерноморье, о чем свидетельствуют граффити с именем Зевса Сотера на застольных чашах и кратерах из Борисфена, Ольвии и Пантикапея.⁴²

Вино пили, разбавляя водой в различных пропорциях, поэтому его можно было выпить много. Гесиод в поэме «Труды и дни» (ст. 596) рекомендовал пропорцию из трех частей воды на одну часть вина, а вино, разбавленное наполовину водой, считалось очень крепким. Утонченные любители вина пили каждый сорт с определенным количеством воды (Plut. Mor. 619 b). Иногда вино смешивалось с горячей водой (Athen. IV, 4), но обычно с холодной, а летом специ-

³⁸ Corpus vasorum antiquorum. Pusckin Museum. T. 1. Pl. 25,2.

³⁹ Толстой И. И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л., 1953. № 12, 14, 161.

⁴⁰ Там же. № 10-17.

⁴¹ Liddle C, Scott K. A Greek-English Lexicon. Oxford, 1968. P. 175.

⁴² Толстой И. И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л., 1953. С. 100; Яйленко В. П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. № 2. С. 90, 91; Русаева А. С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 57.

ально охлажденной. Пить цельное вино считалось опасным для жизни. Об этом говорится в эпиграмме Каллимаха (AP. VII, 454):

Пьяницу Эрасискена винные чаши сгубили:

Выпил не смешанным он сразу две чаши вина.

(Перевод Ю. Шульца)

По мнению греков, только варвары способны пить неразбавленное вино, но вместо приятной беседы и веселого настроения у них, как, например, у скифов, получалось крикливое пьяное собрание. Такие привычки считались унижительными и губительными. Геродот записал рассказ спартанцев о том, как их царь Клеомен сошел с ума и умер, потому что научился у скифов пить неразбавленное вино. Поэтому, когда спартанцы хотели выпить вина покрепче, они говорили: «Налей по-скифски!» (Her. VI, 84; Athen. X, 29).

Греки считали хорошим тоном пить умеренно, чтобы при возвращении домой не нуждаться в помощи слуги (Theogn. 475-495; Xenophan. I, 17, 18), но это правило зачастую нарушалось (Theogn. 469, 470; 479, 484). В «Пире» Платона (223 c, d) некоторые гости, опьянев, заснули тут же за столом. Комедиограф Евбул с наибольшей полнотой отразил отношение греков к тому, сколько следует пить вина: после трех чаш разумному гостю следует удалиться домой, четвертую чашу осушают соревнующиеся в умении пить кубок залпом, после пятой чаши за столом поднимается крик, после шестой чаши гости ударяются в разгул, после седьмой начинают драться, восьмая чаша приводит к тюрьме, девятая к болезни, а после десятой сходят с ума (Athen. II, 36). На симпозионах в Северном Причерноморье устраивались соревнования, о которых говорит Евбул. Это отражено в граффити на застольных чашах: на ольвийском килике прочерчены слова «выпить одним духом», а на кубке из Херсонеса надпись сообщает, что на пиру будет первенствовать тот, кто без перерыва пять раз осушит кубок.⁴³

⁴³ Яйленко В. П. Указ. соч. С. 91. № 92; Он же. К публикации свода херсонесских граффити // Эпиграфика. Вып. 2. М., 1987. № 1491.

Симпосион сопровождался различными беседами, музыкой, пением, играми. Выразителен в этом плане вопрос одного из гостей Агафона: «Неужели мы не будем беседовать за чашей, не петь, а просто пить, как пьют для утоления жажды?» (Plat. Symp. 214 b). Плутарх в «Застольных беседах» (Mor. 660 a, b) писал, что «на симпосион разумные люди для того и отправляются, чтобы доставить удовольствие себе и друзьям, вместе с тем приобрести новых друзей. Сотрапезнику подобает приобщиться не только к еде, вину и лакомствам, но и к речам, шуткам и веселью, приводящему к взаимному дружескому расположению».

Беседы на различные темы были излюбленным времяпрепровождением греков. Днем в городе цирюльни и лавки становились центрами встреч имеющих досуг граждан; в них обсуждались различные животрепещущие вопросы (Plut. Nic. 30). Феофраст называл такие сборища «сухими симпосионами», потому что там не пили вино (Plut. Mor. 679 a). Неспешные и серьезные беседы велись в узком кругу на симпосионе. Костяные таблички V в. до н. э. с надписями орфиков свидетельствуют о том, что ольвиополиты задумывались о смысле жизни и смерти, войны и мира, истины и лжи,⁴⁴ а в конце I в. н. э. посетивший Ольвию оратор Дион Хрисостом (XXXVI, 16, 24) встретил людей, читавших Платона, и собрал большую аудиторию, слушавшую его рассуждения о наилучшем управлении государством. Но гораздо чаще на симпосионах речь шла о житейских делах: судебных тяжбах, которые касались участников или о которых говорил весь город, о ценах, о войнах и т. п. Многие сотрапезники хотели отвлечься от тяжких повседневных забот, предаваясь легким разговорам о любви за чашей вина, о чем в своих стихах распевал на пирах Анакреонт (AP. IV, 9):

Мил мне не тот, кто, пируя, за полною чашею речи
Только о тяжбах ведет да о прискорбной войне;
Мил мне, кто, Муз и Киприды благие дары сочетая,
Правилом ставит себе быть веселей на пиру.

(Перевод Л. Блуменау)

⁴⁴ Русяева А. С. Земледельческие культы Ольвии. Киев. 1979. С. 73–79.

Питье вина часто перемежалось пением стихов лирических поэтов, арий из театральных пьес и застольных песен, и это тоже отразилось в творчестве Анакреонта, автора многих песен, исполнявшихся на симпосионах.

Что же сухо в чаше дно?
Наливай мне, мальчик, резвый,
Только пьяное вино
Раствори водою трезвой.
Мы не скифы, не люблю,
Други, пьянствовать бесчинно;
Нет, за чашей я пою
Иль беседую невинно.

(Перевод А. С. Пушкина)

Застольные песни назывались сколиями; поющий держал в руке ветвь и передавал ее другому сотрапезнику по своему выбору, а тот либо оканчивал песню, либо запевал другую и передавал ветвь следующему. Аристофан в «Осах» (ст. 1225–1245), описывая симпосион, привел начальные стихи популярных в его время сколиев. Наверное, на пирах в городах Северного Причерноморья наряду с местными песнями пели сколии и стихи поэтов из разных городов, а также популярные во всей Элладе арии из пьес афинских драматургов. Ведь сюда прибывали корабли с товарами из многих греческих государств, а на симпосион эллины любили пригласить приезжих, чтобы послушать новости. Плутарх в биографии афинского стратега Никия (гл. 29) рассказал о том, сколь хорошо афинские моряки запоминали много стихов и мелодий из популярных пьес и как их любили узнавать в разных городах.

Иногда на симпосион звали шутов и актеров. Первые развлекали общество остроумными высказываниями и анекдотами, вторые разыгрывали небольшие сцены, а порой даже целое представление, описанное Ксенофонтом (Symp. I, 13). Об участии актера-мима в пирушке, устроенной в середине VI в. до н. э. в Борисфене, известно по надписи на поддоне чернофигурной чаши для вина, принадлежавшей некоей Мелесии, по-видимому, гетере.⁴⁵

⁴⁵ Яйленко В. П. Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. М., 1982. С. 302, 303.

Редкий пир обходился без хотя бы одной музыкантши (Plut. Mor. 643 b), недаром их часто изображают у ложа пирующих (рис. 80). Иногда музыкантш посылали в гинекей развлечь женщин. Так, поэт Агафон позвал, как положено, на свой пир флейтистку, но ее отправили в гинекей, когда гости единодушно решили посвятить все время философской беседе (Plat. Symp. 176 e).

Женщинам посылали также блюда, которые подавали на первой и второй перемене столов, но содержимое третьих им не полагалось. Как пишет Элиан в «Пестрых рассказах» (II, 41), женщина, «склонная к вину, а тем более много пьющая, была отвратительна». В классический период Милете и Массилии существовал закон, запрещавший женщинам пить, и они его строго придерживались (Ael. Var. Hist. II, 38). Возможно, такие же правила действовали в милетских колониях Северного Причерноморья. Однако подобные установления нигде не касались гетер, принимавших участие в симпозионе, поэтому их изображали с чашей для вина в руках (рис. 80). В V в. до н. э. такой гетерой была Анагора; на одном ольвийском симпозионе ей поднесли наполненный вином кратер и написали на нем ее имя.⁴⁶

Пирующие любили смотреть на танцы (рис. 79), которые нередко сопровождалось акробатическими номерами. В «Пире» Ксенофонта танцовщица исполнила один танец на гончарном круге, другой среди воткнутых в землю кинжалов, третий - подбрасывая в такт музыке одновременно 12 обручей. Иногда и сами гости пускались танцевать (Нег. VII, 129; Plat. Symp. 16-20).

Участники симпозиона развлекались всевозможными играми, чаще всего в коттаб. В углубленном сосуде с водой плавали пустые чашечки, в них надо было попасть остатками вина из своего кубка, чтобы чашечка погрузилась в воду. Существовали и другие варианты этой игры, но задача всегда состояла в том, чтобы метко выплеснутым вином заставить другой сосуд принять определенное положение.⁴⁷

⁴⁶ Толстой И. И. Указ. соч. С. 15. № 13.

⁴⁷ Sparkes B. A. Kottabos: an Athenian After-dinner Game // Archaeology. 1960. V. 13. P. 202.

Такое развлечение во время симпозиона в Ольвии упомянуто во фривольном граффито на чернолаковом скифосе рубежа VI-V вв. до н. э.⁴⁸ Там сообщается, что призом за удачную игру в коттаб была близость с юношей Гефестодором, получавшим за это определенную плату. Надпись свидетельствует о гомосексуальных отношениях в среде ольвиополитов. В конце I в. н. э. это подтвердил Дион Хрисостом (XXXVI, 6), писавший, что любовь к юношам в Ольвии унаследована из ее метрополии Милета. Впрочем, подобные отношения вообще характерны для эллинов, о чем имеется множество упоминаний в античной литературе, начиная с мегарского поэта Феогнида, посвятившего в VI в. до н. э. Кирну свои знаменитые элегии.

Возвращаясь с симпозиона домой, гости продолжали пританцовывать и петь песни под аккомпанемент лиры или аулоса. Такую веселую процессию нередко рисовали аттические вазописцы на различных сосудах, предназначавшихся для вина. Чернофигурный килик с подобной росписью найден в Ольвии.⁴⁹ На нем представлены идущие с пирушки четверо мужчин и одна женщина; один молодой человек играет на аулосе, другой заигрывает с гетерой, держащей в руках лиру (рис. 82).

В архаический период симпозионы устраивались в аристократических домах, но позже они стали распространенной формой организации досуга более или менее состоятельных граждан.⁵⁰ Домашние застолья служили отдыхом и развлечениями, определявшимися интеллектуальным уровнем и настроением собравшихся. У одних преобладали дружеские беседы, у других игры и песни, у третьих гетеры и выступления танцовщиц, мимов и фокусников, но все это сопровождалось питьем вина. Конечно, состоятельные

⁴⁸ Граков Б. Н. Легенда о скифском царе Арианте // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 115. Рис. 4.

⁴⁹ Горбунова К. С. Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л., 1983. С. 180. № 152.

⁵⁰ Свенцицкая И. С. Пир как форма общения в классической и эллинистической Греции // Одиссей. Человек в истории. Трапеза. М., 1999. С. 54.

люди имели возможность чаще, чем более бедные сограждане, заполнять свой досуг таким образом. Порядок совместной трапезы в основных чертах сохранялся в течение многих веков. Изменения касались способов приготовления разных блюд, менялась мода на застольные песни и мелодии, и, конечно, беседы затрагивали все новые животрепещущие темы современности.

11 глава

ВЕНЧАНИЕ ВЕНКОМ

И ОБЪЯВЛЕНИЕ О НАГРАДАХ НА ПРАЗДНИКАХ

ВЕНОК - СИМВОЛ АНТИЧНОГО ПРАЗДНИКА

Древние греки и римляне во время праздников украшали голову венками из цветов, душистых трав и ветвей разных растений, а иногда из драгоценных металлов. Венок из растения, взятого в священной роще, издавна служил наградой на играх в честь богов и героев. Начиная с классического периода и до заката античности, во время празднеств граждан венчали золотыми венками за гражданские и военные доблести. В русском языке далекое воспоминание об античных венках живет в словах корона (латинское согопа - венок, затем венец из драгоценного металла) и лауреат (laureatus - увенчанный лавровым венком), а также в имени Степан (от греческого στέφανος - венок).

Памятники искусства и античные авторы свидетельствуют о разнообразных венках в парадном уборе мужчин и женщин во время семейных и общественных праздников. Венки сплетали из полевых и садовых цветов, ветвей и листьев лавра, оливы, плюща, винограда, мирта, дуба, тополя, пальмы и других растений. Их приносили в храмы в качестве дара богам, самих же богов нередко изображали в венках (рис. 44), как правило, из посвященных им растений. Так, Аполлон обычно имел лавровый венок, а Дионис - плющевой (рис. 38).

Победители состязаний в честь богов и героев получали венок из священного растения. Например, на праздниках Аполлона в Дельфах и на Делосе венчали венком из лавра, священного дерева этого бога, а на Олимпийских играх давали оливковый венок, потому что, по преданию, учредитель этих игр Геракл установил такую награду. Кроме того, венок у греков служил наградой за военные, финансовые, дипломатические и другие услуги государству. Провозглашение о венчании венком совершалось на глав-

ных государственных праздниках. Так, на Делосе во время Аполлоний прочли декрет в честь херсонесита, удостоенного лаврового венка «за добродетели, благочестие к святилищу и благорасположение к народу» (МИС. 22).

Ни одно домашнее празднество не обходилось без венков. Они украшали головы жениха и невесты, их раздавали гостям, собиравшимся на мужской половине дома в андроне, где подавали угощение, пили вино, пели и беседовали на разные темы. Платон описал, как на такой пир пришел Алкивиад в венке из фиалок и плюща (Plat. Symp. 212). Плутарх в «Застольных беседах» (III, 645-648) посвятил целый раздел подобным венкам. Гости музыканта Эратона говорили о том, что цветы «радуют наше обоняние и зрение, испуская удивительный запах и представляя неподражаемое разнообразие красок», аромат же определенных растений помогает от опьянения. Считалось, что излюбленные греками венки из роз и фиалок успокаивают головную боль, а венок из шафрана «безболезненно рассеивает явления похмелья» и дает спокойно уснуть выпившим лишнее.

В V в. до н. э. греческие ювелиры начали изготавливать металлические венки.¹ Они воспроизводили, преимущественно в золоте, а также в серебре и бронзе, ветви различных деревьев и кустарников, в которые иногда включали цветы.² Золотой венок (στέφανος χρύσεος) приносили в дар богам (Dem. XXII, 72-74; НО. 68, 80),³ его надевали участники праздничных шествий и состязаний хоров (Dem. XXI, 16, 22). С V в. до н. э. и до конца античной эпохи венок служил наградой соотечественникам и иностранным гражданам. Одно из первых упоминаний об этом встречается у Фукидида: во время Пелопоннесской войны Народное собрание небольшого города Скионы в северной части Греции постановило в 423 г. до н. э. увенчать золотым венком спартанского полководца Брасида «как освободителя Эллады» (Thuc. IV, 121).

Сохранилось немало античных золотых венков. Наибольшее их количество в Северном Причерноморье обнаружено в некро-

¹ Higgins R. A. Greek and Roman Jewellery. London, 1961. P. 121.

² Deppert-Lippitz B. Griechischer Goldschmuck. Mainz am Rhein, 1985. S. 196. Taf. 21; ГЗ. № 60, 105, 113, 115.

полях Боспора, и лучшие образцы выставлены в Золотой кладовой Эрмитажа в Петербурге. Ювелиры воспроизводили в золоте ветви оливы, лавра, мирта и дуба.⁴ Венки из листьев сельдерея, считавшегося растением, олицетворяющим печаль, почти всегда были погребальными.⁵ Эти и другие венки из некрополей изготовлены в большинстве случаев исключительно для погребального обряда: они очень легкие, с тончайшими лепестками, на которые истрачено минимум драгоценного металла. Таковы четыре лавровых и оливковых венка II в. до н. э. из Артюховского кургана, в два из них вплетены цветки вьюнка.⁶ Подобные изделия предназначались для одноразового использования, они погибали вместе с покойным, если его сжигали на погребальном костре.⁷

Иногда в могилу клали венок, которым некогда венчали гражданина, и он хранился в доме, напоминая о заслугах хозяина (Aeschyn. III, 47). Таков оливковый венок весом 167,5 г или около 40 драхм из кургана Большая Близна на азиатской стороне Боспора. Во второй половине IV в. до н. э. обладатель венка неоднократно надевал его в торжественной обстановке, о чем свидетельствуют следы древней починки этого ювелирного изделия.⁸ Более массивный лавровый венок середины IV в. до н. э. найден в Керчи в кургане Кекуватского, он весит 246,3 г или около 50 драхм (рис. 83).⁹ Для сравнения напомним, что в Афинах победитель в игре на кифаре получал венок весом в 80 драхм, а постановщики трагедий - несколько меньшего размера; в сокровищнице Парфенона большие посвященные венки достигали 250 или даже 273 драхм, то есть килограмма и более золота.¹⁰ Венок с

³ Guarducci M. Epigrafia Greca. T. 2. Roma. 1969. P. 139. Fig. 26; Harris D. The Treasures of the Parthenon and Erechtheion. Oxford, 1995. P. 115-200.

⁴ Стефани Л. Объяснения некоторых художественных произведений, найденных в 1874 г. в Южной России // ОАК за 1875 г. СПб., 1878. С. 16-28; ГЗ. № 105, 113, 115.

⁵ Плиний (NH XX, 44) писал, что венки из сельдерея надевали на поминках; их носили также во время отправления некоторых мистерийных культов.

⁶ Максимова М. И. Артюховский курган. Л., 1979. С. 42, 43.

⁷ Стефани Л. Указ. соч. С. 29. № 23.

⁸ ГЗ. № 115.

⁹ Там же. С. 165. № 105.

¹⁰ Маринович Л. П., Кошеленко Г. В. Судьба Парфенона. М., 2000. С. 167.

посвящением афинскому народу от боспорского царя Спартока весил 189 драхм (IG II². 731).¹¹

Обычно наградной венок составлялся из двух ветвей, связанных сзади проволокой, а спереди на месте соединения веток нередко находился полудрагоценный камень или гемма в золотой оправе. Все это можно видеть на венках из раскопок Боспора (рис. 83); там на месте соединения ветвей часто помещали круглую золотую пластинку с оттиском местной или иностранной монеты.¹² Целые золотые венки отсутствуют в коллекциях археологических материалов из Ольвии, Херсонеса и Тиры; при раскопках их некрополей археологи находили в разграбленных могилах лишь отдельные тончайшие золотые листочки.¹³ Однако известно, что современные грабители похищали из ольвийских погребений золотые венки из лавра и сельдерея.¹⁴

ВРУЧЕНИЕ ЗОЛОТОГО ВЕНКА - НАГРАДА ЗА ГРАЖДАНСКИЕ И ВОИНСКИЕ ДОБЛЕСТИ

Начиная с классического периода, во многих греческих городах золотой венок стал распространенной наградой граждан и иностранцев за различные услуги государству. На больших праздниках читали постановление о наградах и увенчивали лауреатов венком. Афинские ораторы неоднократно цитировали образцы декретов разных греческих городов и законы о подобных наградах (Dem. XVII, 90, 92, 116, 118, 120; Aeschyn. III, 32, 6, 47); они упоминали,

¹¹ МИС. С. 310.

¹² Стефани Л. Указ. соч. С. 16-28.

¹³ Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974. С. 182, 187, 205, 209; Костцюшко-Валюжнич К. К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1900 г. // ИАК. № 2. 1902. С. 14; Шеглов А. И. Некрополь у Песочной бухты близ Херсонеса // КСИА. № 143. 1975. С. 112; Зубарь В. М., Шевченко А. В., Липавский С. А. Некрополь Херсонеса Таврического (материалы раскопок 1983-1985 гг.). Киев, 1989. С. 39. № 13, 19, 20, 39, 48.

¹⁴ Латышев В. В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887. С. 243; Орешников А. В. Несколько замечаний о древностях, найденных в селе Парутино в 1891 г. // Древности. Труды имп. Московского археологического общества. М., 1894. Т. 15. Вып. 2. С. 8. Такие находки попадают в руки грабителей и теперь, о чем археологи знают, к сожалению, лишь по рассказам.

что оглашение почетных декретов и вручение венка происходило в Афинах во время празднования Великих Дионисий и Панафинеи, а также в Народном собрании (Dem. XVIII, 80, 84, 92, 115, 118, 120; Aeschyn. III, 32, 45, 46).

В ряде надписей из античных городов Северного Причерноморья говорится о венчании золотым венком. Больше всего таких надписей сохранилось в Ольвии,¹⁵ следующее место занимает Херсонес,¹⁶ затем Тиры,¹⁷ а на Боспоре не обнаружено ни одной. Исследование этих текстов дает возможность понять, кого, в каких случаях и на каких праздниках удостоивали подобной награды на северном краю греческой ойкумены.¹⁸

Древнейшие среди интересующих нас надписей датируются эллинистическим временем, из них семь ольвийских, три херсонесских и две тирских. Их можно разделить на три группы: к первой относится высокая оценка деятельности соотечественников, ко второй - благодарность государства иностранным гражданам за их услуги, к третьей - выражение признательности гражданину за благородную жизнь и смерть за отечество. Старшая надпись рубежа IV-III вв. до н. э. принадлежит к первой выделенной выше группе. На уцелевшем фрагменте стелы написано, что гражданин Тиры (его имя не сохранилось) «за доблесть и благожелательность по отношению к народу» получает золотой венок на местном празднике, и в дальнейшем его, как и прочих благодете-

¹⁵ IRE I². 25-31, 26, 32, 34, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 45, 46, 51, 52, 53, 57, 61, 94, 107, 198, 279, 305; НО. 28. 34, 43, 80, 81; *Виноградов Ю. Г.* Декрет в честь Антестерия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма // ВДИ. 1984. № 1. С. 57; *Он же.* Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989. С. 153-156.

¹⁶ IRE I². 344, 352, 355, 418, 419, 420, 423, 424, 426, 427, 585; *Антонова И. А., Яйленко В. П.* Херсонес, Северное Причерноморье и Маркоманские войны по данным херсонесского декрета 174 г. н. э. в честь Тита Аврелия Кальпурниана Аполло-нида // ВДИ. 1995. № 4. С. 63.

¹⁷ IRE I². 2, 40; *Карышковский П. О.* Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды // ВДИ. 1959. № 4. С. 112; *Фурманская А. И.* Новый эпиграфический памятник из Тиры // СА. 1960. № 4. С. 173-179.

¹⁸ До сих пор этой теме было посвящено лишь несколько страниц в книге: *Латышев В. В.* Указ. соч. С. 243-249. Теперь мы располагаем большим количеством надписей, которые содержат дополнительные сведения к тому, что было известно В. В. Латышеву.

лей, следует продолжать увенчивать во время общественных праздников.¹⁹ Другая надпись III в. до н. э. лишь косвенно свидетельствует о награждении венком в Тире, потому что сохранилась только часть стелы с изображением венков, полученных тиритом в других городах (рис. 84).²⁰

В первой тирской надписи упомянут сравнительно редкий случай особо почетной награды: венчание золотым венком не однажды, а многократно. Подобное решение записано также в ольвийском декрете третьей четверти III в. до н. э. В нем перечислены заслуги Антестерия: он успешно исполнял государственные должности, на собственные средства построил для родины военный корабль, отремонтировал старые государственные суда, во время голода входил в коллегию ситонов, раздававшую гражданам хлебные пайки. За эти деяния ольвиополиты постановили ежегодно увенчивать Антестерия золотым венком во время празднования Дионисий в театре.²¹

В театре же глашатай объявил о даровании венка Каллинику. Ольвиополиты увековечили Каллиника статуей и на ее мраморном постаменте начертали почетный декрет. Как явствует из частично уцелевшей надписи (рис. 41), Каллиника чествовали за то, что он способствовал гражданскому примирению, реорганизовал городские финансы и урегулировал вопрос о налогах и долгах граждан.

В датировке надписи и в толковании слов о награде существуют разногласия,²² поэтому на них стоит остановиться подробнее. Декрет заключается словами: στεφανωθήναι αὐτόν χρυσοῖς χιλίοις καὶ ἑνδριάντι τὸν δὲ στέφανον ἀναγορευθήναι τοῖς Διονυσίοις ἐν τῷ θεάτρῳ. Ю. Г. Виноградов и П. О. Карышковский понимают смысл

¹⁹ Карышковский П. О. Указ. соч. С. 112.

²⁰ Фурманская А. И. Указ. соч. С. 174.

²¹ Виноградов Ю. Г. Декрет в честь Антестерия... С. 57.

²² Декрет полностью издан, датирован 330-320 гг. до н. э., переведен на русский язык и прокомментирован в статье: Виноградов Ю. Г., Карышковский П. О. Каллиник, сын Евксена // ВДИ. 1982. № 4. С. 26-46; 1983. № 1. С. 21-39. Иное толкование декрета и перевод, а также более поздняя датировка предложены в работе: Яйленко В. П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм. Экономика, культура, политика. М., 1990. С. 268-272.

постановления почти так же, как В. В. Латышев, который перевел его следующим образом (IPE I². 31): «пусть он будет награжден тысячей золотых и статуей, а о награждении возвестить на Дионисии в театре». Мне кажется предпочтительней толкование в переводе В. П. Яйленко: «увенчать его (венком) в тысячу золотых, о венке же объявить на (празднике) Дионисий в театре». Ведь глагол στεφανῶ в первую очередь означает увенчать венком и только изредка имеет значение награждать. То же самое можно сказать о слове στέφανος: это венок, а лишь в редких случаях награда вообще.

На первый взгляд поражает огромная стоимость венка, равная 20 000 аттических драхм, в то время как обычная цена дорогого венка в это время составляла 500 или 1000 драхм.²³ Вероятно, именно это обстоятельство побудило исследователей искать более редкий смысл указанных глагола и прилагательного. Однако 20 000 драхм получается, если ольвийские золотые приравнять к статерам Александра Македонского или Лисимаха, как это было во второй половине IV в. до н. э. По наблюдению В. П. Яйленко, декрет издан в начале III века, когда в Ольвии выпускали золотые полудрахмы, и тогда 1000 ольвийских золотых соответствовали 500 афинским драхмам. Поэтому цена венка Каллиника не представляла ничего из ряда вон выходящего. Например, в афинском декрете 346 г. до н. э. в честь боспорских царей Спартака и Перисада сказано, что их венчают венками по 1000 драхм (MIS. 3).

В качестве аналогии толкования цены венка Каллиника укажем цитированный Демосфеном (XVIII, 92) декрет Херсонеса Фракийского. В нем также говорится о золотом венке, казалось бы, непомерной стоимости в 60 талантов, то есть более 1500 кг золота. Вероятнее всего, здесь имелся в виду расчет по талантам малого веса (он известен из позднейших источников), и в таком случае венок оказывается равен цене немного более 800 г золота.²⁴ Венки такого веса неоднократно зарегистрированы в сохранившихся инвентарях сокровищниц храмов в Афинах.²⁵

²³ Guarducci M. Epigrafia Greca. T. 2. Roma, 1969. P. 21.

²⁴ Радциг С. И. Примечания к речам Демосфена // Демосфен. Речи. М., 1954. С. 559, 560.

²⁵ Harris D. The Treasuries of the Parthenon and Erechtheion. Oxford, 1995. P. 115-200.

Конечно, Каллиник за свои экстраординарные заслуги получил дорогой, особенно по ольвийским меркам, венок. Немногочисленные надписи с указанием цены венков в Северном Причерноморье сообщают о гораздо более скромных венках. Воина, отдавшего жизнь за родину в III в. до н. э., ольвиополиты увенчали венком в 30 золотых, а жрец Агрот посвятил Афродите венок ценой в 5 золотых (НО. 34, 68). В большинстве надписей стоимость венка не называлась. Зачастую почетное постановление о венчании золотым венком, особенно в римское время, давало лишь право на этот акт, венок же оплачивали и приносили на церемонию те, кого награждали, или их близкие.²⁶ Так, ольвиополит Сократ, поставивший за свой счет стелу с декретом о награждении золотым венком умершего брата, скорее всего, оплатил и венок.²⁷

Младший современник Антестерия ольвийский богач Протоген жил во время отчаянно трудного положения Ольвии. Он занимал различные государственные должности, неоднократно оказывал финансовую поддержку Ольвии, давал в голодные годы деньги на закупку хлеба, оплачивал строительство оборонительных сооружений и ремонт государственных кораблей, выкупал отданные архонтами в залог священные храмовые сосуды, отказывался от получения процентов по городским займам (IPE I². 32). Тогда город, не раз издававший декреты об увенчании золотым венком Протогена, вряд ли мог поднести ему награды, сходные по ценности с венком Каллиника.

Особо следует выделить херсонесский декрет второй половины III в. до н. э. в честь Сирика (IPE I². 344). Это единственное в Северном Причерноморье свидетельство о награждении писателя. В первой части своего труда Сирик литературно обработал все сведения о чудесах Девы, верховной богини Херсонеса, а во второй части изложил отношения государства с другими полисами и царями Боспора. Издание почетного декрета от имени народа

²⁶ Латышев В. В. Pontica. СПб., 1909. С. 243.

²⁷ См. интерпретацию текста надписи: Сапрыкин С. Ю. К Ольвийской надписи IOSPE I². 38 // ВДИ. 1988. № 1. С. 147-155. Надпись датируется I в. н. э. В это время в Ольвии недавно возобновилась жизнь после гетского разгрома, так что государство могло выразить благодарность лишь декретом, а венок приобретали родственники покойного.

и венчание золотым венком позволяют предположить, что Сирик читал свой труд либо в Народном собрании, либо в театре. Херсонеситам очень понравилось правдивое изложение истории и патристическая окраска всего сочинения; во время празднования Дионисий они увенчали своего соотечественника золотым венком, который изобразили на фронте декрета в честь историка (рис. 42).²⁸

Почетная надпись со словами «Народ увенчивает Агасикла, сына Ктесия» была вырезана в первой половине III в. до н. э. на мраморном постаменте статуи этого выдающегося гражданина Херсонеса (IPE I². 418).²⁹ Он удостоился редкой чести - конного памятника. Его пьедестал украшали восемь рельефных венков, внутри которых перечислены исполненные Агасиклом должности агораномы, жреца, гимнасиарха, стратега, а также выполненные им экстраординарные миссии: размежевание на участки сельскохозяйственных угодий Херсонеса, возведение оборонительных стен, устройство военного гарнизона и рынка. Три первых миссии считались наиболее важными, поскольку о них написано на лицевой стороне постаментов в двух плющевых и одном лавровом венке, а о четвертом государственном поручении и об исполненных должностях - на боковой стороне в лавровых венках.³⁰

В Северном Причерноморье изображения венков на мраморных стелах появляются в конце IV в. до н. э.³¹ К эллинистическому периоду относятся упомянутые выше стела с декретом Сирика и постамент статуи Агасикла, а также по одной надписи из Ольвии (НО. 28) и Тиры;³² первыми веками нашей эры датируют-

²⁸ Ростовцев М. И. Сирик - историк Херсонеса // ЖМНП. 1915. Апрель. С. 151-170; Белов Г. Д. Херсонес Таврический. Л., 1948. С. 82-84.

²⁹ О разногласиях датировки надписи в пределах разных десятилетий III в. до н. э. см. литературу в статье: Кутайсов В. А. Керкинитиды и Херсонес в IV-II вв. до н. э. // ВДИ. 2003. № 2. С. 72.

³⁰ Виноградов Ю. Г., Шеглов А. Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм. Экономика, культура, политика. М., 1990. С. 350-358; Яйленко В. П. Некоторые вопросы интерпретации Херсонесской присяги и почетной надписи Агасикла // Проблемы истории, филологии и культуры. Москва-Магнитогорск, 2001. Вып. 9. С. 180.

³¹ Украшение венками почетных надписей встречается на стелах и пьедесталах статуй во многих греческих городах. См.: Guarducci M. Op. cit. Fig. 1, 3, 193, 198, 204.

³² Фурманская А. И. Указ. соч. С. 174, 175.

ся две ольвийские и семь херсонесских надписей (IPE I². 198, 279, 419, 420, 423, 424, 426, 427, 585).

Два очень обобщенно изображенных венка находятся на фронтоне стелы с декретом в честь трех херсонеситов, удостоенных венчания венком за финансовые услуги Ольвии (НО. 28). Шесть прекрасно исполненных рельефных венков по два в ряд украшали упомянутую выше стелу из Тиры. В среднем ряду реалистически вырезаны лавровые венки, ветви которых сзади перевязаны лентами, а нижний ряд и частично уцелевший верхний состоят из плюшевых венков с вплетенными в них цветами и ягодами (рис. 84).

Все более или менее хорошо сохранившиеся надписи с венками римского времени помещены на базах херсонесских и ольвийских статуй (IPE I². 198, 420, 423, 424). На ольвийской уцелел один рельефный венок, а на херсонесских пьедесталах имеются по пять, десять и даже двенадцать венков. Их большое количество не всегда означает, что награда получена за каждую должность или деяние, написанные внутри изображения венка. Иногда венок играл лишь орнаментальную роль. На постаменте статуи Аристона, жившего в середине II в. н. э., только в двух из десяти надписей, заключенных в венки, сказано, что народ увенчал его венком за исполнение должности жреца и дамиурга (IPE I². 423).

Оглашение почетных декретов и раздача наград в греческих полисах обычно проходили в театрах, куда на празднование Дионисий собиралась почти вся греческая община, а также на главных городских праздниках, например на Панафинях, и во время панэллинских состязаний (Dem. XVIII, 90, 116). Так было и в Северном Причерноморье. Ольвиополиты совершали торжественные церемонии награждения в театре и на Ахилловом Дроме, где под патронатом Ольвии устраивались панэллинские игры Ахиллеи. «На Дионисии в театре» читали почетные постановления и венчали золотыми венками Каллиника, Антестерия и сыновей херсонесита Аполлония.³³ Декрет в честь Никерата со словами о его награде венком ежегодно повторяли во время самого престижного состязания колесниц на Ахилловом Дроме (IPE I². 34). Кроме того, по-

³³ Виноградов Ю. Г. Декрет в честь Антестерия... С. 57; Он же. Политическая история... С. 156, 215, 216.

добные декреты оглашались в Народном собрании (IPE I². 34; НО. 28, 34). Там увенчивали венком в первые века нашей эры, когда в Ольвии уже не было театра и прекратились игры на Ахилловом Дроме. Как можно заключить из слов Диона Хрисостома (Or. XXXVI, 17), ольвиополиты собирались перед храмом Зевса и, вероятно, рассаживались на его ступенях.

В Херсонесе золотой венок вручали на главном городском празднике Парфении и в театре во время празднования Дионисий (IPE I². 344, 352). В отличие от Ольвии театр в Херсонесе продолжал существовать в римское время, следовательно, церемонии награждения могли проходить здесь и в первые века нашей эры. В Херсонесе и Тире существовали также другие, не известные по названию празднества, сопровождавшиеся церемониями наград золотым венком.³⁴

До сих пор ничего не говорилось о наградах золотым венком на Боспоре, крупнейшем государстве Северного Причерноморья. На его территории не обнаружено надписей с упоминанием венков, хотя есть свидетельства того, что боспоряне уже в IV в. до н. э. хорошо знали о такой награде своих соотечественников в других государствах, а в боспорских некрополях найдено наибольшее количество золотых венков не только в Северном Причерноморье, но и по сравнению с прочими греческими некрополями. Поэтому следует попытаться объяснить подобную лакуну в боспорской эпиграфике.

Напомним, что Боспором управляли цари или, по определению некоторых античных авторов, тираны. Они рассматривали подвластную им державу как свою собственность и соответственно относились к своим подданным. Декреты о награждении венками в античных городах издавались от имени Совета и Народного собрания, а эти институты власти в Пантикапее и других городах Боспора либо играли крайне незначительную роль, либо вовсе не существовали.³⁵ Поэтому отсутствие почетных надписей об увенча-

³⁴ Антонова И. А., Яйленко В. П. Указ. соч. С. 63; Карышковский П. П. Материалы... С. 112.

³⁵ Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 340; Шелов-Коведнев Ф. В. История Боспора в VI—IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984. М., 1985. С. 164-167.

нии золотым венком надо объяснить боспорским государственным устройством, отличным от существовавшего в Тире, Ольвии и Херсонесе, где власть тиранов устанавливалась эпизодически.

Общегреческая традиция апофеоза умершего проявилась на Боспоре в том, что покойных венчали венками: эллины полагали, что за добродетельную жизнь они, подобно героям, могли попасть в общество богов,³⁶ а венок знаменовал их победу в битве, которой уподобляли жизнь.³⁷ Граждан из бедных семей хоронили в венках из живых цветов и растений, более состоятельные заказывали для своих родственников металлические венки, а иногда, как говорилось выше, клали в могилу золотой венок, полученный умершим при жизни.

Говоря о Боспоре, не стоит забывать и о случайности набора сохранившихся надписей, среди которых может не оказаться многих образцов важных документов. В ольвийской надписи II в. н. э. Боспор назван среди государств, увенчавших Феокла венком, значит, по крайней мере в первые века нашей эры боспоряне давали такие награды иностранцам. Напомним также, что древнейшие сведения о награждении граждан Северного Причерноморья золотым венком в других государствах относятся к Боспору.

В афинском Национальном археологическом музее хранится мраморная стела с рельефом, изображающим боспорских царей Спартока II и Перисада I, а также их брата Аполлония.³⁸ На стеле начертан афинский декрет, датированный 346 г. до н. э. (IG II². 212; МИС. 3). В нем сообщается, что Спарток и Перисад, вступив на престол, сразу же отправили в Афины послов с заверением, что их политика остается неизменной, и боспорский хлеб будет в первую очередь отправляться в Афины, как было при их отце Левконе и деде Сатире. За это афиняне постановили дать «Спартоку и Перисаду те же привилегии, какими пользовались Сатир и Левкон, и венчать золотым венком по тысяче драхм в Великие Панафиней каждого из них обоих», кроме того, наградить золотым венком их брата Аполлония. Далее в декрете сказано о решении

³⁶ Nilsson M. P. Geschichte der Griechischen Religion. München, 1976. S. 328, 329.

³⁷ Higgins ft. Op. cit. P. 121.

³⁸ Petracos B. Op. cit. P. 104. № 82.

венчать Спартока и Перисада «каждый год Великих Панафиней», то есть на празднике, устраивавшемся раз в четыре года. Ранее Левкон и, наверное, Сатир посвящали свои венки Афине Полиаде, о чем сообщалось в надписях на этих венках. Поэтому в декрете указано, чтобы те, кто занимается изготовлением и раздачей венков, позаботились о нанесении на них надписи: «Спарток и Перисад, сыновья Левкона, посвятили Афине, будучи увенчаны афинским народом».

Таким образом, боспорским царям доставались лишь почести, а ценные венки после праздничной церемонии оказывались в сокровищнице храма Афины и пополняли афинскую казну.³⁹ Традиция венчать боспорских царей золотыми венками на праздниках продолжалась и в следующем столетии. В 284 г. до н. э. такую награду получил Спарток III во время Великих Дионисий (IG II². 653; МИС. 4),⁴⁰ и его венок, по установленной на этих праздниках традиции, тоже остался в афинском храме (Aeschyn. III, 46).

Итак, боспорские цари регулярно получали награды на праздниках в Афинах. Кроме того, они удостоивались венков в других государствах, очевидно, также за поставку хлеба; сохранилась надпись о награждении Левкона I в Аркадии (КБН. 37). Не только цари, но и видные граждане всех крупнейших городов Северного Причерноморья получали такие награды на праздниках за пределами своей родины. В III в. до н. э. трех херсонеситов наградили золотыми венками в Ольвии (НО. 28), а не известный по имени уроженец Тире был увенчан в Ольвии, Кизике и Родосе.⁴¹ Во II в. н. э. ольвиополиту Феоклу вручили венки его соотечественники и восемнадцать городов (IPE I². 40): Милет, метрополия Ольвии, ее ближние и дальние соседи по Причерноморью (Тира, Херсонес, Боспор, Истрия, Томи, Каллатис, Одесс, Синопа, Гераклея, Амастрия, Тиеон), Византии и несколько малоазийских городов (Апамея,

³⁹ Ценности храмов Афины считались государственной казной. См.: Маринович Л. П., Кошеленко Г. А. Указ. соч. С. 157, 158.

⁴⁰ Об этой надписи см. статью: Хайнен Х. Афинский почетный декрет в честь Спартока III // Древнейшие государства Восточной Европы 1996-1997. Северное Причерноморье в античности. М., 1999. С. 158-169.

⁴¹ Фурманская А. И. Указ. соч. С. 173-179; наименования трех городов, записанные некогда в трех венках, не уцелели.

Кизик, Никомедия, Прусы, Никея). Более десятка городов венчали другого ольвиополита, имя которого утрачено (IRE I². 41).⁴² Судя по содержанию декрета Феокла, многие государства выражали благодарность гражданам Ольвии за то, что те у себя на родине оказывали гостеприимство и содействие в разных делах приезжим из этих государств, то есть, говоря современным языком, выполняли функции консулов.

Поводы для наград венком на северном краю ойкумены находят много аналогий в почетных декретах других эллинских городов. Исключительную редкость представляет лишь херсонесский декрет о венчании золотым венком историка Сирика во второй половине III в. до н. э. Это напоминает о том, как двумя столетиями раньше в Афинах Геродот по постановлению Народного собрания получил огромную денежную премию за публичное чтение своей «Истории» (ps.-Plut. De malign. 26). Хотя многие современные исследователи полагают, что Геродоту вручили денежную награду не за его сочинение, а за какие-то другие услуги афинянам, сообщение псевдо-Плутарха, восходящее к историческому сочинению IV в. до н. э., подтверждает самую возможность награждения за историческое произведение.

Публичные чтения почетного декрета о награде и вручение золотого венка входили в число важнейших составляющих частей многих греческих государственных праздников. Поэтому Ольвия, едва оправившись после гетского разгрома и будучи, по описанию Диона Хрисостома (Ог. XXXVI, 6), маленьким и бедным городом, уже в I в. н. э. возобновила традицию увенчания золотым венком выдающихся граждан.⁴³ Эта традиция угасла лишь к середине III в. н. э., когда жизнь в Ольвии и Тире постепенно замирала, и они прекратили свое существование в IV в. н. э., а в Херсонесе и на Боспоре все большее влияние стало завоевывать христианство, вытеснявшее прежние обряды и обычаи.

⁴² На фрагменте этой надписи читается только девять наименований городов, но их было больше.

⁴³ См. прим. 27.

ПРИЗЫ ЗА ПОБЕДЫ НА ПРАЗДНИЧНЫХ АГОНАХ

Большинство греческих праздников сопровождалось разнообразными состязаниями и вручением призов победителям. Торжественные церемонии награждения проходили в заключительный день празднеств, а затем победителей чествовали на пирах, устраивавшихся либо за счет государства, либо по инициативе друзей и родственников (Plat. Symp. 174a; Xen. Symp. 1; Paus. VI, 15, 8; Plut. Symp. II, 4, 1).

На спортивных играх в Элладе впервые появились награды атлетов, имеющие лишь почетную ценность. Олимпийский оливковый венок стал вершиной спортивной карьеры. В то же время он был знаком особого покровительства Зевса, и это покровительство олимпионик переносил на родину, посвящая свой венок местному божеству.

Среди множества игр, проводившихся в разных древнегреческих городах, выделялись четыре самых знаменитых и престижных; Олимпийские на Пелопоннесе в области Элида, Пифийские близ Дельф, Истмийские на Коринфском перешейке и Немейские в Арголиде. В них, как и во многих других, имел право выступить мужчина - гражданин из любого греческого государства.

На этих четырех играх победители получали только венки. Олимпийский был оливковым, пифийский лавровым, истмийский - из пинии, южного сорта сосны, а немейский из сельдерея (рис. 85). Ветви для венков брали со священных растений, например в Олимпии с дикой оливы, росшей у храма Зевса; эти ветви срезал золотым ножом мальчик из знатной семьи, у которого были живы оба родителя (Paus. VI, 15, 4). Венчание венком проходило в присутствии зрителей, съехавшихся на праздник из множества городов, а перед этим глашатай провозглашал имя награжденного и его родину; эта традиция сохраняется и теперь при вручении олимпийских медалей. При выходе со стадиона поклонники окружали своего кумира, кричали и прыгали от радости, бросали ему цветы, несли до дома на руках (Dio. Chrys. IX, 14).

На родине победителей торжественно встречали, оказывали всевозможные почести и вручали материальное вознаграждение. Афиняне по закону Солон давали чемпиону Олимпийских игр

500 драм, а за победу на других общегреческих играх - по 100 драм. Такая градация отражает особое признание в эллинском мире Олимпийских игр, считавшихся «величайшими играми на свете» (Strab. VIII, с. 353). Вот как Элиан описывает прибытие в Афины олимпийского чемпиона Диоксиппа: «Он торжественно, как это полагалось, въезжал в родной город; стеклось большое количество народу, и люди карабкались, куда попало, чтобы посмотреть на него» (Ael. Var. Hist. XII, 58).

С конца VI в. до н. э. чествование победителя сопровождалось пением хора, который исполнял эпиникий - хвалебную оду, написанную по случаю победы соотечественника. Тогда поэты писали не только стихи, но и музыку к ним. До наших дней сохранились тексты эпиникиев Пиндара и Вакхилида, самых знаменитых авторов этого жанра поэзии. В V в. до н. э. многие города заказывали им оды по случаю побед своих граждан на общегреческих играх, а иногда и на других состязаниях. В заглавиях некоторых эпиникиев Пиндара сказано, что они сочинены для исполнения на родине победителя (Pind. Ol. 5,9,10; Pyth. 11; Nem. 3,10).

Самое престижное и желанное достижение атлета заключалось в завоевании наград на всех четырех главных панэллинских играх. Таких чемпионов называли периодониками, то есть победителями во всем цикле игр. По литературным и эпиграфическим источникам сейчас известно более сорока имен периодоников.⁴⁴ Наиболее знаменитым среди них, ставшим надолго легендой для всех эллинов, был Милон из греческой колонии Кротон в Южной Италии. Будучи юношей, он впервые стал олимпийским чемпионом по борьбе в 536 г. до н. э., потом еще пять раз завоевывал это звание в Олимпии и по несколько раз на других играх (Paus. VI, 14; 2,3).

Одна из форм почестей чемпионов состояла в праве поставить свою статую. Средства для ее исполнения выделялись либо родным городом победителя, либо богатым меценатом, а иногда и самим чемпионом. Павсаний в «Описании Эллады» (VI, 1-18) подробно рассказал о множестве таких статуй в священном ок-

⁴⁴ Большинство сведений о периодониках сохранилось в одах Пиндара и в «Описании Эллады» Павсания.

руге Олимпии. Сейчас от них уцелели лишь несколько постаментов и римских копий с греческих оригиналов. Такова мраморная реплика скульптуры, исполненной Поликлетом в середине V в. до н. э. (рис. 86); статуя изображала Киниска, уроженца города Мантинеи, с олимпийским венком в руке.⁴⁵

На постаментах подобных статуй нередко писали прославляющие чемпиона стихи. Вот одна такая надпись IV в. до н. э., нашедшаяся на пьедестале памятника периодоника Хилона из города Патры (Paus. VI, 4, 6):

Дважды в Олимпии в чистой борьбе один на один я
Между мужей победил, в Дельфах столько же раз;
Три я в Немее, четыре победы взял в Истме, который
Около моря лежит, Хилон, Хилона сын,
В Патрах. Когда ж на войне я погиб, всенародно ахейцы
С славой меня погребли доблести ради моей.

Статуи местных чемпионов стояли и в городах Северного Причерноморья. В Ольвии найден постамент подобного памятника III в. до н. э. с частично сохранившейся надписью (ΙΡΕ Ι². 186). Скульптура изображала чемпиона по бегу Дионисия и находилась в ольвийской гимнасии, где проходили тренировки атлетов и проводились сопровождавшиеся состязаниями праздники в честь Гермеса. Своей победой Дионисий завоевал право на постановку статуи, а его отец, попечитель гимнасии, финансировал изготовление скульптуры.

Прекрасные античные статуи атлетов, а также богов и героев, моделями для которых служили реальные люди, показывают, какая гармоничная красота человеческого тела ценилась у эллинов. Они даже устраивали во время некоторых игр соревнования в красоте тела атлетов; этот вид состязания упомянут в надписи из Горгиппии (КБН. 1137).

Чемпионы панэллинских игр принимали участие и в других празднествах, где завоевывали не венки, а иные призы. Это иллюстрирует мраморная стела из Афин с именем Александра, уроженца небольшого аттического городка Рамнунт. На стеле изображены призы, завоеванные им во II в. до н. э.: наряду с истмийским

⁴⁵ Bunnep Б. Р. Искусство древней Греции. М., 1972. С. 183, 184. Рис. 197.

и немейским венками мы видим наградную панафинейскую амфору и щит, полученный на состязаниях в честь Геры в Аргосе (рис. 85).⁴⁶

Сейчас из-за отсутствия каких-либо определенных данных можно только предполагать, что атлеты из античных городов Северного Причерноморья ездили выступать в Олимпию. Относительно же вторых по значению Пифийских игр у нас имеются более определенные сведения. Сохранились надписи с упоминанием о том, как корабли с феорами - посланниками, возвещавшими о точной дате начала празднества - прибывали в гавани Ольвии, Херсонеса и Боспора, и там их гостеприимно встречали (МИС. 12, 13, 14). Оратор Дион Хрисостом (IX, 5) говорил о присутствии ольвиополитов на Истмийских играх в IV в. до н. э.

В 1875 г. на мысе Ак-Бурун недалеко от Керчи археологи раскрыли гробницу, сооруженную в конце IV в. до н. э. В ней лежал знатный и богатый гражданин Боспорского царства; на его высокое положение указывали золотые вещи, в первую очередь великолепный головной убор, о военных подвигах напоминало оружие, а о победах на атлетических состязаниях - почетный приз, завоеванный в Афинах на соревнованиях в беге.⁴⁷ Этим призом была большая панафинейская амфора, наполненная славившимся в древности аттическим оливковым маслом.⁴⁸ На одной стороне вазы нарисованы три бегуна (рис. 87), а на другой стороне - Афина между двух колонн, увенчанных статуями богини победы Ники и Эрота. Надпись гласит, что это «награда из Афин», данная при архонте, имя которого утрачено. По стилистическим особенностям росписи амфора датируется первой половиной IV в. до н. э., то есть временем молодости погребенного.⁴⁹

Победители получали не по одной амфоре. В одной афинской надписи IV в. до н. э. сказано, что за первое место в беге среди юношей полагалось 60, а за второе место - 12 амфор (Syll.³ 1055);

⁴⁶ Broneer O. The Isthmian Victory Crown // AJA. 1962. V. 66. 3. P. 261. Fig. 67,2.

⁴⁷ ОАК 1876. С. 5, 109. Табл. 1, 2.

⁴⁸ Вдовиченко И. И. Указ соч. С. 242. № 6, 7.

⁴⁹ Вдовиченко И. И. Panathenaika. Ольвийская амфора // Археология и этнография Боспора. Т. 3. Керчь, 1999. С. 242. № 5.

взрослым же давали еще больше. Призерам разрешалось продавать эти награды, которые пользовались спросом во всей греческой ойкумене. Недаром большинство панафинейских амфор обнаружено при раскопках за пределами Афин. На Боспоре и в его окрестностях их найдено более десятка, от многих уцелели лишь небольшие обломки. Наряду с греками такие вазы приобретали эллинизированные варвары.⁵⁰

Призы в виде ваз, наполненных оливковым маслом, вероятно, какое-то время существовали и на играх в честь Ахилла, проходивших под патронатом Ольвии на Тендровской косе. Сюда съезжались эллины из многих греческих городов, главным образом с побережья Черного моря, как можно заключить по находкам монет на Тендре.⁵¹ Найденная в ольвийском некрополе амфора рубежа IV—III в. до н. э., скорее всего служила наградой победителя в конских ристаниях на этих играх. Ваза украшена росписью, выполненной в давно вышедшем из моды чернофигурном стиле, сохранявшемся лишь на призовых панафинейских амфорах и некоторых ритуальных сосудах. Кроме этого, на роль приза указывают лавровые гирлянды на плечиках сосуда. На одной стороне художник нарисовал возницу, правящего четверкой лошадей, а на другой - мчащегося всадника, который, как и квадрига, устремляется к нарисованным под ручками вазы колонкам, увенчанным изысканным сосудом.⁵² Колонки изображают столбы на ипподроме, называвшиеся метами; они обозначали место поворотов колесниц и всадников, которые нередко разбивались об них, стремясь в целях экономии времени пройти возможно ближе к мете. Вазы на колонках представляют призы за победу. Серебряная ваза начала III в. до н. э., найденная в Пантикапее,⁵³ близка по форме изображенным на амфоре, и это косвенно подтверждает верность ее датировки.

⁵⁰ Бахтина М. Ю. К вопросу о находках панафинейских амфор в варварских памятниках Северного Причерноморья // Stratum. Петербургский археологический вестник. СПб.; Кишинев, 1997. С. 62, 63.

⁵¹ Зограф А. Н. Находки монет в местах предполагаемых святилищ на Черноморье // СА. Т. 7. 1941. С. 153.

⁵² Фармаковский Б. В. Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 году // ИАК № 8. 1903. С. 29, 30. Рис. 15.

амфора 1901 года // МАР. № 36. С. 16, 17. Рис. 26.

Некоторые исследователи относят ольвийскую амфору к импортным вещам из Александрии,⁵⁴ где в эллинистический период производились вазы такой формы и расписывались в похожем стиле. Однако и в Афинах в конце IV в. до н. э. делали панафинейские амфоры сходной формы,⁵⁵ и одна из них найдена в Ольвии.⁵⁶ Можно высказать осторожное предположение, что в IV в. до н. э. ольвиополиты приобретали призовые амфоры в Афинах так же, как боспоряне заказывали там блюда со сценой похищения Европы.⁵⁷ По декрету Никерата известно о конных состязаниях на Ахилловом Дроме (IPE I². 34), а победа в беге колесниц оценивалась на всех соревнованиях как самая главная. Таким образом, ольвийская амфора, вероятно, входила в число самых престижных наград, которые раздавали в последний день праздника.

Греческие колонисты переносили из метрополии обычаи награждать победителей агонев, сопровождавших многие праздники. Издавна наградами такого рода служили венки и треножники, которые, как правило, посвящали богам (Нег. I, 144). Упоминания о победителях состязаний содержатся в надписях Ольвии, Херсонеса и Боспора (IPE I². 130, 138, 155, 158, 434, 435, 436, 584; НЭПХ. 20, 21, 127; КБН. 1137), но, к сожалению, ни в одной надписи не сохранилось сведений относительно призов на местных агонах. Однако по косвенным данным можно заключить, что в Северном Причерноморье, как и в других областях греческой ойкумены, чемпионы получали венки и нарядные повязки теней. Четыре широкие тени с закругленными краями и с тесемками на концах для завязывания представлены на надгробии херсонесита Феофанта, умершего в молодом возрасте в конце IV в. до н. э. (НЭПХ. 172). Кроме теней на стеле изображены принадлежности атлета: стригиль, сосуд с маслом для натирания во время упражнений и сетка. Наверное, тени указывают на четыре победы Феофанта, одержан-

⁵⁴ Штерн Э. Р. К вопросу об эллинистической керамике // ЗООИД. Т. 28. 1910. С. 163, 173; Тревер К. В. Указ. соч. С. 44.

⁵⁵ АБФ. № 305, 307, 308.

⁵⁶ Эта ваза из хищнических раскопок попала в коллекцию А Фогеля. См.: Тревер К. В. Указ. соч. С. 9. Рис. 2.

⁵⁷ См. об этих блюдах в разделе «Свадьба» главы «Домашние праздники».

ные им на херсонесских, а, может быть и на общегреческих играх.⁵⁸

По-видимому, выдающийся боспорский атлет был похоронен в склепе конца IV - начала III в. до н. э. На стене погребальной камеры нарисованы победные венки и узорчатые тени, а также необходимые для спортсмена стригиль и сосуды с маслом.⁵⁹ Художник изобразил их повешенными на гвоздях, вбитых в стену; поэтому можно представить, как разнообразные призы украшали комнаты в домах чемпионов праздничных игр (рис. 88).

Нарядная тения была весьма распространенной наградой у греков (Paus. VI, 20, 19). Ею украшена голова атлета на бронзовой статуэтке V в. до н. э. из Нимфея.⁶⁰ Тения изображена на знаменитой статуе Поликлета, называемой Диадумен, то есть завязывающий на голове победную повязку. Римляне перевезли Диадумена в свой город и оценили огромной суммой в 100 талантов; его часто копировали античные скульпторы, и до нашего времени сохранилось несколько воспроизведений оригинала Поликлета.⁶¹

Момент награждения теней можно увидеть на краснофигурной гидрии конца VI в. до н. э. Вазописец нарисовал судью, завязывающего пурпурную тению на голове мальчика-победителя, которого украшают еще две подобные повязки на предплечье и на бедре. Там же повязаны тени у юноши-призера на краснофигурной амфоре начала V в. до н. э.⁶² Обычай вручать несколько теней сохранялся и позже; о желании дать сразу три победные тени говорится во фрагменте из утерянной комедии Эвбула, жившего в IV веке до н. э. (Eub. Fr.3).

Изображения нарядных теней на вазах, найденных в Северном Причерноморье, показывают, какими тканями или вышитыми узорами украшали подобные повязки. Лучшие рисунки сохранились на двух сосудах конца IV в. до н. э.: это привозная чернолаковая гидрия из Херсонеса и ойнохоя местной работы из Ольвии.

⁵⁸ Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973. С. 181-183.

⁵⁹ АДЖ. С. 71. Табл. 26, 27.

⁶⁰ Античная художественная бронза. Каталог выставки в Гос. Эрмитаже. Л., 1973. С. 13. № 10.

⁶¹ Виннер Б. Р. Указ. соч. С. 184. Рис. 198.

Повязка на гидрии исполнена одной светлой краской; на черном фоне четко выделяются контуры растительных и геометрических орнаментов на тении, охватывающей верхнюю часть вазы, у ручки повязка нарисована завязанной узлом, от которого свисают концы с бахромой.⁶³ Другая тения изображена лежащей на плечиках ойнохои и частично на ее тулове. Основная часть повязки широкая с закругленными краями, к которым прикреплены тонкие ленты, завязанные бантом. Особенно ценна сохранившаяся раскраска тении: на красном фоне выделяется узор из пальметт и побегов растений; они исполнены белой и голубой красками, вероятно, представляющими шитье серебряными нитями.⁶⁴ Надо полагать, что в Ольвии эллинистического периода награждали тениями с подобным орнаментом, и мастер с натуры воспроизвел одну из них.

В главе о праздниках в театре говорилось о том, что драматургам и учителям хоров, занявшим первое место, вручали бронзовые треножники, которые награжденные посвящали Дионису. Треножник (рис. 89) являлся одним из символов Аполлона и поэтому нередко служил призом на его праздниках, обычно на мусических агонах (Paus. IX, 31, 3; X, 7, 6), например на Пифийских играх в Дельфах. Треножники обычно представляли ценные изделия из бронзы, и их следовало отдавать в храм в качестве посвящения богу (Paus. X, 7, 6); нарушителей этой традиции строго наказывали (Нег. I, 144). Бронзовый треножник стоил дорого, поэтому из-за недостатка средств его иногда делали деревянным (Paus. IV, 12, 8). Возможно, треножниками награждали также на некоторых самых престижных праздниках в Северном Причерноморье. По надписям известно, что в Ольвии треножники посвящали Аполлону (IPE I². 106), там же найдена мраморная капитель от колонны, служившей постаментом для бронзового треножника.⁶⁵

⁶² Η ιστορία των Ὀλυμπιακῶν ᾠόνων. Αθήναι, 1976. № 56, 58.

⁶³ Гриневиц К. Э. Подстенный склеп № 1012 // Херсонесский сборник. Т. 1. Севастополь, 1926. С. 23; Стоянов Р. В. Чернолаковая гидрия с накладным орнаментом из склепа № 1012 в Херсонесе Таврическом // Vita antiqua. Київ, 2003. Ks 5, 6. С. 123.

⁶⁴ Блаватский В. Д. Поліхромна ойнохоа з Ольвії // Археологія. 1947. № 1. С. 158.

⁶⁵ Сорокина Н. П. Мраморная капитель из Ольвии // Культура античного мира. М., 1966. С. 261.

Археологические находки свидетельствуют о том, что атлеты из Северного Причерноморья завоевывали награды на состязаниях, в которых участвовали эллины из многих городов. Выше уже говорилось о призах, полученных боспорянами на Панафинейх. Херсонеситы участвовали в состязаниях на другом афинском празднике Анакии, проводившемся в честь Диоскуров. Об этом свидетельствует бронзовая гидрия с надписью «Приз из Анакий».⁶⁶ Ваза находилась в погребении IV в. до н. э., а в другом захоронении обнаружен серебряный диск, полученный за победу на каком-то престижном агоне.⁶⁷

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОСТАНОВКЕ СТАТУИ

Древнейшие награды в виде увековечивания статуей с надписью о заслугах изображенного получали победители на панэллинских играх. Как уже упоминалось, такие скульптуры атлетов существовали и в Северном Причерноморье (IPE I². 186), но здесь больше известно о статуях (ἀνδριάς) и изображениях (εἰκών),⁶⁸ поставленных в качестве награды в основном за гражданскую деятельность. Они появились в Северном Причерноморье в эпоху раннего эллинизма и существовали по крайней мере до III в. н. э. В Тире, Ольвии и Херсонесе статуи и изображения устанавливали по постановлению Народного собрания или Совета. Цари Боспора, насколько сейчас известно, не отмечали подобным образом заслуги своих подданных, хотя сами были не против того, чтобы их так прославляли у себя на родине и за ее пределами.⁶⁹

⁶⁶ Гриневиц К. Э. Подстенный склеп № 1012 и ворота Херсонеса // Херсонесский сборник. Т. 1. Севастополь, 1926. С. 23.

⁶⁷ Мансветов И. Историческое описание древнего Херсонеса и открытых в нем памятников. М., 1872. С. 67, 68.

⁶⁸ Оба слова в греческом языке могут означать статую, поэтому в русских переводах надписей не делалось различий между этими словами. Однако, как будет показано ниже, в северопричерноморских надписях эти слова подразумевают разные виды наград.

⁶⁹ См., например, стоявшую в Пантикапее мраморную статую одного из Спартокидов (Блаватский В. Д. Пантикапей. М., 1964. С. 89. Рис. 27), а также надписи на пьедесталах статуй Митридата, Аспурга и Рескупоридов (КБН. 40, 54, 59; Трейстер М. Ю. Материалы к корпусу постаментов бронзовых статуй Северного Причерноморья // Херсонесский сборник. Вып. 10. Севастополь, 1999. С. 121-158. № 1,3, 6, 22, 23, 24, 26, 28) и афинский декрет в честь Спартака III (МИС. 4).

Древнейшее письменное свидетельство о награждении статуями граждан Северного Причерноморья относится именно к боспорскому царю Перисаду I и его родственникам (Dein. I, 43).

Начиная с классического периода, статуя воздвигнутая при жизни или посмертно, стала одной из наивысших наград у эллинов; о решении ее поставить объявляли на праздниках и постановления записывали в почетных декретах. Граждане городов Северного Причерноморья удостаивались такой почести и у себя на родине, и в других государствах. В надписях из Ольвии, Херсонеса и Тиры редко говорится о материале статуи; в тех же случаях, когда он упомянут, речь идет о «медной статуе» (IPE I². 31, 355). Сохранившиеся постаменты конных и других почетных статуй также свидетельствуют о бронзовых скульптурах.⁷⁰ Многочисленные находки мраморных изваяний во всех северопричерноморских государствах не исключают возможности предположить, что какие-то почетные статуи делали также из камня.

По надписям различается два типа подобных наград: статуя и изображение. Как явствует из декрета Никерата (IPE I². 34), статуя отличалась от изображения и была наградой более высокого ранга. Надпись гласит, что херсонеситы почтили этого ольвиополита постановкой статуи (ἀνδρῶντος ἀνάστασις) и посвящением изображения (εἰκὼνος ἀνάθεσις). Из найденной в Тиры надписи римского времени явствует, что изображение чествуемого лица решено исполнить в виде позолоченного рельефа; в копии декрета византийцев в честь ольвиополита Оронта говорится о позолоченном, а в двух херсонесских надписях о медных изображениях (IPE I². 2, 79, 423, 424). Поэтому можно предположить, что εἰκὼν – это скульптурное изображение, скорее всего погрудное, выполненное в рельефе из металла или из камня, и по размеру меньшее, чем статуя. Такие изображения неоднократно упоминаются в почетных декретах Тиры, Ольвии и Херсонеса (IPE I². 2, 34, 40, 67, 325, 355, 423, 424; HO. 28). В римское время εἰκὼν ἐνὸπιος соответствовало латинскому *imago clipeata*,⁷¹ означавшему изображение на щито-

⁷⁰ Трейстер М. Ю. Указ. соч. С. 121–158. № 1, 3, 6, 22, 23, 24, 26, 28.

⁷¹ Liddle C., Scott K. A Greek-English Lexicon. Oxford, 1968. P. 571.

образной выпуклости. Поэтому В. В. Латышев переводил ольвийские награды такого рода как изображение на щите (IPE I². 40, 42). Но мне кажется, имелось в виду первоначальное значение – изображение в полном вооружении, как, например, в херсонесском декрете Диофанта, где речь идет о статуе полководца в полном вооружении (IPE I². 352).

Наиболее почетной и соответственно более редкой была конная статуя. Ее посмертно, как уже упоминалось, удостоился ольвиополит Никерат. Следы ног коня сохранились на двух мраморных постаментах с острова Левки и из Херсонеса; на этих пьедесталах вырезаны почетные надписи.⁷² В конце IV в. до н. э. ольвиополиты поставили на о. Левке такой памятник своему соотечественнику (его имя не сохранилось) за то, что он освободил от пиратов находившийся под протекторатом Ольвии священный остров со знаменитым во всей Элладе храмом Ахилла (IPE I². 325). В III в. до н. э. херсонеситы почтили конной статуей Агасикла, исполнявшего много государственных должностей и важных единовременных поручений (IPE I². 418).

Следующей по значимости после конной шла награда статуей во весь рост. От некоторых памятников сохранились следы ступней на постаментах. Ольвиополиты отметили такой скульптурой упомянутого выше Каллиника, а граждане Тиры – Автокла, снарядившего военную экспедицию, вероятно, во время похода Зопириона.⁷³ В конце II в. до н. э. в Херсонесе полководец Диофант, увенчанный золотым венком на празднике Парфении, был изображен скульптором в полном вооружении (IPE I². 352), а в середине II в. н. э. херсонеситы поставили статую Аристана за образцовое исполнение государственных должностей и успешное выполнение поручений города во время посольств к императору Антонину Пию и боспорскому царю Реметалку (IPE I². 423). Из серии подобных надписей в Северном Причерноморье только в этой указано имя скульптора Кефисодота, исполнившего статую.⁷⁴ Самое позднее

⁷² Трейстер М. Ю. Указ. соч. № 1, 17.

⁷³ Vinogradov Ju. Greek Epigraphy of the North Black Sea Coast, the Caucasus and Central Asia (1985–1990) // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. V. 1. 1994. P. 72. N. 13; Трейстер М. Ю. Указ. соч. № 3.

⁷⁴ Соломоник Э. И. Каменная летопись Херсонеса. Симферополь, 1990. С. 43.

свидетельство о постановке статуи в качестве награды относится к III в.: это надпись на мраморном пьедестале памятника херсонесскому гражданину Демократу, который неоднократно за свой счет ездил послом к римским императорам, исполнял различные общественные обязанности и был прекрасным оратором (IRE I². 425).

Статуи и изображения ольвиополитов, херсонеситов и боспорян украшали многие города Причерноморья и Эллады, а решения об их установке, как правило, провозглашали на праздниках. От этих скульптур до наших дней уцелел лишь один поврежденный рельеф с фигурами боспорских царей Спартока II, Перисада I и их брата Аполлония;⁷⁵ рельеф венчает мраморную стелу с текстом декрета 346 г. до н. э. (МИС. 3), он стоял в Пирее, а копия, возможно, находилась на Боспоре. Об остальных памятниках известно по письменным и эпиграфическим источникам. Оратор Динарх (I, 43) рассказал о предложении Демосфена поставить статуи Перисада I и двух его родственников на афинской агоре. В почетном декрете царя Спартока III, изданном в 288 г. до н. э., говорится о решении увековечить его статуями на афинской агоре и на Акрополе (МИС. 4). Туда же в I в. до н. э. поместили статую боспорской царицы Пифодориды (МИС. 42). Во II в. до н. э. на о. Тенедосе находилось бронзовое изображение ольвиополита Посидея,⁷⁶ а в I в. н. э. в Византии - позолоченное изображение гражданина Ольвии Оронта (IRE I². 78, 79).

Следы ног на уцелевших постаментах дают возможность представить величину фигур: они в большинстве случаев приближались к росту человека. Многие бронзовые статуи имели вставные глаза из кости или из камня. Их находки в Ольвии и Пантикапее также близки к натуральным размерам глазных яблок и зрачков.⁷⁷

В городах Северного Причерноморья, как и в прочих греческих государствах, почетные статуи помещали на видных местах

⁷⁵ Гайдукевич В. Ф. Указ. соч. С. 67? 68. Рис. 5; Petrakos B. National Museum. Athens, 1998. № 82.

⁷⁶ О том, что Посидей был гражданином Ольвии, см.: Виноградов Ю. Г. Политическая история... С. 242.

⁷⁷ Трейстер М. Ю. Указ. соч. С. 127.

центральной площади и у главных святилищ. В декрете Диофанта сказано, что его статую следует поставить на акрополе Херсонеса возле алтарей Девы и Херсонаса, а в декрете в честь херсонеситов упомянуты их изображения в ольвийском святилище Аполлона. Иногда место предлагалось выбрать родственникам, как в случае со статуей Никерата, или памятник помещали в месте, связанном с деятельностью человека; например, изображение Феокла украшало отстроенный им ольвийский гимнасий (IRE I². 40).

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ПОЧЕТНОГО ДЕКРЕТА С РЕШЕНИЕМ О ПОСТАНОВКЕ КАМЕННОЙ СТЕЛЫ С ТЕКСТОМ ДЕКРЕТА

Чтение глашатаем почетного декрета во время многолюдных празднеств было для каждого эллина желанным актом прославления среди соотечественников. В дальнейшем об этом напоминали выставленные на видном месте каменные, чаще всего беломраморные стелы с вырезанными на них текстами декретов, в которых перечислялись заслуги того или иного гражданина. В заключительной части постановления часто говорится, что его текст следует написать на белокаменной стеле и установить ее в определенном месте, обычно там же, где находились статуи. В эллинистический период такое почетное пространство для стел в Ольвии отвели у храма Аполлона (НО. 29, 35, 36), а в Херсонесе у храма и алтаря Девы (IRE I². 344; НЭПХ. 2), то есть на теменосах верховных богов государства. Есть единичные упоминания о постановке стелы в помещении ольвийской коллегии Семи,⁷⁸ а в римское время - в ольвийском святилище Зевса (НО. 45) и в херсонесском святилище Асклепия (IRE I². 376). В большинстве же надписей рекомендуется установить декрет на акрополе Херсонеса (IRE I². 354, 357, 358, 360, 364, 368, 382; НЭПХ. 112, 121), а в Ольвии - на самом видном и почетном месте города (IRE I². 40; НО. 49).

На ряде стел с подобными декретами, изданными в честь иностранцев, начертаны проксении (рис. 90). Они были у греков

⁷⁸ Виноградов Ю. Г. Декрет в честь Антестерия... С. 57.

одной из самых распространенных наград иностранцам за выдающиеся торговые, финансовые, дипломатические и некоторые другие услуги государству. Проксены в дружественном городе пользовались определенными льготами, а у себя на родине оказывали поддержку и помощь приезжим из этого города, так что их функции можно сравнить с деятельностью консулов нового времени.⁷⁹ Сопоставление текстов проксений разных полисов показывают, что они очень схожи и для них существовали строго определенные формулы, которые незначительно изменялись на протяжении многих веков. В римский период проксении постепенно утрачивали свое первоначальное значение и часто превращались в почетные титулы.⁸⁰

Обычно льготы, предоставлявшиеся проксениями, включали освобождение от налогов на ввозимые и вывозимые товары, а также освобождение от уплаты гаванных сборов. Особо ценной наградой проксену служило дарование гражданства, уравнивавшего его во всех правах с полноправными жителями дружественного города. Иногда льготы распространялись на братьев и сыновей проксена, а торговыми преимуществами могли по его поручению пользоваться слуги.⁸¹

Древнейшая проксения в Северном Причерноморье найдена в Ольвии; это декрет в честь Патрокла, гражданина Синопы, изданный во второй половине V в. до н. э. (НО. 1). Проксении продолжали давать вплоть до позднеимперского времени; последние из уцелевших херсонесских проксений датируются III в. н. э. (НЭПХ. 114). От имени Народа и Совета ольвиополиты и херсонеситы предоставляли проксении купцам и лицам, исполнявшим различные дипломатические поручения, причем обе деятельности в античности зачастую совмещали одни и те же люди. Они приезжали в Северное Причерноморье с берегов Понта, из Эллады и Малой Азии (IPE 12. 20, 21, 23, 26-28, 30, 227, 340, 349, 356-359, 364, 365, 376, 380, 382, 697; НО. 1-27, 45; НЭПХ. 6, 7, 110). На Боспоре проксении

⁷⁹ Тюменев А. И. Херсонесские проксении // ВДИ. № 4. С. 14.

⁸⁰ Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964. С. 31; Klaffenbach. Griechische Epigraphik. Göttingen, 1957. S. 81.

⁸¹ Характерные образцы проксений из разных греческих городов см. в кн.: Guarducci M. Op. cit. P. 28-33.

предоставлялись от имени царя и давались значительно реже, чем в Ольвии и Херсонесе (КБН. 1-5).⁸²

Вероятно, граждане городов Северного Причерноморья получали проксении во многих греческих государствах, но определенных сведений об этом сохранилось не очень много. В III в. до н. э. ольвиополит, имя которого не уцелело, получил проксению в Херсонесе (IPE I². 345). В свою очередь, в Ольвии проксений удостоились херсонеситы Пирралий в IV в. до н. э., а столетием позже - Дионисий (НО. 3, 26). Декреты II в. до н. э. свидетельствуют о проксениях, изданных в Томах для гражданина Тиры Нила и в Оропе для не известного теперь по имени херсонесита (МИС. 8 и № 2 в дополнении); там же его соотечественник получил проксению столетием позже (МИС. 9). В I в. н. э. ольвиополит Оронт стал проксеном Византия (IPE I². 79), а во II в. н. э. некий херсонесит - в Тие, небольшом городе на южном берегу Понта (НЭПХ. 13).

В особую группу следует выделить награждение проксениями в Дельфах и на Делосе. Там находились прославленные во всей греческой ойкумене святилища Аполлона, которые особенно во время праздников посещало множество паломников. О датах начала торжеств возвещали специальные посольства феоров, отправлявшиеся в разные города, чтобы все знали, когда прибыть в Дельфы на Пифийские игры и на Аполлонии на Делос. За оказание гостеприимства феорам и, вероятно, другие услуги Дельфы даровали проксению и целую серию привилегий херсонеситу Сокриту, ольвиополиту Дионисию и боспорянину Никию. Наряду с правами не платить налоги при торговых операциях им разрешалось вне очереди вопрошать дельфийский оракул и решать в суде свои спорные дела, а также пользоваться неприкосновенностью и проэдрией (Syll³. 585; МИС. 12). Позже в 192 г. до н. э. сходных привилегий удостоились послы херсонеситов Формион и Гераклид, а также херсонесит Гимн и пантикапеец Апатурий (Syll³. 281; МИС. 13, 14). На острове Делосе в III в. до н. э. проксении получили пантикапеец Койран, а во II в. до н. э. ольвиополиты Дионисий и Посидей (МИС. 21, 23, 24).

⁸² См. также: Шелов-Коведяев Ф. В. Новые боспорские декреты // ВДИ. 1985. № 1. С. 57-72.

ДАРОВАНИЕ ПРАВА ПРОЭДРИИ

Проедрия была распространенной наградой, которая давала право занимать почетные первые кресла в театрах, на стадионах и других общественных местах. Упомянутые выше херсонеситы, ольвиополиты и боспоряне, награжденные проксениями, удостоились также проедрии в Дельфах и на Делосе (МИС. 12, 21), причем в делосской надписи подчеркнуто, что подобные места им можно занять во время состязаний, то есть на праздничных мусических и атлетических агонах.

Предоставление проедрии существовало в Ольвии по крайней мере с IV в. до н. э. К этому времени относится декрет об исополитии ольвиополитов и милетян (Συλλ.³ 286; МИС. 35), в котором отмечено, что милетяне могут воспользоваться правом проедрии в Ольвии, а ольвиополиты, в свою очередь, в Милете. В ольвийской проксении, близкой по времени декрету об исополитии, гражданин Истрии наряду с обычными для Ольвии льготами проксена получил также право проедрии (НО. 7). Такими, к сожалению, скудными свидетельствами подтверждается существование в Северном Причерноморье проедрии как одного из видов наград.

ПОХВАЛА И ПРАЗДНИЧНОЕ УГОЩЕНИЕ

В текстах почетных надписей перед упоминанием о наградах часто выражалась похвала за деяния чествуемого лица.⁸³ Об этом можно прочесть в декретах Каллиника, Антестерия и во многих проксениях.

Наряду с разнообразными наградами большой честью считалось приглашение на прием с угощением за общественный счет; это также записывалось в почетном декрете. В Северном Причерноморье пока документально известно о подобных приемах только в Ольвии. В эллинистический период они проходили у жреца Аполлона, главного бога государства, и устраивались, вероятно, в каком-то помещении на его теменосе около агоры. О таких при-

⁸³ Guarducci M. Op. cit. P. 20.

емах сообщается в трех надписях (НО. 29, 35, 36), но только в одной сохранились имена чествуемых подобным образом: это херсонеситы Аполлодор, Аполлоний и Евфрон, награжденные золотыми венками за крупные финансовые услуги государству. Наверное, ольвиополиты дали по этому случаю грандиозный пир, потому что для его организации привлекли троих граждан.⁸⁴

В Афинах подобные приемы проходили в пританее. В 346 г. до н. э. там устроили угощение в честь боспорских послов Сосия и Феодосия, сообщивших, что вступившие на престол цари Спарток и Перисад будут по отношению к Афинам проводить такую же дружественную политику, как их предшественники (IG II². 212; МИС. 3).

Получение награды становилось важным событием в жизни любого гражданина. Этот акт совершался в торжественной обстановке государственного праздника и имел в глазах эллинов большое политическое и воспитательное значение (Dem. XVIII, 120). Оно ясно выражено в заключительных словах декретов Каллиника и Никерата (IPE I². 25, 34). В первом утверждалось, что, подобно Каллинику, «каждый получит от народа почесть и награду, достойную благодеяний», а во втором говорилось, что почести, оказанные Никерату, должны побудить граждан быть «более ревностными к услугам отечеству, видя, как благодетели украшаются надлежащими почестями».

Само провозглашение о награде на празднике в присутствии большинства граждан считалось высокой честью. Недаром оратор Эсхин оспаривал не только возможность наградить Демосфена золотым венком, но и отрицал право провозгласить об этом в театре (Aeschyn. III, 32). Херсонеситы в надписи на постаменте статуи Демократа отметили, что город удостоил его «вечным провозглашением» (IPE I². 425).

По надписям из Северного Причерноморья известно, где здесь объявляли о наградах. Глашатай читал почетные декреты во время Дионисий в ольвийском и херсонесском театрах (IPE I². 25, 344; НО. 28), в Народном собрании (IPE I². 34; НО. 28, 34), на

⁸⁴ Виноградов Ю. Г. Политическая история... С. 217, 218.

Парфениях в Херсонесе (IPE I². 352), во время конных ристаний на Ахилловом Дроме (IPE I². 34), на празднествах, сопровождавшихся агонами в Тире.⁸⁵

Итак, многие эллины, жившие на северных берегах Понта, удостоивались различных наград на праздниках у себя на родине и в других государствах. В Тире, Ольвии и Херсонесе существовала система наград, сходная с той, которая была в Афинах и других греческих городах.⁸⁶ На Боспоре известно лишь о небольшом количестве проксений и о наградах на атлетических состязаниях, которые всегда сопровождались призами для победителей. В то же время боспоряне за пределами своей родины получали разнообразные награды, которые не практиковались в их государстве.

На местных праздниках глашатай возвещал о похвале деятельности соотечественников и иностранных граждан, сообщал об увековечивании их статуй или рельефом, о постановке на видном месте города белокаменной стелы с вырезанным на ней почетным декретом, об увенчании золотым венком, о предоставлении права проэдрии, о приглашении на общественное угощение, а также об издании проксений для иностранцев с предоставлением того или иного набора прав и льгот. Начиная с IV в. до н. э. вплоть до заката античности перечисленный состав наград почти не изменялся. В римское время к нему добавились некоторые титулы, например «отец отечества» или «отец города» в Ольвии (IPE I². 42, 46, 174), что соответствовало латинскому *pater patriae*; это было очень высокое и почетное звание (в надписях его ставили всегда на первое место), но сейчас нельзя определенно сказать, за что его давали в условиях небольшого города на краю ойкумены.

12 глава

СПОРТИВНЫЕ И МУЗЫКАЛЬНЫЕ АГОНЫ

⁸⁵ Карышковский П. О. Материалы... С. 112.

⁸⁶ Ср. перечень наград в кн. М. Гвардуччи: *Guarducci M.* Op. cit. P. 20.

Почти каждый более или менее значительный греческий праздник сопровождался соревнованиями поэтов, музыкантов и атлетов, а также конными бегами. Эта часть праздника, называемая агонем, считалась у эллинов особой формой почитания богов и героев.¹ Даже такой специфический праздник, как Элевсинские мистерии, заключался разнообразными состязаниями (Pind. Ol. IX, 98, 99).² Недаром Платон, предлагая законы для идеального государства, писал, что там следует организовать празднества с определенными жертвоприношениями и агонами; кроме того, философ считал необходимым посылать как можно больше граждан участвовать в играх на четырех главных панэллинских праздниках в Олимпии, Дельфах, Немее и на Истме (Plat. Leg. VII, 835b; XII, 950e, 951a).

Самые знаменитые праздники славились своими агонами. О соперничестве трагических и комических поэтов на Великих Дионисиях в Афинах знали во всех греческих государствах; эти состязания положили начало театральному искусству, завоевавшему в эллинистический период весь эллинский мир.³ Высшей наградой для музыканта был приз на Пифийских играх в Дельфах, а каждый атлет мечтал о победе на празднике Зевса в Олимпии.

Многие государства стремились устраивать празднества по образцу четырех самых прославленных древних панэллинских игр - Олимпийских, Пифийских, Немейских и Истмийских; в разных городах следовали программам этих празднеств и вручали сходные призы. Например, на этолийских Сотериях музыкальный агон

¹ Андреев Ю. В. Цена свободы и гармонии. СПб., 1998. С. 189.

² Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Богослужбные и сценические древности. СПб., 1997. С. 208.

³ См. об этом в главе «Праздники в театре».

проводился, как на Пифийских играх, а конный, как на Немейских; на Никефориях в Пергаме установили состязание музыкантов, как на Пифиадах, а конный и атлетический, как на Олимпиадах.⁴

В Северном Причерноморье к числу подобных игр, по-видимому, принадлежал праздник с агонами на Тендровской косе, называвшейся в древности Ахилловым Дромом.⁵ Там находилось святилище героя (Strab. VII, 19, С. 307), почитавшееся моряками, плававшими по Понту Евксинскому (IPE I². 328-332). Праздник устраивало Ольвийское государство. В декрете II в. до н. э. говорится, что состязания в честь Ахилла установлены по предсказанию Пифии (IPE I². 34), поэтому есть основания думать, что ольвийский праздник принадлежал к числу «равных Пифийскому» (ισοπύθιοι) и сопровождался сходными агонами, на которые съезжались граждане разных греческих государств. В надписи сказано лишь о конных ристаниях, во время которых следовало возглашать декрет с похвалой доблести Никерата; он погиб от руки врагов, напавших на его соотечественников, возвращавшихся с Ахиллова Дрома.⁶ Это сообщение - яркий пример игнорирования варварами греческих соглашений о перемирии.

Если проводить аналогию не только с программой агонев, но и с названием игр в Дельфах, именовавшихся Пифиями или Пифиадами, то ольвийский праздник назывался Ахиллеями или Ахиллеадами. Подобно большинству панэгерий, они проводились раз в несколько лет, обычно летом или весной в период наиболее безопасного судоходства, когда корабли обеспечивали бесперебойную связь между всеми греческими государствами. Как и всюду, срок начала праздника определялся по местному лунному календарю, отличавшемуся от хронологического исчисления в большинстве других городов. Например, Олимпийские игры приходились то на конец июня, то на начало июля, так как главный день праздника

⁴ Алмазова Н. А. Agones isopythioi в эллинистическую эпоху // Philologia classica. Вып. 5. СПб., 1997. С. 41, 42.

⁵ Кубланов М. М. Легенда о ристалище Ахилла и ольвийские агонистические празднества // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. № 1. М., 1957. С. 222-231.

⁶ Толстой И. И. Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг. 1918. С. 81.

должен был совпадать с полнолунием в священном месяце, который начинался с новолуния, ближайшего к летнему солнцестоянию.⁷ Поэтому, начиная с V в. до н. э., устроители панэгерий отправляли корабли с феорами, священными послами, которые объезжали греческие города, приглашали на праздник, сообщая точную дату его начала и объявляли священное перемирие (εἰσθεῖρια) на достаточно продолжительный срок, чтобы все могли беспрепятственно прибыть на торжества. По надписям известно, что феоры, приглашавшие на Пифийские игры в Дельфах, посещали Ольвию, Херсонес и Боспор (МИС. 12-14). Вероятно, перед Ахиллеями ольвиополиты посылали своих феоров во многие греческие города.

Множество зрителей собирались на праздничные агоны; по мнению некоторых ученых, в период расцвета Олимпиад на них присутствовало по 40-50 тысяч человек.⁸ Панэгерии посещали выдающиеся политические деятели, полководцы, философы, которых привлекал не только сам праздник, но и возможность широкого общения. Известно, что Олимпийские игры посещали такие знаменитые афиняне, как Мильтиад, Фемистокл, Перикл, Демосфен, Сократ, Платон, а киник Диоген появлялся также на Истмийских играх.

Агоны на праздниках в античных городах Северного Причерноморья, как и всюду, проводились по определенным правилам, которые все участники обещали не преступать. К сожалению, сейчас об этих уставах ничего не известно, кроме того, что на большинство местных праздников допускались только граждане своего государства, либо лица, обладавшие исополитией, то есть равными правами на родине и в дружественном полисе. Это отражено в декрете об исополитии Милета и Ольвии, где записано, что милетяне вместе с прочими гражданскими правами обладают правом принимать участие в ольвийских агонах (Syll.³ 286).

В уставы греческих агонев наряду с разнообразными местными отличиями входили общепринятые пункты. К состязаниям допускали только полноправных граждан; им надлежало быть бого-

⁷ Колобова К. М., Озерецкая Е. Л. Олимпийские игры. М., 1958. С. 15.

⁸ Шебель Г. Олимпия и ее игры. Лейпциг, 1967. С. 107.

боязненными людьми, не иметь судимостей, не совершать нечестных и аморальных поступков, так как выступление на празднике считалось служением божеству. Кроме того, участники агоней давали обещание не прибегать к незаконным приемам, не убивать противника, не подкупать судей и не спорить с ними. За особо тяжкие нарушения изгоняли с игр, за прочие полагались штрафы. В Олимпии на эти деньги ставили статуи Зевса (Paus. V, 21, 15).

8 атлетических и конных агоней выступали только мужчины. Редкое исключение составляли некоторые женские праздники на Пелопоннесе. Павсаний (V, 16, 2) описал соревнование девушек в беге на празднике Геры в Олимпии. Мраморная античная копия статуи юной бегуньи с бронзового оригинала V в. до н. э. иллюстрирует слова писателя о том, что волосы девушек «свободно спадали на плечи, короткий хитон не доходил до колен, а правое плечо и грудь оставались открытыми».⁹ Женщины иногда участвовали в поэтических и музыкальных состязаниях. В надписи 134 г. до н. э. сообщается о кифаристке из города Кумы, получившей приз на Пифиадах,¹⁰ а Плутарх (Mог. 675 b) упомянул о двух победах Аристомахи из Эретрии, исполнявшей эпические поэмы на Истмийских играх.

Агоны на Ахилловом Дроме, вероятно, в основном повторяли состав состязаний на Пифийских играх, программа которых нам в общих чертах известна. Наиболее полно ее описал Павсаний (X, 7). Агонистическая часть Пифиад начиналась с мусических состязаний, включавших выступления хоров, певцов, солистов на кифаре и аулосе; в эллинистическое время к ним присоединились поэты и драматурги (Plut. Mог. 674 d, e). Из спортивных соревнований Павсаний подробно рассказал только о различных видах конных ристаний (рис. 91). Видимо, им на Пифиадах придавалось исключительное значение, и не случайно половина Пифийских эпиконий Пиндара посвящена победителям в колесничном беге, а в Олимпийских, Истмийских и Немейских одах их процент значительно меньше. Вообще же на всех играх конные бега выделяли особо ценными призами. Судя по декрету Никерата, конские скач-

⁹ Винпер Б. Р. Искусство Древней Греции. М., 1972. С. 159. Рис. 173.

¹⁰ Герцман Е. В. Музыка Древней Греции и Рима. СПб., 1995. С. 157.

ки на Ахилловом Дроме считались наиболее престижным видом соревнований, потому что перед ними в присутствии наибольшего количества зрителей провозглашали самые почетные постановления.

Состязания колесниц на Пифийских играх ярко и подробно описаны в «Электре» Софокла (ст. 689-755). Хотя поэт повествует о мифических временах после Троянской войны, стихи трагедии детально обрисовали картину бегов, которые видел сам драматург. В забеге участвовало десять квадриг из разных государств.

Метнули жребий, стали по порядку,
Как им по жребью место указали
Блюстители. Вот звук трубы раздался -
Бег начался. Возницы с громким криком
Поводьями стегнули скакунов,
И понеслись со скрипом колесницы
По пыльному ристалищу вперед.
Вначале вкупе были все, но каждый
На волю рвался, не щадя бича,
Чтоб миновать передней колесницы
Чеку и ржущих головы коней,
И каждому четверки задней жар
Затылок жег, и брызги белой пены,
И спину и колеса покрывали.
Искусно бег свой направлял Орест:
Всегда вплотную огибал он мету,
Давая волю пристяжному справа
И левого отвагу укрощая.¹¹

Затем рассказывается, как несколько колесниц столкнулись и разбились, и при этом одни возницы поранились, а другие погибли. Недалеко от финиша Орест, огибая мету (столб в конце стадиона), задел ее колесом; он упал и запутался в поводьях, а кони потащили его за собой по земле. Когда же их удалось остановить, Орест, «истекавший кровью, был неузнаваем для друзей». Сходные картины постоянно сопровождали агоны на античных ипподромах.

На Пифийских играх состязались также во всех традиционных видах атлетики. Это можно заключить по рассказам о пери-

¹¹ Софокл. Электра. Стихи 709-722. Перевод Ф. Ф. Зелинского в кн.: Софокл. Драммы. М., 1914. Т. 1. С. 362.

одониках - призерах четырех главных греческих игр, а также по некоторым другим сообщениям античных авторов. Павсаний написал о Фаиле из Кротона, который на Пифиадах дважды становился чемпионом в пентатлоне и один раз в беге, а Хилон из Патр два раза побеждал в борьбе (Paus. VI, 4, 6; X, 9, 1). Сохранилась стоявшая у святилища дельфийского Аполлона мраморная статуя периодоника Агия, трехкратного победителя в панкратии на Пифийских играх в середине V в. до н. э.¹²

В эллинистический период в большинстве греческих городов программы игр на крупных празднествах стали весьма схожи; они включали спортивные и мусические агоны (последние по традиции не проводились только на Олимпийских играх).¹³ Таким образом, на любом более или менее заметном празднестве выступали атлеты, всадники, колесницы, поэты, музыканты и драматурги, а также глашатаи и трубачи (Paus. V, 22, 1). Последние играли немалую роль на каждом празднике; трубачи подавали сигнал к началу игр, а глашатаи вызывали соревнующихся, объявляли их имена и государство, откуда прибыл участник агона, и спрашивали, нет ли против них каких-либо возражений. После этого любой зритель мог опротестовать право выступать того или иного из заявленных участников, доказав, что тот не является греческим гражданином, либо, что он совершал неблагоприятные поступки. По завершении соревнований глашатаи объявляли победителей. Агонистические каталоги и другие надписи свидетельствуют, что жители городов Северного Причерноморья обладали мастерством глашатаев и трубачей и соревновались между собой (IPE I². 32, 34, 433; НО. 28; НЭПХ. 127).

Античные авторы сообщают, что сначала праздники сопровождался агонем лишь одного типа, потом постепенно обогащались все новыми состязаниями. Так, на первых Олимпиадах соревновались только в беге, а на Пифиадах выбирали лучший хор, исполнявший гимн в честь Аполлона (Paus. V, 22, 1), или кифарода,

¹² Bunner Б. Р. Указ. соч. С. 255. Рис. 283.

¹³ См., например, перечень множества мусических агонов эллинистического времени в книге: Reisch E. De musicis Graecorum certaminibus capita quattuor. Vindobonae, 1885. P. 71-115.

спевшего лучший пеан (Strab. IX, 3,10). Вероятно, так же развивался ольвийский праздник на Ахилловом Дроме. Сначала он был сугубо местным, и древнейшим агонем являлся бег. Такое предположение основывается на содержании местной легенды, известной сейчас в кратком изложении Мелы (II, 5) и Плиния (NH IV, 89). Греки рассказывали, как остров Ахиллов Дром получил свое наименование в память о том, что Ахилл праздновал там какую-то свою победу, соревнуясь с друзьями в беге. Этот вид атлетики избран в легенде не случайно, ведь в эпической поэзии герой имел постоянный эпитет «быстроногий». Вероятно, ольвиополиты считали его основателем игр и первым победителем на Ахиллеях подобно Аполлону на первых Пифиадах.

Возникновение агонов на Ахилловом Дроме, как и на главных панэллинских играх, скорее всего возводилось к мифической древности; затем, вероятно, рассказывали об их возрождении уже на памяти колонистов.¹⁴ Для сравнения напомним, что Олимпиады считались основанными Гераклом и после значительного перерыва возобновленными вновь (Pind. Ol. X, 44-59; Apollod. Bibl. II, 7, 2; Paus. V, 8, 2; Hygin. Fab. 273), а Пифийские игры, якобы установленные Аполлоном (Hygin. Fab. 140), стали регулярными лишь в начале VI в. до н. э.¹⁵

Первоначально греческие колонисты, поселившиеся в Нижнем Побужье, справляли на Ахилловом Дроме свой местный праздник около святилища прославленного героя Троянской войны, которого они особо почитали с первых лет жизни на новой родине.¹⁶ Потом стали приглашать греков из соседних городов, а затем и всех желающих полноправных эллинов. Уже в V в. до н. э. ольвиополиты оборудовали стадион по крайней мере для бега; это можно заключить по словам песни хора из «Ифигении в Тавриде» Еврипида (ст. 435, 436), упомянувшего, что корабль Ореста проходил мимо Ахиллова Дрома «с прекрасно размеченными стадиями», то есть дистанциями для бега. Песчаная Тендровская коса как

¹⁴ Кубланов М. М. Указ соч. С. 228.

¹⁵ Шанин Ю. В. Олимпийские игры и поэзия эллинов. Киев, 1980. С. 62, 63. Шарнина А. Б. Пифийские игры в Дельфах / Mouseion. СПб., 1997. С. 67.

¹⁶ Русяева А. С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 70-73.

нельзя лучше подходила для проведения подобных состязаний, потому что греки соревновались, бегая по песку. Вот как писал об этом Лукиан в диалоге «Анахарсис»: «Мы заставляем юношей упражняться в беге как на большие расстояния, так и на скорость; и этот бег производится не на твердом месте, а на глубоком песке, где трудно прочно встать и нелегко упереться ногами, так как они вязнут в мягкой почве».

Кроме стадиона, на Ахилловом Дроме находился ипподром для конных ристаний, и было отведено место для соревнований в стрельбе из лука. Вероятно, она занимала почетное место на Ахиллеях наряду с традиционными видами атлетики, много раз упомянутыми в ольвийских надписях. Соседство с кочевыми племенами, использовавшими лук в качестве важнейшего боевого оружия, заставило греков и самих постоянно прибегать к такому оружию, о чем свидетельствуют множество бронзовых наконечников стрел во всех слоях античных городов Северного Причерноморья. Поэтому здесь уделяли серьезное внимание обучению стрельбе из лука и включали ее в состязания на местных праздниках.

В Элладе лук применяли только на охоте, но обучение стрельбе считалось полезным для развития юношей, о чем известно из сочинений Платона (*Leg.* VII, 395) и Феофраста (*Char.* 27, 13). На островах Самосе и Теосе и в некоторых других греческих городах обнаружены надписи с упоминаниями о состязаниях лучников.¹⁷ Но только в ольвийской надписи IV в. до н. э. указан удивительный рекорд лучника Анаксагора, он пустил стрелу на расстояние 282 оргии, то есть примерно на 540 м (*ΙΡΕ Ι²*. 195). Это единственное уцелевшее свидетельство о конкретном спортивном результате на соревнованиях в Северном Причерноморье. Рекорд Анаксагора значительно превышает современный, достигающий 440 м. Наверное, конструкция ольвийского лука позволяла добиваться большей дальности, чем у современных спортивных снарядов. Ольвийский лук, по-видимому, был сделан по образцу скифского; его специфическую форму с выступом посередине сейчас можно представить по археологическим находкам и многочисленным изображениям (рис. 92).¹⁸

¹⁷ Moretti L. *Inscrizioni agonistiche Greche*. Roma, 1953. P. 82, 83.

¹⁸ Черненко Е. В. Скифские лучники. Киев, 1981. С. 139.

Ахиллеи, ставшие широко известными в эллинском мире, выросли из праздника местного значения. Его определенно справляли в V в. до н. э., о чем косвенно свидетельствуют приведенные выше слова Еврипида о размеченных стадиях на Ахилловом Дроме, но, возможно, первые соревнования в беге ольвиополиты устраивали на Тендровской косе еще в VI в. до н. э. Документальное свидетельство о празднике, который благословил Дельфийский оракул, сохранились лишь в декрете Никерата, изданном во II в. до н. э. Игры в честь Ахилла приобрели статус панэгерии, наверное, не в V в. до н. э., как считается в современной научной литературе,¹⁹ а в раннеэллинистический период. Тогда Ольвия достигла своего наивысшего расцвета и могла организовать панэллинский праздник. Кроме того, именно в это время началось учреждение новых панэгерии по всему эллинскому миру, и для их узаконения требовалось обратиться к оракулу,²⁰ что и сделали ольвиополиты, получив одобрение Пифии в Дельфах. Ее устами говорил Аполлон, почитавшийся как главный бог в Ольвии. Наша датировка подтверждается еще и тем, что все сохранившиеся надписи о контактах Ольвии с Дельфами относятся к эллинистическому периоду.

Судя по находкам монет на Тендре, праздник посещали в основном граждане причерноморских государств, кроме того, сюда приезжали представители некоторых малоазийских городов, в частности из ольвийской метрополии Милета.²¹ Ахиллеи, как всякая панэгерия, длились несколько дней, их отмечали раз в несколько лет и на время их проведения объявляли перемирие, распространявшееся по крайней мере на все Причерноморье. Слова ольвийской надписи о благословении Пифии, по-видимому, указывают на то, что игры на Ахилловом Дроме имели статус «равных Пифийским» и на них учредили многие правила, ритуалы и агоны, как в Дельфах, но это не означает, что праздник все полностью копировал.

Пифийские игры принадлежали к числу так называемых *отеφαῖται*, то есть тех, на которых призами служили не материаль-

¹⁹ Кубланов М. М. Указ. соч. С. 228. Русяева А. С. Указ. соч. С. 70.

²⁰ Шарнина А. Б. Указ. соч. С. 64.

²¹ Зограф А. Н. Находки монет в местах предполагаемых святилищ на Черноморье // СА. № 7. 1941. С. 153.

ные ценности, а символические награды, обычно венки из священных растений. Подобные игры считались священными, и к ним относились как к культовым церемониям, а выступления на агонах приравнялось к служению божеству.²² Возможно, такие призы вручали и на Ахиллеях, и венки делали из ветвей растений, срезанных в упомянутой Страбоном (VI, 19, С. 307) священной роще святилища Ахилла. Ведь на многих греческих праздниках вручали венок из ветвей деревьев или кустов, произрастающих на священной участке чествуемого бога или героя.

Находки в некрополе Ольвии двух призовых чернофигурных амфор рубежа IV-III в. до н. э. за победу в беге колесниц²³ дают основание думать, что какое-то время на Ахиллеях победители получали амфоры с маслом, как на Панафинеях, и ольвиополиты заказывали изготовление этих призов в Афинах. Может быть, это было до того, как игры получили статус «равных Пифийским», а наградные амфоры, похожие на панафинейские своей формой и росписью в вышедшем из моды чернофигурном стиле, еще раз подтверждают влияние Афин на самые разные стороны жизни Ольвийского государства в классический и раннеэллинистический периоды.

О победах ольвиополитов в конных состязаниях свидетельствует помещение в местные могилы двух упомянутых ваз и одной панафинейской амфоры,²⁴ которые символизировали высшие достижения, некогда завоеванные этими гражданами у себя на родине и за ее пределами. Последняя из названных ваз представляет редкий образец из серии афинских поздних призовых амфор, сохранившихся в очень малом числе. В конце IV—III вв. до н. э. амфоры с маслом постепенно переставали играть на Панафинеях роль главного приза, и их уже не изготавливали, как прежде, в нескольких сотнях экземпляров. Ольвийский победитель получил в

²² Алмазова Н. А. Указ. соч. С. 42.

²³ Фармаковский Б. В. Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 году // ИАК № 8. 1903. С. 29, 30. Рис. 15; Соколов Г. И. Ольвия и Херсонес. Ионическое и дорическое искусство. М., 1999. С. 137. Рис. 85, 86.

²⁴ Griechische Altertümer Südrussischen Fundorts aus Besitz des Herrn A. Vogell. Ed. M. Cramer. Cassel, 1908. Taf. 4.

Афинах вазу, традиционно украшенную с одной стороны фигурой шагающей богини города (рис. 63), а с другой изображением возницы на бегущей колеснице. Остальные две амфоры, как и панафинейская, относятся к эллинистическому времени. Лавровые ветви на горле и листья на венчике указывают на роль вазы в качестве приза победителю. На обеих амфорах с одной стороны нарисован возница на колеснице, а другая сторона имеет разные сюжеты рисунка; на первой воин с копьем, а на второй — мчащийся всадник с факелом. Мета около колесницы подчеркивает, что изображено именно конное состязание, а не иной сюжет, например иллюстрация эпизода из эпического сказания о битве на боевых колесницах.

Конные соревнования в античности были весьма разнообразны; на них выступали всадники и колесницы, запряженные одной, двумя или четырьмя лошадьми, либо мулами (Paus. V, 8, 2; 9,1). Судя по рисункам упомянутых ваз, на Ахиллеях состязались и колесницы, и всадники, причем один из видов соревнований включал умение доскакать до финиша, не потушив зажженный на старте факел.

Панэгерии с агонами на Ахилловом Дроме, вероятно, не возобновлялись после гетского разгрома Ольвии в I в. до н. э. В первые века нашей эры ольвиополиты устраивали состязания в честь Ахилла, наверное, в городе или его ближайших окрестностях, и скорее всего не случайно в этот период отсутствуют какие-либо свидетельства о дорогостоящих бегах на колесницах. Как и прежде, победа на празднике считалась выдающимся достижением гражданина, о чем говорят приписки к посвятельным надписям с упоминаниями о первенстве архонтов и стратегов в различных видах атлетики (IPE I². 130, 138, 155-158). Это восходит к идущей с древности традиции, характеризуя гражданина, упомянуть о его победах на состязаниях.²⁵

Надписи с агонистическими каталогами показывают, что в Северном Причерноморье на Гермеях и других праздниках, менее крупных, чем Ахиллеи, проводились разнообразные состязания. Наверное, они сопровождали государственные торжества в честь

²⁵ Шанин Ю. В. Указ. соч. С. 30.

Аполлона в Ольвии и на Боспоре, а также большие экстраординарные праздники, например по случаю военной победы. Иногда в память о подобных торжествах греки чеканили монеты; к образцам подобного рода, по-видимому, относится серия медных херсонесских монет IV в. до н. э. Их аверс украшен квадригой, управляемой богиней, а реверс - фигурой воина со щитом и копьем.²⁶

Эталоном для спортивных агонов обычно служил порядок, установленный на Олимпиадах: бег простой, двойной и длинный, пятиборье, борьба, кулачный бой и панкратий. Затем шли конные состязания, в которых выступали всадники и возницы на колесницах, запряженных парой или четверкой коней. Каждый праздник имел свои особенности, и некоторые отличались редкими и даже уникальными видами агонов. Уже говорилось, что ольвиополиты соревновались в стрельбе из лука скифского, а не греческого типа; в Горгииппии награждали атлета, имевшего самое крепкое и красивое тело (εὐεξία - КБН. 1137), а в Херсонесе проводили нигде более не известную анкиломахию (ΙΡΕ I². 435), судя по названию, метание шара или дротика из петли.

Мусические агоны широко распространялись по всему греческому миру, начиная с эпохи раннего эллинизма. Тогда установился такой порядок выступлений: состязания открывали рапсоды, исполнявшие эпические поэмы, затем соревновались кифаристы, одни из которых исполняли инструментальные пьесы, а другие пели под собственный аккомпанемент. Затем выступали авлеты и певцы в сопровождении аулоса. После них шла очередь актеров трагедии и комедии, а конце появлялись псалты, то есть музыканты, игравшие на струнных инструментах (в основном на тритонах) только пальцами без использования плектрона (Athen. XII, 538 b).²⁷ Музыканты и актеры одевались в красивые наряды, не похожие на повседневную одежду (рис. 54, 101).

О мусических состязаниях в Северном Причерноморье известно документально лишь по фрагменту херсонесского агонистического каталога римского времени (НЭПХ. 127); там уцелели слова об участии в агоне глашатаев, трубачей и поэтов, сочинявших

²⁶ Зограф А. Н. Две группы херсонесских монет с заимствованными типами // ИРАИМК. Т. 5 1927. С. 391.

эпиграммы, энкомии и комедии. С определенной уверенностью можно думать о существовании на северных берегах Понта состязаний рапсодов. Ведь Дион Хрисостом (XXXVI, 10) отметил особую любовь ольвиополитов к Гомеру и стремление местных поэтов сочинять стихи в гомеровском стиле; в V в. до н. э. ольвиополиты писали на керамике цитаты из «Одиссеи» и «Малой Илиады»,²⁸ а в IV в. до н. э. в Пантикапее устраивались соревнования в исполнении отрывков из эпических поэм и лучшим давали призы, как об этом сейчас известно по надписи на чернолаковой солонке.²⁹

Косвенными свидетельствами о местных мусических агонах служат наши знания об ольвийском, херсонесском и боспорских театрах, потому что эти здания в первую очередь предназначались для мусических состязаний на Дионисиях и других праздниках.³⁰ Кроме того, есть найденная в Дельфах надпись (МИС. 11) с упоминанием боспорянина Исила, готовившего хор для выступления на Сотериях в 277 г. до н. э. Неизвестно, привез ли Исил туда боспорский хор, или готовил хор другого государства, ведь хороших хороидидаскалов приглашали в разные города; но важно отметить это пока единственное определенное свидетельство о наличии учителей хора в Северном Причерноморье.

Гораздо больше эпиграфических данных имеется об атлетических соревнованиях в Северном Причерноморье. Мы располагаем несколькими надписями с перечислением победителей спортивных агонов на разных празднествах, среди них самые частые, как и у всех греков, проводились в местных гимнасиях.

На протяжении многих столетий занятия, соревнования, праздники и встречи в гимнасии составляли неотъемлемую часть жизни эллинов. Руководители гимнасиев устраивали Гермеи - ежегодные торжества в честь покровителя гимнасиев Гермеса. О таких праздниках со всевозможными видами агонов известно во множестве греческих государств: в Афинах, Беотии, Сиракузах,

²⁷ Герцман Е. В. Музыка Древней Греции и Рима. СПб., 1995. С. 172.

²⁸ Виноградов Ю. Г. Киклические поэмы в Ольвии // ВДИ. 1969. № 3. С. 142; Яйленко В. П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. № 2. № 33.

²⁹ Блаватский В. Д. Пантикапей. М., 1964. С. 93. Рис. 28.

Пелопоннесе, на островах Делосе, Самосе, Теосе и др., а в Северном Причерноморье Гермеи упоминаются в эпитафических памятниках Ольвии, Херсонеса и Горгиппии.³¹ Из надписей мы узнаем, что в III в. до н. э. на ольвийских Гермеях побеждал бегун Дионисий, и его статуя украшала гимнасий (IPE P. 186), а в херсонесском гимнасии исполнялся гимн Гермесу, написанный элегическим дистихом во II в. н. э. по случаю победы подопечных гимнасиарха Демотела (IPE I². 436). В Горгиппии найдена большая мраморная надпись с именами победителей «в длинном беге на празднике в честь Гермеса» (КБН. 1137). Этот не полностью уцелевший каталог содержал имена нескольких сотен чемпионов в различных видах соревнований, проходивших на протяжении нескольких десятилетий, начиная с конца IV в. до н. э.

Горгиппийский гимнасий готовил к ежегодным Гермеям четыре возрастные группы: мальчиков 12-15 лет, юношей 16-17 и 18-19 лет, взрослых старше 20 лет. В последней группе побеждали чаще всего мужчины 26-30 лет, а самому старшему победителю было 48 лет. Из этого можно заключить, что в агонах принимали участие граждане по меньшей мере до 50 лет. Горгиппийская надпись показывает, как вырастали из мальчиков взрослые победители игр, например, призеры в коротком беге среди мальчиков через несколько лет выигрывали длинный бег в старшей группе. Как и в других греческих городах, в Северном Причерноморье существовали целые династии атлетов-победителей.³² Об этом говорят имена каталога: там среди чемпионов встречаются братья, отцы и сыновья.³³ Они, надо полагать, принадлежали к состоятельным семьям, члены которых могли уделять продолжительное время тренировкам, в то время как у бедняков работа занимала весь световой день, когда был открыт гимнасий.

³⁰ См. об этом в главе «Праздники в театре».

³¹ Берзин Э. О. Горгиппийский агонистический каталог // СА. 1961. № 1. С. 118; Карышковский П. О. Монеты с изображением Гермеса // Записки Одесского археологического общества. Т. 2. 1967. С. 260.

³² Шанин Ю. В. Указ. соч. С. 148, 149.

³³ Берзин Э. О. Указ. соч. С. 115; Анохин В. А. История Боспора Киммерийского. Киев, 1999. С. 210-212.

В гимнасий допускались только мужчины, имевшие статус полноправных граждан, поэтому круг постоянно приходивших сюда людей, особенно в небольшом городе, оказывался весьма ограниченным, и все хорошо знали друг друга. В крупных городах, например в Афинах и Милете, имелось несколько гимнасиев, но в большинстве эллинских полисов строился только один.³⁴ Так было в Ольвии и Тире. В Боспорском царстве, кроме столицы Пантикапея, гимнасии существовали в нескольких городах. В период расцвета Херсонесского государства гимнасий находился, возможно, не только в Херсонесе, но и в Керкинитиде и Калос Лимене. Эпитафические свидетельства о северопричерноморских гимнасиях сохранились в надписях Ольвии, Херсонеса, Пантикапея, Фанагории, Горгиппии и Танаиса.

Греки справедливо считали, что тренировки в гимнасии служат не только средством для укрепления здоровья и поддержания должной физической формы, необходимой для защиты отечества от врагов, но и, как писал Лукиан (Anach. 13), «чтобы не становиться от праздности насильниками» и заполнить с пользой свой досуг. Гимнасий устремлял в нужном направлении энергию молодежи, а граждане старшего возраста постоянно приходили посмотреть на тренировки и соревнования.

В гимнасиях греки собирались также для бесед на философские темы, там читали лекции, выступали хоры, местные поэты и риторы.³⁵ Напомним, что Академия Платона и Лицей Аристотеля находились при афинских гимнасиях. Во многих гимнасиях существовали библиотеки, включавшие сочинения философов, драматургов, ораторов и, как правило, поэмы Гомера; уцелело несколько надписей с каталогами книг из родосского, афинского и некоторых других гимнасиев.³⁶ Вероятно, северопричерноморские гимнасии также играли роль культурных центров этих городов.

Строительство гимнасия относилось к первейшим заботам при организации нового греческого полиса. Так, в IV в. до н. э. греки

³⁴ Jones A. H. Greek City from Alexander to Justinian. Oxford, 1940. P. 220-225.

³⁵ Блаватская Т. В. Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. М., 1983. С. 67. 108.

³⁶ Там же. С. 308-310.

из Каллатиса, переселившись в Горгиппию, недавно основанную на азиатской стороне Боспора, сразу же организовали гимнасий, и стали устраивать там ежегодный праздник Гермеи.³⁷ Здание гимнасия принадлежало к числу наиболее красивых и заметных общественных сооружений греческого города. Главное место занимал большой зал для тренировок и состязаний атлетов, к нему примыкали комнаты для раздевания, умачения маслом и посыпания песком, а также банные помещения для мытья после занятий. Некоторое представление о том, как выглядели гимнасий в Северном Причерноморье, можно получить по археологическим остаткам в Ольвии, Фанагории и Херсонесе.

Ольвийский гимнасий дважды упоминается в надписях: в граффито на штукатурке здания III в. до н. э.³⁸ и в лапидарной надписи II в. н. э., где сказано о постройке нового гимнасия (IPE I². 40). Строительные остатки свидетельствуют, что первый каменный гимнасий находился возле южной части агоры; его построили в V в. до н. э., а в конце IV - начале III в. до н. э. заново возвели здание с фасадом, украшенным мраморными деталями.³⁹ Сюда ольвиополиты приходили на праздники и наблюдали за соревнованиями в большом зале, который делился на три части двумя рядами прямоугольных колонн по девять в каждом ряду. Цветная мозаика из гальки украшала пол этого помещения; от нее сохранились небольшие фрагменты, но можно думать, что галька составляла какой-то рисунок, подобно мозаикам, открытым в парадных комнатах богатых ольвийских домов.

К восточной стороне зала примыкали банные помещения; в них найдены остатки труб, по которым вода поступала в большие пифосы из колодца, располагавшегося в юго-западной части здания. Там, как бы охраняя колодец, в специальной нише стояла полуфигура Аполлона.⁴⁰ Этот каменный колодец был сложным гидро-

³⁷ Берзин Э. О. Указ. соч. С. 127.

³⁸ Семенов-Зусер С. А. Физическая культура и зрелища в древнегреческих колониях Северного Причерноморья. Харьков. 1940. С. 40.

³⁹ Описание здания гимнасия дано по книге: Е. И. Леви «Ольвия. Город эпохи эллинизма». Л., 1985. С. 99-108.

⁴⁰ Там же. С. 130. Рис. 131, 132.

техническим сооружением, поскольку водоносный слой в Верхнем городе лежал на глубине примерно 30 м. На южной стороне гимнасия концентрировались комнаты хозяйственного назначения и туалет, а в восточной части помещались большие топки. Жар от них по гончарным трубам шел к днищам резервуаров с водой, и она таким образом становилась горячей.

Архитектурные остатки гимнасия IV—III вв. до н. э. раскрыты в Фанагории. Именно об этом гимнасии говорится в плохо сохранившейся стихотворной надписи IV в. до н. э. (КБН. 991). Фанагорийский каменный гимнасий, подобно ольвийскому, впервые построили в классический период, и позже он подвергся значительным перестройкам. Здание под черепичной крышей имело богатый архитектурный декор. Главный зал окружали известняковые колонны, их венчали мраморные капители с тонкой резьбой, потолок украшали кессоны - мраморные плиты с пальметтами, а стены покрывала штукатурка излюбленного греками красного цвета с добавлением белых и желтых орнаментов.⁴¹ Надписи свидетельствуют, что гимнасий в Фанагории существовал и в римское время (КБН. 983).

Древнейшее известие о херсонесском гимнасии относится к III в. до н. э. (IPE I². 418). В первые века нашей эры он находился между главной улицей и оборонительной стеной. От здания гимнасия сохранились фрагменты мраморной облицовки стен, остатки банных помещений и бассейна.⁴²

О гимнасиях в Пантикапее, Горгиппии и Танаисе известно лишь по упоминаниям в надписях о самих гимнасиях и о гимнасиархах, их руководителях (КБН. 90, 103, 129, 823, 1140, 1263, 1264, 1277-1280, 1287, 1288). Безусловно, гимнасий и проводившиеся там праздники существовали в таких крупных северопричерноморских городах, как Тира, Феодосия и некоторых других; но о них отсутствуют письменные и материальные свидетельства.

Гимнасий строились и содержались либо на государственные средства, либо за счет богатого гражданина, избранного гимнаси-

⁴¹ Кобылина М. М. Фанагория // МИА. № 57. 1956. С. 29-32; Она же. Фанагория, М., 1989. С. 25, 26.

⁴² Кадеев В. И. Херсонес Таврический. Быт и культура (I-III вв. н. э.). Харьков, 1996. С. 34, 35.

архом. По надписям известны имена некоторых ольвийских, херсонесских и боспорских гимнасиархов эллинистического и римского времени. В III в. до н. э. такие обязанности исполняли ольвиополит Никондром и херсонесит Агасикл (IPE I². 186, 418), о которых шла речь в предыдущей главе.

Греки стремились гармонично развивать умственные и физические способности начиная с детских лет. В школьную программу, наряду с изучением гуманитарных и естественных наук, входило обучение музыке и занятия разными видами спорта. Физические тренировки мальчиков начинались на палестре под руководством учителя-педотриба, а затем продолжались в гимнасии. Там во главе педотрибов стоял учитель гимнастики, умевший подобрать для каждого подходящий цикл упражнений. Исполнение упражнений, предписанных хорошим учителем гимнастики, приравнивалось к лечению у врача, потому что оба они, по словам Платона (Gorg. 504), «налаживают тело и приводят его в порядок».

Знаменитый врач Гален (De sanit. II, 9) писал, что учитель гимнастики должен обладать теоретическими знаниями и разбираться в физиологии человеческого организма, а педотрибы могут только наблюдать за правильным исполнением физических упражнений, предписанных учителем. Гален сравнил учителя гимнастики с опытным врачом, определяющим каждому специальное питание, а педотриба - с поваром, готовящим кушанья, но не знающим об их полезных и лечебных свойствах.

О наличии учителей гимнастики в Северном Причерноморье можно заключить, исходя из существования здесь гимнасиев. Уцелело имя лишь одного педотриба Фарнака, прибывшего в Пантикапей из Синопы в I в. до н. э. В стихотворной надписи на его надгробии говорится, что весь гимнасий оплакивал раннюю смерть Фарнака (КБН. 129). Надпись свидетельствует о том, что в гимнасиях северопричерноморских городов работали наряду с местными и приезжие тренеры, как это было вообще характерно для того времени. Таким образом, местные спортивные школы пополнялись опытом тренировок в гимнасиях разных эллинских городов.

Детей сначала учили бегать, потом прыгать, а затем присоединяли другие виды спорта. Из них особенно ценили борьбу за то,

что в ней одновременно приводились в действие все мышцы тела. В процессе тренировок в гимнасии греки развивали силу и выносливость, необходимые для гражданина - защитника отечества от врагов. Кроме того, эллины стремились придать телу красоту и гармонию форм. Художники и скульпторы находили для своих творений превосходные модели на палестрах и в гимнасиях. На многочисленных сохранившихся памятниках античного искусства можно видеть, как выглядели лучшие атлеты в юношеском и зрелом возрасте. Таковы, например, дискоболы Мирона и Навкида, статуи Фидия и Поликлета, изобразивших победителей, завязывающих на голове тению, и множество скульптур богов, которых греки представляли как идеально сложенных людей.⁴³

Эллины занимались атлетикой и выступали на состязаниях полностью обнаженными. Об этом, кстати, напоминает и само слово гимнасий, родственное прилагательному γυμνός - голый, нагой. Атлеты натирали тело оливковым маслом и посыпали его измельченным песком. Прилипая к коже, песок забивал поры и предохранял от простуды, а во время натирания маслом и песком происходил массаж и разогрев перед тренировкой и состязанием. Отправляясь в гимнасий, эллин непременно брал с собой сосудик для масла, полотенце и стригиль - скребок серповидной формы, которым после занятий счищали масло вместе с прилипшими к телу песком и пылью. Эти предметы в искусстве символизировали юношу-палестрита, и их нередко изображали на надгробиях и росписях склепов, где хоронили молодых людей.

В IV—III вв. до н. э. херсонеситы ставили на могилах юношей известняковые стелы с рельефами, на которых представлены висащие на шнурке флакон для масла (арибалл, алабастр или амфориск) и стригиль (НЭПХ. 138, 150, 159, 170, 172). При раскопках античных городов Северного Причерноморья найдено немало бронзовых, железных и костяных стригилей, а также разнообразных керамических и стеклянных флаконов для масла. Эти небольшие флаконы имеют узкое горлышко и венчик с широко отогнутыми краями. Из такого горлышка масло выливалось по каплям или тонкой струйкой, а венчиком его растирали по телу.

⁴³ Bunnep Б. Р. Указ. соч. Рис. 187. 196-198, 200, 207, 241, 242, 280. 281.

О том, какие виды спорта включались в праздничные агоны, можно судить по надписям с перечислением побед разных атлетов. Эти надписи свидетельствуют о местных праздниках, сопровождавшихся различными состязаниями. Большинство таких надписей происходит из Ольвии и Херсонеса и относятся главным образом к римскому времени, но они отражают издавна сложившиеся традиции. На праздничных агонах выступали бегуны (IPE I2. 130, 155, 186, 435, 436, 685; КБН. 1137), прыгуны в длину (IPE I2. 130, 156), борцы (IPE I2. 156, 434, 435), кулачные бойцы (IPE I2. 434), метатели диска (IPE I2. 130, 157, 158) и копья (IPE I2. 130, 138, 157, 435; НЭПХ. 20), а также пятиборцы (НЭПХ. 127), выполнявшие все перечисленные виды упражнений, кроме кулачного боя.

Различались три вида бега.⁴⁴ Древнейший из них назывался простым и равнялся длине одного стадиа. Поэтому его именовали иногда словом *στάδιον*, но чаще определяли как *δρόμος*. Оба наименования встречаются в ольвийских и херсонесских надписях. Двойную дистанцию на расстояние двух стадиев (*δίαυλος*) бежали сначала вперед на один стадий и затем возвращались к старту. Длинный бег (*δόλιχος*) колебался от 6 до 24 стадиев. Все эти виды бега засвидетельствованы в северопричерноморских надписях. Кроме того, в некоторые праздничные агоны включали бег в вооружении.

На месте, где постоянно проводились соревнования в беге, размечались дистанции в стадиях, а само такое место называлось стадионом. На подобном стадионе в IV в. до н. э. некий херсонесит получил в награду за бег чернолаковую чашку, как гласит об этом прочерченная на сосуде надпись.⁴⁵ Сейчас трудно определить точно дистанции, которые пробегали античные атлеты на тех или иных стадионах. Ведь размер стадиа в разных государствах определялся различно и колебался от 164 до 210 м.⁴⁶ Вероятно, в

⁴⁴ Подробное описание бега и других видов античного спорта см. в книгах: Колобова К. М. Олимпийские игры. М., 1958; Gardiner E. Athletics of the Ancient World. Oxford, 1955. Schöbel H. Olympia und seine Spiele. Leipzig, 1965. Le Sport dans la Grece Antique Bruxelles, 1992; L' Olympisme dans l' antiquite. Lausanne, 1993.

⁴⁵ Толстой И. И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л., 1953. С. 58. № 81.

⁴⁶ Фирсов Л. В. Об эратосфеновом исчислении окружности Земли и длине эллинистической стадии // ВДИ. 1972. № 1. С. 161.

Северном Причерноморье колонисты первоначально, по традиции своей метрополии, пользовались ионийским стадионом (210 м), а позже, начиная с V в. до н. э., когда наблюдается влияние Афин во многих областях жизни северопричерноморских полисов и в частности в системе мер и весов, они, наверное, перешли на аттический стадий (177,6 м).

Пятиборье (*πένταθλον*) принадлежало к излюбленным занятиям греческих атлетов, так как требовало всестороннего физического развития. Победителем считался тот, кто завоевал первенство в трех начальных видах состязания, а не обладатель наибольшего количества очков, как принято сейчас. В этом виде соревнований число пять играло особую роль. Оно указывало на количество упражнений, включенных в пентатлон, совершалось по пять бросков копья и диска, бежали на расстояние пяти стадиев, совершали по пять попыток в прыжках.⁴⁷

Греки прыгали в длину (*πήδημα*) иногда с разбега, но чаще с небольшого деревянного или каменного возвышения. Оно располагалось на краю продолговатой ямы с мягкой выровненной землей; на ней оставался отпечаток ног атлета, и от него измеряли длину прыжка. Греческие прыгуны брали в руки по металлической или каменной гантели, весящей от 1,5 до 4,5 кг; их называли гальтерами (рис. 93). С их помощью атлетам удавалось точнее направить размах рук, усилить отталкивание и тем самым увеличить длину прыжка. На аттических вазах запечатлены разные моменты совершения прыжка, позволяющие представить все его этапы. Сначала атлет протягивал руки с гальтерами вперед, затем опускал их вниз и снова стремительно выбрасывал вперед, а перед приземлением прыгун слегка сгибал колени и резко отбрасывал руки назад. Рекорды, записанные античными авторами, превосходят современные, однако теперь не удастся успешно повторить прыжки с гальтерами; они только мешают современному спортсмену, не знающему какого-то древнего секрета.

С возвышения также метали каменный или металлический диски (*δίσκος*). Они делались цельными или с отверстием в середине, имели различный диаметр и весили от одного до пяти с

⁴⁷ Schöbel H. Op. cit. S. 105.

лишним килограммов. Чтобы уравнивать шансы дискоболов, соревнующиеся по очереди пользовались одним и тем же снарядом. Его бросали на дальность и на высоту полета. При бросках в высоту выигрывал тот, чей диск упал последним.⁴⁸ В одном херсонесском погребении найден серебряный диск.⁴⁸ Это - ценная награда, некогда полученная усопшим на каких-то крупных состязаниях.

Копье (αχούριον) метали на дальность полета или в определенную цель. Длина копья равнялась человеческому росту или немного превышала его. Верхушка копья оканчивалась либо острием, либо шишечкой; она делала снаряд более безопасным и придавала тяжесть для правильности полета. К середине древка прикреплялся кожаный ремень с петлей; в нее метатель вкладывал один или два пальца. Ремень позволял придать копью вращательное движение, повышавшее дальность полета. При современной проверке действия такого ремня выяснилось, что с его помощью можно в четыре раза увеличить результат по сравнению с метанием без ремня.⁴⁹ Атлет сам выбирал место крепления ремня. Если его прикрепляли ниже центра тяжести древка, то увеличивалась длина броска, но снижалась точность попадания в цель.

Также на дальность или в цель бросали шар или дротик из петли. Это называлось анкиломахией (ἀγκυλομαχία). Она засвидетельствована лишь в одной херсонесской надписи (I P E12.435) и, наверное, отражает особый вид только местных соревнований.

Борьба (πάλη) считалась одним из труднейших состязаний, потому что кроме силы требовала большой ловкости и хитрости. Противники начинали бороться стоя, стараясь повалить друг друга на землю. Поверженный мог продолжать борьбу, но если был уложен на землю трижды, то считался побежденным. Момент наивысшего напряжения борьбы на земле нарисован на чернофигурном лекифе из Ольвии. Вазописец изобразил заключительный этап борьбы Геракла с Антеем, который силится вырваться из мощных объятий Геракла. Он отталкивается ногами, опираясь левой рукой

⁴⁸ Мансветов И. Историческое описание древнего Херсонеса и открытых в нем памятников. М., 1872. С. 67, 68.

⁴⁹ Колобова К. М., Озерская Е. Л. Указ. соч. С. 46.

на землю. Эта мифологическая сцена передает реальные приемы, использовавшиеся греческими борцами.⁵⁰

Кулачный бой (πυγμή) был наиболее жестоким и опасным видом античных состязаний. Для усиления ударов бойцы обматывали руки ремнями, иногда снабженными металлическими шариками. Удары наносились в верхнюю часть тела; больше всего страдали лицо, зубы и уши, поэтому заслуженные кулачные бойцы, как следует из античных произведений литературы и искусства, часто имели обезображенную голову со сплюснутыми ушами и лицом в шрамах, с изуродованными губами и перебитым носом. Бой продолжался неограниченное количество времени до победы. В античности отсутствовала классификация бойцов по весу, поэтому боролись преимущественно тяжеловесы.

Во всей греческой ойкумене эллины приобретали многочисленные аттические чернофигурные и краснофигурные вазы с изображениями атлетов, тренеров и судей.⁵¹ Вазовые рисунки напоминали занятия в гимнасии и всевозможные праздники с состязаниями, в которых в молодости участвовал почти каждый гражданин. На таких вазах, найденных в Северном Причерноморье по большей части лишь в обломках, мы видим бегунов,⁵² юношей с одним или двумя копьями⁵³ либо с диском⁵⁴, борцов⁵⁴ и прыгунов с гальтерами.⁵⁵

⁵⁰ Борисовская С. П. Геракл и Антей. Об одном мало известном лекифе из Ольвии // Syssitia. Памяти Ю. В. Андреева. СПб., 2000. С. 198-201.

⁵¹ Сохранилось множество vaz с изображениями всех видов атлетики. См.: Webster T. B. Potter and Patron in Classical Athens. London, 1973. P. 196-215.

⁵² Горбунова К. С. Краснофигурные килики из раскопок ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. М.; Л., 1964. С. 185, 186.

⁵³ Там же. С. 186. Рис. 5, 1; Худяк М. М. Раскопки святилища Нимфея // СА. 1952. № 16. С. 261. Рис. 21.

⁵⁴ Леви Е. И. Материалы Ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. М.; Л., 1964. С. 149. Рис. 16.

⁵⁵ Толстиков В. П. Пантикапей - столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 71. Рис. 13; Секерская Н. М. Помещения с культовыми предметами из Никония // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Киев, 1983. С. 128.

Больше всего изображений бегунов.⁵⁶ На небольших сосудах обычно нарисован один, а на амфорах и кратерах - несколько соревнующихся бегунов. Чаще всего они запечатлены во время бега на дистанции, изредка на финише, где победитель заканчивал бег, поднимая руки.⁵⁷ Среди названных ваз выделяется мастерством рисунка панафинейская амфора из гробницы близ Пантикапея.⁵⁸ Художник великолепно передал стремительный бег трех атлетов, энергично помогающих себе движениями согнутых рук (рис. 87).

Вазы с иллюстрациями кулачного боя входят в число наиболее ранних аттических сосудов, появившихся в Северном Причерноморье. Таковы кратер из Пантикапея, расписанный в мастерской известного вазописца Лидоса в середине VI в. до н. э. (рис. 65), килик из Мирмекия того же времени и килик из Ольвии третьей четверти VI в. до н. э.⁵⁹ Наиболее выразительна сцена кулачного боя на панафинейской амфоре конца V в. до н. э., найденной на азиатской стороне Боспора (рис. 61).⁶⁰ В центре картины двое бойцов. На кистях рук у них намотаны ремни, игравшие роль современных боксерских перчаток. Вазописец показал заключительный момент схватки: побежденный упал и, поднимая руку, молит о пощаде замахнувшегося победителя. За его спиной стоит судья в нарядном плаще с узорами, с венком на голове и длинным посохом в руке. С другой стороны от бойцов изображен атлет, наблюдающий за боем. Он держит еще не завязанные на кистях ремни. Это эфедр - боец, который должен сразиться с победителем.

Вазописцы VI-V вв. до н. э. рисовали участников тренировок и состязаний в процессе выполнения упражнений, а с конца V и в

⁵⁶ *Леви Е. И.* Указ. соч. С. 148. Рис. 15; АП. № 41; *Скуднова В. М.* Чорнофігурні лекіфи з архаїчного некрополя Ольвії // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. 7. С. 117, 120, 122.

⁵⁷ АНО. С. 40. № 17.

⁵⁸ *Галанина Л. К.* Панафинейская амфора - награда атлету в Афинах. Л., 1962. С. 15. Рис. 3; *Соколов Г. И.* Указ. соч. № 41.

⁵⁹ *Сидорова Н. А., Тугушева О. В., Забелина В. С.* Античная расписная керамика из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М., 1985. № 16; *Леви Е. И.* Архаическая керамика из раскопок ольвийской агоры // КСИА. № 130. 1972. С. 15. Рис. 152.

⁶⁰ *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 242. Рис. 38; *Галанина Л. К.* Указ. соч. С. 7, 8. Рис. 2.

IV в. до н. э. художники чаще всего изображали атлетов со стригилями рядом с тренерами и судьями.⁶¹

Ольвийские надписи свидетельствуют о том, что в праздничных агонах выступали высшие должностные лица государства - архонты и стратеги: Пурфей отличился в метании копья и диска, Адой стал первым в беге и прыжках, а Леонид дальше всех метнул копье (IPE I². 130, 138). Эти сведения показывают, что некоторые участники агонов выступали и завоевывали победы в двух видах состязаний. То же самое отмечено в херсонесских надписях: Критобул стал победителем в кулачном бою и борьбе, Антилох - в беге и кулачном бою, не известные по имени - в беге и метании копья (IPE I². 434, 435; НЭПХ. 20).

Лучшие атлеты Северного Причерноморья отправлялись на различные игры в Элладу и завоевывали там призы.⁶² Достоверно известно, что боспоряне, херсонеситы и ольвиополиты принимали участие в Пифийских играх и в Сотериях в Дельфах, а также в Аполлониях на Делосе; ольвиополиты и боспоряне ездили на праздники в свою метрополию Милет и на афинские Панафинеи, а херсонеситы посылали своих представителей на афинские Анаксии, посвященные Диоскурам.⁶³ О присутствии ольвиополитов на Истмийских играх упомянул Дион Хрисостом (IX, 5); косвенное свидетельство о поездках боспорян на Немейские игры можно усмотреть в одном граффито эллинистического времени из Нимфея.⁶⁴

Греческие государства всегда гордились победителями на всевозможных играх. Завоевание первенства считалось не только собственным достижением человека, но и проявлением божествен-

⁶¹ *Крыжицкий С. Д., Буйских С. В., Бураков А. В., Отрешко В. М.* Сельская округа Ольвии. Киев, 1989. С. 131. Рис. 50; *Передольская А. А.* Мастер керченских фрагментов, найденных на горе Митридат // Archeologia. Warszawa, 1964. № 14. С. 43, 44; *Секерская Н. М.* Античный Никоний и его округа в VI—IV вв. до н. э. Киев, 1989. Рис. 56.

⁶² О некоторых таких сохранившихся призах см. в главе о наградах на праздниках.

⁶³ См. об этом в главах о праздниках Афины и Аполлона.

⁶⁴ *Яйленко В. П.* Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире. М., 1995. С. 261, 262.

ной милости к атлету (Pind. Ol. VIII, 65-71), музыканту или драматургу.⁶⁵ Таким образом, победитель оказывался лицом, выделенным божеством, которому посвящался праздник. Это представление, характерное для архаического и классического периодов, постепенно угасало в эллинистическое время, когда многие поэты, музыканты и атлеты становились профессионалами, разъезжающими по всей греческой ойкумене с одного празднества на другое. Наверное, они появлялись и в городах Северного Причерноморья; однако надписи римского времени с упоминанием высоких ольвийских должностных лиц, побеждавших в различных видах атлетики, показывают, что здесь продолжали состязаться не профессионалы, и их победы по-прежнему имели высокую общественную ценность.

13 глава

МУЗЫКА, ПЕНИЕ И ТАНЦЫ ВО ВРЕМЯ ПРАЗДНЕСТВ

⁶⁵ Гаспаров М. Л. Поэзия Пиндара // Пиндар, Вакхилид. Оды, фрагменты. М. 1980. С. 362.

Античный праздник почти всегда сопровождался музыкой, пением и танцами. Эта триада составляла понятие музыка (μουσική) и считалась подвластной Аполлону и Музам.¹ Приобщаясь к этим искусствам, эллины испытывали наслаждение и счастье; в такие моменты им казалось, что они становятся похожими на богов. Вот как об этом писал Страбон (X, 3, 9; С. 467): «Музыка, сопровождающая пляску, ритм и мелодия приводят нас в соприкосновение с божеством, как вызываемым музыкой удовольствием, так и художественным исполнением» (перевод Г. А. Стратановского).

Праздничные шествия и жертвоприношения богам проходили с пением и танцами под аккомпанемент духовых и струнных инструментов. Улицы оглашались песнями с музыкальным сопровождением, когда свадебный кортеж двигался из дома невесты в дом жениха, а вечером и ночью веселые компании возвращались с симпозионов, распевая и пританцовывая под мелодии аулоса, лиры или барбитона (рис. 82). В домах инструментальная музыка и хоровое пение звучали на праздничных застольях; туда состоятельные люди приглашали профессиональных музыкантов, чаще всего флейтисток (рис. 80). О существовании таких профессиональных музыкантов в Северном Причерноморье свидетельствует надпись на надгробии IV в. до н. э. из Мирмекия (КБН. 875).

Лучшую музыку в исполнении квалифицированных любителей и профессионалов греки слушали в театрах, где давали концерты свои и приезжие музыканты, а в драматические произведения постоянно включали музыку и танцы. Певцы и музыканты стремились принять участие в праздниках с мусическими агонами, ведь победы на таких состязаниях приносили им славу и поклонение во всей греческой ойкумене.

¹ Герцман Е. В. Музыка Древней Греции и Рима. СПб., 1995. С. 123.

Древнегреческая музыка была ладовой и монофоничной, как затем оставались церковная византийская и народная греческая; они родственны музыкальным традициям Среднего Востока и ряда государств Азии, но чужды современной европейской музыке.²

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ И ИХ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА ПРЕДМЕТАХ ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА ИЗ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Античные музыкальные инструменты сохранились в незначительном количестве, и в основном не целиком, а в виде фрагментов. Описания в сочинениях древних авторов и множество изображений на вазах, фресках, геммах, скульптурах и ювелирных изделиях помогают воссоздать весь набор инструментов, на которых играли эллины. В коллекциях археологических материалов из Северного Причерноморья подавляющее большинство изображений музыкальных инструментов находится на предметах прикладного искусства, в первую очередь на привозных расписных вазах VI—IV вв. до н. э.,³ а также на импортных и местных монетах, терракотах и украшениях.

Подобно современным, античные музыкальные инструменты, разделялись на три группы: струнные, духовые и ударные. К первым относились лира, барбитон, кифара и тригон, ко вторым - аулос, сиринга или флейта Пана, труба и орган, к третьим - кроталы, тимпаны, литавры и ксилофоны.

В научной литературе при описании рисунков на вазах лиру часто называют кифарой и, наоборот; барбитон же вообще не упо-

² Там же. С. 271-273; *Sifakis G. M.* The Function and Significance of Music in Tragedy // *Bulletin of the Institute of Classical Studies*. № 45. London, 2001. P. 21-35.

³ Наиболее полный, но, конечно, не исчерпывающий перечень vaz из Северного Причерноморья с изображениями музыкантов см. в статье: *Скржинская М. В.* Отражение музыкальной жизни греков на рисунках vaz VI—IV вв. до н. э. из Северного Причерноморья // *РА*. 1997. № 3. С. 46-59.

минают, а его изображения относят то к лирам, то к кифарам.⁴ Те же ошибки встречаются при описании терракот, сосудов и светильников, украшенных рельефами.⁵ В результате получается, что исполнитель стихов, негромко аккомпанирующий себе на простейшем трехструнном барбитоне, оказывается кифаредом (рис. 94), то есть исполнителем музыки на концертном инструменте, а Гермифродит с лирой, названной кифарой, теряет связь с мифом об его отце Гермесе, который считался изобретателем лиры (Ном. Нумп. III. 40-54).

Лира, наиболее распространенный струнный инструмент, была легкой по весу, небольшой по размерам (50-60 см) и самой простой для обучения.⁶ Ее резонатор овальной формы изготовляли из панциря черепахи, а также из дерева или металла, повторявших форму такого панциря, поэтому в древности лиру зачастую называли словом *χέλυς* - черепаха. Прекрасно сохранился бронзовый резонатор лиры из Пантикапея.⁷ Мастер римского времени выполнил его в форме черепахи и украсил двумя театральными масками и фигурами Гермеса и Ники. Маски напоминали о том, что представления в театре всегда сопровождалась музыкой, Ника символизировала победу на музыкальных агонах, а Гермес представлен на лире, потому что он считался ее изобретателем (рис. 95).

Поверх вогнутой стороны резонатора натягивалась мембрана из воловьей кожи, а к выпуклой стороне крепились две роговые или деревянные стойки с прямыми или изгибающимися наружу концами. Их соединяла переключина, изготовленная обычно из самшита. Между ней и корпусом натягивались струны из кишок или сухожилий животных (рис. 95). Струны у лиры, как и у барбитона

⁴ Такие ошибочные описания см., напр., в кн.: *Блаватский В. Д.* История античной расписной керамики. М., 1953. С. 161; *АРК*. № 38, 53; *АНО*. № 79; *ABF*. P. 111.

⁵ *ДБК*. Табл. 70 а, 73, 5; *Кобылина М. М.* Форма с изображением сирены из Фанагории // *СА*. 1967. № 1. С. 189; *Левина Э. А.* Светильники с мифологическими сюжетами из коллекции Одесского археологического музея // *Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья*. Киев, 1986. С. 120.

⁶ *Paquette D.* L'instrument de musique dans la céramique de la Grèce antique. Paris, 1984. P. 150.

⁷ *Алексеевская Л.* Лиры из Керчи // *ИАК*. № 58. 1915. С. 140-151. Табл. IX.

и кифары, имели одинаковую длину, но разную толщину; поэтому они издавали различные звуки. Их извлекали либо пальцами, либо плектроном, небольшой деревянной или костяной пластинкой, которую держали в правой руке. На краснофигурном лекифе из Ольвии изображен исполнитель лирической поэзии, опустивший руку с зажатым в пальцах плектроном (рис. 94). Плектроны, прикрепленные к кифарам на пестрых лентах, нарисованы на клазоменском кратере из раскопок на Березани (рис. 96).

Первоначально лира имела всего три струны, затем к ней добавилась четвертая, а с IV в. до н. э. и до конца античности наиболее распространенной стала семиструнная лира.⁸ Она все же окончательно не вытеснила своих предшественниц с меньшим числом струн, на которых, по-видимому, исполнялись определенные виды музыки в старинных традициях. Недаром на эллинистических ольвийских и пантикапейских монетах наряду с семиструнной встречаются шести- и трехструнные лиры.⁹ На вазе из Херсонеса в сцене состязания Аполлона с Марсием в руках бога трехструнная лира, а на обломке килика из Пантикапея изображена семиструнная.¹⁰

Лира часто звучала во время домашнего музицирования, широко распространенного у древних. Ведь лирой владел почти каждый грек, так как именно на ней учились играть в школе.¹¹ Под аккомпанемент лиры или ее разновидностей - барбитона в архаический и классический периоды исполнялись многие стихотворные произведения. Поэтому лира стала символом поэтического творчества, и александрийские ученые от нее образовали термин «лирика».

На аттических вазах лира наряду с барбитоном присутствует в сценах домашнего застолья и комоса (возвращение гостей с

⁸ The New Grove Dictionary of Music and Musicians. London, 1980. P. 400. Следует отметить, что в античности встречались лиры с большим, чем семь, количеством струн.

⁹ Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. № 168, 226; Он же. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989. № 383, 387.

¹⁰ ОАК. 1904. С. 68. Рис. 104; LIMC. Bd. 6. S. 372. № 34; Лосева Н. М. Аттическая краснофигурная керамика Пантикапея из раскопок 1945-1958 гг. // МИА. № ЮЗ, 1962. С. 172. Рис. 3,5.

¹¹ Beck F. Album of Greek Education. Sydney, 1975. P. 23.

пирушки), а в мифологических сюжетах лира служит постоянным атрибутом божественного певца Орфея и предводителя муз Аполлона, которого также рисовали с кифарой. Оба инструмента звучали на всем протяжении античности, а похожий на лиру барбитон - лишь в эпоху архаики и классики; в IV в. до н. э. он вышел из употребления.¹²

Резонатор барбитона такой же, как у лиры, а его стойки загибались внутрь, а не наружу, как у лиры, и были значительно длиннее; в отличие от лиры переладина с колками, где закреплялись концы струн, располагалась не между стойками, а над ними (рис. 94, 97). Число струн колебалось от трех до семи. Длинные струны издавали густой и низкий звук, его считали лучшим аккомпанементом для исполнения лирических стихов, поэтому аттические живописцы рисовали с этим инструментом Сафо, Алкея (рис. 97), Анакреонта, Кидия и других поэтов.¹³ Барбитон часто сопровождал песни во время симпосиона и комоса,¹⁴ а также песнопения в честь Диониса, поэтому самого бога и его спутников сатиров и силенов рисовали поющими в сопровождении барбитона.¹⁵

На лире и на барбитоне играли сидя на стуле или на табурете, держа их под углом или параллельно полу (рис. 94, 97), а так как на этих инструментах легко было аккомпанировать пению и танцу во время движения, лиру и, особенно часто, барбитон брали на праздничные шествия и играли на них при возвращении гостей с пирушки (рис. 82).

На кифаре играли почти всегда стоя и держали ее вертикально (рис. 96, 98, 100). Она была более звучной, более тяжелой и крупной, чем лира, не говоря уж о барбитоне. Весь корпус кифары делали из дерева, струны, обычно числом семь, крепились над боковыми стойками, их более сложное крепление на специальной надстройке давало лучшую, чем у лиры, возможность хорошо настро-

¹² Paquette D. Op. cit. P. 175.

¹³ Webster T. B. Potter and Patron in Classical Athens. London, 1973. P. 53, 54.

¹⁴ См. изображения на аттических краснофигурных вазах: ARF. № 47, 129, 253, 320.

¹⁵ Ibid. № 255; см. изображения дионисийского шествия на кратерах из Пантикапея и Синдской гавани: ОАК. 1861. С. 31. Табл. 4; ARV². P. 1185, 7; Шедевры древнего искусства Кубани. Каталог выставки. М., 1987. С. 108. Рис. 9.

ить инструмент. Сложность игры на кифаре сделала ее принадлежностью профессионалов или больших любителей музыки. Она звучала на мусических агонах, концертах, торжественных религиозных церемониях.

Конструкцию семиструнной кифары можно детально рассмотреть на клазоменском кратере, найденном на Березани (рис. 96), и на одной аттической амфоре (рис. 98). Там хорошо видно, как большой и тяжелый инструмент прижимали левым локтем к боку и закрепляли широкой лентой, охватывающей с одной стороны шею, а с другой - запястье исполнителя; более узкой лентой к кифаре прикрепляли плектрон.

Подавляющее большинство изображений музыкальных инструментов сохранилось на чернофигурных и краснофигурных вазах, а также на скульптурах, не передающих цвет. Березанский кратер - редчайший рисунок с раскраской кифары. Корпус дорогих инструментов расписывали орнаментами, в данном случае меандром; ленты брали ярких цветов. На рисунке кратера можно различить вышивку или тканый узор на лентах, а на их концах - кисти. Из письменных источников известно, что дорогие кифары и лиры покрывали золотом и инкрустировали слоновой костью и янтарем.¹⁶ В храмах такие драгоценные инструменты входили в число пожертвований; они включены в опись сокровищницы Парфенона V в. до н. э.¹⁷

Не известно, обладали ли какие-нибудь жители Северного Причерноморья столь дорогими кифарами и лирами, но во всяком случае здесь видели такие инструменты на привозных изображениях и в руках гастролеров, дававших концерты в театрах. Несомненно, прославленные музыканты, выступавшие на Боспоре (Polyaen. V. 44, 1; Athen. VIII. 41, 349 d), играли на первоклассных инструментах.

Так как лира и кифара были символами Аполлона, широко почитавшегося в Тире, Ольвии и на Боспоре, на монетах этих городов часто с одной стороны чеканили голову бога, а с другой —

¹⁶ Reinach S. Lyra // Daremberg Ch., Saglio E. Dictionnaire des antiquites grecques et romaines. Paris, 1904. T. III, 2. P. 1442.

¹⁷ Инвентарь сокровищ Парфенона 422-421 гг. // Известия ГАИМК. 1933. Вып. 78. № 568.

кифару (рис. 99), реже лиру.¹⁸ Аполлон с лирой или с кифарой изображен на ольвийской форме для отливки терракоты, на фронтоне ольвийского декрета в честь Антестерия,¹⁹ а также на привозных аттических вазах. Его рисовали играющим на лире рядом с двумя музами²⁰ и стоящим с кифарой около сестры Артемиды и матери Лето (рис. 100).²¹ На лекифе последней трети VI в. до н. э. сохранилось редкое архаическое изображение бородатого Аполлона (обычно он юный, безбородый) между Гермесом и Дионисом.²² Сидя на табурете-дифросе, Аполлон играет на кифаре, частично раскрашенной белой краской, возможно, отмечающей костяные украшения корпуса инструмента (рис. 43). Вазописец запечатлел неординарный случай игры на кифаре сидя, а не стоя.

В IV—I вв. до н. э. лиру и кифару часто изображали в руках сирен и эротов. Сирена олицетворяла сказочное существо, зачаровывающее сладкоголосым пением. Мы видим ее поющую под аккомпанемент лиры на золотой диадеме IV в. до н. э. из Херсонеса и на форме того же времени для отливки украшения сосуда из Фанагории, а к золотой серьге из Пантикапея подвешена фигурка сирены с кифарой.²³ Эрот с лирой неоднократно встречается на краснофигурных вазах, мегарских чашках и терракотах, найденных на Боспоре.²⁴ Так же, как сирена с кифарой, фигурка музицирующего Эрота прикреплена в качестве подвески к золотым серьгам из Феодосии.²⁵

¹⁸ Анохин В. А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989. № 282-291, 311, 313, 317, 338, 339, 383, 387, 452, 454, 460; Он же. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. № 168, 226.

¹⁹ Леви Е. И. Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985. С. 82. Рис. 73; Виноградов Ю. Г. Декрет в честь Антестерия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма // ВДИ. 1988. № 1. С. 52.

²⁰ ОАМ. С. 169. № 51.

²¹ ОАК 1909-1910. С. 93. Рис. 114; АНО. № 79.

²² ИАК. № 13. 1903. С. 157. Рис. 104; АНО. С. 38. № 9.

²³ ГЗ. № 31; Кобылина М. М. Форма с изображением сирены // СА. 1967. № 1. С. 169-175; ДБК. Табл. 7, 15.

²⁴ ДБК. Табл. 73, 5; ОАК 1861. Табл. 5; ОАК 1869. С. 183. Табл. 2, 10; LIMC. Bd. 4. S. 531. № 172; Кобылина М. М. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961. С. 93, 94.

²⁵ ДБК. Табл. XII а.

Последний из струнных инструментов - тригон. Он ближе всего к современной арфе, также имеет много струн, но размером гораздо меньше. Название тригона произошло от его треугольной формы. Судя по вазовым рисункам и терракотам, на нем играли преимущественно женщины, обычно держа инструмент на коленях. Вероятно, в эллинистический период тригоны и кифары стали делать более тяжелыми, потому что играющие на них нередко опирают свои инструменты на подставку.

Среди боспорских терракотовых статуэток III—I вв. до н. э. есть немало фигурок с тригоном, стоящим рядом на невысокой колонке.²⁶ Некоторые из них, представляющие полуобнаженную молодую женщину с медальоном на груди, вероятно, изображают Афродиту.²⁷ Редкий рисунок сатира с тригоном сохранился на краснофигурной гидрии из Пантикапея,²⁸ а на малоазийском лагине III в. до н. э. из Ольвии нарисованы тригон и ксилофон.²⁹ Целый ансамбль музыкальных инструментов представлен на кувшине III в. до н. э. из Пантикапея; на нем изображены девятиструнная кифара, семиструнный тригон, сиринга и два плектрона.³⁰

Господствующее место среди духовых инструментов принадлежало аулосу. Его в отечественной и зарубежной научной литературе называют флейтой, хотя на самом деле он ближе всего к современному гобою или кларнету.³¹ На нем, как и на струнных инструментах, исполняли сольные пьесы, а также аккомпанировали пению и танцам. Наряду с кифаристами авлеты постоянно участвовали в музыкальных агонах. Фигуры победителей в нарядных одеяниях украшают панафинейскую амфору из Пантикапея (рис. 64) и фрагмент краснофигурной пелики из Ольвии, на

²⁶ Кобылина М. М. Указ. соч. 1961. С. 94.

²⁷ Финогенова С. Н. Терракоты Пантикапея из раскопок последних лет // Археология и искусство Боспора. Сообщения ГМИИ. 1992. Вып. 10. С. 239, 240.

²⁸ Paquette D. Op. cit. P. 191.

²⁹ Книпович Т. Н. Художественная керамика в городах Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1955. С. 372. Рис. 16.

³⁰ ОАК. 1906. С. 90. Рис. 108.

³¹ Wegner M. Musikgeschichte in Bildern. Bd. II, 4. Leipzig, 1965. S. 32; Герцман Е. В. Музыка Древней Греции и Рима. СПб., 1995. С. 42.

которой символом победы авлета служит подлетающая к музыканту Ника (рис. 101).³²

Выдающиеся музыканты совершенствовали свои инструменты. В V в. до н. э. поэт Фринид аккомпанировал своим стихам на девятиструнной кифаре, а его младший современник Тимофей Милетский играл на одиннадцатиструнной (Plut. Agid. 10); беотиец Проним, прославившийся в IV в. до н. э. своим мастерством во всей Элладе, сделал, по словам Павсания (IX, 12, 4), замечательный аулос для исполнения любых мелодий.

Аулос состоял из трубки с несколькими отверстиями и мундштука. Трубку изготавливали из тростника, дерева или полый кости животного, чаще всего оленя или осла. Мундштук, составленный из язычка и одной или двух так называемых луковиц, вытачивался из дерева или кости либо отливался из металла. Поллукс (IV, 75) в своем словаре указал пять видов аулосов. Современные ученые следующим образом определяют эти виды: сопрано (20-30 см), альт (40-50 см), тенор (около 50 см), баритон (около 80 см) и очень редко встречающийся бас длиной в 1 м или более.³³ Таким образом, звучание аулосов соответствовало пяти тембрам человеческого голоса. Чаще всего изображали сопрано или альт. На полихромной пелике III в. до н. э., расписанной боспорским художником, Пан играет на редком, очень длинном двойном аулосе-басе,³⁴ а сирена на золотой сережке из Пантикапея исполняет мелодию тоже на длинном аулосе, вероятно, баритоне.³⁵ Поэтому по длине аулоса можно было представить тембр инструмента.

Как правило, обе трубки аулоса художники рисуют одинаковой длины. Редкое изображение на пелике из Пантикапея (рис. 46)³⁶ показывает, что иногда играли на инструментах разного тембра. Это подтверждается письменными источниками; Поллукс (IV, 80)

³² Радлов Н. Э. Две панафинейские амфоры, найденные в Южной России // ИАК. № 45. 1912. С. 76; Штерн Э. Р. Две хранящиеся в Одесском музее вазы строгого краснофигурного стиля // ЗООИД. 1900. Т. 22. С. 93-100. Табл. 3, 2.

³³ Paquette D. Op. cit. P. 25.

³⁴ Книпович Т. Н. Указ. соч. С. 382. Рис. 20.

³⁵ ДБК. Табл. 7, 14; ГЗ. № 114.

³⁶ Ашик А. Боспорское царство. Одесса, 1849. Часть 3. С. 17. № 6: ДБК. Табл. 63; UKV. № 366.

отметил, что свадебная мелодия исполнялась на аулосах разной длины. Обычно авлет извлекал звук одновременно из двух трубок, но иногда музыкант исполнял мелодию на одной, отведя другую в сторону. Такой момент почти не привлекал внимание вазописцев, поэтому для истории античной музыкальной культуры важно выделить рисунок мастера Эпиктета, изобразившего в медальоне килика играющего на одной трубке авлета; фрагмент этого килика найден в Ольвии (рис. 102).³⁷

О широком распространении игры на аулосе в античных полисах Северного Причерноморья свидетельствуют находки этих инструментов.³⁸ Трудно определить, какие из них местного производства, а какие импортные, ведь они сделаны из трубчатых костей животных, одинаково распространенных в Греции и ее колониях. Лишь фрагменты дорогих аулосов из слоновой кости можно определенно считать привозными.³⁹ Находки показывают, на каких разнообразных инструментах играли местные музыканты: их аулосы имели различное количество отверстий (от двух до шести) и были сделаны либо из цельной кости, либо из трубочек, соединенных втулками. Один пантикапейский составной аулос включал элементы из трех различных материалов: кости, дерева и бронзы.⁴⁰

При игре на аулосе исполнитель зачастую надевал на голову своеобразную узду из кожаных и матерчатых лент (рис. 38, 52, 101). Греки называли ее форбеей или перистомией. Она охватывала затылок и верх головы, а на лице покрывала щеки и губы, около которых находилось отверстие для мундштука аулоса. Назначение форбеи сейчас не до конца понятно. Вероятно, она предохраняла исполнителя от чрезмерного нажима воздуха при сильном надувании щек и поддерживала губы около мундштука. Судя по изображениям, форбею надевали мужчины, в редких случаях женщины, а

³⁷ Горбунова К. С. Краснофигурные килики из раскопок ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. М.; Л., 1964. С. 182.

³⁸ Петерс Б. Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1986. С. 73, 74.

³⁹ Там же. С. 74; Кругликова И. Т. Изделия из кости и рога, найденные при раскопках Пантикапея в 1945-1949 гг. // МИА. № 59. 1957. С. 178.

⁴⁰ Петерс Б. Г. Указ. соч. С. 74.

дети - никогда. Форбея отсутствует у музыкантов, принимающих участие в симпозионе, то есть в закрытом помещении. Видимо, в ней нуждались при громкой игре на открытом воздухе: в театре, на палестре, во время праздничных шествий, религиозных церемоний и военных действий. Однако при изображении подобных сцен исполнитель далеко не всегда имеет форбею.

Форбея хорошо видна на фрагментах двух краснофигурных ваз из Ольвии (рис. 52, 101) и на обломке канфара с острова Левка (рис. 38).⁴¹ Последний украшен сценой дионисийского праздника с участием играющего музыканта, за спиной которого находится кожаный футляр с отделениями для двух трубок аулоса. Такие футляры изображали висящими на стенах комнат, где происходили симпозионы и звучали аулосы. Иногда на футляре можно различить притороченную к нему коробочку для хранения язычков аулоса; она нарисована на килике из Мирмекии.⁴²

Другие духовые инструменты занимали довольно скромное место в античной музыке. На сиринге, составленной из нескольких склеенных воском трубок различной длины, в основном играли пастухи. Их бога Пана часто представляли с сирингой, называемой также флейтой или свирелью Пана. Среди ольвийских находок есть серебряный браслет эллинистического времени с фигуркой козлоногого Пана, играющего на таком инструменте (рис. 103),⁴³ и две терракоты, изображающие спутника богини Кибелы Аттиса в виде фригийского пастуха с сирингой в руках (рис. 37).⁴⁴ Старый пастух в повести Лонга «Дафнис и Хлоя» (II, 35) показывает на сиринге юным пастушкам, «как надо играть для стада коров, какие напевы подходят для коз, а под какие овцы охотно пасутся. Нежно играл для овец, громко для стада коров, резко для коз» (перевод С. П. Кондратьева). Находки большого количества костей круп-

⁴¹ Штерн Э. Р. Указ. соч. Табл. 3, 2; АП. № 14.

⁴² Прушевская Н. М. Обломок краснофигурного килика из Мирмекии // Труды Отдела истории искусства и культуры античного сектора Гос. Эрмитажа. Л., 1945. Т. 1. С. 121. Прим. 4.

⁴³ Alexander Ch. Jewellery. The Art of the Goldsmith in Classical Times. New York. 1928. P. 39. Tabl. 84.

⁴⁴ Русяева А. С. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982. С. 90.

ного и мелкого рогатого скота свидетельствуют о том, что в Северном Причерноморье греки держали большие стада, поэтому, наверное, и здесь опытные пастухи, играя на сиринге, приучали животных определенно реагировать на те или иные мелодии.

Труба у греков и римлян служила не для исполнения музыкальных пьес, а для подачи различных сигналов. Ее звуками оповещали горожан о военной опасности (Васч. XVII, 15), давали сигнал к началу праздничных игр, а также сражений на суше (Хер. Anab. I, 1. 17; Arr. Anab. I, 14; Diod. Sic. XVII, 11,3) и на море (Нер. VIII, 11), извещали о конце морского боя и времени отплытия кораблей (Arr. Anab. VI, 3, 3; Diod. Sic. XVI, 12. 62). В словаре Поллукса (IV, 185) отмечены различные «части мелодии трубы»: выступление войска, призыв к началу боевых действий, отбой и отдых, сигнал к привалу. В Северном Причерноморье известно о сигналах военных труб при осаде Феодосии в IV в. до н. э. (Polyaen. V, 23) и о состязании трубачей на празднике в Херсонесе (IPE 12. 493, 551). Звуки некоторых труб, по свидетельству Поллукса (IV, 88), слышались на расстоянии до 10 км.

К духовым инструментам относится также орган, изобретенный в конце эпохи эллинизма. Единственное его изображение в Северном Причерноморье сохранилось на росписи боспорского саркофага I в. н. э.⁴⁵

Последняя группа греческих музыкальных инструментов – ударные. Из них ксилофон и кимвалы (металлические тарелки) звучали в древности сравнительно редко и на предметах искусства изображались эпизодически. В эллинистический период ксилофон встречается среди музыкальных инструментов на росписях малоазийских и итальянских ваз. Его схематический рисунок вместе с тригоном имеется на упомянутом кувшине-лагиносе из Ольвии. На пластинках из слоновой кости, украшавших саркофаг из кургана Большая Близница, изображены сирены с различными музыкальными инструментами, в том числе с кимвалами.⁴⁶

Стук кроталов (род кастаньет) и удары в тимпан (бубен) постоянно сопровождали танцы и раздавались при отправлении

⁴⁵ АДЖ. Табл. 92.

⁴⁶ ДБК. Табл. 79. № 28; ОАК. 1866. С. 8.

некоторых культов. Костяные, бронзовые или деревянные кроталы состояли из двух частей, которые прикреплялись к пальцам и ударялись одна о другую (рис. 104). По паре кроталов держали в каждой руке; это видно на чернофигурных и краснофигурных вазах, найденных в Ольвии и на Боспоре,⁴⁷ на золотых бляшках из кургана Куль-Оба (рис. 105),⁴⁸ на фигурном лекифе в виде сирены из Фанагории.⁴⁹ Кроталы и тимпан отчеканены на медных ольвийских монетах начала II в. до н. э.⁵⁰

Тимпан, круглый бубен с металлическим или деревянным ободом, обтянутым кожей, обычно имел диаметр около 30 см, а на праздниках Кибелы, Диониса и некоторых других богов восточного происхождения гремели гораздо более крупные тимпаны. Большой тимпан рядом с Кибелой неоднократно изображен на местных и привозных северопричерноморских терракотах⁵¹ и рельефах (рис. 36). Художники рисовали тимпаны в руках спутников Диониса сатиров и менад, и такие рисунки встречаются на вазах из Северного Причерноморья (рис. 55).

МУЗЫКАНТЫ, ПЕВЦЫ И ТАНЦОРЫ

Античные авторы неоднократно писали об огромном влиянии музыки на чувства греков. Вот как Плутарх в «Застольных беседах» (УП, 5, 1) рассказал о выступлении знаменитого авлета и его хора. Музыка опьянила слушателей «сильнее всякого вина... и они уже не довольствовались выкриками и отбиванием такта, но вскакивали с мест и сопровождали эту музыку соответствующими телодвижениями, не подобающими достоинству благовоспитанного человека».

Философы осуждали чересчур эмоциональное с их точки зрения восприятие музыки аулосов, и потому Платон и Аристотель в

⁴⁷ АНО. С. 52; ДБК. Табл. 70, 1, 2; ОАМ. С. 120. Рис. 21.

⁴⁸ ГЗ. № 90.

⁴⁹ АП. № 45.

⁵⁰ Анохин В. А. Указ. соч. С. 112. № 334.

⁵¹ Леви Е. И. Терракоты из цистерны Ольвийской агоры // КСИИ. № 74. 1959. С. 11; АМ. № 75; Русяева А. С. Земледельческие культы Ольвии. Киев, 1976. С. 106-112; Кобылина М. М. Указ. соч. С. 77, 78.

своих проектах идеального государства вообще исключили аулос из состава музыкальных инструментов. И в реальности государственные власти стремились контролировать развитие и характер музыки, порой пытаясь насильственно удержать ее в рамках норм, казавшихся им пристойными. Классический пример приведен Плутархом в жизнеописании Агида (гл. 10). В V в. до н. э. в Спарте запрещали играть на лирах и кифарах, имевших более семи струн, и потому дававших возможность сочинять и исполнять нетрадиционную музыку. Эфор Экреп демонстративно отсек две из девяти струн инструмента знаменитого кифариста Фринида; так же поступили спартанцы с прославленным во всей Элладе учеником Фринида поэтом и музыкантом Тимофеем Милетским, игравшим на одиннадцатиструнной кифаре в новой ладовой системе. По словам спартанского царя Агида, его соотечественники «опасались в музыке чрезмерной замысловатости, не желали, чтобы это ее дурное качество переступило рубеж, за которым возникает нестройное и неверное звучание в жизни и нравах, приводящее государство к внутреннему несогласию и разброду».

Это напоминает борьбу коммунистической партии и советской власти с творчеством Шостаковича, запрет играть Пятую симфонию и возмущение его оперой в официальной статье «Сумбур вместо музыки». Но как и в античности, так и теперь подобные попытки оказываются тщетными. Остановить развитие музыки, как и прочих искусств, невозможно, и казавшееся когда-то чрезвычайно смелым и необычным становится понятным и привычным. Подобно Шостаковичу, признанному еще при жизни классиком, Тимофей, выдающийся реформатор античной музыки и хоровой лирики, потрясал новизной своих сочинений в конце V – начале IV в. до н. э., а в эпоху эллинизма он стал автором, изучавшимся в школе (Polyb. IV, 20), и на смену ему пришли другие музыкальные кумиры. Начиная с III в. до н. э. кифары с большим, чем семь, количеством струн никого не удивляли, и их стали изображать среди обычных музыкальных инструментов, например на кувшине III в. до н. э. из Пантикапея нарисована девятиструнная кифара.⁵²

В античной литературе упоминается множество имен знаменитых композиторов и исполнителей. Они ездили по всей Эл-

⁵² ОАК. 1906. С. 90. Рис. 108.

ладе, участвовали во всевозможных празднествах с музыкальными агонами, давали концерты в театрах и при дворах разных правителей. В IV в. до н. э. греки восхищались кифародами Аристони-ком из Олинфа и афинянином Стратоником. Полиен (V, 44, 1) и Афиней (VIII, 349 d) сообщили об их концертах в городах Боспора и о том, как в театр собирались все жители, чтобы их послушать. В одной надписи римского времени сказано о прибытии в Херсонес из Нижней Мезии известного музыканта Гая Сильвана (IPE I². 365).⁵³

Музыкальный агон на Пифийских играх в Дельфах около святилища Аполлона считался самым главным в Элладе. Музыканты состязались также на общегреческих Немейских и Истмийских играх, и лишь в Олимпии не было подобных агонов. Зато их включали во множество празднеств меньшего масштаба, о чем говорилось в главе о спортивных и музыкальных состязаниях. Уже в классический период на такие праздники съезжались музыканты из разных городов, и среди них были выдающиеся исполнители, увенчанные многими наградами. На краснофигурной пелике середины V в. до н. э. нарисован кифарист Алкимах на пьедестале почета; надписи на вазе указывают на его победы в Афинах и Марафоне, на Немейских и Истмийских играх.⁵⁴ В эллинистический период на музыкальные агоны допускались женщины. В Дельфах на Пифиаде 134 г. до н. э. победила кифаристка и певица из города Кумы, за что ее увенчали венком, наградили тысячей серебряных драхм, поставили статую и дали проксению.⁵⁵ Ценные призы музыканты завоевывали и на других праздниках.

Греческие музыканты чаще всего выступали в роли аккомпаниаторов и гораздо реже исполняли чисто инструментальную музыку. Зачастую певец и музыкант совмещались в одном лице. На вазах такой поющий музыкант изображается с закинутой назад головой и открытым ртом (рис. 98). Конечно, аккомпанировать собственному пению можно было лишь на струнных инструментах, а пение под звуки аулоса всегда требовало отдельного музы-

⁵³ Сапрыкин С. Ю. Из музыкальной и общественной жизни Херсонеса в римскую эпоху (К надписи IOSPE I². 365) // ВДИ. 2002. № 2. С. 81.

⁵⁴ Назаров М. Антична рисувана керамика в България. София, 1990. С. 75. № 26.

⁵⁵ Герцман Е. В. Указ. соч. С. 157.

канта. Например, на рисунке краснофигурной пелики из Ольвии мы видим, как авлет играет, глядя на стоящего перед ним поющего юношу с венком на голове (рис. 106).

В VII—V вв. до н. э. музыка сопровождала большинство стихотворных произведений, и поэты были одновременно композиторами. Безусловно выдающимся музыкальным талантом обладали авторы сольной и хоровой лирики, такие как Сафо, Алкей, Пиндар, Стесихор, а также великие греческие трагики Эсхил, Софокл и Еврипид, писавшие слова и музыку для сольных и хоровых партий в своих многочисленных пьесах.

Монодическую лирику исполнял один человек под аккомпанемент лиры или барбитона, причем отдавалось предпочтение последнему из-за его негромкого и низкого звучания. Поэтому классиков монодической поэзии Алкея и Сафо вазописцы рисовали именно с барбитоном (рис. 97);⁵⁶ во второй половине V в. до н. э. афиняне поставили на Акрополе статую Анакреонта с барбитоном в руках (AP. XVI, 306-308; Paus. I, 25, 1), и через несколько столетий греки помнили, как поэт «на своем барбитоне пробуждал нектар гармонией» (AP. XVI, 29). На краснофигурной лекифе из Ольвии представлен поэт или исполнитель лирических стихов, аккомпанирующий себе на трехструнном барбитоне.⁵⁷ Он только что закончил строфу и, проведя плектром по струнам, опустил руку (рис. 94). Рядом с ним на стене висит крестообразный ключ для подтягивания струн музыкальных инструментов. Монодическая поэзия предназначалась для небольшого круга слушателей обычно на симпозионе; стихи посвящались простым и понятным каждому темам о любви и вражде, о радостях и горестях частной жизни, о грусти по быстро уходящей молодости.

Иные задачи стояли перед авторами, писавшими тексты и музыку для хоровой лирики, ее исполняли на праздниках, посвященных богам и героям, и для этого требовались глубокие знания мифологии. В большинстве случаев хоры сочинялись для определенного праздника. В парфениях Алкмана, написанных для состоя-

⁵⁶ ABF. № 311; ARF. № 261.

⁵⁷ Скржинская М. В. Изображение поэта на лекифе Одесского археологического музея // ВДИ. 1997. № 2. С. 130-137.

зания хоров девушек на празднике в Спарте, названы даже имена исполнительниц, а эпиникии (победные оды) Пиндара и Вакхилида пели в честь определенных победителей, завоевавших призы на Олимпийских, Пифийских, Немейских и Истмийских играх. Те же поэты писали стихи и музыку для самых разнообразных хоров: для гимнов разным богам, для пеанов, представлявших призыв о помощи или благодарность Аполлону, для дифирамбов, распевавшихся на дионисийских праздниках, для гипорхем, хороводов в честь Аполлона и Артемиды, для энкомиев, прославлявших выдающихся граждан, и для френов, надгробных плачей.⁵⁸

Пеан сопровождался как струнными, так и духовыми инструментами, а дифирамб - преимущественно аулосом. Все перечисленные хоровые произведения сочиняли по определенным правилам. В дифирамбе запевала вел диалог с хором, и именно из этого жанра развилась греческая трагедия; прекрасный образец дифирамба содержится в хоре трагедии Еврипида «Вакханки» (ст. 64-165). Пеаны, первоначально обращенные к Аполлону, и дифирамбы, песни о Дионисе, начиная с классического периода, стали посвящаться разным богам.

При раскопках в Дельфах найдены стелы с записями текстов вместе с музыкой гимнов Аполлону.⁵⁹ Правда, перевести ее на современные ноты затруднительно, потому что в античности умели точно указывать лишь высоту звука и очень приблизительно - его продолжительность.⁶⁰ Поэтому музыкант многое привносил от себя, и не случайно Аристид Квинтилиан в трактате «О музыке» приравнивал значение композитора и исполнителя.

Наряду с пением греческие праздники сопровождалась танцами. Нередко они составляли единое целое; такой танцующий и поющий под музыку хоровод описан Алкеем в гимне Аполлону:

Сложив хвалебный в оные дни пеан,
Велят дельфийцы отрокам, с пением

⁵⁸ Пиндар, Вакхилид. Оды. Фрагменты. Перевод, комментарии и статьи о греческой хоровой лирике М.; Л. Гаспарова. М., 1980.

⁵⁹ Грубер Р. И. Указ. соч. С. 282; История греческой литературы. Т. 1. М.; Л., 1946. С. 225.

⁶⁰ Герцман Е. В. Указ. соч. С. 303.

И пляской обходя треножник,
Юного звать в хороводы бога.

(Перевод Вяч. Иванова)

Хоровод женщин, движущихся и скорее всего одновременно поющих под звуки кифар, изображен на фрагменте клазоменского кратера, найденного на Березани, а на его верхнем фризе показаны танцующие под аулос мужчины в составе праздничного шествия (рис. 2, 96).

Гипорхемы, хоровые песни с танцами пантомимического характера, известны сейчас по фрагментам из сочинений Пиндара и Вакхилида. Первоначально исполнители воспроизводили мифологический сюжет о странствовании Лето, матери Артемиды и Аполлона; они пели и жестами изображали песни, язык и обычаи народов, у которых побывала Лето (Нот. Нумп. I, 159-164). Вообще хорошие танцоры прекрасно знали мифологию, потому что, как писал Лукиан в трактате «О пляске», большинство танцев изображали сцены из мифов, а значит, в них заметную роль играла пантомима. Это подтверждается словами Аристотеля (Поет., I) о том, что танцоры посредством выразительных движений воспроизводят характеры, душевное состояние и действия. Описания античных авторов иллюстрируются росписями некоторых ваз. На килике выдающегося художника Эпиктета представлена танцовщица в небриде, шкуре молодого пятнистого оленя (рис. 104); вероятно, она изображает сцену из мифа о Дионисе и его почитательницах менадах, одевавшихся в небриды.

Состязания танцоров включались в некоторые праздники. Например, на Панафинеях выделялись призы исполнителям военного танца пиррихий; его танцевали под аккомпанемент аулоса сначала мальчики, затем юноши и, наконец, взрослые мужчины (Aristot. Athen. Pol. 60, 4).⁶¹ Пиррихий в разных вариациях был известен всем эллинам, и, конечно, его танцевали в Северном Причерноморье. Пляска исполнялась либо танцором, либо двумя группами, представлявшими противников, одетыми или обнаженными, но непременно в шлеме с копьем и щитом в руках. Платон

⁶¹ Neils J. The Panathenaia // Goddess and Polis. The Panathenaic Festival in Ancient Athens. New Jersey, 1992. P. 15.

в «Законах» (VII, 815 а) описал пиррихий как мимическое изображение войны; танцоры своими движениями имитировали нападение и оборону во время сражения: они подражали тому, «как человек спасается от ударов и метательного оружия, кидаясь в сторону, отступая, прыгая вверх и нагибаясь к земле», а затем показывали движения нападающих, бросавших стрелы и дротики и наносящих удары врагам.

По рассказу Ксенофонта (Anab. V, 29) и вазовым рисункам известно, что пиррихий танцевали также девушки. Они изображены на фрагментах расписных ваз из Пантикапея и Херсонеса.⁶² Полностью сцена с этим танцем сохранилась на кратере конца V в. до н. э. из кургана в Киевской области, куда ваза попала, несомненно, из какого-то города в Северном Причерноморье. Танцор в шлеме с конским хвостом нарисован в энергичном движении, в одной руке он держит расписной щит, в другой - копье, рядом стоят с одной стороны судья, с другой - аккомпанирующая на аулосе женщина в роскошном узорном хитоне и плаще (рис. 107).⁶³

Эллины считали обучение танцам столь же полезным, как и занятия гимнастикой (Xen. Symp. II, 16-19). На палестре наряду с атлетическими тренировками подростки учились танцевать. Поэтому понятно, почему танцевальное состязание мальчиков, описанное в «Застольных беседах» Плутарха (IX, 747 а-б), судили учитель гимнастики и брат писателя, который сам превосходно умел плясать пиррихий и выделялся этим еще тогда, когда посещал палестру.

Наряду с пиррихием известны названия множества разнообразных плясок и отдельных фигур (Pollux. Onom. IV, 99-105). Мы видим их на бесчисленных произведениях античного искусства, но далеко не всегда можем отождествить с описанием определенных танцев у древних авторов. Почти все юноши и девушки умели танцевать. Они исполняли разные танцы на домашних празд-

⁶² ОАК. 1876. С. 161; Зедгендзе А. А. О времени основания Херсонеса Таврического // КСИА. № 159. 1979. С. 28. Рис. 2, 3; Вдовиченко И. И. Изображения военных женских танцев на вазах из Северного Причерноморья // Записки историко-філологічного товариства Андрія Білецького. № 3. Київ, 1999. С. 81-86.

⁶³ Штительман Ф. М. Античные сосуды, найденные в кургане скифского времени // Культура и искусство античного мира. Л., 1971. С. 40; ARV². P. 1346. № 3.

никах, на пирах при дворе разных правителей и на всевозможных общественных празднествах. По изображениям видно, что греческие танцоры редко прикасались друг к другу, лишь в хороводах брались за руки. Во время некоторых танцев женщины надевали короткие хитоны, не достигающие до колен, в то время как в повседневной жизни женские одеяния закрывали ноги до ступней. Вероятно, в коротких хитонах танцевали только гетеры и профессиональные танцовщицы, они же выступали в некоторых танцах частично или полностью обнаженными (рис. 105).

РОЛЬ МУЗЫКИ, ПЕНИЯ И ТАНЦЕВ ВО ВРЕМЯ ПРАЗДНЕСТВ В ЧЕСТЬ РАЗНЫХ БОЖЕСТВ

Всякое греческое более или менее крупное празднество начиналось с торжественного шествия к храму или алтарю и сопровождалось музыкой и пением. Музыка обязательно звучала и во время жертвоприношения, создавая у участников ритуала определенное эмоциональное настроение сопричастности божествам. Кроме того, она заглушала стоны жертвенных животных.⁶⁴ На краснофигурной ойнохое из Пантикапея показано, как ведут быка для жертвоприношения, вслед за ним идет женщина с лирой; она несет ее к алтарю, где будет играть во время заклания животного (рис. 108).⁶⁵

Около алтаря хор пел гимн, обычно в сопровождении лиры или кифары. Часто эти гимны писались по заказу к определенным праздникам. Таковы, например, знаменитые гомеровские гимны Аполлону Делосскому и Пифийскому или гимн Зевсу, сочиненный Пиндаром для хора в Фивах. Гимны разным богам пели и в Северном Причерноморье. Сохранились две надписи с текстами гимнов, написанных элегическим дистихом: один, посвященный Ахиллу, исполняли в Борисфене в I в. н. э.,⁶⁶ другой сочинен в Херсонесе во II в. н. э. для праздника в честь Гермеса (IPE I².

⁶⁴ Герцман Е. В. Указ. соч. 1995. С. 60.

⁶⁵ ДБК. Табл. 61, 7; UKV. № 305.

⁶⁶ Шелов-Коведяев Ф. В. Березанский гимн острову и Ахиллу // ВДИ. 1990. № 3. С. 49-62.

436).⁶⁷ В первом прославляется «равный бессмертным Ахилл Эакид», покровитель острова, а второй написан по заказу гимнасиарха Демотела по случаю атлетических побед его подопечных.

В ионийских колониях на Боспоре и в Ольвии, вероятно, самые пышные празднества справлялись в честь Аполлона. Гомер в гимне этому богу писал, что где бы ни собрались ионийцы, они услаждают Аполлона пением и пляской (Hom. Hymn. I, 149, 150). В VI-V вв. до н. э. в Ольвии существовал аристократический мужской союз мольпов, образованный по образцу такого же союза в ее метрополии Милете.⁶⁸ Мольпы ведали сакральными делами при отправлении культа Аполлона Дельфиния и, возможно, сами исполняли священные песнопения и танцы в честь бога; ведь наименование мольпов произведено от греческого слова *μολπή*, означающего либо просто пение, либо пение с пляской. Это слово употребил Гомер, описывая хоровод девушек и юношей, изображенный на щите Ахилла (Il. XVIII, 606), и говоря о пении славного музыканта Фемиа (Od. I, 152).

Во всех северопричерноморских городах торжественно справлялись Дионисии и праздники в честь Кибелы. Они сопровождались бурными мелодиями аулосов и громкими ритмическими звуками тимпанов и кроталов. Аполлону же традиционно посвящали более спокойную музыку и песнопения в ее сопровождении, поэтому на привозных и местных памятниках искусства из Северного Причерноморья Аполлон представлен исключительно с лирой или кифарой.⁶⁹ В дионисийских сценах участвуют авлеты и спутники Вакха силены и менады, играющие на аулосах (рис. 38, 39, 46) и сопровождающие свои шествия и танцы ритмическим стуком кроталов.

В реальной жизни не соблюдалось строгое разграничение инструментов на празднествах этих богов. Плутарх в трактате «О музыке» (гл.14) писал, что уже в VII в. до н. э. авлеты сопровождали жертвоприношения и хоры в честь Аполлона, а поэты Алкман и

⁶⁷ Соломоник Э. И. Новые эпитафические памятники Херсонеса. Киев, 1973. С. 100. № 127.

⁶⁸ Карышковский П. О. Ольвийские мольпы // Северное Причерноморье. Киев, 1984. С. 42-51.

⁶⁹ Ср. прим. 18-22.

Коринна упоминали о том, что этот бог играл на аулосе. В середине VI в. до н. э. авлетов включили в самый главный в греческий мусический агон на Пифийских играх. Там они обязательно исполняли ном из пяти частей, темой которого была борьба Аполлона с чудовищным змеем Пифоном и победа бога, в честь которой он, по преданию, установил в Дельфах Пифийские игры.

Этот один из древнейших образцов программной музыки играли в течение трех столетий по канону, установленному в VI в. до н. э. В программу нома входило пять тем: пролог иллюстрировал выбор места битвы бога с Пифоном, далее следовали основные части пьесы: вызов на бой, сражение и победа Аполлона, а в финале звучала мелодия танца, исполненного победителем (Pollux. IV, 84). Авлет воспроизводил трубный сигнал к бою, имитировал зубовой скрежет и бранные речи противников и заключал ном музыкой танца; границы отдельных частей пьесы определялись переменной ритма.⁷⁰

Еще в начале V в. до н. э. вазописцы рисовали Диониса с барбитоном,⁷¹ из чего следует заключить, что какие-то песнопения в честь бога сопровождалась струнными инструментами. Это подтверждается изображениями спутников Диониса, иногда аккомпанирующими своим песням и танцам на барбитоне, кифаре и тригоне. Подобные изображения изредка встречаются и на росписях ваз из Северного Причерноморья.⁷²

Соперничество струнных и духовых инструментов отразилось в мифе о состязании Аполлона и силена Марсия. Победа Аполлона в этом соревновании запечатлена на краснофигурных вазах IV в. до н. э. из Херсонеса и Пантикапея.⁷³ На херсонесском кратере вазописец нарисовал Аполлона с трехструнной лирой, которую ко времени создания вазы давно вытеснила семиструнная. Возможно, на трехструнной лире исполняли определенные древние мелодии в честь Аполлона. Кроме того, старинная конструк-

⁷⁰ Грубер Р. И. Указ. соч. С. 321, 322.

⁷¹ ARF. № 255.

⁷² Древний город Нимфей. Каталог выставки. СПб., 1999. № 52. См. также прим. 15, 28.

⁷³ ДБК. Табл. 57; ОАК. 1904. С. 68. Рис. 104; LIMC. Bd. 6. S. 371, 372. № 31 и 34.

ция лиры, наверное, ассоциировалась у зрителя с отдаленными временами действия мифа. Подобный знак в вазописи представляли вышедшие из употребления беотийские щиты у воинов; эти щиты указывали на отнесение событий картины к эпическим временам.

Греки рассказывали, как силен Марсий, родом из Фригии, подобрал брошенный Афиной аулос. Богиня изобрела этот инструмент, но затем выбросила его, увидев, как при игре на нем безобразно раздуваются щеки и из-за этого над нею смеются другие богини. Марсий, спутник малоазийской богини Кибелы, став искусным авлетом, вызвал на музыкальное состязание Аполлона. Бог, игравший на кифаре или на лире, победил силена и жестоко расправился с ним: он снял с побежденного кожу и повесил ее у истоков реки Меандр. Так утверждалось превосходство спокойных струнных мелодий над экстатическим характером музыки, исполнявшейся на духовых и ударных инструментах и сопровождавшей песни и пляски, посвященные богам восточного происхождения: Дионису и Кибеле.

Миф о состязании Аполлона и Марсия пользовался широкой популярностью в классический период. О нем упоминали в своих сочинениях Геродот (vП, 26) и Ксенофонт (Anab. I, 2, 8). На афинском акрополе стояла скульптурная группа Мирона, изобразившего Афины и Марсия (Paus. I, 2, 8); аттические художники рисовали сцены мифа на вазах. Находки таких ваз в Херсонесе и Пантикапее свидетельствуют об интересе к этому мифу в Северном Причерноморье, где широко справляли праздники в честь Аполлона и богов, спутником которых был Марсий.

На праздниках Кибелы, называемой также Матерью богов, выдающаяся роль отводилась громким звукам аулоса и тимпана; последний, как упоминалось выше, постоянно присутствует на изображениях богини. Не случайно скиф Анахарсис, справляя праздник Кибелы, взял тимпан (Her. IV, 76). Таким образом, обряд, совершенный даже одним человеком, сопровождался ударами в бубен. На многолюдных же празднествах Кибелы звучало несколько тимпанов. Об этом писал Пиндар в дифирамбе фиванцам, говоря, как в честь Матери богов первыми грянут тимпаны, затем ударят кроталы, запыхают факелы и женщины начнут танцевать с безумными криками «алала».

При появлении спутника Кибелы Аттиса раздавалась мелодия, исполнявшаяся на сиринге, которая была его атрибутом. Посвященную Аттису музыку играли также на струнных инструментах, о чем говорится в гимне, который цитирует отец церкви Ипполит (Ref. V, 9): «Аттиса хочу я воспеть, сына Реи, не трубами звонкими, не аулосом идейских куретов, но нежными звуками Феба-Аполлона». Таким образом, на праздниках Кибелы музыка, посвященная Аттису, контрастировала с музыкальной темой богини не только более спокойным тембром, но и характером звучания иных инструментов.

Зажигательная музыка аулосов в сопровождении громко стучащих тимпанов и кроталов сопровождала вакхическим шествиям с танцами и питьем вина; это приводило их участников в иступление. О такой процессии, двигавшейся по улицам Ольвии, рассказано в новелле о Скиле в «Истории» Геродота (IV, 79). В херсонесских надписях говорится о шествиях со статуей Диониса и упоминается предводитель вакхической процессии, изображение которой представлено на рельефе местного мастера (IPE I².343, 425).

В ритуальных танцах свиты Диониса участвовали мужчины и женщины, во время пляски отождествлявшие себя с сатирами и менадами, мифическими спутниками бога. Вазописцы изображали разные моменты этих танцев;⁷⁴ очень выразительны, например, сцены с менадами на килике мастера Макрона (рис. 109). Изучая подобные рисунки, ученые пришли к выводу, что вакхические пляски в основном импровизировались и не содержали определенной последовательности движений. Каждый танцующий исполнял собственную партию, включавшую традиционные движения: прыжки, повороты, скользящий и коленопреклоненный бег. К особенностям вакхических танцев следует отнести резкие движения головой, которые вызывали головокружение, способствовавшее вхождению в транс.⁷⁵

⁷⁴ Hedreen G. M. Silens in Attic Black-figure Vase-painting. Myth and Performance. Michigan, 1995. P. 113-114; Green R., Handley E. Images of the Greec Theatre. Texas, 1995. P. 15-21.

⁷⁵ Вдовиченко И. И. Культовые танцы в изображениях на вазах «керченского стиля» // Боспорские исследования. Вып. 2. Симферополь, 2002. С. 20, 21; Delavoua M. H. Les danses Dionysiaque en Grece Antique // Publications de l'Universite de Provence. 1995. P. 45.

Философы и государственные деятели осуждали танцы, доводящие до иступления, однако признавали, что пляски с сильными телодвижениями освобождают возбуждение людей от внутренних конфликтов и помогают вернуть душевное равновесие. Это мнение разделяют и некоторые современные психологи. Они рассматривают древние оргастические танцы как выражение желания некоторых людей отделить дух от тела и мистически объединиться с божеством, освободившись на время от тягот повседневной жизни.⁷⁶

Танцы менад и сатиров на дионисийских празднествах украшают множество ваз из Северного Причерноморья.⁷⁷ Например, на чернофигурной ойнохое из Ольвии вазописец выразительно представил на фоне виноградной лозы двух танцующих женщин в плащах, а на краснофигурном стамносе из Пантикапея изображена менада, танцующая во время афинского праздника Ленеи, который справлялся также на Боспоре.⁷⁸

Редкая иллюстрация пляски на празднике виноградарей уцелела на обломке клазоменской вазы (рис. 110); под аккомпанемент аулоса танец исполнялся в корзине с виноградом и прославлял Диониса, вероятно, открывая сезон изготовления вина. В Северном Причерноморье, как и повсюду, где греки занимались виноделием, существовали пляски виноградарей. Одну из них описал Лонг в повести «Дафнис и Хлоя» (гл. 36). Танцор показал, «как виноградные грозди срезают, как корзины несут, как сок из гроздей выжимают, как по бочкам его разливают, как, наконец, вино молодое пьют» (перевод С. П. Кондратьева).

Танцы сопровождали все жанры греческой драматургии, поэтому без них не обходилось ни одно представление в театре. Некоторые танцы, известные по описаниям античных авторов, изображены на аттических вазах: эммелия, включавшаяся в трагедию, сиккинида и кордакс, исполнявшиеся одетыми сатирами-актерами в сатиловских драмах и комедиях (рис. 53).⁷⁹

На многих греческих празднествах происходили состязания хоров, которые выставляли разные общины полисов. Больше всего

⁷⁶ Lawrer L. The Dance in ancient Greece. Seattle- London, 1967. P. 96.

⁷⁷ Вдовиченко И. И. Указ. соч. 1995. С. 21.

⁷⁸ АНО. С. 37; APK. № 46.

⁷⁹ Kachler K. L. Der Tanz im antiken Griechenland // Antike Welt. 1974. Heft 3. S. 3-14.

сохранилось сведений о таких хорах на праздниках Аполлона и Диониса.⁸⁰ В Северном Причерноморье хоры, конечно, выступали на местных Дионисиях, Аполлониях и других праздниках. Как и всюду, они делились на три возрастных состава (мальчики, юноши и взрослые), на хоры мужчин и отдельно женщин и, вероятно, смешанные хоры. Однако в сохранившихся источниках об этом почти не упоминается. Можно указать лишь новеллу о Гикий, включенную в сочинение Константина Багрянородного «Об управлении империей» (гл. 53). В новелле, действие которой относится к I в. до н. э., рассказано, что в Херсонесе пели хоры и водили хороводы во время ежегодного поминовения Ламаха, отца героини. Слово «хор», по-видимому, можно восстановить во фрагменте херсонесской надписи римского времени с перечислением мусических состязаний.⁸¹

Выступление хоров тщательно готовились заранее под руководством опытного наставника хородидаскала, зачастую он являлся не только учителем, но также автором слов и музыки. При наличии средств приглашали известных хородидаскалов, нередко из других городов. Это практиковалось уже в VI в. до н. э. В «Паросской хронике» под 508 г. до н. э. написано, что на соревновании афинских хоров «победил тот, который обучил халкидонянин Гиподик». Хорошие хоры ездили выступать на праздники в другие города Эллады. О подобной практике в начале V в. до н. э. свидетельствует «Жизнеописание» Пиндара, где говорится, что его учитель Аполлодор, «отъезжая с хором в чужую сторону, доверил свое училище подростку Пиндару, и тот хорошо управился».⁸²

Подготовка хора требовала значительных средств, которые предоставляли либо группа граждан, либо назначенный хорега, состоятельный гражданин полиса. В речи Лисия (XXI, 1-5) указаны траты одного человека на хор: для праздника Дионисий - 5000 драхм, для Таргелий - 2000, для Панафиней - 800, для детского хора - 15 мин. Хорега оплачивал содержание хористов, хородидаскала, обу-

⁸⁰ *Каллистов Д. П.* Античный театр. Л., 1970. С. 21, 22; *Герцман Е. В.* Указ. соч. С. 69-76, 161, 162.

⁸¹ *Соломоник Э. И.* Указ. соч. С. 101.

⁸² Перевод М. Л. Гаспарова в кн.: Пиндар. Вахилид. Оды и фрагменты. М., 1980. С. 5.

чавшего их петь и танцевать, и музыкантов-аккомпаниаторов, а также одевал хористов в нарядные одежды и даже золотые венки (Dem. XXI, 13, 16), стараясь, чтобы его хористы превосходили соперников пением, танцем и внешним видом.

В надписи с перечислением участников Сотерий, проходивших в 277 г. до н. э. в Дельфах, сохранилось единственное имя хородидаскала из Северного Причерноморья (Syll.³ 424; МИС. 11). Боспорянин Исил, сын Хрисолая, подготовил хор для этого праздника. Вероятно, он был хорошим мастером своего дела, так как Дельфы считались музыкальной столицей Эллады и туда съезжались лучшие греческие музыканты. В той же надписи упомянуты три гиматиомиста. Они обеспечивали соревновавшихся костюмами (продавали или давали за деньги на прокат). По-видимому, они сами изготавливали эти наряды, будучи, говоря современным языком, художниками-модельерами. Вазописцы часто рисовали музыкантов, певцов и актеров в роскошных расшитых узорами одеждах, которые носили исключительно участники празднеств (рис. 53, 101).

Трудно сказать, привез ли Исил хор со своей родины или из другого города. Вместе с хором под руководством боспорянина на этом празднике выступали коллективы певцов, подготовленные уроженцами Милета, Беотии, Аргоса, Фессалии и других полисов. Возможно, хородидаскал Исил был родственником поэта-музыканта Исила, также боспорянина по происхождению. В своем пеане Асклепию поэт вспоминает, как он в молодости покинул родину и отправился лечиться в Святилище Асклепия в Эпидавре; там он остался навсегда и стал эпидаврским гражданином (МИС. 57).

Среди множества изображений танцев на предметах прикладного искусства из Северного Причерноморья можно выделить две культовых пляски окласма и калатиск. Первая исполнялась на дионисийских празднествах, а вторая посвящалась богиням плодородия Деметре и Артемиде.⁸³ Калатиск, как видно по его названию,

⁸³ *Шауб Ю. И.* Культовые танцы на Боспоре // Тезисы докладов Крымской научной конференции «Проблемы античной культуры». Симферополь, 1988. С. 225, 226; *Он же.* Некоторые аспекты культа Диониса на Боспоре в IV в. до н. э. // Боспорский феномен. Греческая культура на периферии античного мира. СПб., 1999. С. 134.

танцевали с корзинами (κάλαθος), наполненными злаками, овощами и фруктами. Возможно, эти корзины символизировали калафы, высокие уборы на головах танцовщиц.

Оба танца запечатлены на золотых бляшках последней трети IV в. до н. э. из кургана Большая Близница на Тамани. Исполняя калатиск, девушка в калафе и коротком хитоне двигалась на носках, придерживая руками полы развевающейся одежды, а танцуя окласму, женщина в быстром движении смыкала руки над головой.⁸⁴ В подобном движении представлены фигурки на перстне из Павловского кургана близ Пантикапея.⁸⁵ Окласма в исполнении пятерых мужчин нарисована на краснофигурном кратере из Пантикапея.⁸⁶

Разные моменты танца отразились на пергамской краснолаковой вазе из Ольвии.⁸⁷ Рельефные фигурки танцовщиц в коротких хитонах изображают одну со сложенными на груди руками, другую с протянутыми вперед, а третью с поднятой одной рукой, - их ноги также показаны в разных положениях. Этот танец посвящался Афродите или Эроту, потому что женщины танцуют у алтаря рядом с колонной, увенчанной статуэткой Эрота. Ритуальное почитание танцем богини Гекаты представлено на мраморной статуэтке из Пантикапея.⁸⁸ Прекрасный терракотовый рельеф из святилища Деметры в Нимфее отразил танец полуобнаженной девушки, почитательницы этой богини;⁸⁹ найденный в Пантикапее панафинейский амфориск вызывал воспоминания о танцах во время Панафиней.⁹⁰ Часто невозможно определить, какому божеству посвящен танец, изображенный на вазах и терракотах. Таковы культовые танцы у алтарей в исполнении юноши, которому аккомпа-

⁸⁴ ГЗ. № 206, 208.

⁸⁵ Там же. № 108.

⁸⁶ ОАК. 1868. С. 80, 81. Табл. 5, 1.

⁸⁷ ОАМ. С. 173. № 97.

⁸⁸ Акимова Л. И. Новый памятник скульптуры из Пантикапея // ВДИ. 1983. № 3. С. 72-74.

⁸⁹ Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л. 1949. С. 177. Рис. 32.

⁹⁰ Горбунова К. С. Миниатюрные панафинейские амфоры // Travaux du Centre d'archeologie Meditterraneeenne de l'Academie Polonaisedes sciences. Т. 26. Etudes et Travaux. 13. Warszawa. P. 116.

нирует авлет,⁹¹ или хоровод взявшихся за руки девушек, танцующих под звуки аулоса и кифары (рис. 111).⁹²

Начиная с V в. до н. э. танцовщицы стали излюбленными персонажами греческой коропластики. В Северном Причерноморье найдено немало подобных привозных и местных терракот.⁹³ Большинство танцовщиц в длинных одеждах, а покрывало порой закрывает даже голову и руки, иногда играющая на лице улыбка отражает радость танца.⁹⁴ Терракотовые статуэтки передают то плавно скользящие движения, то быстрые повороты, от которых широко развевается одежда. Может быть, некоторые фигурки и рисунки на вазах изображают популярный в IV-III вв. до н. э. танец, во время которого танцовщица то закутывалась в плащ, то раскрывала его.⁹⁵ Как и на вазах, некоторые танцоры представлены около алтарей, что указывает на культовый характер пляски; такова одна фанатическая терракота, изготовленная из местной глины.⁹⁶

Наряду с вазописцами и коропластами ювелиры также обращались к изображению танцовщиц. Выше уже упоминались нашивные бляшки и перстень с исполнительницами окласмы и калатиска. К ним следует добавить золотые бляшки из кургана Куль-Оба, о которых говорилось выше при описании кроталов в руках танцовщиц (рис. 105). Редкая для Северного Причерноморья обнаженная фигура танцовщицы украшает сердоликовую печать IV в. до н. э. из Горгиппии.⁹⁷

Несомненно хоры, певцы, танцоры и музыканты участвовали в каждом более или менее крупном празднике в греческих городах Северного Причерноморья, а мусические агоны традиционно сопровождали праздники Аполлона и Диониса, а также игры на Ахилловом Дроме, потому что их справляли по программе панэл-

⁹¹ Горбунова К. С. Аттические алабастры, найденные в некрополях Северного Причерноморья // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1979. С. 42. Рис. 7.

⁹² ОАК. 1869. С. 188. Табл. IV, 14.

⁹³ Кобылина М. М. Указ. соч. С. 69, 106; САИ. 1974. Табл. 8, 19, 20, 26.

⁹⁴ Там же. Табл. XVIII, 2.

⁹⁵ Вдовиченко И. И. Указ. соч. 1995. С. 21, 22.

⁹⁶ Там же. С. 68.

⁹⁷ Неверов О. Я. Античные инталии в собрании Эрмитажа. Л., 1976. № 446.

линских праздников, к тому же их мифический основатель Ахилл сам любил музицировать (Ном. II. IX, 185-189; Мах. Туг. XV, 7) Местное население получало возможность слушать первоклассную музыку во время выступлений гастролеров; кроме того, многие посещали праздники с музыкальными агонами в Элладе, так что эллины на северном краю ойкумены всегда имели представление о музыке, популярной в других городах.

Итак, мусические искусства на праздниках в полисах Северного Причерноморья играли столь же важную роль, как и в прочих греческих государствах. Местные жители были знакомы с искусством выдающихся исполнителей и композиторов и, конечно, подражали им. Вероятно, северопричерноморские греки имели свои пристрастия, а музыка и танцы обладали своими особенностями. Однако об этом, как и о подлинном звучании вообще античной музыки, мы не знаем ничего определенного. Ведь сейчас древнюю музыку невозможно воспроизвести, потому что нет ни хороших нотных записей, ни полностью сохранившихся инструментов, ни знания способов игры на них.

Но даже если бы мы услышали те произведения, которыми восторгались в древности, наш слух не воспринял бы их как нечто замечательное. Музыкальное мышление за прошедшие века изменилось до неузнаваемости, и современные художественные нормы в корне отличны от античных. Поэтому отдаленная от нас двумя тысячелетиями музыка, по всей вероятности, показалась бы теперь бессмыслицей, и, в свою очередь, древние греки не поняли бы музыки нового времени.⁹⁸ В этом музыка отличается от других видов искусства. Памятники изобразительного искусства и архитектуры переживают многие века, не теряя своей эстетической ценности и находя отклик в душе поколений, разделенных тысячами лет. Сведения же об античной музыке, пении и танцах ограничиваются в основном исследованием их роли в жизни древних, в первую очередь на праздниках. Мы знаем довольно много текстов вокальных произведений, имена выдающихся композиторов и исполнителей, а также представляем весь набор античных музыкальных инструментов и характер ряда танцев.

⁹⁸ Герцман Е. В. Указ. соч. С. 305.

14 глава

ПРАЗДНИКИ, КАЛЕНДАРЬ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ БРЕМЕНИ

Названия многих греческих месяцев образованы от наименований отмечавшихся в них празднеств¹. Обычно в связи с календарными праздниками эллины определяли время начала и окончания разных работ, исполнения государственных и религиозных должностей, периоды школьных занятий, рассчитывали всевозможные сроки, запоминали даты рождений, свадеб, смертей и др. Таким образом, календарь играл важнейшую роль в жизни любого греческого полиса и имел большое значение при проведении религиозных празднеств. Поэтому в книге о праздниках в Северном Причерноморье кажется целесообразным посвятить отдельную главу существовавшим здесь календарям и определению времени.

Месяц у греков состоял из трех декад, и счет дней велся по дням декады. У греков и римлян отсутствовал еженедельный праздничный свободный день, подобно воскресенью у христиан или субботе у иудеев. Свободными от работы были дни государственных праздников, количество которых в каждом полисе было различным.

Сутки разделялись на 24 часа, но в отличие от современных часы оказывались разной величины, поскольку 12 часов, отводившиеся на дневное время, продолжались от восхода до захода солнца; на оставшуюся темную часть суток также приходилось 12 часов. Следовательно, продолжительность часа изменялась в зависимости от времени года и широты пункта, в котором находился тот или иной полис. Часы с постоянной продолжительностью впервые стали использовать астрономы и космографы (Strab. II. 5, 36. С. 133).

1 Parke H. W. Festivals of the Athenians. London, 1986. P. 24.

Простейшее определение времени дня у греков состояло в измерении тени человека количеством умещавшихся на ней ступней. Существовали также солнечные часы гномон (γυμνών). При раскопках в Северном Причерноморье фрагменты таких часов встречаются, начиная с эллинистического периода; обычно они сделаны из белого мрамора.² Лучше всего сохранились два образца таких часов римского времени. Часы из Мирмекия поддерживают две ножки в виде звериных лап, а часы из Китея украшены головой быка. Циферблаты разделены на 12 секторов соответственно количеству часов светового дня. Радиальные линии на китейских часах сходятся в одной точке справа ниже, чем слева, что объясняется наблюдениями движения Солнца в районе Китея.³ Как и измерение собственной тени, солнечные часы имели существенные ограничения при использовании: они показывали время лишь в светлую часть суток и только в солнечный день. Ночью время определялось по положению звезд, что возможно лишь в ясную погоду.

С V в. до н. э. из письменных источников известно о водяных часах, клепсидах. Они состояли из шара с трубкой вверху и мелкими дырочками внизу. Через трубку шар наполнялся водой, которая вытекала за определенное количество времени. Античные авторы пишут о клепсидах главным образом в связи с их употреблением в суде. Там с их помощью отмеряли время, отведенное для речей истцов и ответчиков. Вероятно, клепсида стояла в помещении ольвийского суда, фундаменты которого открыты на агоре, и в зданиях судов других северопричерноморских городов.

В повседневной же жизни время определяли приблизительно. День делили на четыре части: утро, начинавшееся с рассвета, затем часы между 9 и 12-ю назывались временем «наибольшего наполнения агоры», потому что тогда шла торговля и происходили важнейшие деловые и прочие встречи граждан. Дион Хрисостом начинает свою «Борисфенитскую речь» словами о том, как он встретил юношу Каллистрата, когда прогуливался по берегу Гипаниса

² Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 145. Табл. 47, 15.

³ Соколов Г. И. Античное Причерноморье. Л., 1973. С. 95; Он же. Искусство Боспорского царства. М., 1999. С. 360.

«в час наибольшего наполнения агоры». После этого наступало полуденное время, и затем часы до заката. Ночь разделяли на три части: вечер, середина ночи и предрассветные сумерки. Таким образом, каждый отрезок суток приходился на разное время, в зависимости от сезона.

Греки, как и другие народы древности, очень дорожили светлой частью дня. В городе и деревне они вставали рано, едва начинало светать. Платон в «Законах» (VII, 807 е) предписывал хозяину дома подниматься до рассвета. Такая практика подтверждается словами Исхомаха в «Экономике» Ксенофонта (XI, 14), объяснявшего своей молодой жене, что она должна встать первой на рассвете и будить слуг.

После заката солнца деловая жизнь замирала. При слабом мерцании светильников нельзя было заниматься большинством ремесел; с наступлением темноты приостанавливались сельскохозяйственные работы, дети возвращались из школы, юноши из гимнасия, прекращались торговля, заседания суда и пр. Городские празднества с торжественными процессиями и жертвоприношениями в основном совершались днем, но иногда включали и ночь. Например, всенощное бдение (παννυχίς) при свете факелов с пятого на шестой день Панафиней сопровождалось песнями и танцами в исполнении юношей и девушек на Акрополе. По-видимому, в ту же ночь накануне отмечавшегося 28-го Гекатомбеона дня рождения Афины проходила и лампадодромия, состязание факелоносцев.⁴ Мистерии, посвященные Дионису и Деметре, нередко устраивались ночью (Aristoph. Ran. 341, 371, 448). Скиф Анахарсис видел в Кизике ночное празднество Матери богов и пообещал, что справит его таким же образом у себя на родине. Он совершил это неподалеку от Ольвии в Гилее (Нер. IV, 76).

Календари многих полисов значительно отличались один от другого датами начала года, названиями месяцев и системой коррекции лунного и солнечного годов. Греки определяли начало года в зависимости от четырех положений Солнца: весеннего и осеннего равноденствия и зимнего и летнего солнцестояния, поэтому

⁴ Parke H. W. Op. cit. P. 49; Neils J. The Panathenaia. An Introduction // Goddes and Polis. New Jersey. 1992. P. 15.

греческий год при переводе на современную хронологию охватывает части двух лет. Например, в Афинах первым месяцем считался Гекатомбеон, наступавший в новолуние после летнего солнцестояния. В Милете год начинался после весеннего равноденствия, в Беотии - после зимнего солнцестояния, а в Спарте - после осеннего равноденствия.⁵

Сохранились календари далеко не всех античных полисов. Афины, Милет, Делос, Дельфы, Родос и некоторые другие принадлежат к числу тех государств, о которых известно, каковы были у них наименования всех месяцев и их последовательность. Наиболее полные сведения о всей системе календаря в античном Северном Причерноморье относятся к Боспору и Ольвии. Оба эти государства населяли выходцы из Милета. Сначала на новой родине все продолжали культурные традиции своей метрополии. Но со временем пути их политического, экономического и культурного развития стали расходиться. Это прослеживается, в частности, и на отношении к счислению времени.

Первоначально большинство северопричерноморских греков жили по милетскому календарю, в котором год начинался с весеннего равноденствия. Как и у всех эллинов, здесь год делился на 12 месяцев, каждый из них длился от одного новолуния до другого 29 или 30 дней и соответствовал последней и первой частям теперешних месяцев.

Наблюдения небесных светил показывали, что количество дней в 12 греческих месяцах отстает от солнечного года. Поэтому раз в несколько лет один из месяцев повторялся. В Ольвии им был открывающий год Тавреон.⁶ Сейчас неизвестно, кто и как принимал решение о дополнительном месяце в том или ином году; можно лишь констатировать стремление греков согласовать гражданский календарь с естественным, регулируемым наблюдениями Солнца и звезд. Косвенным свидетельством астрономических на-

⁵ Биккерман Э. Указ. С. 16, 17; Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Богослужебные и сценические древности. СПб., 1997. С. 99-106.

⁶ Виноградов Ю. Г., Русяева А. С. Культ Аполлона и календарь Ольвии // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980. С. 49; Русяева А. С. Календарь Ольвии Понтийской. История и методика исследования // ВДИ. 2003. № 2. С. 116.

блюдений в Северном Причерноморье могут служить мраморные солнечные часы из Китея, на которых, как уже говорилось, радиальные линии расположены с учетом положения Солнца в небе этого района.

Возможно, астрономические наблюдения велись при храмах Аполлона, бога-покровителя календаря. В Ольвии и Пантикапее храмы Аполлона играли выдающуюся роль в жизни этих городов. Здесь могли храниться привезенные из Эллады звездные календари, в которых при помощи деления карты неба на знаки Зодиака указывалось ежедневное продвижение Солнца. Греческие астрономы разработали несложные способы перевода звездного календаря на любой местный гражданский.⁷

Граффито на скифосе V в. до н. э., найденное в 1975 г. в Ольвии, содержит редчайшее перечисление всех месяцев: Тавреон (март-апрель), Таргелион (апрель-май), Каламайон (май-июнь), Панемос (июнь-июль), Метагейтнийон (июль-август), Боэдромион (август-сентябрь), Кианепсион (сентябрь-октябрь), Апатурион (октябрь-ноябрь), Посейдион (ноябрь-декабрь), Ленеон (декабрь-январь), Антестерион (январь-февраль), Артемисион (февраль-март).⁸ Эта надпись сохранила наилучшее свидетельство о том, что ольвиополиты и жители других ионийских колоний Северного Причерноморья счисляли время по календарю, идентичному милетскому. Упоминание отдельных месяцев с теми же названиями в эпиграфических памятниках эллинистического и римского времени показывает, что календарь в Тире и Ольвии всегда оставался неизменным.⁹

Безусловно, жизнь боспорских городов также начиналась по милетскому календарю. Так продолжалось до рубежа II—I вв. до н. э., когда царь Митридат Эвпатор заменил этот календарь македонским.¹⁰ От него в надписях римского времени сохранились наи-

⁷ Биккерман Э. Указ. соч. С. 53.

⁸ Виноградов Ю. Г., Русяева А. С. Указ. соч. С. 37, 38; Русяева А. С. Календарь Ольвии... С. 112-117.

⁹ IPE I. 2, 4, 33, 35, 39, 40, 44, 45, 47, 49; NO. 42, 47, 75; Карышковский П. О., Клейман И. Б. Древний город Тира. Киев, 1985. С. 61.

¹⁰ Перл Г. Эры Вифинского, Понтийского и Боспорского царств // ВДИ. 1969. № 3. С. 42, 43; Скржинская М. В. Счисление времени в античных городах Северного Причерноморья // Норна у источника Судьбы. Сборник статей в честь Е. А. Мельниковой. М., 2001. С. 364-366.

менования всех месяцев (КБН. С. 846), а от первого уцелели лишь три начальных: Тавреон, начинавшийся, по-видимому, с мартовского весеннего равноденствия, и следовавшие за ним Таргелион и Каламайон. Единственный источник с упоминанием месяцев милетского календаря на Боспоре это граффити на стене святилища в Нимфее. Там авторы надписей, жившие во второй половине III - начале II в. до н. э., записывали даты отправления и прибытия кораблей.¹¹ Остальные месяцы можно восстановить по имеющимся эпиграфическим памятникам Милета и Ольвии.

Македонский календарь широко распространился в греческом мире после завоеваний Александра Македонского. Названия месяцев и начало года отличались от милетских. Год начинался с осеннего равноденствия, а после смерти императора Августа - со дня его рождения, 23 сентября. В боспорских надписях I—IV вв. неоднократно упоминаются все 12 месяцев: Диос (сентябрь-октябрь), Апеллайос (октябрь-ноябрь), Авдинайос (ноябрь-декабрь), Перитиос (декабрь-январь), Дистрос (январь-февраль), Ксандикос (февраль-март), Артемисиос (март-апрель), Даисиос (апрель-май), Панемос (май-июнь), Лойос (июнь-июль), Горпиейос (июль-август) и Гиперберетейос (август-сентябрь).

Введение нового календаря на Боспоре существенно повлияло на общественную и частную жизнь. Всем жителям надо было привыкать по-новому рассчитывать всевозможные сроки, датировать события и пр. Названия лишь двух месяцев, Панемоса и Артемисиона, оставались прежними, но они не совпадали по времени, перейдя на следующие по порядку месяцы. В связи с этим встает вопрос о том, передвинулись ли сроки традиционных боспорских празднеств и были ли введены новые - соответственно названиям месяцев. Возможно, сначала новый календарь и летоисчисление коснулись лишь гражданского года, а религиозный оставался прежним, подобно тому, как теперь отмечаются праздники в православной церкви. Наверное, нововведение Митридата сначала вызывало неприятие местного населения, однако введенное на-

¹¹ Грач Н. Л. . Открытие нового исторического источника в Нимфее // ВДИ. 1984. № 1. С. 87; Яйленко В. П. Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире. М., 1995. С. 259, 260.

сильно новшество привилось, а календарь больше не изменялся до конца античности. По сравнению с милетскими другими стали не только названия месяцев, скорее всего и числа не соответствовали прежним. Например, сражение при Платеях в 427 г. до н. э. произошло 4-го Боэдромиона по афинскому календарю и за 4 дня до окончания месяца Панемоса по беотийскому. Сообщая об этом, Плутарх писал: «Несовпадению дней не следует удивляться, ведь даже теперь (II в. н. э. - М. С.), когда познания в астрономии стали основательнее, в разных местах по-разному исчисляются начало и конец месяца» (Plut. Arist. 19).

Херсонес, единственная дорийская колония в Северном Причерноморье, пользовался календарем своей метрополии Гераклеи Понтийской. В херсонесских надписях упоминаются пять месяцев: Гераклеос, Дионисиос, Латойос, Эвклеийос и Ликейос (IPE I². 357-359, 361, 402).¹² Из-за плохой сохранности дорийских календарей сейчас невозможно точно определить последовательность херсонесских месяцев и соответствие их нынешним. Предположительно, Дионисиос начинался в феврале, Эвклеийос - в марте, Ликейос - в мае, а Латойос - в июле.¹³ Может быть, три первых буквы месяца, сохранившиеся в одном декрете, следует восстановить не как известный по другим надписям месяц Гераклеос, а как Герайос, то есть месяц, посвященный Гере, который в некоторых дорийских городах соответствовал сентябрю-октябрю.¹⁴ Одни исследователи полагают, что год в Херсонесе начинался с Герайоса в осеннее равноденствие, а другие уверены, что в начале марта, и называют Эвклеийос последним месяцем года.¹⁵

Наименования месяцев в Ольвии и Тире говорят о том, что в милетских колониях, по крайней мере, в первые десятилетия их

¹² Суров Е. Г. Новая херсонесская надпись // ВДИ. 1960. № 3. С. 154-158; Антонова И. А., Яйленко В. П. Херсонес, Северное Причерноморье и Маркоманские войны по данным декрета 174 г. н. э. в честь Тита Кальпурния Аполлониды // ВДИ. 1995. № 4. С. 62, 63.

¹³ Кадеев В. И. Херсонес Таврический. Быт и культура. Харьков, 1996. С. 141-145.

¹⁴ Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964. С. 17; Кадеев В. И. Указ. соч. С. 145.

¹⁵ Кадеев В. И. Указ. соч. С. 144; Антонова И. А., Яйленко В. П. Указ. соч. С. 70.

существования, по традиции предков устраивали ряд празднеств. Названия трех месяцев связаны с торжествами в честь Аполлона. Весной в Таргелионе отмечали дни рождения этого бога и его сестры Артемиды, принося им в жертву кашу «таргелос», сваренную из разных злаков и овощей. В Боэдромионе Аполлона чествовали как военного бога, помощника в битвах. В сентябре проходил соименный месяцу праздник Кианепсии, во время которого готовили для Аполлона блюдо из чечевицы, бобов и овощей. В этом месяце Аполлон олицетворял бога, способствовавшего урожаю плодов и злаков. Кианепсион, включавший осеннее равноденствие, считался поворотом к зиме, когда Аполлон, по верованиям эллинов, отправлялся на несколько месяцев к сказочному племени гипербореев, обитавшему где-то к северу от городов Северного Причерноморья.

Широко распространенный у ионийцев праздник Апатурии справляли в соименный месяц. Торжества проходили после завершения земледельческих работ. Во время Апатурий отцы вносили детей в списки граждан и представляли гражданской общине своих сыновей-подростков. В месяцах Ленеон и Антестерион прославляли Диониса, в Посейдионе - Посейдона и заключали год праздником, посвященным Артемиде.

Херсонесский календарь показывает, что здесь отмечали Дионисии, чтили Аполлона Ликейского и его мать Латону, поклонялись божеству с эпиклезой Эвклеос, то есть славный (это могли быть либо Зевс, либо Артемиды), и Гераклу, в честь которого была названа метрополия Херсонеса Гераклея Понтийская.

Должностные лица и выборные жрецы в Греции и Риме, как правило, исполняли свои обязанности один год. Постоянство их ежегодной службы дало толчок для использования этого срока в качестве хронологической единицы, и гражданский год стал тождественным по продолжительности срока службы одного из магистратов или жрецов, именем которого назывался данный год. Эти лица назывались эпонимами. В Афинах ими становились архонты, в других городах - жрецы, стратеги, пританы, цари и другие. Время их вступления в должность могло не совпадать с началом года. Например, в Риме эпонимами были два консула, приступавшие к

своим обязанностям первого января. Эта дата начала нового года до сих пор принята в европейских и американских государствах. Однако названия сохранившихся в нашем календаре римских месяцев - октябрь, ноябрь, декабрь (восьмой, девятый, десятый) - указывают, что год некогда начинался с марта (Plut. Mor. 268 a).

В каждом городе существовали списки эпонимов,¹⁶ некоторые из них сохранились либо в надписях, либо переписаны в сочинениях античных авторов. Например, Диодор Сицилийский включил в свою «Библиотеку» список афинских архонтов с начала V в. до 302 г. до н. э., а в Милете найдена стела со списком эпонимов начиная с 525 г. до н. э. Надпись на ней исполнена в 334 г. до н. э., а затем на свободном месте там ежегодно дополняли новые имена.¹⁷

Для перевода античных дат в современные необходимо связать список эпонимов с абсолютной хронологией. Это бывает возможно, если в нем обнаруживается синхронизм с ранее известными датами. В списке эпонимов Милета такой оказалась запись об исполнении должности стефанофора Александром Македонским. Из других источников известно, что это было в 333 г. до н. э. Так удалось датировать весь ряд милетских эпонимов с 525 по 314 г. до н. э. и получить хронологическую канву для истории Ионии более чем на двести лет.

Путем перекрестных сопоставлений надписей и свидетельств древних авторов установлен список афинских архонтов с 496 по 293 г. до н. э.¹⁸ Поэтому нам известны годы и даже месяцы издания афинских декретов в честь боспорских царей. Постановление о привилегиях, данных Спартаку и Перисаду, написано при архонте Фемистокле в восьмое пританство Эгеиды, т. е. в апреле 346 г. до н. э., а декрет в честь другого царя Спартока, сына Евмела, относится к февралю 288 г. до н. э., ибо в его заглавии сказано: «при архонте Диотиме в седьмое пританство Антигониды... в последний день Гамелиона» (МИС. 3, 4).

¹⁶ Возможно, одна ольвийская надпись (IPE I². 201), исполненная на рубеже II и I вв. до н. э., представляет собой диахронный каталог ольвийских жрецов-эпонимов. См.: *Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989. С. 220.

¹⁷ *Биккерман Э.* Указ. соч. С. 62.

¹⁸ Там же. С. 62-65, 204, 205.

В начальный период существования Ольвии здесь, по образцу милетского, организовался аристократический союз мольпов, и хронология велась по именам стоявших во главе него айсимнетов. В III в. до н. э. функция эпонимов перешла к жрецам Аполлона Дельфиния, а в римское время эпонимами стали гражданские магистраты - первые архонты.¹⁹ На Боспоре с классического периода годы назывались именами первых архонтов, а затем царей, которые сначала также именовались первыми архонтами. В Херсонесе эпонимами были лица, исполнявшие религиозную функцию «царей».

К сожалению, ни один список эпонимов городов Северного Причерноморья не сохранился, поэтому точные годы документов, датированных эпонимами, удастся определить в редчайших случаях. Таков, например, договор о дружбе и союзе Херсонеса с правителем Понта Фарнаком I, который обязался оказать помощь херсонеситам при угрозе со стороны скифов (IPE I². 402). В надписи зафиксированы две даты: херсонесская определена именем царя-эпонима Аполлодора, сына Горгита, и понтийская - по принятому там счислению лет - 157-й год месяца Даисиоса. Месяцы и годы понтийской эры хорошо синхронизируются с современным летосчислением, поэтому дата договора определяется апрелем-маем 179 г. до н. э.

В эллинистический период в ряде греческих государств на Ближнем Востоке и в Малой Азии возникла датировка по эрам. Затем различные эры (от латинского слова аега - число, цифра) стали принимать правители во всем античном мире. Счет лет велся от определенной даты, а в качестве основной единицы счисления употреблялся единообразный год. Напомним, что до этого год у греков из-за вставных месяцев охватывал разные промежутки времени.

Счисление по эрам, заимствованное на Ближнем Востоке, впервые применил соратник Александра Македонского Селевк I, расправившийся начать счет времени по годам своего наместничества в этом регионе (308-280 гг. до н. э.). Его преемники продолжили

¹⁹ Карышковский П. О. Ольвийские эпонимы // ВДИ. 1978. № 2. С. 82-96.

эту традицию и таким счислением пользовались много веков. Селевкидскую эру употребляли арабские астрономы, а в некоторых районах Ближнего Востока она дожила до XX века.²⁰

Эра, по которой мы живем до сих пор, была установлена в VI в. н. э. По ней отсчитываются годы от Рождества Христова,²¹ а первое число года восходит к римской традиции считать началом гражданского года дату вступления в должность консулов, которые давали имя году.

Упомянутый царь Фарнак I считал годы понтийской эры с 337/36 г. до н. э., когда на престол вззошел основатель династии Митридат Киосский. Преемник Фарнака Митридат II перевел летосчисление в своем государстве на вифинскую эру, начинавшуюся в 297/96 г. до н. э. Когда понтийский царь Митридат VI Эвпатор подчинил себе Боспор, он ввел здесь в первой половине I в. до н. э. македонский календарь и летосчисление, принятое на его родине и в соседней Вифинии.²²

Древнейшие сохранившиеся боспорские памятники, датированные такой эрой, представляют золотые статеры, выпущенные при Фарнаке, сыне Митридата VI. На монетах с портретом этого царя стоят даты с 244 по 247 годы, что соответствует 54-51 гг. до н. э. В Боспорском царстве, чаще, чем в других государствах Северного Причерноморья, встречаются надписи с указанием числа, месяца и года. Точные даты называли в текстах на постаментах статуй, на почетных стелах и надгробиях, на документах об отпуске рабов на волю, в надписях с перечислением членов различных союзов и надписях о строительстве и восстановлении храмов и оборонительных сооружений.

В римский период Херсонес, Тира и, возможно, Ольвия вводили счисление лет по своим эрам. Херсонесская эра начиналась в 25 или 24 г. до н. э. Высказывается два предположения о событии, положившем ее начало. Согласно одной гипотезе, в 24 г. до н. э.

²⁰ Биккерман Э. Указ. соч. С. 66.

²¹ Современные ученые установили, что на самом деле Христос родился между 6 и 2 годами до н. э. Обычно исследователи принимают дату 4 год до н. э. См.: Дюрант В. Цезарь и Христос. М., 1995. С. 600, 606.

²² Перл Г. Эры Вифинского, Понтийского и Боспорского царств // ВДИ. 1969. № 3. С. 68.

херсонеситы победили царя Асандра, пытавшегося полностью подчинить Херсонес Боспору.²³ По другому предположению, в 25 или 24 году император Август утвердил элевтерию (статус свободного города), которая была дана херсонеситам Цезарем, а затем отменена Антонием.²⁴

Эра, принятая в Тире, начиналась в 56 или 57 г. н. э. Это устанавливается по двум надписям II в. с датами тирской эры и ссылкой на римских консулов тех лет (IPE I². 2, 4).²⁵ Тирская эра начиналась, вероятно, с года дарования Римом элевтерии. Ведь надписи и монеты показывают, что римляне в I в. включили Тиру в орбиту своего политического влияния.²⁶

Относительно Ольвии трудно сказать, принималась ли там местная эра. На ольвийских монетах I в. н. э. с изображением Зевса на аверсе и орла на реверсе имеются цифровые обозначения от 6 до 9. Некоторые ученые полагают, что это - даты ольвийской эры, начинавшейся в 46 г.²⁷ Другие источники об ольвийской эре пока не найдены, и это заставляет думать, что в Ольвии счет лет по ее эре либо вовсе не существовал, либо велся недолго. Сохранившиеся надписи римского времени традиционно датируются только именами эпонимов, которыми в этот период были первые архонты.

Датировки по эрам не отменили названий лет по эпонимам. В Херсонесе рядом с годом называли имя жреца Девы, в Тире - первого архонта, а на Боспоре - царя. Столь подробная датировка, нередко с перечислением ряда магистратов текущего года, характерна для официальных документов, особенно для почетных декретов. Например, Гераклеец Папий в 129/130 г. н. э. получил в Херсонесе проксению «в царствование Девы в 155 году при жреце Тите Флавии Ксанфе, сыне Насона, месяца Латоа, 10-го дня». Постановление Совета и Народа Тиры об увенчании некого Кок-

²³ Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. С. 75, 76.

²⁴ Кадеев В. И. Херсонес Таврический. С. 7, 8.

²⁵ Карышковский П. О., Клейман И. Б. Указ. соч. С. 90-92.

²⁶ Давня історія України. Т. 2. Київ, 1998. С. 415, 416.

²⁷ Анохин В. А. К вопросу об ольвийской эре // Нумизматика и сфрагистика. Киев, 1971. № 4. С. 90.

кея золотым венком и рельефным изображением в 181 г. принято «за 5 дней до майских календ в консульство императора Коммода в третий раз и Актистия Бурра, а по счету тирян в 125 году при архонте Феодоре, сыне Воифа с товарищами, месяца Артемисиона, 30-го дня». В 82 г. н. э. в Пантикапее союз почитателей Зевса и Геры поставил в честь этих богов мраморную стелу «в царствование Тиберия Юлия Рескупорида... в 379 году, месяце Перитии, 20-го» (IPE I². 2; КБН. 76).²⁸

Боспорские надписи показывают, как развивалось стремление все более точно определять время тех или иных событий не только в официальных документах, но и в повседневной жизни. Об этом свидетельствуют указания года, месяца и часто дня в надписях I-IV вв., сообщающих о постройке частными лицами молелен, храмов, склепов (КБН. 64, 335, 734, 1115 и др.) и об установке различных памятников, главным образом надгробных (КБН. 628, 656, 675, 975 и др.). Стоит отметить, что такие датированные надписи делали не только граждане, но и неполноправные жители Боспора (КБН. 710). В целом в эпиграфике Боспора чаще, чем в других областях Северного Причерноморья, встречаются надписи с указанием числа, месяца и года. К настоящему времени их найдено около сотни. Это - почетные стелы, манумиссии, надгробия, надписи о строительстве и восстановлении храмов и оборонительных сооружений, памятники статуй, документы различных союзов.

Иная картина наблюдается в Ольвии. В эллинистический период, когда в боспорских надписях постоянно указывается имя правящего царя, в ольвийских декретах часто названо лишь число без месяца и даже без эпонима года, так что вскоре забывалось время издания постановления. Большие и чрезвычайно важные с точки зрения ольвиополитов декреты в честь Протогена и Антестерия датированы только двадцатым и шестнадцатым числом. Лишь в исключительных случаях (пока их известно всего два) в ольвийских надписях эллинистического времени названы имя эпонима года, месяц и число (IPE I². 33, 35).

В римское время, когда повсюду распространилась точная датировка официальных документов, ольвиополиты указывали число,

²⁸ Суров Е. Г. Новая херсонесская надпись // ВДИ. 1960. № 3. С. 154-158.

месяц и год по архонту-эпониму лишь в постановлениях Совета и Народного собрания. В надписях же коллегий стратегов, агораномов и частных лиц упоминается только эпоним года, и то далеко не всегда. Из этого можно заключить, что в отличие от боспорян Ольвиополиты в частной жизни редко прибегали к точным датировкам тех или иных событий.

Греческие историки издавна пытались синхронизировать события, даты которых определялись по местным календарям. Боспорские историки наряду с местной, вероятно, пользовались афинской хронологией. На это указывают главы из «Библиотеки» Диодора Сицилийского, где деяния боспорских царей V-IV вв. до н. э. датированы по афинским архонтам-эпонимам. Таким образом, история Боспора вводилась в контекст истории Эллады. Ведь благодаря политическому и экономическому влиянию Афин в античном мире их летосчисление было широко известно и синхронизировано со многими греческими календарями. Не случайно также, что события на Боспоре, датированные по афинским архонтам, приходятся на период наивысшего расцвета боспоро-афинских связей.

Начиная с трудов Эратосфена (276-194 гг. до н. э.), греческая книжная хронология по большей части строилась на датах Олимпиад. Таким образом, сохранялась идущая с глубокой древности традиция определения дат в связи с выдающимися праздниками. Имелось немало списков Олимпиад, в которых указывались разнообразные события во всем греческом мире. Наиболее полный список сохранился в «Хронике» Евсевия. Под первым годом 34-й Олимпиады (647/46 г. до н. э.) в нем названо основание Борисфена - поселения на о. Березань. Эта дата восходит к милетским документам о выводе колоний, и ее, безусловно, всегда помнили в Ольвийском полисе. В Тире и на Боспоре также хранились ныне утраченные сведения о годах основания милетскими колонистами поселений в устье Тираса и на берегах Керченского пролива. Древние милетские даты синхронизировали с местными списками эпонимов, а позже - с тирской и боспорской эрами.

Итак, счисление времени в Северном Причерноморье было тесно связано с датами религиозных праздников и шло в русле развития хронологии в греческой ойкумене. В римский период жители Боспорского царства ближе всего подошли к бытующим в наше время представлениям о точной датировке события.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На страницах этой работы перед читателем прошла череда праздников, которые составляли существенную часть жизни эллинов, поселившихся на самом северном краю греческой ойкумены. Конечно, картина получилась далеко не полная, отчасти потому, что автор исследования, вероятно, не сумел извлечь все возможное из относящихся к теме источников, но главным образом потому, что уцелевшие письменные и материальные памятники в состоянии приоткрыть лишь сравнительно небольшую часть этой области античной культуры. Ведь праздник воплощался в разнообразных ритуалах, сопровождавшихся пением, танцами, устной импровизацией, а они с трудом поддавались описанию в античной литературе или воспроизведению на предметах искусства.

Что касается относящихся к праздникам изображений, то большинство из найденных в Северном Причерноморье представляет импортные предметы, и потому они характеризуют вообще греческий праздник, а не его местные особенности. В литературных и эпиграфических источниках не сохранилось ни одного описания местных праздников. Их называют в надписях обычно в связи с оглашавшимися во время торжеств награждениями либо в каталогах победителей на местных агонах.¹ Древние авторы говорят об интересующих нас праздниках лишь вскользь в связи с другими событиями. Геродот (IV, 76) в новелле о царе Скиле упомянул дионисийские шествия на улицах Ольвии, Павел Оросий (VI, 5,4)

¹ В тексте «Заключения» здесь и далее не даются ссылки на источники и научную литературу, которые были приведены в соответствующих главах; в примечаниях будут указаны лишь не использованные в основном тексте работы.

написал о разрушительном землетрясении на Боспоре во время праздника Деметры в 63 г. до н. э., а Диодор Сицилийский (XII, 25) рассказал о гибели боспорского царя Евмела, спешившего из Синдики на праздник в Пантикапей.

Археологические находки свидетельствуют о культах множества богов на северных берегах Понта, и каждому из них в древности посвящался свой праздник. Однако точные наименования известны лишь относительно нескольких крупных праздников; это Дионисии в Ольвии и в Херсонесе, Парфении в Херсонесе, Апатурий на Боспоре, Гермеи в Горгии. С большой долей вероятности можно говорить, что праздники в местных гимназиях назывались Гермеями, а игры на Ахилловом Дроме - Ахиллеями. Не сохранились официальные названия даже главных праздников Аполлона в Тире, Ольвии и на Боспоре.

Несмотря на скудость письменных источников и сравнительно небольшой круг материальных памятников, они все же смогли немало рассказать о греческих праздниках в Северном Причерноморье. Ведь местная религия и культура были частью великой античной цивилизации, и потому даже самое краткое упоминание в надписях, например о Дионисиях, вместе с находками остатков театра, статуэтками и моделями масок актеров дают возможность сопоставить это со всем тем, что вообще известно о праздниках такого рода. Сказанное объясняет, почему больше удалось описать те черты праздников в Северном Причерноморье, которые роднят их с торжествами в Элладе, чем местные особенности, отличавшие каждый праздник. Почти полное отсутствие сведений о праздничных обычаях соседних народов не позволяет узнать, оказывали ли они хоть какое-то влияние на проведение праздников в античных государствах на северных берегах Понта Эвксинского.

Присущие этому региону некоторые своеобразные черты праздников выделены на основании комплексного анализа разных источников. Так как здесь большинство колоний были милетскими, то в них первоначально всюду справляли сходные праздники, в которых преобладали ионийские ритуалы. Это подтверждается строительными постройками древнейших храмов и алтарей в ионическом ордере вплоть до середины V в. до н. э., а также названиями месяцев,

идентичных милетским: ведь греческие наименования большинства месяцев произведены от справлявшихся в них праздников.

Вскоре после возникновения каждый полис пошел своим особым путем исторического развития, что, в частности, отразилось и на праздниках. Сначала во всех милетских колониях Северного и Западного Причерноморья главный государственный праздник посвящался Аполлону Врачу. В Ольвии его вскоре заменили иной ипостасью бога (Дельфиний) и соответственно другими ритуалами, а на Боспоре такой замены не было. Зато там на рубеже II—I вв. до н. э. ввели новый календарь, и вся система праздников стала кардинально меняться; в Ольвии же и в Тире таких решительных перемен не происходило.

Во многом по-иному справляли праздники в Херсонесе, придерживавшемся дорийских традиций своей метрополии Гераклеи. Херсонеситы на главном празднике Парфении чествовали Артемиду с эпиклезой Дева, считая ее покровительницей своего города.

Сложение в Северном Причерноморье своей архитектурной школы² можно рассмотреть как косвенное доказательство развития местных особенностей праздников. Это проявилось в строительстве храмов; к ним направлялись праздничные шествия, около них совершался главный ритуал праздника - жертвоприношение, и трудно думать, что местные черты нес только храм, а не вместе с ним также и совершавшиеся здесь церемонии.

Характер государственного устройства тоже влиял на некоторые праздничные обычаи. Например, в Тире, Ольвии и Херсонесе, где преобладала демократическая форма правления, во время многолюдных празднеств выдающиеся граждане увенчивались золотыми венками, а в Боспорском царстве этого не было.

В V-IV вв. до н. э. во многих областях экономической и культурной жизни полисов Северного Причерноморья сказывалось заметное влияние Афин.³ Весьма вероятно это отразилось и на про-

² Буйских / Северное Причерноморье в античное время. Киев, 2002. С. 87-98.

архитектурной школе в Северном Причерноморье

³ Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н. э. М. 1963.

ведении праздников, ведь Афины повсюду славилась умением блестящей организации своих торжеств. В классический и эллинистический периоды многие граждане Боспора и Ольвии постоянно посещали Афины,⁴ поэтому было нетрудно заимствовать там опыт проведения того или иного праздника, например Дионисий.

По своему значению праздники выстраивались в определенную иерархическую лестницу; ее вершину занимали главные государственные торжества, в которых принимала участие вся гражданская община. Не случайно именно о них уцелело больше всего сведений, и потому удалось в основных чертах описать главные государственные праздники Аполлона в Ольвии и Пантикапее, Артемиды - в Херсонесе, Афродиты - на азиатской части Боспора.

Дионисии входили в число любимых праздников всех эллинов, и в этом отношении государства на северном краю ойкумены не составляли исключения. Так же, как всюду в Элладе и в ее колониях, здесь строили театры для агонев и других торжественных церемоний на Дионисиях, и во время этого праздника награждали своих граждан и иностранцев за выдающиеся услуги, оказанные государству. Церемония подобных наградений сопровождала и другим важнейшим праздникам, например Парфениям в Херсонесе и Ахиллеям на Тендровской косе.

Каждый греческий полис вкладывал большие средства в организацию государственных праздников; их устроители стремились порадовать своих соотечественников прекрасными зрелищами, музыкой, различными агонами, а также произвести впечатление всем этим на иностранцев (Thuc. VI, 16). О присутствии иностранцев на праздниках в Северном Причерноморье свидетельствуют декреты о венчании золотыми венками граждан из других городов во время главных городских торжеств. Судя по именам в почетных декретах, можно с уверенностью говорить о том, что греки с северных берегов Понта отправлялись на разные праздники в Причерноморье и Средиземноморье.

⁴ Скржинская М. В. Ольвиополиты и боспоряне в Афинах // ВДИ. 2002. № 2. С. 133-143.

Большинство греческих праздников было открыто для участия всех полноправных членов государства, а также граждан тех полисов, с которыми существовал договор о равных гражданских правах. Это указано, например, в декрете об исополитии Милета и Ольвии. Однако существовали и такие праздники, на которые допускали лишь посвященных. В основном это были мистерии, и их также справляли в городах Северного Причерноморья. Здесь известны мистерии Деметры и Кору, Диониса, Кабири и Кибелы. Некоторые из посвященных в таинства, особенно жрецы, посещали праздники этих богов в Самофракии и в Элевсине, а затем повторяли на родине тайные обряды. Есть надежные свидетельства, что среди боспорян в течение многих веков находились мужчины и женщины, приобщенные к самым знаменитым в античном мире Элевсинским мистериям. Они, по свидетельству древних авторов, оказывали на посвященных высоко нравственное влияние, и оно, безусловно, ощущалось и в Северном Причерноморье.

Крупные праздники, как правило, сопровождались разнообразными агонами. Вероятно, древнейшие из них в колониях Северного Причерноморья появились на праздниках Аполлона, считавшегося у эллинов победителем на разных музыкальных и атлетических состязаниях. Изучение надписей показывает, что здесь практиковались все виды античных спортивных соревнований. Юные атлеты начинали выступать на праздниках, посвященных Гермесу в местных гимназиях, затем переходили на главные состязания своей родины, а лучшие ездили на праздничные агоны в другие города.

В этой работе впервые собраны вместе разнообразные свидетельства о том, что граждане государств Северного Причерноморья постоянно посещали крупнейшие торжества Эллады: праздники Аполлона в Милете, Дельфах и на острове Делосе, Панафинеи, Анакии и Элевсинские мистерии в Аттике, Истмийские игры близ Коринфа и мистерии Кабири на Самофракии. Там собирались эллины из множества государств, и, участвуя в одном празднике, они как никогда ощущали свое этническое и культурное единство. Такие праздники давали возможность узнавать новости со всех концов ойкумены и затем сообщать их на родине; здесь

обменивались всевозможными сведениями о торговле, войнах, мореходстве, о жизни народов в дальних странах, которые посещали греки. На панэллинских праздниках жители Северного Причерноморья в основном бывали зрителями, порой почетными, которых удостоивали наград или права занимать лучшие места в театре и на стадионе, о чем известно из афинских, дельфийских и делосских декретов. Некоторые граждане принимали активное участие в этих праздниках: они завоевывали призы на атлетических состязаниях, готовили хоры к праздничным выступлениям, исполняли тайные обряды во время мистерий.

Итак, праздники в античных государствах Северного Причерноморья, как и во всем эллинском мире, имели религиозное содержание и занимали важное место в жизни граждан. Во время главных праздников каждый чувствовал непосредственную причастность к своей общине, и, таким образом, праздник сплачивал всех граждан перед лицом отеческих богов. Это было особенно важно для полисов, находившихся в варварском окружении. Исполняя праздничные ритуалы, сходные с проводившимися в Эллад, эллины на краю греческой ойкумены ощущали свое религиозное и культурное единство со всем греческим миром.

Праздник давал всем психологическую разрядку и отдохновение от ежедневных трудов и забот. Следует отметить также существенное образовательное значение многих древнегреческих праздников. Во время драматических агонов зрители знакомились с новыми пьесами, а также вновь смотрели и слушали произведения классиков. На состязании рапсодов все заново вспоминали эпические поэмы Троянского и других циклов, а музыкальные соревнования давали возможность услышать лучших исполнителей современной и старинной музыки. Приуроченные к праздникам выступления ораторов и софистов приобщали слушателей к философским и политическим знаниям того времени.

Греческие праздники с их развитой системой разнообразных мусических и атлетических агонов давали многим гражданам возможность продемонстрировать свои таланты и способности, утвердить престижный статус в обществе и заслужить славу. Награды победителям хотя и представляли в ряде случаев зна-

чительную материальную ценность, в первую очередь служили всеобщему признанию у себя на родине и за ее пределами.

Греки особенно гордились своими главными государственными праздниками, стремились их сделать красивыми и пышными, превзойти в этом своих соседей и соперников. В небольших полисах, какими были колонии Северного Причерноморья, образцами для подражания служили праздники в метрополии, в Афинах и главные панэгерии. Недаром в эллинистический период появилось немало праздников, «равных Пифийским», и среди них Ахиллеи под патронатом Ольвии.

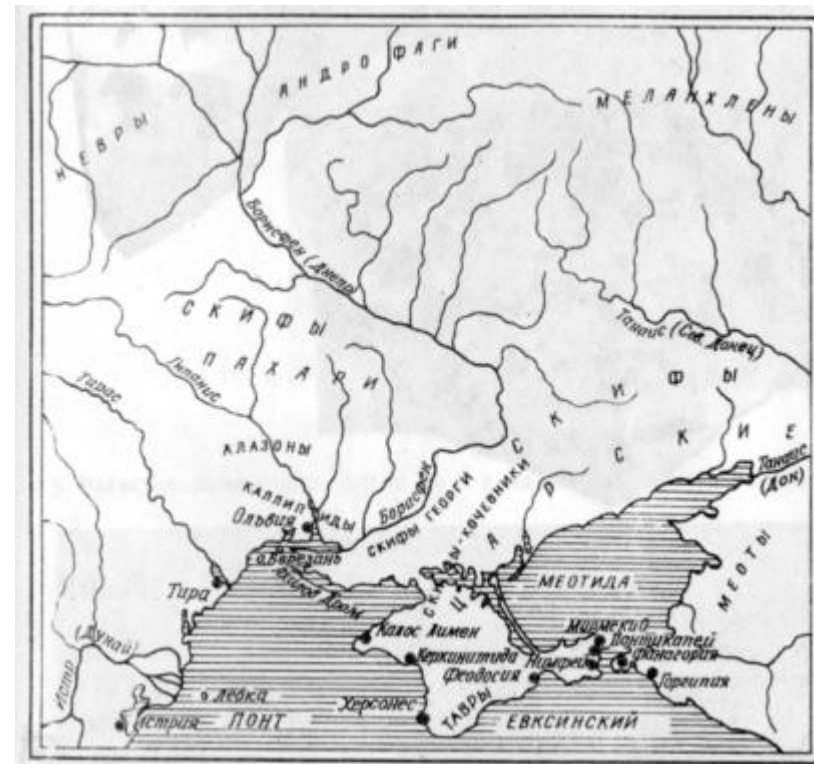
Нам удалось только в общих чертах реконструировать ряд древнегреческих праздников. Каждое торжество имело особую программу и установившиеся традиции (Arist. Ath. Pol. 60); в то же время оформление праздников, музыка, танцы, агоны постоянно обновлялись, так что один и тот же праздник не оставался чем-то неизменным. Однако такие подробности почти не удастся проследить при исследовании праздников в Северном Причерноморье.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГСП - Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.
- АДЖ - *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на Юге России. СПб., 1913.
- АНО - *Скуднова В. М.* Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988.
- АО - Археологические открытия
- АП - *Соколов Г. И.* Античное Причерноморье. Л., 1973.
- АРК - Античная расписная керамика из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина. М., 1985.
- ВДИ - Вестник древней истории
- ДБК - Древности Боспора Киммерийского. СПб., 1854.
- ГЗ - *Уильямс Д., Огден Д.* Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V-IV вв. до н. э. СПб., 1995.
- ГИМ - Государственный исторический музей, Москва.
- ГМИИ - Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва.
- ЖМНП - Журнал министерства народного просвещения.
- ЗООИД - Записки Одесского общества истории и древностей.
- ИАК - Известия Императорской археологической комиссии.
- ИГАИМК - Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
- КБН - Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965.
- КПКЖ - *Лукьянов С. С., Гриневиц Ю. П.* Керченская кальпиды 1906 г. и поздняя краснофигурная живопись // МАР. № 35. 1915.
- КСИА - Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
- КСИИМК - Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
- МАР - Материалы по археологии России.
- МГВ - *Горбунова К. С., Передольская А. А.* Мастера греческих расписных ваз. Л., 1961.
- МИА - Материалы и исследования по археологии СССР.
- МИС - *Граков Б. И.* Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3
- НО - Надписи Ольвии (1917-1965). Л., 1968.
- НЭПХ - *Соломоник Э. И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964. Т. 1.; Киев, 1972. Т. 2.

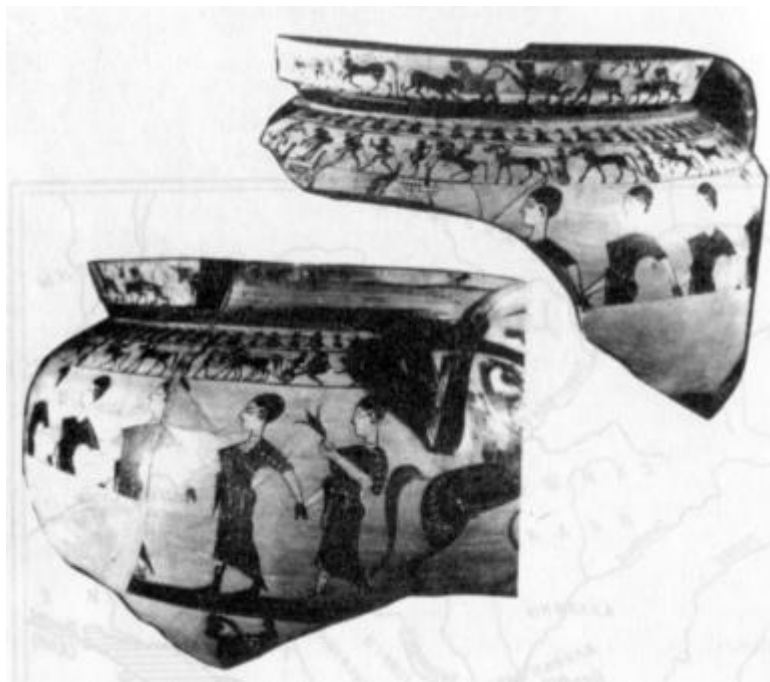
- ОАК - Отчеты Императорской археологической комиссии.
- ОАМ - Одесский археологический музей АН УССР. Киев, 1993.
- РА - Российская археология.
- РД - *Толстой И. И., Кондаков И. П.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. 1. СПб., 1889.
- СА - Советская археология.
- СГЭ - Сообщения Государственного Эрмитажа.
- ТГЭ - Труды Государственного Эрмитажа.
- ТС - Терракоты Северного Причерноморья. Свод археологических источников. Вып. Г 1-11. М., 1970. Т. 1, 2.
- АА - Archäologischer Anzeiger
- ABF - *Boardman J.* Athenian Black-figure Vases. London, 1985.
- AJA - American Journal of Archeology.
- ARF - *Boardman J.* Athenian Red-figure Vases. The Archaic Period. London, 1985.
- ARV² - *Beazley J. D.* Attic Red-figure Vase-painters. Oxford, 1963.
- CIG - Corpus inscriptionum Graecarum.
- GP - *Goddess and Polis.* The Panathenaic Festivals in Ancient Athens. Ed. J. Neils. New Jersey, 1992.
- GRA - Greek and Roman Antiquities in the Hermitage. Leningrad, 1975.
- IG - Inscriptiones Graecae.
- IPE - *Latyshev B.* Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. Petropoli, 1916.
- JHS - Journal of Hellenic Studies.
- LIMC - Lexicon iconographicum mythologiae classicae. Bd.1-8. München, 1981-1997.
- RCA - *Metzger H.* Les representations dans la ceramique attique du IV siecle. Paris, 1951.
- RE - *Pauly-Wissowa-Kroll.* Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1894 sq.
- SEG - Supplementum Epigraphicum Graecum.
- Syll³ - *Dittenberger W.* Sylloge inscriptionum Graecarum. V. 1-4. Leipzig, 1915-1924. (3 ed).
- UKV - *Scheffold K.* Untersuchungen zu den Kertschen Vasen // Archäologische Mitteilungen aus russischen Sammlungen. Berlin-Leipzig. 1934. Bd. 4.
- WA - *Worschipping Athena.* Panathenaia and Parthenon. Ed. J. Neils. Madison, 1996.

Иллюстрации

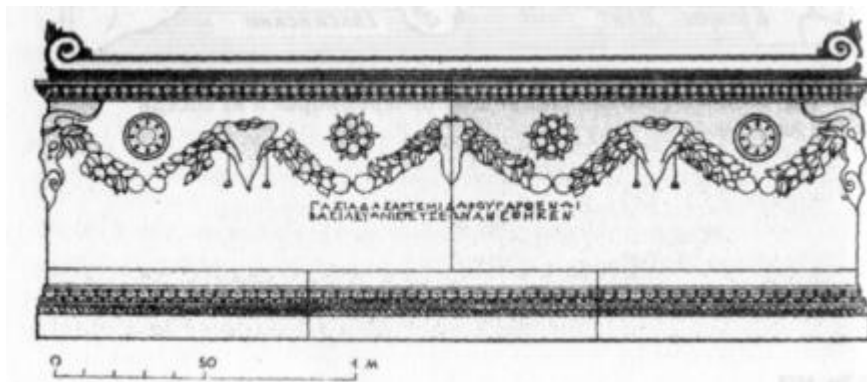

1. Карта. Античные города Северного Причерноморья и их соседи в V-IV вв. до н. э.

2. Праздничное шествие. Фрагмент клазоменского кратера, найденного на о. Березань. Первая треть VI в. до н. э.

3. Мраморный алтарь IV в. до н. э. из Херсонеса. Реконструкция И.Р. Пичикяна.

4. Известняковый алтарь V в. до н. э. на Центральном теменосе Ольвии.

5. Известняковый алтарь III-II вв. до н. э. на Западном теменосе Ольвии.

6. Мраморный алтарь эллинистического времени из Ольвии.
Реконструкция А.В. Круглова.

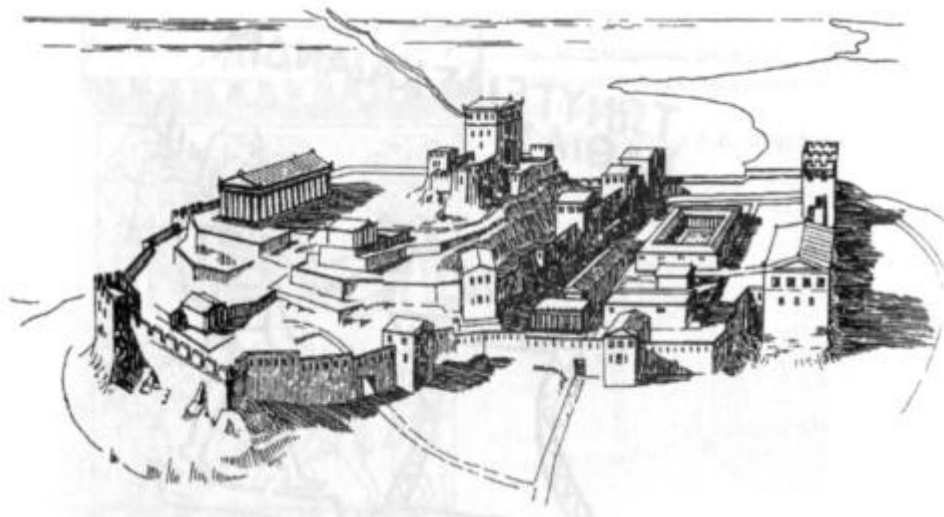
8. Возлиание у алтаря. Рисунок на стеле с ольвийским декретом римского времени.

7. Жертвоприношение Геракла нимфе острова Хриса.
Краснофигурная пелика из кургана Бакса близ Пантикапея. Конец V в. до н.э.

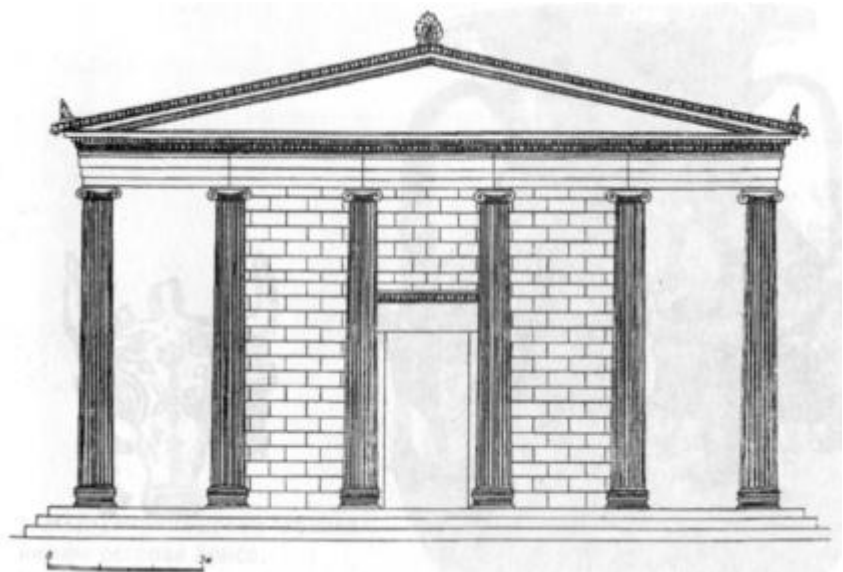
9. Свинцовые букрании IV-II вв. до н. э. из Ольвии.

10. Храм Аполлона на акрополе Пантикапея.
Реконструкция В.П. Толстикова.

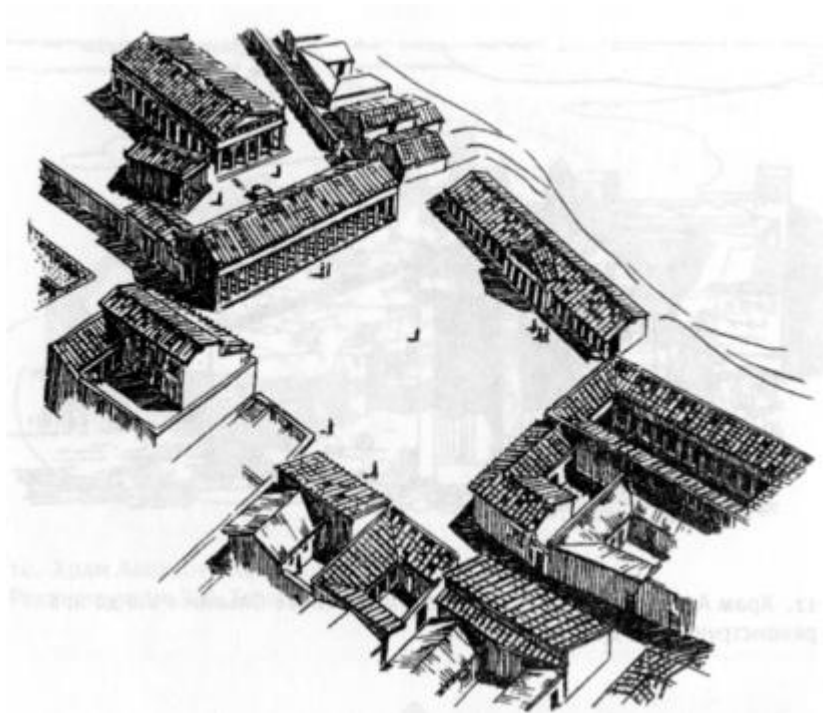
12. Храм Аполлона Врача на Западном теменосе Ольвии в V в до н. э.
реконструкция С. Д. Крыжницкого.

11. Пантикапейский храм Аполлона. V в. до н. э.
Реконструкция И.Р. Пичикяна.

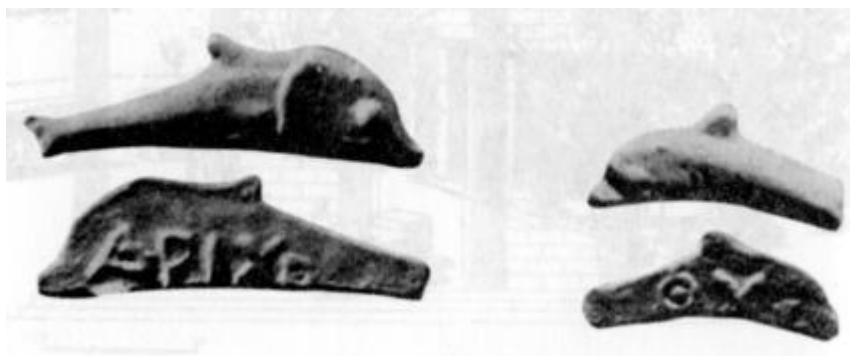
13. Центральный теменос Ольвии с храмом Аполлона Дельфиния в V в. до н. э.
Реконструкция А.Н. Карасева.

14. Агора и Центральный теменос Ольвии с храмами Аполлона Дельфиния и Зевса в IV-III вв. до н. э. Реконструкция С. Д. Крыжницкого.

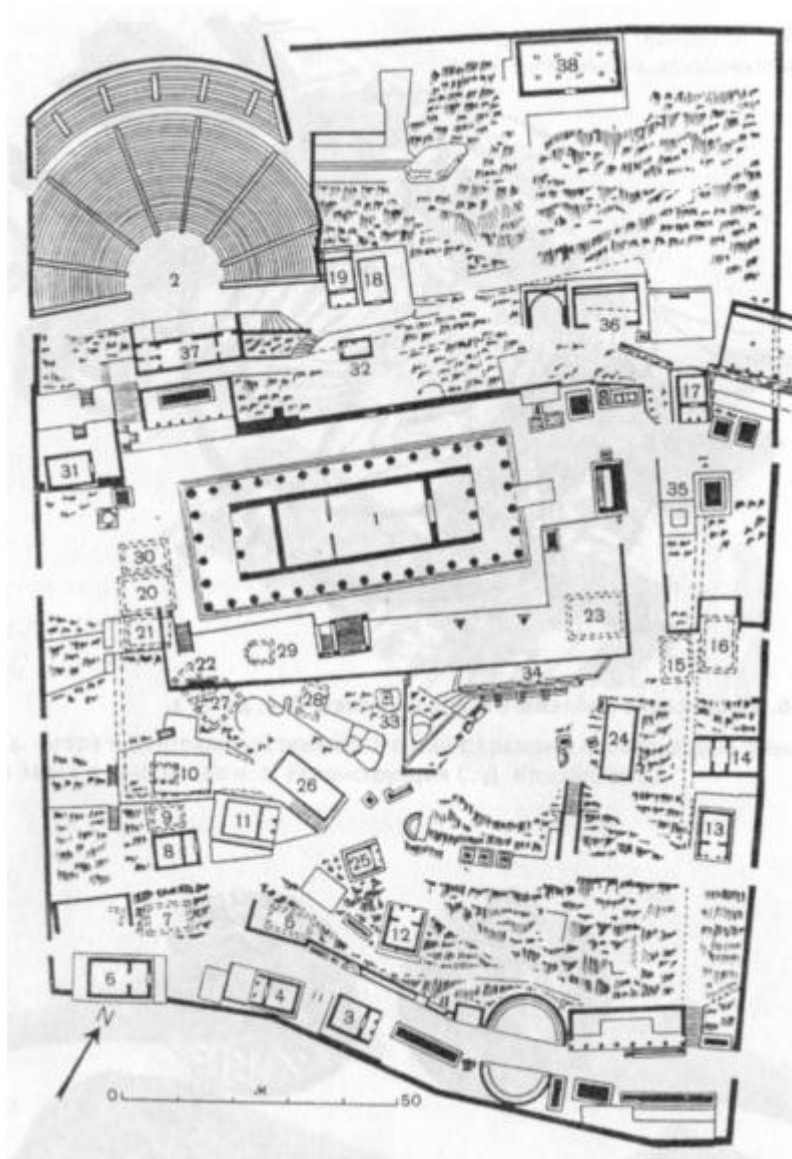
16. Прорисовка эмблемы Ольвии на монете IV в. до н.э.

15. Ольвийские монеты в виде дельфинов. VI-V вв. до н. э.

17. Серебряная монета с изображениями Деметры и эмблемы Ольвии с символами Аполлона и Зевса. III в. до н. э.

18. План святилища Аполлона в Дельфах: 1. Храм Аполлона; 2. Театр; 3-17, 20- 25, 31. Сокровищницы разных государств; 18,19. Часовня и теменос Диониса; 26. Булеутерий; 27-30. Разрушенные постройки; 32. Часовня и теменос Посейдона; 33. Наксосский сфинкс; 34. Портик афинян; 35. Колонна платейцев; 36. Монумент фессалийцев; 37. Сцена театра; 38. Лесха кнidian.

19. Артемида, поражающая лань.
Херсонесская медная монета III в. до н. э.

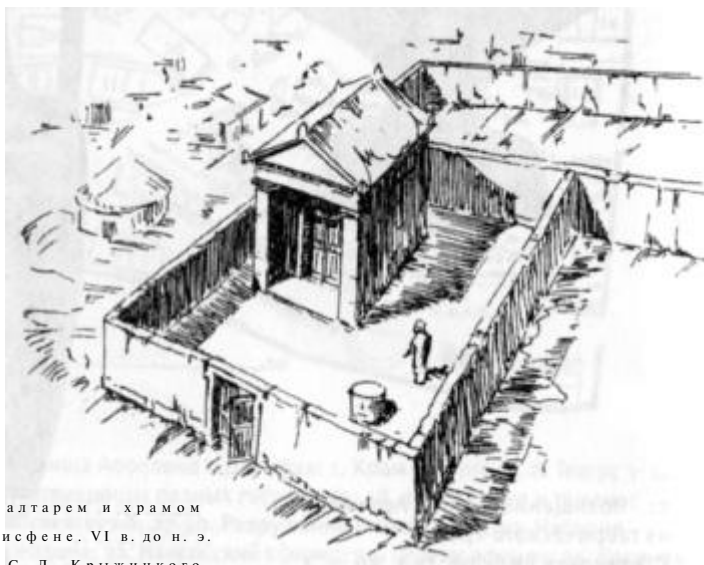
20. Ифигения около кумира Артемиды. Итальянский кратер. IV в. до н. э.

21. Похищение кумира Артемиды из таврического храма.
Итальянская амфора. IV в. до н. э.

22. Афродита в раковине.
Афинский фигурный лекиф
из Фанагории. Конец V в. до н. э.

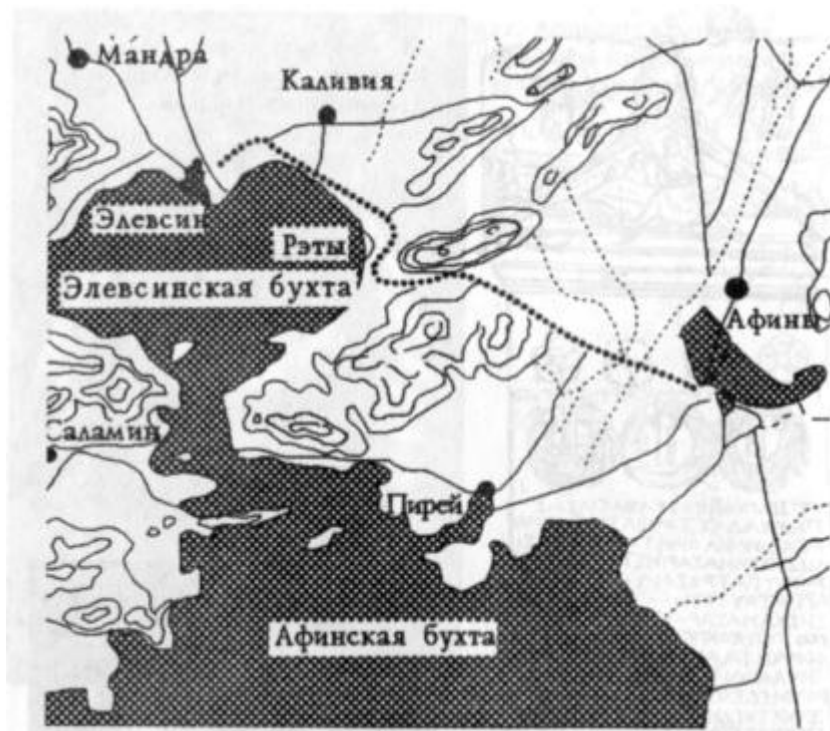
23. Теменос с алтарем и храмом
Афродиты в Борисфене. VI в. до н. э.
Реконструкция С. Д. Крыжицкого.

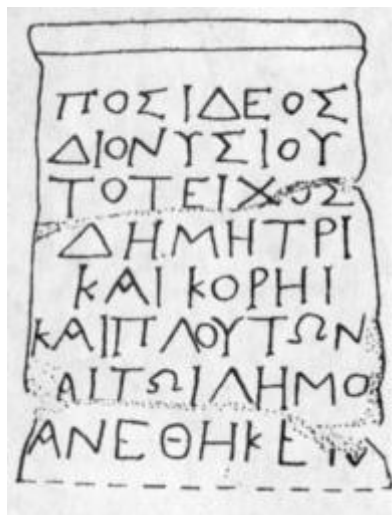
25. Афродита. Мраморная
статуэтка из Кеп. II в. до н. э.

24. Афродита Урания, летящая
на лебедь. Известняковая стела
из Пантикапея. II в. до н. э.

26. Карта Атики с пунктирным изображением пути праздничной процессии из Афин в Элевсин.

27. Ольвийская надпись с посвящением Элевсинским богам. II в. до н. э.

28. Посвящение в Элевсинские мистерии. Краснофигурная пелика из Павловского кургана близ Керчи. IV в. до н. э.

29. Сцена из драматического представления на Элевсинских мистериях. Краснофигурная пелика из Павловского кургана близ Керчи. IV в. до н. э.

30. Деметра, Триптолем и Кора.
Фрагмент краснофигурного сосуда IV в. до н. э. из Пантикапея.

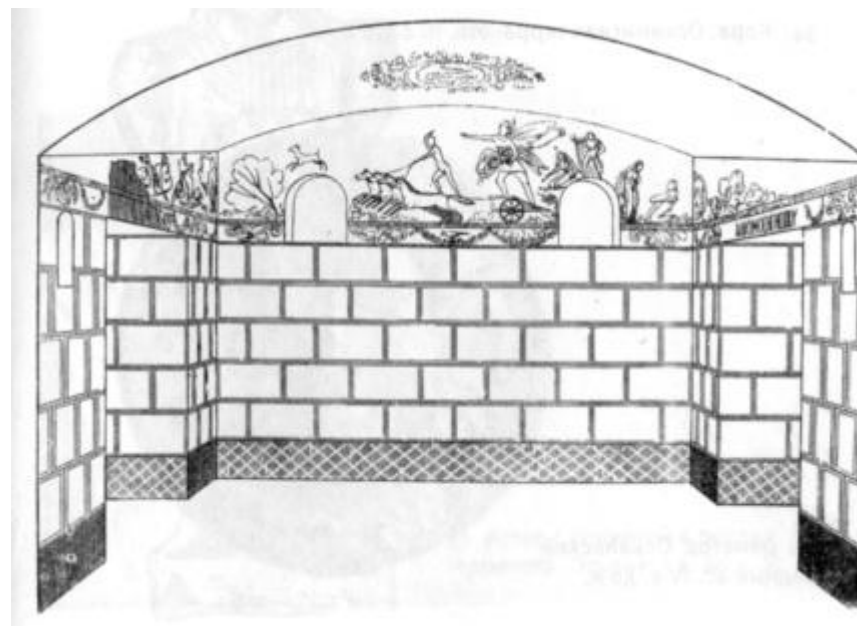
31. Посвящение в Элевсинские мистерии.
Мраморный рельеф из Пантикапея. Рубеж V-IV вв. до н. э.

32. Плутон, похищающий Кору. Роспись склепа Деметры. Пантикапей. I в. до н. э.

33. Плутон, похищающий Кору. Фреска из склепа Алкима. Пантикапей. II в. до н. э.

34. Кора. Ольвийская терракота. III в. до н. э.

35. Деметра. Ольвийский медный ас. IV в. до н. э.

36. Кибела. Мраморный рельеф. Ольвия. III в. до н. э.

37. Аттис с сирингой в руках. Терракота. Ольвия. I в. до н. э.

38. Праздник Диониса. Фрагмент краснофигурного канфара. Остров Левка. Конец VI в. до н. э.

39. Праздник Лений. Краснофигурный стамнос из Пантикапея. Середина V в. до н. э.

40. Бронзовое зеркало из Ольвии. Конец VI в. до н. э.

41. Ольвийский декрет в честь Каллиника со словами о награждении в театре на празднике Дионисии. Начало III в. до н. э. Прорисовка Ю.Г. Виноградова.

42. Херсонесский декрет в честь историка Сирика с упоминанием праздника Дионисии. Вторая половина III в. до н. э.

44. Встреча Аполлона и Диониса в Дельфийском храме. Прорисовка картины краснофигурного кратера из Пантикапея. Конец V в. до н. э.

43. Гермес, Аполлон, Дионис и Силен. Чернофигурный лекиф из Ольвии. Последняя треть VI в. до н. э.

45. Дионис. Чернофигурный киаф из Ольвии. Начало V в. до н. э.

46. Дионис с тирсом и его спутники. Краснофигурная пелика из Пантикапея. Середина IV в. до н. э.

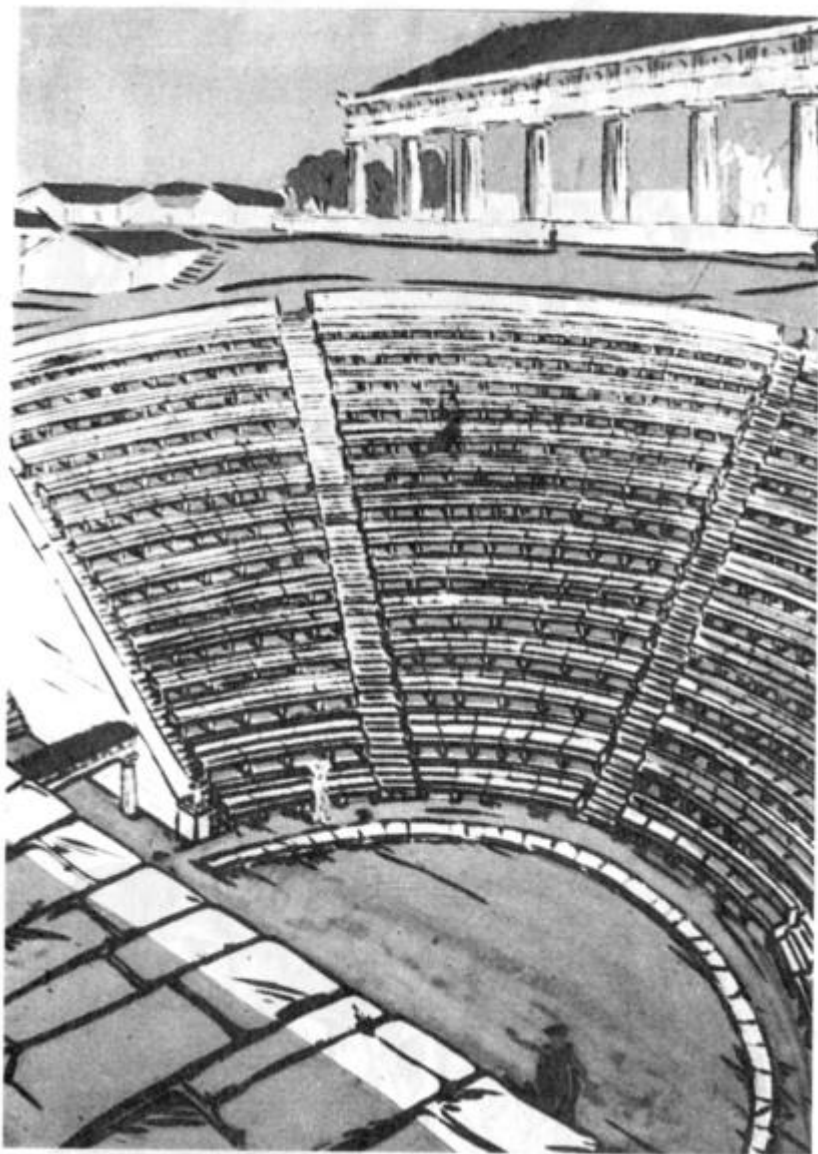

48. Терракотовая votивная маска Диониса эллинистического времени из Пантикапея.

47. Терракотовые votивные маски Диониса эллинистического времени из Пантикапея.

49. Терракотовая маска сатира эллинистического времени из Пантикапея.

50. Ольвийский театр.
Реконструкция С. Д. Крыжичкого.

51. Актер в костюме Силена.
Мраморный рельеф из
Пантикапея. IV в. до н. э.

52. Актеры в масках.
Фрагмент краснофигурного
кратера из Ольвии.
Вторая половина V в. до н. э.

53. Драматург Деметрий, авлет Проном, актеры и хористы. Краснофигурный кратер из Руво. Начало IV в. до н. э.

54. Актеры в костюмах Геракла и Паппосилена. Краснофигурный кратер из Руво. Начало IV в. до н. э.

55. Сцена из пьесы о детстве Диониса. Крышка краснофигурной леканы из Пантикапея. IV в. до н. э.

56. Терракотовая трагическая маска из Пантикапея. I в. н. э.

57. Терракотовая маска раба из Ольвии. IV в. до н. э.

58. Бегун с факлом. Панафинейский амфориск из раскопок Боспора. Начало IV в. до н. э.

59. Авлет, победитель мусического агона на Панафинейях. Чернофигурная амфора из Пантикапея. Рубеж VI-V вв. до н. э.

60. Возница и апобат на колеснице. Панафинейская амфора. Середина IV в. до н. э.

61. Кулачный бой.
Панафинейская амфора
из кургана у станицы
Елизаветинской на Кубани.
Конец V в. до н. э.

62. Колонна с петухом и призовая надпись
на панафинейской амфоре V в. до н. э.

63. Афина. Панафинейская амфора
из Ольвии. III в. до н. э.

64. Кифаред, победитель
мусического агона на Панафинеях.
Панафинейская амфора
из некрополя Елисаветовского
городища на Дону.
Последняя треть V в. до н. э.

65. Кулачный бой и сражение Афины с гигантами.
Чернофигурный кратер из Пантикапея. Середина VI в. до н. э.

66. Бегуны с факелами
у алтаря. Краснофигурная
пелика из Пантикапея.
Рубеж V-IV вв. до н. э.

67. Афина и Тесей. Краснофигурная амфора из Нимфея.
Середина V в. до н. э.

68. Спор Афины и Посейдона. Краснофигурная гидрия из Пантикапея.
Середина IV в. до н. э.

69. Олимпийские боги. Кратер из кургана Бакса близ Пантикапея.
Рубеж V-IV вв. до н. э.

70. Голова статуи Афины из Парфенона. Золотая подвеска из Пантикапея.
Первая половина IV в. до н. э.

71. Вручение подарков невесте.
Свадебный лебет из Пантикапея.
Середина IV в. до н. э.

72. Вручение подарков невесте. Свадебный
лебет из Пантикапея. Конец V в. до н. э.

73. Изображение чернофигурного
свадебного лебета в сцене свадьбы.
Свадебный лебет из Пантикапея.
Середина IV в. до н. э.

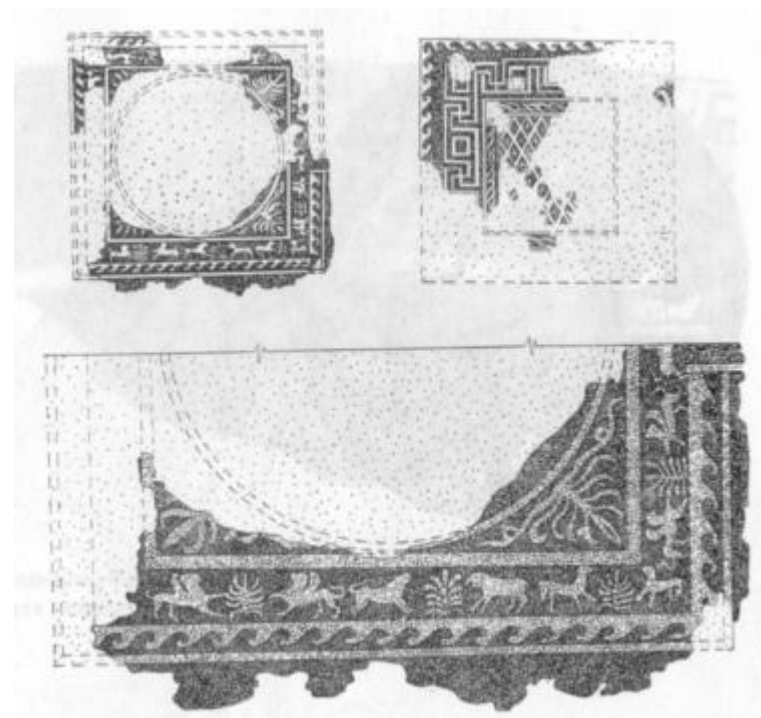
74. Невеста с подругами в первый
день свадьбы. Свадебный лебет из
Пантикапея. Середина IV в. до н. э.

75. Невеста, принимающая
подарки. Свадебный лебет из
Пантикапея. Конец V в. до н. э.

76. Похищение Европы. Краснофигурное рыбное блюдо из Нимфея. Первая четверть IV в. до н. э.

77. Рисунки мозаичных полов ольвийских андронов эллинистического времени.

78. Ольвийская мраморная стела ситонов. III в. до н. э.

79. Танец во время симпозиона.
Медальон краснофигурного
килика из Вульчи.
Первая четверть V в. до н. э.

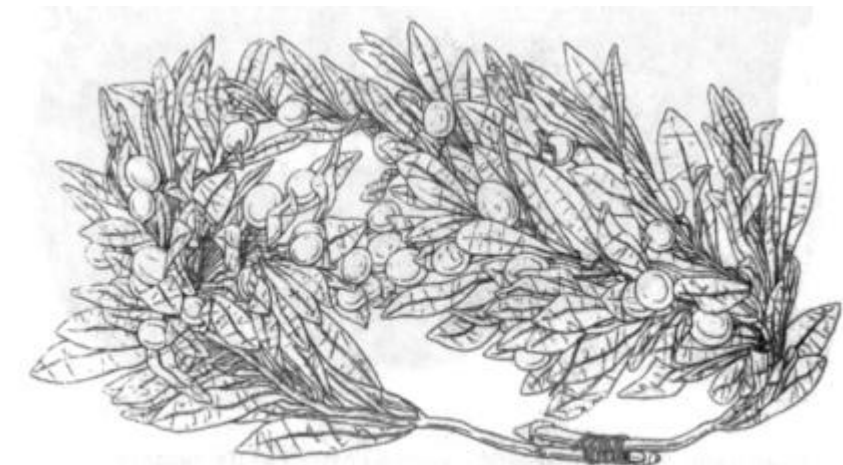
81. Симпозион. Фрагмент чернофигурного кратера из Пантикапея.
Последняя четверть VI в. до н. э.

80. Симпозион. Краснофигурный килик из Вульчи.
Первая четверть V в. до н. э.

82. Возвращение с симпозиона. Чернофигурный килик из Ольвии.
Первая четверть V в. до н. э.

83. Золотые венки из некрополя Пантикапея:
верхний из кургана Кекуватского, середина IV в. до н. э.;
нижний из погребения первой половины III в. до н. э.

84. Мраморная стела
с изображением венков,
полученных гражданином Тиры
в разных государствах.
Рубеж IV- III в. до н. э.

85. Аттическая стела с изображением наград победителя агонов на разных
праздниках. II в. до н. э.

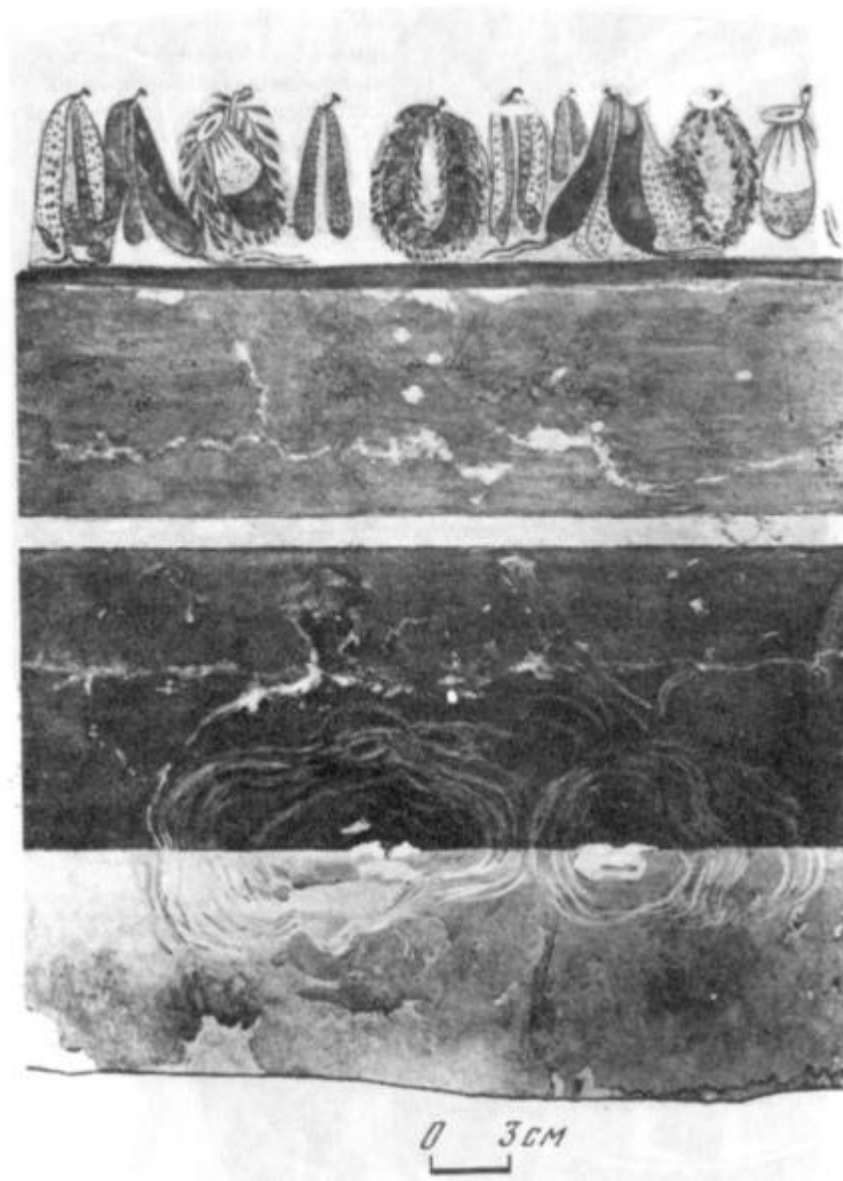

86. Олимпийский чемпион Киниск с венком победителя. Реконструкция по римской копии статуи, исполненной Поликлетом в середине V в. до н. э.

87. Состязание в беге. Прорисовка картины на панафинейской амфоре из кургана Ак-Бурун близ Пантикапея. Первая четверть IV в. до н. э.

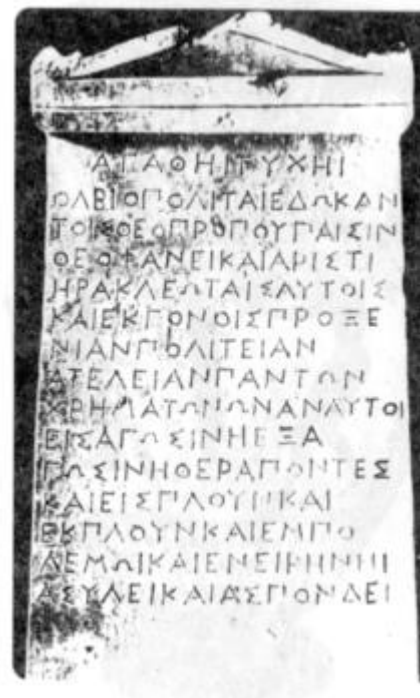
88. Венки и тени. Фреска из боспорского склепа. IV в. до н. э.

89. Жертвоприношение в честь победы на агоне с наградами в виде треножника и тени. Краснофигурный стамнос. Последняя треть V в. до н. э.

91. Состязание колесниц. Чернофигурный онос из Борисфена. Конец VI в. до н. э.

90. Стела с текстом ольвийской проксении гераклеотам Феофану и Аристе. IV в. до н. э.

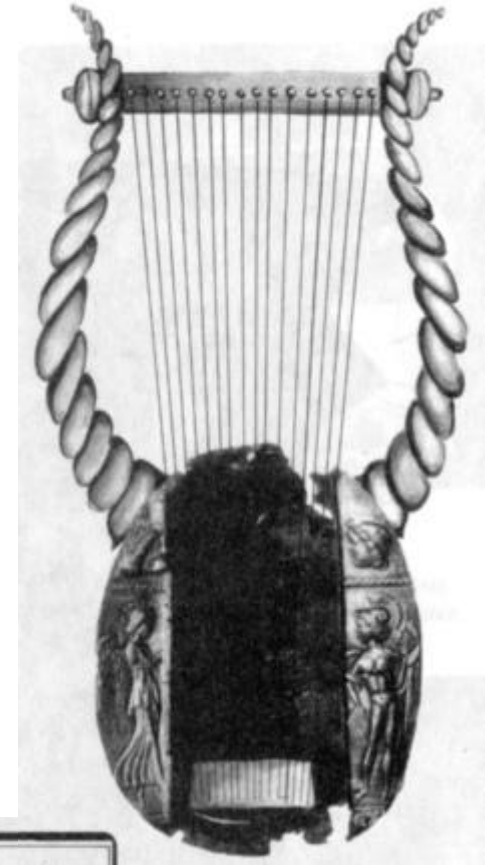

92. Амазонка в скифском костюме с горитом и скифским луком. Краснофигурный алабастр. Конец VI в. до н. э.

93. Дискобол и прыгун
с гальтерами.
Чернофигурная амфора.
Вторая половина VI в. до н. э.

95. Бронзовый резонатор лиры
в виде панциря черепахи
с реконструированными стойками
и струнами. Пантикапей. II в. н. э.

94. Исполнение стихов под
аккомпанемент барбитона.
Краснофигурный лекиф из
Ольвии. Первая треть V в. до н. э.

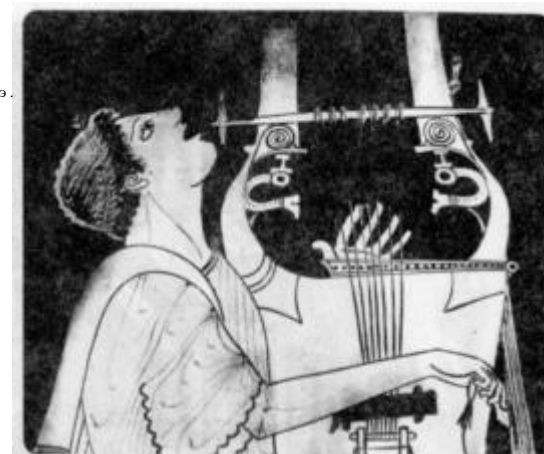

96. Праздничное шествие
женщин с кифарами.
Рисунок на фрагменте
клазоменского кратера
из Борисфена.
Первая треть VI в. до н. э.

97. Поэты Сафо и Алкей. Краснофигурный кратер из Агригента. Первая треть V в. до н. э.

98. Певец с кифарой. Краснофигурная амфора из Нолы. Начало V в. до н. э.

99. Оттиск ольвийской серебряной монеты с изображением кифары и Аполлона в венке. Начало II в. до н. э.

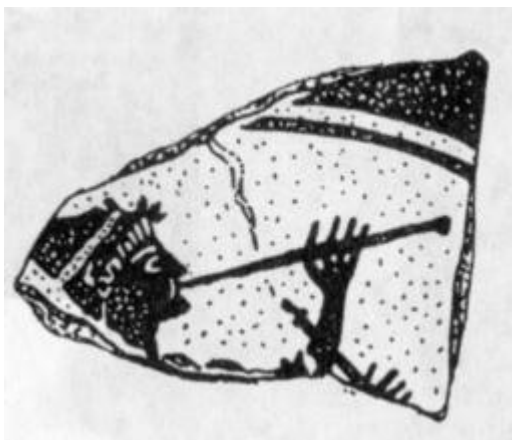

100. Аполлон с кифарой Артемида и Лето. Чернофигурная ольпа из Ольвии. Конец VI в. до н. э.

101. Авлет и Ника, символизирующая его победу на агоне.
Фрагмент краснофигурной педики из Ольвии. Середина V в. до н. э.

102. Авлет, играющий на одной трубке аулоса. Фрагмент медальона
краснофигурного килика из Ольвии. Середина V в. до н. э.

103. Пан, играющий на сиринге. Серебряный браслет из Ольвии. III в. до н. э.

104. Гетера с кроталами, танцующая под аккомпанемент аулоса.
Медальон краснофигурного килика из Вульчи. Начало V в. до н. э.

105. Танец с кроталами. Золотая бляшка из кургана Куль-Оба.
IV в. до н. э.

106. Юноша, поющий под аккомпанемент аулоса.
Фрагмент краснофигурной пелики из Ольвии. V в. до н. э.

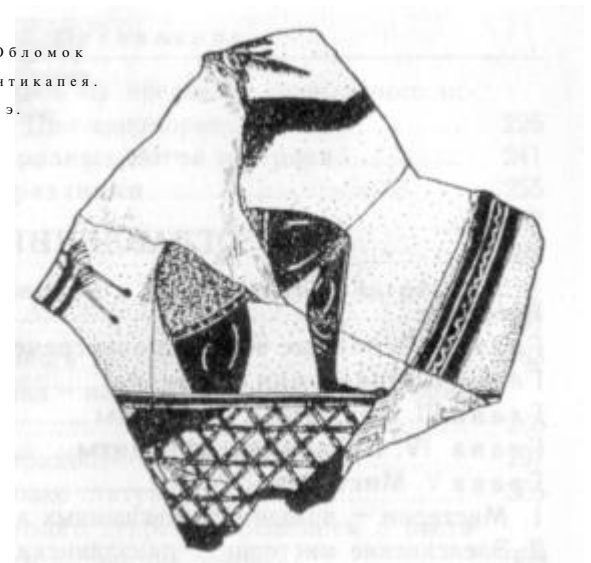

107. Юноша, танцующий пиррихий.
Краснофигурный кратер из скифского кургана. V в. до н. э.

108. Шествие к жертвеннику. Краснофигурная ойнохоя из Пантикапея. Середина IV в. до н. э.

110. Танец виноградаря. Обломок клазоменской вазы из Пантикапея. Третья четверть VI в. до н. э.

109. Менады, танцующие у статуи и алтаря Диониса. Краснофигурный килик из Вульчи. Вторая четверть V в. до н. э.

111. Хоровод танцующих девушек. Килик из Пантикапея. V в. до н. э.

Оглавление

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава I. Основные черты древнегреческих праздников	9
Глава II. Праздники Аполлона	37
Глава III. Праздники Артемиды	59
Глава IV. Праздники Афродиты	75
Глава V. Мистерии	93
1. Мистерии - праздник посвященных в таинства.....	95
2. Элевсинские мистерии - панэллинский праздник.....	99
3. Участие жителей Северного Причерноморья в Элевсинских таинствах.....	109
4. Праздники на Боспоре и в Ольвии по образцу Элевсинских мистерий.....	130
Глава XIII. Музыка, пение и танцы во время празднеств	132
1. Музыкальные инструменты и их изображения на предметах прикладного искусства из Северного Причерноморья.....	136
Глава VI. Дионисийские праздники	151
1. Афинские праздники Диониса.....	155
2. Праздники Диониса в городах Северного Причерноморья.....	162
Глава XIV. Праздники, календарь и определение времени	179
Глава VII. Праздники в театре	179
1. Древнегреческие театры.....	181
2. Театральные представления в Афинах.....	184
3. Театр в эпоху эллинизма.....	190
4. Театры в городах Северного Причерноморья.....	193
5. Изображения актеров и театральных масок на предметах искусства из Северного Причерноморья.....	200
Глава VIII. Праздники Афины	209
1. Праздники Афины в городах Северного Причерноморья.....	211
2. Празднование Великих Панафиней и участие в них жителей Северного Причерноморья.....	215

3. Иллюстрации Панафиней на предметах прикладного искусства из Северного Причерноморья.....	226
Глава IX. Праздники разных богов и героев	241
Глава X. Домашние праздники	255
1. Свадьба.....	257
2. Симпосион.....	268
Глава XI. Венчание венком и объявления о наградах на праздниках	281
1. Венок - символ античного праздника.....	283
2. Вручение золотого венка - награда за гражданские и воинские доблести.....	286
3. Призы за победы на праздничных агонах.....	297
4. Объявление о постановке статуи.....	305
5. Провозглашение почетного декрета с решением о постановке каменной стелы с текстом декрета.....	309
6. Дарование права проэдрии.....	312
7. Похвала и праздничное угощение.....	312
Глава XII. Спортивные и музыкальные агоны	315
2. Музыканты, певцы и танцоры.....	357
3. Роль музыки, пения и танцев во время празднеств в честь разных божеств.....	364
Заключение	390
Список сокращений	398